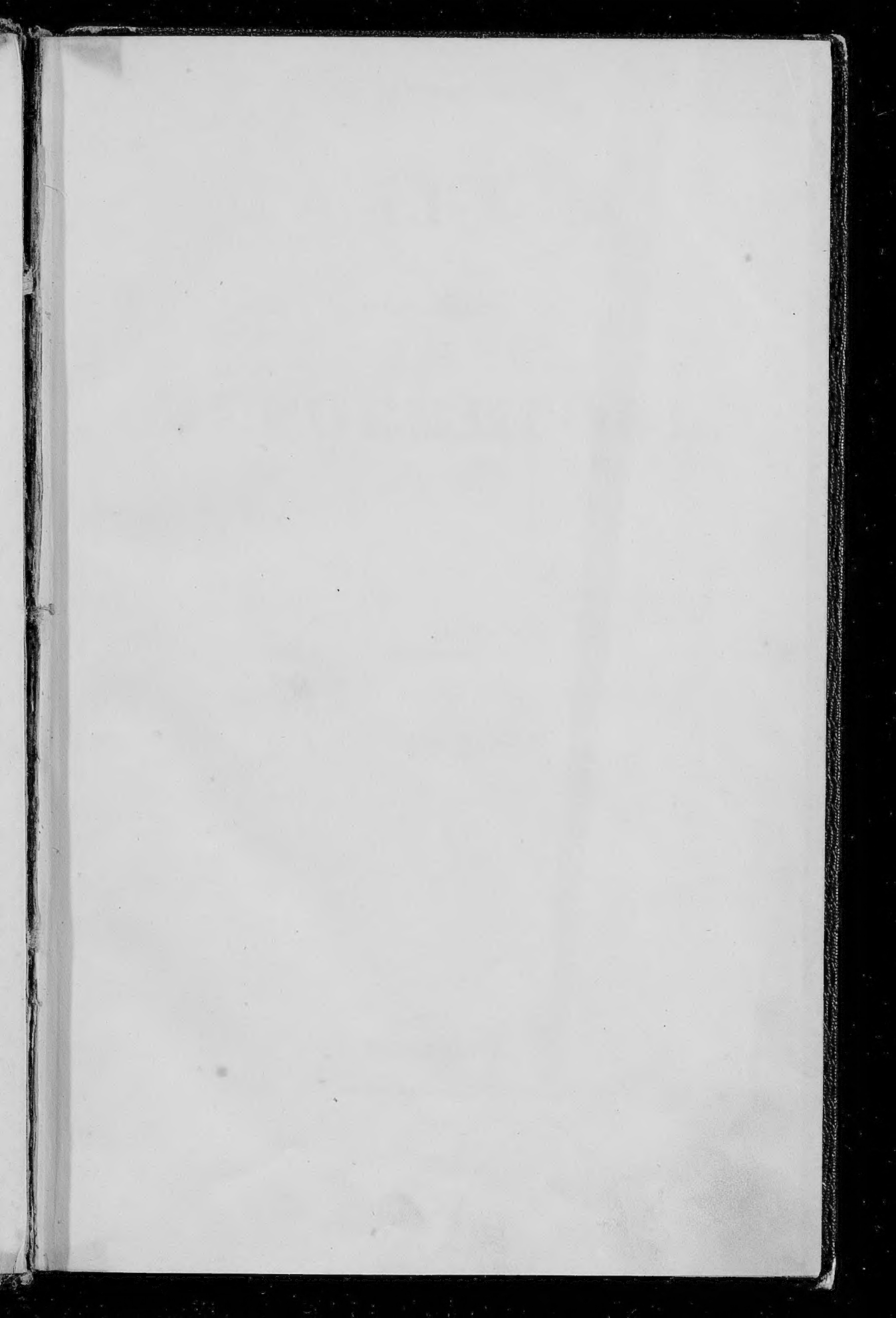
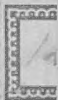

1233

РАЗСКАЗЫ

О ВРЕМЕНАХЪ

МЕРОВИНГОВЪ.

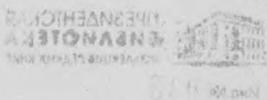
Сочинение

ОГЮСТЕНА ТЬЕРРИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи книжнаго магазина П. Крашенинникова и К^о.

1848.

РАЗСЯЗЫ

О ВРЕМЕНИ

МЕРОВИТОВЪ.
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, января 31 дня 1848 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

Сочиненіе

ОТЪОСТЕНА ТЪРЪРН.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПЕЧАТНІИ КОМИТЕТА ПО ДѢЛАМЪ ЦЕНСУРЫ.

1848

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ

Инд. № 418

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.	
Четыре сына Клотера.—Нравъ ихъ и браки.—Исторія Галесвинты	1
РАЗСКАЗЪ ВТОРЫЙ.	
Послѣдствія убійства Галесвинты. — Междоусобіе. — Смерть Сигберта.	19
РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.	
Исторія Меровига, втораго сына короля Гильперика	44
РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.	
Исторія Претекстата, епископа руанскаго	72
РАЗСКАЗЪ ПЯТЫЙ.	
Исторія Левдаста, турскаго графа. — Стихотворецъ Венанцій Фортунатъ. — Монастырь Радегонды въ Пуатье	98
РАЗСКАЗЪ ШЕСТОЙ.	
Гильперикъ богословъ. — Еврей Прискъ. — Продолженіе и конецъ исторіи Левдаста.	142
РАЗСКАЗЪ СЕДЬМОЙ.	
Возмущеніе лиможскихъ гражданъ. — Новальная болѣзнь. — Материнское отчаяніе Фредегонды. — Исторія Клодовига, третьяго сына короля Гильперика	164

РАЗСКАЗЫ

О ВРЕМЕНАХЪ МЕРОВИНГОВЪ.

РАЗКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

ЧЕТЫРЕ СЫНА КЛОТЕРА I-ГО. — ПРАВЪ ИХЪ И БРАКИ. — ИСТОРИЯ
ГАЛЕСВИНТЫ.

(561—568.)

Въ нѣсколькихъ лѣтъ отъ Суассона, на берегахъ небольшой рѣки, лежить деревня Бренъ. Въ VI вѣкѣ она была одною изъ тѣхъ огромныхъ фермъ, въ которыхъ короли франкскіе держали свой дворъ, предпочитая ихъ лучшимъ городамъ Галліи. Королевское жилище не представляло воинственнаго вида замковъ среднихъ вѣковъ: то было обширное строеніе, окруженное портиками римской архитектуры, иногда деревянное, тщательно выстроганное и украшенное довольно щеголеватою рѣзбою⁽¹⁾. Вокругъ главнаго зданія располагались въ порядкѣ жилища дворцовыхъ чиновъ, или изъ варваровъ, или римскаго происхожденія, и тѣхъ начальниковъ дружинъ, которые, по германскому обычаю, вступили съ своими воинами въ службу короля на особыхъ условіяхъ подчиненности и вѣрности⁽²⁾. Другіе дома, меньшаго размѣра, заняты были большимъ числомъ семействъ, въ которыхъ мужчины и женщины занимались всякаго рода ремеслами, отъ мастерства золотыхъ дѣлъ и выдѣлки оружія до тканья и кожевеннаго дѣла, отъ вышиванія шелкомъ и золотомъ до самаго грубаго пряденія льна и шерсти.

Семейства эти большею частію происходили отъ Галловъ, родившихся или на томъ участкѣ, который присужденъ былъ королемъ себѣ на

(1) Venantii Fortunati carmen., т. 1, стр. 326, изданіе Luchi.

(2) См. pactum legis Salicae, apud. script. rer. gallic. et franc., т. IV, стр. 159; а также, Marculf. Form., стр. 475.

долю при дѣлѣхъ завоеванія, или насильно переведенныхъ съ женами и дѣтьми изъ какого-либо сосѣдняго города, для заселенія королевскаго помѣстья. Однако, судя по собственнымъ именамъ, въ числѣ этихъ семействъ были также Германцы и другіе варвары, которыхъ предки пришли въ Галлію вслѣдъ за побѣдоносными дружинами, въ качествѣ работниковъ или слугъ. Впрочемъ, эти семейства, безъ различія ремесла или происхожденія, всѣ считались въ одномъ разрядѣ и носили одно имя *литовъ*, на языкѣ германскомъ, и *фискальныхъ*, т. е. приписанныхъ къ фиску или казнѣ, на языкѣ латинскомъ ⁽¹⁾. Сельскія хозяйственныя строенія, конскіе заводы, хлѣвы, овчарни и житницы, лачуги земледѣльцевъ и избы помѣстныхъ рабовъ дополняли королевскую усадьбу, совершенно подобную, хотя въ большемъ размѣрѣ, волостямъ древней Германіи. Самое положеніе этихъ королевскихъ мѣстопробываній нѣсколько напоминало за-рейнскіе виды: усадьбы эти большею частью были расположены по опушкѣ, а иногда и въ самой срединѣ обширныхъ лѣсовъ, въ-послѣдствіи истребленныхъ, но остаткамъ которыхъ дивимся мы еще и понынѣ.

Брени была любимымъ мѣстопробываніемъ послѣдняго изъ сыновей Клодовига, Клотера, даже и тогда, когда смерть троихъ его братьевъ доставила ему королевскую власть на всемъ протяженіи Галліи. Тамъ собиралъ онъ, въ потаенной комнатѣ, огромные сундуки за тройными замками, въ которыхъ хранились сокровища его: золотая монета, сосуды и драгоценности; тамъ совершалъ онъ важнѣйшія свои государственныя дѣла: созывалъ соборы епископовъ галльскихъ городовъ, принималъ чужестранныхъ пословъ и предсѣдательствовалъ на большихъ собраніяхъ франккаго народа, за которыми слѣдовали пиры по образцу сохранившихся въ преданіяхъ тевтонскаго племени, пиры, на которыхъ зажаренные кабаны и дикія козы цѣликомъ подавались на столъ, а по четыремъ угламъ комнаты стояли откупоренныя бочки ⁽²⁾. Пока война съ Саксами, Бретонами или септиманійскими Готами не отзывала Клотера вдаль, онъ катался изъ одного помѣстья въ другое, перетазжалъ изъ Брени въ Атиньи, изъ Атиньи въ Компьень, изъ Компьена въ Вербери, уничтожая по-очередно запасы, заготовленные въ каждомъ изъ королевскихъ помѣстьевъ, потѣшаясь съ своими франкскими *людьми*, *leudes* ⁽³⁾ охотою, рыбною ловлей или купаньемъ, и вербуя

⁽¹⁾ Литъ, *lite*, *lide*, *lete*, *late*, на разныхъ нарѣчіяхъ древне-германскаго языка означало человѣка низкаго или послѣдняго званія, хлѣбопашца, крѣпостнаго. Люди эти, вѣроятно, были потомки покоренныхъ племенъ; по-англійски *little*, малый, *lesser*, меньшій, *last*, послѣдній; по-нѣмецки *letzte* послѣдній. — *Фискъ*, съ латинскаго *fiscus*, означало во времена римской имперіи государственную казну. См. *Recueil des historiens de la France et des Gaules*, т. IV, и *Considérations sur l'histoire de France*, гл. V.

⁽²⁾ Vita S. Vedasti, apud script. rer. gallic. et franc., т. III, стр. 573.

⁽³⁾ *Leude*, *leute*, *liude*, собственно означало на древнихъ германскихъ нарѣчіяхъ *людей*, *народъ*; иногда имя это придавалось членамъ королевской дружины. — Здѣсь употреблено слово: *люди*, въ ед. *людинъ*, основываясь на авторитетѣ Карамзина; см. *Ист. Госуд. Росс.*, т. II, стр. 67 (изд. Эйверлинга). (Прим. пер.)

многочисленныхъ любовницъ между дочерями *фискальскихъ* семействъ. Черѣдо эти женщины изъ ряда наложницъ переходили, безъ малѣйшаго затрудненія, въ званіе его супругъ и королевъ.

Такимъ-образомъ, Клотерь, котораго браки трудно распредѣлить и перечислить, женился на Ингондѣ, дѣвушкѣ самаго низкаго рода. Впрочемъ, онъ не покинулъ своихъ распутныхъ привычекъ, которыя она, какъ жена и рабыня, переносила съ величайшею покорностію. Онъ очень любилъ ее и жилъ съ нею въ совершенномъ согласіи; однажды она ему сказала: «Король, господинъ мой, сдѣлалъ изъ рабыни «все, что ему было угодно и призвалъ меня раздѣлять съ нимъ ложе; «онъ доверилъ бы эти великія милости, еслибы пеносилъ ея просьбу. Въ числѣ слугъ твоихъ у меня есть сестра, по имени Арегонда; «дай ей, прони тебя, мужа храбраго и богатаго, дабы не терпѣла я за нее посрамленія». Просьба эта, подстрекнувъ любопытство короля, возбудила его сластолюбивыя вожделѣнія; онъ въ тотъ же день отправился въ помѣстье, гдѣ жила Арегонда, занимаясь изготовленіемъ и краплениемъ тканей, ремеслами, предоставленными въ то время женщинамъ. Клотерь, найдя, что она по-крайней-мѣрѣ такъ же красива, какъ и сестра ея, взялъ ее съ собою, водворилъ въ королевскихъ покояхъ и возвелъ въ санъ своей супруги. Черезъ нѣсколько дней, онъ пришелъ къ Ингондѣ, и сказалъ ей съ лукаво-добродушнымъ видомъ, равно свойственнымъ его собственному и вообще германскому характеру: «Я не забылъ о милости, которую ты такъ откровенно у «меня просила: некаждъ для сестры твоей мужа богатаго и разумаго, «но лучше себя никого не нашелъ. Узнай же, что я сдѣлалъ ее своею «супругой; я думаю, тебѣ это не будетъ противно.»—Да исполнится воля государя моего, какъ будетъ ему угодно, отвѣчала Ингонда, нисколько не смутясь и отнюдь не выходя изъ своей покорности и супружескаго смиренія:—лишь бы меня, рабыни своей, не лишилъ онъ милости (1).

Въ 561 году, послѣ похода на одного изъ своихъ сыновей, котораго, въ наказаніе за возмущеніе, Клотерь приказалъ сжечь съ дѣтьми и женою, возвратился онъ въ свои брентскія хоромы, спокойный духомъ и совѣстью. Онъ занялся тутъ приготовленіями къ большой осенней охотѣ, бывшей у Франковъ особеннымъ торжествомъ. Съ толпою людей, лошадей и собакъ, король отправился въ Кюпзскіе лѣса, отъ которыхъ Компьенскій лѣсъ, въ нынѣшнемъ его видѣ, составляетъ послѣдній, ничтожный остатокъ. Тамъ, среди этихъ тяжелыхъ упражненій, несвойственныхъ его лѣтамъ, онъ заболѣлъ лихорадкой, приказалъ перенести себя въ ближайшее свое помѣстье и умеръ тамъ послѣ пятидесятилѣтняго царствованія (2). Четыре сына его, Гарибертъ, Гонтранъ, Гильмерикъ и Сигбертъ, проводили отцовскій гробъ въ Суассонъ, пѣли псалмы и несли восковые факелы.

Едва погребеніе было совершено, какъ третій изъ четырехъ

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., lib. IV, apud. script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 205.

(2) Ibid. стр. 214.

братьевъ, Гильперикъ, посѣщилъ въ Бренъ и заставилъ стражей королевскаго помѣстья выдать себѣ ключи отъ сокровищъ. Овладевъ богатствами, собранными отцомъ его, онъ началъ съ того, что роздалъ часть ихъ предводителямъ дружинъ и воинамъ, жившимъ въ Брени и ея окрестностяхъ. Они клялись ему въ вѣрности ⁽¹⁾, пожимая его руки, провозгласили его *конингомъ* и обѣщали слѣдовать за нимъ всюду, куда бы онъ ни повелъ ихъ ⁽²⁾. Тогда, предводительствуя ими, онъ пошелъ прямо на Парижъ, старинное мѣстопробываніе Клодовига I-го, а въ послѣдствіи столицу королевства старшаго сына его, Гильдеберта.

Можетъ-быть, съ обладаніемъ города, бывшаго нѣкогда мѣстопробываніемъ завоевателя Галліи, Гильперикъ соединялъ мысль о первенствѣ; можетъ-быть, онъ имѣлъ въ виду только присвоеніе императорскаго дворца, занимавшаго строеніями и садами своими обширное пространство на лѣвомъ берегу Сены ⁽³⁾. Предположеніе это весьма-правдоподобно, потому-что честолюбивые замыслы франкскихъ королей не простирались далѣе личнаго и немедленнаго стяжанія. — Впрочемъ, Гильперикъ, все еще сохраняя рѣзкій отпечатокъ германскаго варварства, необузданныя страсти и безжалостную душу, отчасти полюбилъ уже и римскую образованность: охотно строился, потѣшался зрѣлищами въ деревянныхъ циркахъ, и въ довершеніе всего имѣлъ притязаніе быть грамотѣемъ, богословомъ и стихотворцемъ. Его латинскія вирши, рѣдко подчинявшіеся правиламъ метра и просодіи, находили восторженныхъ поклонниковъ между благородными Галлами, которые рукоплескали имъ съ трепетомъ, восклицая, что знаменитый сынъ Сикамбровъ превзошелъ изяществомъ языка сыновъ Ромула, и что рѣка Вагалъ послужитъ образцомъ самому Тибру ⁽⁴⁾.

Гильперикъ вступилъ въ Парижъ безъ всякаго сопротивленія и размѣстилъ своихъ воиновъ въ башняхъ, запертыхъ мосты этого города, въ то время окруженнаго Сеной. — По прочіе три брата, узнавъ о такомъ внезапномъ нападеніи, соединились противъ того, который са-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., lib. IV, apud. script. rer. gallic. et franc. т. II, стр. 203.

⁽²⁾ Верховный вожь и судія древнихъ Франковъ, избиравшійся въ одномъ и томъ же родѣ, назывался *конингомъ*. Слово это имѣетъ одинаковое значеніе съ словомъ *heri-zoghe*, воевода, которое показывало только высшую степень власти. На языкъ завоевателей сѣверной части Галліи, *король* назывался *конингомъ*; это слово сохранилось безъ измѣненія въ голландскомъ языкѣ. Впрочемъ, значеніе слова *конингъ* или *кинингъ* гораздо обширнѣе нынѣшняго значенія слова король. Альфредъ, въ посланіяхъ своихъ къ диктатору Цесарю, генералу Бруту и консулу Октавію, называетъ всѣхъ ихъ безъ различія *конингами*; въ переводахъ съ латинскаго языка Евангелія, вмѣсто слова rex, царю Проду даютъ попеременно титулы *конинга* и *геру-цого*. См. *Lettres sur l'histoire de la France*, соч. Тьерри, письмо IX.

⁽³⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., apud. script. rer. gallic. et franc., томъ II, стр. 214.

⁽⁴⁾ Venantii Fortunati carmin., lib. IX, стр. 560 и 580. — Greg. Turon., Hist. Franc., apud. script rerum gal. et franc., т. II, стр. 291. — *Вагалъ* — мѣстное названіе верхней части рѣки Мааса (Tacit. Ann. liv. II, § VI.

(Прим. пер.)

мовольно хотѣлъ захватить долю отцовскаго наслѣдія, и быстрыми переходами пошелъ на Парижъ съ большими силами ⁽¹⁾. Гильперикъ не дерзнулъ противостать имъ и, отказавшись отъ своего предпріятія, подчинился условіямъ полюбовнаго раздѣла. Этотъ раздѣлъ всей Галліи и значительной части Германіи совершенъ былъ по жребію, подобно тому, какъ полѣвка назадъ подѣлилась между собой сыновья Клодовига. Составлено было четыре доли, соответствовавшія, съ небольшими измѣненіями, четыремъ участкамъ, носившимъ наименованія королевства Парижскаго, королевства Орлеанскаго, Нейстріи и Австразіи.

На долю Гариберта выпалъ участокъ дяди его Гильдеберта, то-есть королевство, названное по имени города Парижа; оно простиралось полосой отъ сѣвера къ югу и заключало въ себя Санли, Мелѣнь, Шартръ, Туръ, Пуатье, Сентъ, Бордо и города ниренейскіе. Гонтранъ получилъ, съ Орлеанскимъ Королевствомъ, удѣломъ дяди своего Клодомира, всю землю Бургундовъ, отъ Соны и Вогезскихъ Горъ до Альповъ и Прованскаго Моря. Долю Гильперика составило владѣніе отца его—королевство Суассонское, которое Франки называли *Неостеръ-рикъ* (*Neoster-rike*) или западнымъ королевствомъ, граничившее къ сѣверу Шельдою, къ югу теченіемъ Луары. Наконецъ, восточное королевство, или *Остеръ-рикъ* (*Oster-rik*) досталось на долю Сигберта, соединившаго такимъ-образомъ въ своемъ участкѣ Овернь, весь сѣверо-западъ Галліи и Германіи, до рубежей Саксовъ и Славянъ ⁽²⁾. Впрочемъ, города, кажется, считались отдѣльно, и только число ихъ послужило основаніемъ въ составленіи этихъ четырехъ участковъ, потому-что независимо отъ странности подобнаго поземельнаго раздѣла, встрѣчается много черезполосныхъ владѣній, образованіе которыхъ невозможно объяснить иначе. Такимъ-образомъ, Руанъ и Нантъ причислены къ гильперикову королевству, Авраншъ къ королевству Гариберта, владѣвшаго Марселемъ; Арль принадлежалъ Гонтрану, а Авиньонъ Сигберту. Наконецъ, Суассонъ, столица Нейстріи, былъ какъ-бы окруженъ четырьмя городами, Санли и Мо, Ланомъ и Реймсомъ, принадлежавшими двумъ королевствамъ, Парижскому и Австразійскому.

Когда жребіи опредѣлили каждому особую часть городовъ и помѣстій, братья, присягнувъ на мощахъ святыхъ угодниковъ, обѣщали довольствоваться своею долей и не захватывать лишнего ни силою, ни хитростью. Клятва эта скоро была нарушена: Гильперикъ, воспользовавшись отсутствіемъ брата своего, Сигберта, воевавшаго въ Германіи, напалъ врасплохъ на Реймсъ и овладѣлъ какъ имъ, такъ и многими другими соседними городами. Но онъ не долго пользовался этимъ завоеваніемъ: Сигбертъ, возвратясь побѣдителемъ изъ-за Рейна, отнялъ одинъ за другимъ свои города и, преслѣдуя брата до самыхъ стѣнъ Суассона, разбилъ его и возвратился въ столицу Нейстріи. —Имѣя общій характеръ варваровъ, у которыхъ горячность пылка, но не продолжительна, братья примирились и снова поклялись не пред-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., apud script. rerum gal. et franc., т. II, стр. 214.

⁽²⁾ Ibid. стр. 214.

принимать ничего другъ противъ друга. Оба они были буйны, заносчивы и метительны;—напротивъ того, Гарибертъ и Гонтранъ, будучи старше и не такъ пылки, любили миръ и спокойствіе. Въмѣсто грубой и воинственной осанки своихъ предковъ, Гарибертъ любилъ принимать спокойный и нѣсколько мѣшковатый видъ властей, которыя въ галльскихъ городахъ творили судъ по римскимъ законамъ.—Онъ даже имѣлъ притязаніе слыть знатокомъ въ законовѣдѣніи, и никакая лѣсть не была ему такъ пріятна, какъ похвала его судейской ловкости въ разборѣ запутанныхъ дѣлъ, или искусству, съ какимъ онъ, Германецъ по языку и происхожденію, изъяснялся и спорилъ по-латини ⁽¹⁾. Въ характерѣ короля Гонтрана, обыкновенно кроткое и почти патриархальное обращеніе, по странной противоположности, соединялось съ порывами внезапной ярости, достойной лѣсовъ Германіи. Однажды, за потерянный имъ охотничій рогъ, онъ предалъ пыткѣ многихъ свободныхъ людей; въ другой разъ велѣлъ умертвить благороднаго Франка по подозрѣнію въ убійствѣ буйвола въ королевскомъ помѣстьѣ.—Въ минуты хладнокровія, онъ выказывалъ нѣкоторое чувство порядка и законности, особенно выразившееся въ его религіозномъ усердіи и покорности епископамъ, которые въ тѣ времена были живымъ образцомъ благочинія.

Напротивъ того, король Гильнерикъ, родъ полудикаго вольнодумца, подчинился только своей прихоти, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось церковныхъ догматовъ и католической вѣры.—Власть духовенства была для него нестерпима, и онъ находилъ особенное наслажденіе уничтожать завѣщанія, составленныя въ пользу монастыря или церкви.—Нравы и поведеніе епископовъ были главнымъ предметомъ его застольныхъ остротъ и шутокъ; одного онъ честилъ безмыслимъ, другаго безтыдникомъ, того болтуномъ, а этого сластолюбомъ. Возрастанію несметныхъ богатствъ, которыми обладала церковь, вліянію въ городахъ епископовъ, воспользовавшихся, со времени владычества варваровъ, большею частію правъ прежняго муниципальнаго управленія,—всему завидовалъ Гильнерикъ, не находя средствъ присвоить ихъ себѣ. Вырывавшіяся у него жалобы были не безъ основанія; онъ говаривалъ часто: «Наша казна бѣднѣетъ, до-стояніе наше отходить на церкви! Истинно царствуютъ въ городахъ одни епископы ⁽²⁾».

Всѣ вообще сыновья Клотера I-го, кромѣ Сигберта, самаго младшаго, были въ высшей степени невоздержны: они почти никогда не довольствовались одной женою, покидали супруговъ своихъ безъ всякаго сожалѣнія тотчасъ послѣ брака, и потомъ снова возвращали ихъ къ себѣ, по минутной прихоти. Благочестивый Гонтранъ мѣнялъ женъ своихъ почти такъ же часто, какъ и оба другіе брата, и подобно имъ тоже держалъ наложницъ, изъ которыхъ одна, по имени Венеранда, была дочь Галла, приписаннаго къ фиску.—Король Гарибертъ разомъ взялъ себѣ въ любовницы двухъ сестеръ, великихъ красавицъ, бывшихъ въ числѣ

(1) Venant. Fortun. carm., стр. 560.

(2) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 219.

прислужницъ супруги его, Ингоберги; одна изъ нихъ называлась Марковефа и была въ монашествѣ; другая звалась Мерофледой; обѣ онѣ были дочери ремесленника, занимавшагося выдѣлкою шерсти, родомъ варвара, и притомъ *мита* королевскаго помѣстья (1).

Ингоберга, ревнуя своего мужа къ этимъ двумъ женщинамъ, употребляла всевозможныя старанія отстранить его отъ нихъ, но не успѣла. Не смѣя однако ни оскорбить своихъ соперницъ, ни прогнать ихъ, Ингоберга придумала хитрость, посредствомъ которой надѣялась отвратить короля отъ недостойной связи. Она призвала отца этихъ молодыхъ дѣвушекъ и заставила его на дворцовомъ дворѣ расчесывать шерсть. Когда онъ работалъ, трудясь изо всехъ силъ, чтобы выказать свое усердіе, королева, стоявшая у окна, призвала мужа: «Поди сюда» сказала она: «посмотри, какая тутъ новость». Король подошелъ, взглянулъ во все глаза и, не видя ничего, кромѣ чесальника шерсти, напелъ, что шутка никуда не годится, и разсердился (2). За тѣмъ произошло горячее объясненіе между супругами и произвело дѣйствіе, совершенно противное тому, чего ожидала Ингоберга: она была отвергнута, а король женился на Мерофледѣ.

Вскорѣ, найдя, что одной законной жены ему не довольно, Гарибертъ торжественно возвелъ въ санъ супруги и королевы бѣдную дѣвушку, по имени Теодегильду, дочь настуха. Спустя нѣсколько лѣтъ, Мерофледа скончалась и король поспѣшилъ вступить въ бракъ съ сестрою ея, Марковефой. Этимъ онъ впалъ, по церковнымъ законамъ, въ двойное святотатство, какъ двоеженецъ, и какъ супругъ женщины, принявшей монашество. Рѣшительно отказавшись отъ требованія парижскаго епископа, святаго Жермена, расторгнуть второй бракъ, онъ былъ отлученъ отъ церкви. Но тогда не настало еще время, когда дикая гордость наслѣдниковъ завоеванія склонялась предъ строгостью церкви: Гарибертъ не устранился такого приговора и оставилъ при себѣ обѣихъ женъ своихъ (3).

Изъ всехъ сыновей Клотера, современные рассказы приписываютъ Гильперіку наибольшее число королевъ, то-есть, женъ, сочетавшихся съ нимъ по франкскому закону, кольцомъ и динаріемъ. У одной изъ такихъ королевъ, по имени Авдоверы, была въ услуженіи молодая дѣвушка, франкскаго происхожденія, по имени Фредегонда, одаренная такою примѣчательною красотою, что король полюбилъ ее съ перваго взгляда. Эта любовь, столь лестная для служанки, ставила ее однако въ опасное положеніе, потому-что подвергала ревности и мщенію господа. Но Фредегонда этого не страшилась; будучи столько же хитра, какъ и честолюбива, она задумала, не подвергая себя опасности, подвести законныя причины для разлученія короля съ Авдоверой. Если вѣрить преданію, ходившему сто лѣтъ спустя, она въ томъ успѣла, благодаря потворству епископа и простотѣ королевы. Гильперикъ, соединясь съ братомъ своимъ, Сигбертомъ, отправился за Рейнъ, про-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 215.

(2) Ibid. стр. 215 и слѣд.

(3) Ibid. стр. 215 и слѣд.

тивъ народовъ саксонскаго союза; онъ оставилъ Авдоверу беременною уже нѣсколько мѣсяцевъ. Королева родила дочь прежде его возвращенія, и не зная, крестить ли ее въ отсутствіи мужа, совѣтовалась съ Фредегондой, которая, вполне обладая искусствомъ скрывать, не возбуждала въ королевѣ ни подозрѣнія, ни недоверчивости. «Государыня!» отвѣчала служанка: «когда король, господинъ нашъ, возвратится съ побѣдой, увидитъ ли онъ радостно дочь свою не окрещенною ⁽¹⁾». Королева послушалась совѣта, и Фредегонда начала готовить тайными происками сѣти, въ которыхъ хотѣла уловить ее.

Когда наступилъ день крестинъ, — въ часъ, назначенный для совершенія обряда, крестильня украшена была тканями и цвѣтами; епископъ, въ святительскихъ ризахъ, уже дожидаясь; но воспріемница, благородная франкская женщина, не являлась, и ее ждали напрасно. Королева, смущенная такой помѣхой, не знала, на что рѣшиться, какъ вдругъ Фредегонда, стоявшая близъ нея, сказала: «Что «безпокоиться о крестной матери? Нѣтъ никого достойнѣе васъ быть «воспріемницей вашей дочери; послушайте меня, будьте ей сами «крестной матерью ⁽²⁾». Епископъ, вѣроятно, подговоренный заранее, совершилъ таинство крещенія, и королева удалась, не понявъ, какое послѣдствіе имѣлъ для нея духовный обрядъ, ею исполненный.

По возвращеніи короля Гильперика, всѣ молодые дѣвушки королевскаго помѣстья вышли встрѣчать его, съ цвѣтами и пѣніемъ хвалебныхъ стиховъ. Фредегонда, подойдя къ нему, сказала: «Возблагодаримъ Господа за то, что король, господинъ нашъ, одержалъ надъ «врагами побѣду, и что Богъ даровалъ ему дщерь! Но съ кѣмъ господинъ мой проведетъ эту ночь? Королева, госпожа моя, — теперь «кума твоя и крестная мать дочери своей, Гильдесвинды!»—Если не «могу почевать съ нею, то лягу съ тобой, весело отвѣчалъ король ⁽³⁾». Подъ портикомъ дворца, Гильперикъ встрѣтилъ жену свою, Авдоверу, съ младенцемъ, котораго она съ горделивою радостью подала мужу; но король сказалъ ей съ притворнымъ сожалѣніемъ: «Жена, въ про«стотѣ ума своего ты совершила преступленіе; отнынѣ не можешь «быть моею супругой ⁽⁴⁾». Какъ строгій блюститель церковныхъ законовъ, король наказалъ ссылкой епископа, крестившаго его дочь, а королевѣ заставилъ немедленно съ собою разлучиться и, какъ вдову, принять монашество. Въ утѣшеніе, онъ подарилъ ей многія земли въ окрестностяхъ Манса (Mans), принадлежавшія еписку; и за тѣмъ женился на Фредегондѣ; отверженная королева, при шумѣ пированій этого новаго брака, отправилась въ обитель, гдѣ, черезъ пятнадцать лѣтъ, была умерщвлена по приказанію прежней своей служанки.

Между-тѣмъ, какъ трое старшихъ сыновей Клотера жили такимъ образомъ въ распутствѣ и совокуплялись браками съ служанками, самый младшій, Сигбертъ, не подражая ихъ примѣру, питалъ стыдъ и омерзе-

⁽¹⁾ Gesta reg. franc., apud script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 561.

⁽²⁾ Ibid. стр. 561.

⁽³⁾ Gesta reg. Franc., т. II, стр. 561.

⁽⁴⁾ Ibid.

ніе къ разврату. Онъ рѣшился имѣть только одну супругу и притомъ избрать ее изъ королевскаго рода ⁽¹⁾. Атамагильдъ, король Готовъ, вдовившихся въ Испаніи, имѣлъ двухъ дочерей на-возрастъ, изъ которыхъ меньшая, по имени Брунегильда, особенно славилась красотою; на нее-то палъ выборъ Сигберта. Многочисленное посольство съ богатыми дарами отправилось изъ Меца въ Толедо, просить у короля Готовъ руки его дочери. Глава посольства, Гогъ, или правильнѣе Годегизель, палатный мэръ Австразіи, человѣкъ искусный въ переговорахъ, имѣлъ полный успѣхъ въ своемъ порученіи и привезъ изъ Испаніи невесту короля Сигберта. Всюду, гдѣ ни проѣзжала Брунегильда, во время долгаго путешествія своего на сѣверъ, она прославилась, по сказанію современниковъ, прелестью обращенія, благоразуміемъ рѣчей и пріятнымъ разговоромъ ⁽²⁾. Сигбертъ полюбилъ ее и въ-продолженіе всей своей жизни сохранилъ къ ней страстную привязанность.

Торжество бракосочетанія совершено было съ великою пышностію, въ 566 году, въ королевскомъ городѣ Мецѣ. Вся знать Австразійскаго Королевства приглашена была королемъ принять участіе въ празднествахъ этого дня. Съѣхались въ Мецѣ, со своими людьми и конями, графы городовъ и правители сѣверныхъ провинцій Галліи, патріархальные вожди прежнихъ франкскихъ племенъ, оставшихся за Рейномъ, и герцоги Аллемановъ, Баваровъ и Тюринговъ, или Тюринговъ ⁽³⁾. На этомъ пестромъ сборищѣ встрѣчались разныя степени образованности и варварства. Тутъ были и благородные Галлы, вѣжливые и вкрадчивые, и благородные Франки, надменные и суровые, и настоящіе дикари, одѣтые въ звѣринныя кожи, грубые видомъ и обращеніемъ. Брачный пиръ былъ великолѣпенъ и оживленъ весельемъ; столы уставлены были золотыми и серебряными блюдами съ рѣзью, плодами воинственныхъ грабежей; вино и пиво безпрестанно лилось въ кубки, украшенные дорогими камнями, и въ буйволы рога, изъ которыхъ обыкновенно пивали Германцы ⁽⁴⁾. Въ обширныхъ покояхъ дворца раздавались здравные клики и привѣтствія пьющихъ, громкій говоръ, хохотъ, все шумное выраженіе тевтонской веселости. За удовольствіями свадебнаго стола послѣдовала другая, болѣе-утонченная забава, доступная лишь немногимъ собесѣдникамъ.

При дворѣ австразійскаго короля находился тогда Итальянецъ Венанцій-Гонорій-Клементіанъ Фортунатъ, путешествовавшій въ то время по Галліи и всюду принимаемый съ великимъ почетомъ. Онъ былъ человѣкъ ума поверхностнаго, но пріятнаго, занесшій изъ своей родины остатки той римской утонченности, которая тогда почти уже утратилась по ту сторону Альповъ. Представленный королю Сигберту тѣми изъ австразійскихъ епископовъ и графовъ, которые любили еще прежнюю образованность и о ней жалѣли, Фортунатъ удостоился милостиваго гостепріимства при полуварварскомъ мецкомъ дворѣ.

⁽¹⁾ Gesta reg. Franc., т. II, стр. 216.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

Управляющим королевскою казною приказано было отвезти ему помѣщеніе, снабжать продовольствіемъ и лошадьми ⁽¹⁾. Въ изъясненіе своей благодарности, онъ сдѣлался придворнымъ стихотворцемъ и посвящалъ королю и вельможамъ латинскія стихотворенія, которыя, правда, не всегда были для нихъ понятны, хотя они и принимали ихъ съ удовольствіемъ и хорошо за нихъ отплачивали. Брачныя празднества не могли обойтись безъ эпиталамы: Венанцій Фортунатъ написалъ ее въ классическомъ вкусѣ и прочелъ передъ странною толпой, его окружавшей, съ такимъ же важнымъ видомъ, какъ-будто онъ всенародно читалъ ее на Трайновой-Площади, въ Римѣ ⁽²⁾.

Въ этомъ произведеніи, единственное достоинство котораго заключается въ томъ, что оно есть послѣдній и слабый отблескъ римскаго остроумія, Венера и Амуръ, два неизбежныя лица всякой эпиталамы, являются съ своею принадлежностію стрѣлъ, факеловъ и розъ. Амуръ поражаетъ стрѣлою прямо въ сердце короля Сигберта и сившнѣ повѣдать своей матери это великое торжество. «Мать», говоритъ онъ: «я кончилъ битву!» Тогда богиня и сынъ ея летятъ по воздуху въ градъ Мецъ, вступаютъ во дворецъ и убираютъ цвѣтами брачную комнату. Тутъ возникаетъ между ними споръ о достоинствахъ обоихъ супруговъ; Амуръ стоитъ за Сигберта, котораго называетъ новымъ Ахилломъ, а Венера отдаетъ предпочтеніе Брунегильдѣ, изображая ее слѣдующимъ образомъ:

«О дѣва! удивленіе мое и обожаніе супруга! Брунегильда, ты свѣтлѣе и блистательнѣе эвирной лампы! Игра алмазовъ уступаетъ блеску лица твоего;—ты другая Венера, и приданое твое владычество красоты. Ни одна изъ нерендъ, плавающихъ въ моряхъ иберійскихъ, въ источникахъ Океана, не можетъ съ тобою сравниться; нѣтъ! Наши прекраснѣе тебя, и нимфы рѣчныя склоняются передъ тобою! Млечная бѣлизна и ярчайшій багрянецъ—цвѣтъ лица твоего; лилии, перевитыя съ розами, золото, сотканное съ пурпуромъ, не могутъ съ нимъ сравниться, и уступаютъ ему поле битвы. Побѣждены сафиръ, алмазъ, кристаллъ, изумрудъ и яшма; Испанія произвела на свѣтъ «новый перлъ» ⁽³⁾.»

Эти общія мѣста изъ мнѳологіи и трескотни звонкихъ, но почти безъ всякаго смысла словъ, понравились королю Сигберту и тѣмъ изъ франкскихъ вельможъ, которые, подобно ему, кое-какъ понимали латинскіе стихи. Въ сущности, главные вожди варваровъ не питали рѣшительной вражды къ образованности. Они охотно принимали то, что принять были способны; но этотъ наружный лоскъ утонченности встрѣчалъ такіа закоренѣлыя, дикія привычки, характеры до того свирѣпыя, что не могъ глубоко укорениться. Притомъ, за высшими лицами, которыя только одни, изъ тѣсноты или по аристократическому инстинкту, подражали обращенію прежняго туземнаго дворянства и искали его бесѣды, слѣдовала ватага франкскихъ воиновъ, подозрѣ-

⁽¹⁾ Venantii Fortunati carm., т. II, стр. 528.

⁽²⁾ Ibid. стр. 487.

⁽³⁾ Ibid. стр. 558.

вавшихъ въ подлости всякаго, кто умѣлъ читать, если только онъ не былъ испытанъ ими на дѣлѣ. Они при малѣйшемъ поводѣ къ войнѣ тотчасъ снова принимались грабить Галлію, какъ-будто во времена перваго вторженія; похищали и плавили драгоцѣнные церковные сосуды; даже въ самыхъ гробницахъ искали золота. Въ мирное время главнѣйшее занятіе ихъ состояло въ избраніи разныхъ казней, съ цѣлію обратить своихъ сосѣдей галльскаго происхожденія, или въ нападеніяхъ по большимъ дорогамъ, съ копьями или мечами, на тѣхъ, кому готовили мщеніе. Самые миролюбивые проводили время въ чищеніи оружія, охотѣ или пьянствѣ. Угощая ихъ виномъ, у нихъ можно было все выманить, даже обѣщаніе покровительствовать посредствомъ короля тому или другому искателю на открывшееся епископство.

Безпрестанно тревожимые такими пришельцами, никогда не покойные ни за себя, ни за свое имущество, члены богатыхъ туземныхъ фамилій или теряли душевное спокойствіе, безъ котораго погибаютъ науки и искусства, или, увлеченные примѣромъ и какимъ-то инстинктомъ грубой независимости, которую даже образованность не можетъ искоренить изъ человѣческаго сердца, они обращались къ варварской жизни, презирали все, кромѣ физической силы, и становились буйными и заносчивыми. Подобно франкскимъ воинамъ, они нападали на своихъ враговъ по почамъ, въ ихъ жилищахъ или на дорогахъ, и никогда не выходили изъ дому безъ германскаго кинжала, называвшагося *скрамасаксъ*, или предохранительный ножъ. Такимъ образомъ, отъ одной силы обстоятельствъ исчезли въ Галліи, въ теченіе полутора вѣка, и умственное развитіе и уточенность нравовъ, безъ всякаго участія въ этой плачевной перемѣнѣ какой-либо злобной воли, или систематической вражды противъ римской цивилизаціи ⁽¹⁾.

Бракъ Сигберта, его пышность и особенный блескъ, приданный ему высокимъ саномъ молодой супруги, произвели, по свидѣтельству современныхъ сказаній, сильное впечатлѣніе на умъ короля Гильперика. Ему казалось, что въ кругу своихъ наложницъ и женъ, съ которыми сочетался онъ, по обычаю древнихъ германскихъ вождей, безъ большихъ церемоній, онъ ведетъ жизнь не столь благородную, какъ младшій братъ его. Подобно ему, Гильперикъ рѣшился избрать себѣ супругу высокаго рода, и желая во всемъ подражать брату, отправилъ посольство къ королю Готовъ просить руки старшей его дочери, Галесвинты. Но это исканіе встрѣтило препятствія, какихъ не было для пословъ Сигберта. Слухъ о распутствахъ нейстрійскаго короля проникъ въ Испанію; будучи образованнѣе Франковъ и болѣе тверды въ евангельскомъ ученіи, Готы громко говорили, что король Гильперикъ живетъ язычникомъ. Съ своей стороны, старшая дочь Атапигильда, отъ природы робкая и грустная, характера кроткаго, трепетала при мысли ѣхать такъ далеко и принадлежать подобному человѣку. — Мать ея, Гонсвинта, нѣжно ее любившая, раздѣляла отвращеніе, страхъ и печальныя предчувствія дочери. Король колебался и откладывалъ рѣши-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., lib. IV, т. II, стр. 227. — Ibid. lib. IX, стр. 342. — Ibid. lib. IV, стр. 210.

тельный отвѣтъ со дня на день. Наконецъ, торопимый послами, онъ отказался отъ заключенія съ ними какого-либо договора, пока король ихъ клятвенно не обяжется удалить всѣхъ своихъ женъ и жить съ новою супругой по закону Божію. Гонцы отправились въ Галлію и возвратились съ положительнымъ обѣщаніемъ короля Гильперика оставить всѣхъ королевъ и наложницъ, если только онъ получитъ достойную себя супругу и дочь короля (1).

Двойной союзъ съ королями Франковъ, естественными сосѣдями и врагами короля Атанагильда, обѣщавъ ему столько политическихъ выгодъ, что онъ пересталъ колебаться и, ободренный увѣреніями Гильперика, приступилъ къ заключенію условій брачнаго союза. — Тогда начались споры, съ одной стороны, о приданомъ, которое принесетъ съ собою будущая супруга, съ другой о томъ, что она получитъ въ *утренній даръ* отъ своего мужа послѣ первой ночи брака. По обычаю, принятому у всѣхъ народовъ германскаго происхожденія, дѣйствительно, супругъ, при первомъ пробужденіи повобрачной, дѣлалъ ей какой-либо подарокъ въ замѣну ея дѣвственности. Сущность и цѣнность этихъ подарковъ были весьма разнообразны: дарили то деньгами или драгоценными вещами, то упряжкою воловъ или коней, скотомъ, домами, или землями; но что бы ни было предметомъ подарка, онъ всегда назывался одинаково утреннимъ даромъ, *morghen-gabe*, или *morgane-ghiba*, смотря по разнымъ нарѣчіямъ германскаго языка. Переговоры о бракѣ короля Гильперика съ сестрою Брунегильды, замедляемые пересылкою гонцовъ, длились до 567 года; они еще не были приведены къ окончанію, когда случившееся въ Галліи происшествіе облегчило ихъ заключеніе.

Гарибертъ, старшій изъ четырехъ франкскихъ королей, оставилъ окрестности Парижа, обыкновенное свое мѣстопробываніе, и переехалъ въ одно изъ своихъ помѣстій, близъ Бордо, насладиться климатомъ и произведеніями полуденной Галліи. Тамъ онъ умеръ почти скоропостижно; смерть его произвела въ государствѣ Франковъ новый переворотъ въ поземельномъ раздѣлѣ. Лишь-только закрылъ онъ глаза, какъ одна изъ женъ его, Теодегильда, дочь пастуха, захватила королевскія сокровища и, желая сохранить титулъ королевы, отправила въ Гонтрану предложеніе на ней жениться. — Король очень-милостиво принялъ посланіе и отвѣчалъ съ видомъ искренняго чистосердечія: «скажите ей, чтобъ поспѣшала прибыть съ своими «сокровищами, ибо желаю вступить съ нею въ бракъ и возвеличить «ее въ глазахъ народовъ; я хочу даже, чтобы она пользовалась при «мнѣ большимъ почетомъ, нежели при покойномъ моемъ братѣ (2).» Обрадованная такимъ отвѣтомъ, Теодегильда велѣла нагрузить повозки мужинымъ богатствомъ и отправилась въ Шалонъ-на-Сонѣ, мѣстопробываніе короля Гонтрана. Но по пріѣздѣ ея, король, вовсе не занимаясь ею, осмотрѣлъ кладъ, пересчиталъ повозки и велѣлъ взвѣсить сундуки; потомъ сказалъ окружающимъ его: «Не лучше ли «сокровищамъ этимъ принадлежать мнѣ, нежели этой женищнѣ,

(1) Greg. Turon. Hist. Franc.; т. II, стр. 217.

(2) Ibid. стр. 216.

«которая не стоила чести, какую оказалъ ей братъ мой, принявъ на «свое ложе (1)». Все были согласны съ этимъ мнѣніемъ; сокровища Гариберта сложены были въ сохранное мѣсто, а ту, которая нехоти сдѣлала ему такой прекрасный подарокъ, король велѣлъ проводить въ Арльскій Монастырь подъ прикрытіемъ.

Никто изъ братьевъ Гонтрана не оспаривалъ у него обладанія деньгами и драгоценностями, которыя онъ присвоилъ этою хитростью; имъ предстоялъ споръ съ нимъ и между собою о предметахъ гораздо важнѣйшихъ. Въмѣсто четырехъ частей, надлежало раздробить галльскую землю на три доли, и съ общаго согласія раздѣлить города и области, составлявшія королевства Гариберта. Это новое распредѣленіе сдѣлано было еще страннѣе и безпорядочнѣе перваго. Парижъ раздѣленъ былъ на-трое и каждый изъ братьевъ получилъ по равной части. Въ избѣжаніе опасности отъ нечаяннаго нападенія, ни одинъ изъ нихъ не долженъ былъ вступать въ городъ безъ согласія двухъ другихъ, подѣ страхомъ потери не только своей доли Парижа, но и всей части гарибертова королевства. Это условіе было утверждено торжественною клятвою на мощахъ трехъ уважаемыхъ угодниковъ, Иларія, Мартина и Полевкта, гнѣвъ которыхъ призывался въ здѣшней и будущей жизни на голову того, кто измѣнитъ своему слову (2).

Подобно Парижу былъ раздѣленъ городъ Санли, но только на двѣ части. Изъ другихъ городовъ, вѣроятно, по распчленію взимаемыхъ съ нихъ повинностей, но впрочемъ безъ всякаго вниманія къ ихъ взаимному положенію, составлено было три доли. Отъ этого географическая запутанность увеличилась еще болѣе прежняго; чрезполосныя владѣнія умножились; королевства были между собою, такъ-сказать, перебиты. Король Гонтранъ получилъ, по жребію, Мелёнъ, Сентъ, Ангулемъ, Ажанъ и Перигё. Мо, Вандомъ, Авраншъ, Туръ, Пуатье, Альби, Консеранъ и округи ниже-пиренейскіе выпали на долю Сигберта. Наконецъ, Гильперіку, кромѣ многихъ городовъ, которыхъ историки не называютъ, достались Лиможъ, Кагоръ, Даксъ и Бордо съ разрушенными нынѣ городами Бигоръ и Беарнъ и округами Верхнихъ Пиренеевъ.

Восточные Пиренеи не входили тогда въ составъ земель, подвластныхъ Франкамъ, а принадлежали испанскимъ Готамъ и служили сообщеніемъ съ ихъ землями въ Галліи, простиравшимися отъ рѣки Оды до Роны.—Такимъ образомъ, нейстрійскій король, неимѣвшій до того времени ни одного города къ югу отъ Луары, сдѣлался ближайшимъ сосѣдомъ короля Готовъ, своего будущаго тестя.—Это взаимное ихъ отношеніе положило новое основаніе брачному договору и вслѣдъ за тѣмъ повлекло окончательное его заключеніе.—Въ числѣ городовъ, доставшихся Гильперіку, нѣкоторые были на границѣ атакагильдова королевства, другіе разсѣяны въ Аквитаніи, области, отнятой у Готовъ Клодовигомъ Великимъ. Выговорить для своей дочери, въ случаѣ ея вдовства, эти города, утраченные предками Атана-

(1) Greg. Turon. Hist. Franc., т. II. стр. 216.

(2) Ibid. стр. 295.

гильда, было дѣломъ ловкой политики, и король Готовъ не упустилъ этого изъ виду. Гильперикъ, по недостатку соображеній болѣе дальновидныхъ, чѣмъ временная выгода, а, можетъ-быть, изъ желанія заключить во что бы ни стало брачный союзъ съ Галесвинтой, обѣщать, ни мало не колеблясь, подарить на случай вдовства, и въ видѣ утренняго дара, Лиможъ, Кагоръ, Бордо, Беарнъ и Бигоръ, съ ихъ округами ⁽¹⁾. При тогдашней сбивчивости понятій германскихъ народовъ о правѣ поземельной собственности и верховной власти, города эти могли со временемъ отойти изъ-подъ франкскаго владычества; но нейстрийскій король не предусматривать такъ далеко. — Думая лишь объ одномъ, онъ желалъ только выговорить себѣ, въ замѣнъ своихъ уступокъ, богатое приданое деньгами и драгоценными вещами. Когда статья эта была окончательно условлена, то не представилось болѣе препятствій и бракъ былъ порѣшенъ.

При всѣхъ обстоятельствахъ этихъ долгихъ переговоровъ, Галесвинта не переставала питать сильнаго отвращенія къ челоуѣку, которому ее предназначали и тревожилась смутными опасеніями на счетъ своей будущности. Ея не могли успокоить обѣщанія, данныя франкскими послами отъ имени короля Гильперика. Когда ей объявили, что участь ея рѣшена невозвратно, она въ ужасѣ подбѣжала къ своей матери и, обвивъ ее руками, какъ дитя, ищущее спасенія, болѣе часа держала ее въ объятіяхъ и безмолвно плакала ⁽²⁾. Франкскіе послы явились привѣтствовать невѣсту своего короля и испросить приказаній ея насчетъ отъѣзда; но, увидѣвъ двухъ женщинъ, рыдающихъ на груди другъ у друга и обнявшихся такъ крѣпко, какъ-будто онѣ были связаны одна съ другою, послы, при всей своей суровости, были тронуты и не смѣли говорить о путешествіи. Два дня они обождали, а на третій снова явились къ королеви, объявивъ въ этотъ разъ, что спѣшать отъѣздомъ, и напомнимъ о нетерпѣннн своего короля и продолжительности странствія ⁽³⁾. Королева плакала и просила для своей дочери еще два дня отсрочки. Но на другой день, когда ей сказали, что все готово къ отъѣзду: «Еще денекъ, отвѣчала она, и больше просить не буду; знаете ли, что тамъ, куда вы везете дочь мою, тамъ у ней не будетъ матери ⁽⁴⁾?» — Но уже всѣ возможные задержки были истощены; вмѣшался Атанагильдъ, какъ король и отецъ, и, не смотря на слезы королевы, Галесвинту сдали на руки тѣмъ, которымъ поручено было отвезти ее къ будущему супругу.

Длинная вереница всадниковъ, колымагъ и повозокъ съ кладью проѣхала по улицамъ Толедо и направилась къ сѣвернымъ воротамъ. Король, верхомъ, проводилъ поѣздъ своей дочери до моста, устроеннаго на Таго, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города; но королева не могла вернуться такъ скоро и захотѣла провожать далѣе. Оставивъ свою колесницу, она пересѣла къ Галесвинтѣ, и, день-за-день, отъ

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 344.

⁽²⁾ Venantii Fortunati carm., стр. 561.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid. стр. 562.

привала до привала, невольно проѣхала болѣе ста миль разстоянія. — Всякій день она говорила: «Вотъ до того мѣста хочу добхать», но, достигнувъ его, ѣхала дальше. — По приближеніи къ горамъ, дороги сдѣлались трудны; она этого не замѣтила и хотѣла продолжать путь. Но такъ-какъ сопровождавшіе ее люди, увеличивая поѣздъ, умножали путевыя затрудненія и опасности, то готскіе вельможи рѣшили не пустить свою королеву ни одной мили дальше. Надлежало покориться неизбежной разлукѣ, и новыя трогательныя сцены, однако болѣе спокойныя, нежели прежде, повторились между матерью и дочерью. Королева нѣжными словами выразила свою горестъ и материнскія опасенія: «Будь счастлива», сказала она: «но я страшусь за тебя; берегись, дочь моя, берегись...» ⁽¹⁾. При этихъ словахъ, столь согласныхъ съ собственными предчувствіями Галесвинты, она заплакала и отвѣчала: «Такъ Богу угодно; я должна покориться»; и онѣ разстались.

Многочисленный поѣздъ раздвоился; всадники и повозки раздѣлились; одни продолжали слѣдовать впередъ, другіе возвращались въ Толедо. Не входя въ колесницу, которая должна была отвезти ее обратно, королева Готовъ, остановилась на краю дороги, и устремляя взоры на повозку дочери, стояла неподвижно и все на нее глядѣла, пока повозка не скрылась въ отдаленіи за изгибами дороги ⁽²⁾. Галесвинта, грустная, но покорная своей долѣ, продолжала путь свой на сѣверъ. Ея свита, состоявшая изъ вельможъ и воиновъ обѣихъ націй, Готовъ и Франковъ, проѣхала Ниренцъ, потомъ города Нарбонъ и Каркассонъ, все еще не выходя изъ предѣловъ готскаго королевства, владѣнія котораго простирались до этихъ мѣстъ; потомъ, черезъ Пуатье и Туръ, она направилась къ городу Руану, гдѣ предназначено было совершить бракосочетаніе ⁽³⁾. Передъ воротами каждаго большого города поѣздъ останавливался и все готовилось къ торжественному въѣзду: всадники сбрасывали съ себя дорожныя плащи, открывали сбрую своихъ коней и вооружались щитами, привѣшенными къ сѣдельной лукѣ. Невѣста нейстрійскаго короля оставляла тяжелую дорожную повозку и садилась въ парадную колесницу, окованную серебромъ и возвышавшуюся въ видѣ башни. Современный стихотворецъ, у котораго заимствованы эти подробности, видѣлъ въшествіе Галесвинты въ Пуатье, гдѣ она нѣсколько дней отдыхала; онъ говоритъ, что все удивлялось пышности ея экипажа; но на счетъ красоты ея ⁽⁴⁾, онъ ничего не говоритъ.

Между-тѣмъ, Гильперикъ, вѣрный своему обѣщанію, развелся съ своими женами и распустилъ любовницъ. Даже Фредегонда, самая красивая и наиболѣе любимая изъ всѣхъ, которыхъ онъ возвелъ въ королевскій санъ, не могла избѣгнуть общаго изгнанія; она покорилась съ притворнымъ самоотверженіемъ, съ такою готовностью, которая могла бы обмануть чловѣка гораздо похитрѣе, нежели король Гильперикъ.

⁽¹⁾ Venantii Fortunati, carm., стр. 562.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Adriani Valesii. rer. franc., стр. 24.

⁽⁴⁾ Venantii Fortunati carm., стр. 562.

Она, казалось, искренно сознавала и необходимость развода, и непрочность союза съ королемъ такой женщины, какъ она, и обязанность уступить мѣсто королевѣ, дѣйствительно достойной этого сана. Она только выпросила, какъ послѣднюю милость, не покидать дворца и вступить по-прежнему въ число женщинъ, составлявшихъ королевскую прислугу. Подъ этой личиною смиренія скрывалось глубокое коварство и женское честолюбіе, которыхъ нейстрійскій король нисколько не остерегся. Съ того дня, какъ ему пришла мысль жениться на королевской дочери, ему казалось, что онъ уже болѣе не любитъ Фредегонды и не замѣчаетъ красоты ея: душа его, какъ и всѣхъ вообще варваровъ, не была способна къ воспринятію вдругъ разнообразныхъ впечатлѣній. И такъ, безъ всякаго тайнаго умысла, вовсе не по слабости сердца, но просто отъ недостатка разсудительности, онъ дозволилъ прежней своей возлюбленной остаться при себѣ, въ томъ же домѣ, гдѣ должна была поселиться новая его супруга.

Бракосочетаніе Галесвинты было отпраздновано съ такою же пышностію и великолѣпіемъ, какъ и сестры ея, Брунегильды, и даже оказаны были новобрачной необыкновенныя почести: всѣ нейстрійскіе Франки, вельможи и простые воины клялись ей въ вѣрности, какъ самому королю ⁽¹⁾. Ставъ полукругомъ, они разомъ обнажили мечи и, потрясая ихъ въ воздухъ, произнесли старинную языческую клятву, обрѣкавшую острію меча того, кто нарушитъ слово. Наконецъ, самъ король торжественно повторилъ обѣщаніе супружеской вѣрности и постоянства; возложивъ руку на руку съ монахами, онъ поклялся никогда не разводиться съ дочерью короля Готовъ, и пока жива она, не брать себѣ другой супруги.

На брачныхъ празднествахъ Галесвинта въ обращеніи съ гостями отличалась любезностію и добротою; принимала ихъ какъ-будто давно была съ ними знакома; однимъ предлагала подарки, другихъ приветствовала кроткими и ласковыми рѣчами; всѣ увѣрили ее въ преданности и желали ей долгой и счастливой жизни ⁽²⁾. Эти желанія, которымъ не суждено было сбыться, провожали ее до самой опочивальни; вставъ на другой день, она получила *утренній даръ*, съ обрядами, установленными германскими обычаями. Въ присутствіи избранныхъ свидѣтелей, король Гильперикъ взявъ правой рукой руку новой своей супруги и, бросивъ на нее изъ лѣвой руки соломину, произнесъ громкимъ голосомъ имена тѣхъ пяти городовъ, которые отнынѣ должны были принадлежать королевѣ. Велѣдъ за тѣмъ составлена была на латинскомъ языкѣ дарственная запись на вѣчное и неоспоримое ими владѣніе; она не дошла до насъ; но, руководствуясь принятыми формами и обыкновеннымъ складомъ другихъ памятниковъ времени Меровинговъ, легко можно представить себѣ ея содержаніе:

«Поелику Богъ повелѣлъ, да оставитъ человекъ отца своего и матеръ, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ оба въ плоть одну, и да не разлучатся тѣ, кого соединилъ Господь, — я, Гильперикъ, ко-

⁽¹⁾ Venantii Fortunati carm., стр. 562.

⁽²⁾ Ibid.

«роль Франковъ, мужъ именитый, тебѣ, Галесвинта, возлюбленная жена моя, сочетаваемая со мною по закону салийскому, солидомъ и динаріемъ, дарую пѣтъ, по нѣжнѣйшей любви моей, яко вѣно и утрециій даръ, города: Бордо, Кагоръ, Лиможъ, Беаризъ и Бигоръ, съ ихъ землями и жителями (1). Почитай ихъ отъ сего дня своею собственностію, и владѣй ими вѣчно; вручаю ихъ тебѣ, передаю и утверждаю за тобою этою грамматою, какъ ознаменовалъ уже я соломной и *рукопожатіемъ* (*handelang*) (2).»

Новая королева провела первые мѣсяцы брака, если не счастливо, то по-крайней-мѣрѣ спокойно; кроткая и терпѣливая, она съ самоотверженіемъ переносила все, что было грубаго и строптиваго въ характерѣ ея мужа. Притомъ, самъ Гильперикъ питалъ къ ней нѣкоторое время настоящую привязанность; сначала полюбилъ онъ ее изъ тщеславія, имѣлъ въ ней супругу столь же высокаго рода, какъ и братишна, потомъ, пресытившись удовлетвореннымъ самолюбіемъ, любилъ ее изъ корысти, за огромныя суммы денегъ и большое число драгоценностей, которыя она принесла за собою (3). Но, натѣшаясь перечисленіемъ всѣхъ этихъ сокровищъ, онъ пересталъ находить въ нихъ удовольствіе, и тогда ничто уже не привязывало его къ Галесвинтѣ. Онъ не могъ привыкаться нравственною ея красою, смиреніемъ, благотворительностью къ бѣднымъ, потому-что душой и тѣломъ предавъ былъ только красотѣ тѣлесной. Такимъ-образомъ, вскорѣ наступило время, когда, вопреки собственной рѣшимости, Гильперикъ ощущалъ при женѣ своей только холодность и скуку.

Фредегонда ждала этой минуты и воспользовалась ею съ обыкновенною своею ловкостью. Ей стоило только встрѣтиться, будто случайно, съ королемъ, чтобы наружное сравненіе ея съ Галесвинтой вновь воскресло въ сердцѣ этого чувствительнаго человѣка прежнюю страсть, заглушенную слабою вспышкой самолюбія. Фредегонда была взята въ наложницы и огласила новое торжество свое; въ обращеніи съ отвергнутою супругой она обнаружила даже презрѣніе и высокомеріе. Вдвойнѣ обиженная, какъ королева и супруга, Галесвинта сперва плакала молча; потомъ осмѣлилась жаловаться и говорить королю, что въ домѣ его нѣтъ ей никакого почета, а только позоръ и обиды, которыхъ она переносить не можетъ. Она какъ милостыню просила развода, и предлагала оставить все, что принесла въ приданое, лишь бы дозволено ей было возвратиться на родину (4).

Такой добровольный отказъ отъ драгоценныхъ сокровищъ, безкорыстіе гордой души, были чужды для короля Гильперика; не имѣя о нихъ ни малѣйшаго понятія, онъ не могъ имъ повѣрить, и слова Галесвинты,

(1) Formul. Bignon., apud script. rer. gallic. стр. 539. — Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 344.

(2) Formul. Lindenbrog., apud script. rer. franc., т. IV, стр. 555. — Комментаторы не объясняютъ слова *handelang*, которое должно значить *рукопожатіе*.

(3) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 217.

(4) Ibid.

не смотря на ихъ искренность, возбудили въ немъ только мрачное подозрѣніе и боязнь потерять открытымъ разрывомъ богатства, обладаніе которыми почиталъ за счастье. Смиривъ свои чувства и съ лукавствомъ дикаря скрывая мысли, онъ вдругъ перемѣнился въ обращеніи съ Галесвинтой, сталъ говорить съ нею кротко и ласково, изъявлялъ раскаяніе и любовь, обманувшія дочь Атанагильда. Она перестала говорить о разлукѣ и утѣшалась уже искреннею взаимностію, какъ однажды ночью, по повелѣнію короля, введенъ былъ въ ея комнату преданный ему слуга, и задушилъ ее сонною. Увидѣвъ ее мертвую на постели, Гильперикъ притворился удивленнымъ и огорченнымъ, даже сдѣлалъ видъ, будто плачетъ, а черезъ нѣсколько дней женился на Фредегондѣ ⁽¹⁾.

Такъ погибла эта молодая женщина, которой, казалось, внутреннее откровеніе заранее предвѣщало участь, ее постигшую;—грустный и кроткій образъ, мелькнувшій въ эпоху варварства Меровинговъ, какъ видѣніе иного міра. Не смотря на упадокъ нравственного чувства среди безчисленныхъ преступленій и бѣдствій, были однако и въ то время души, глубоко тронутыя столь мало заслуженнымъ несчастіемъ, и ихъ сочувствіе, согласно съ духомъ вѣка, приняло оттѣнокъ суевѣрія. Говорили, что въ день похоронъ Галесвинты хрустальная лампада, висѣвшая надъ ея гробницей, внезапно отвязалась сама-собою и, упавъ на мраморный помостъ, не разбилась и не погасла. Для довершенія чуда увѣрили, что присутствовавшіе видѣли, какъ мраморъ уступилъ давленію, словно мягкій, и лампада до половины въ него погрузилась ⁽²⁾. Насъ, читающихъ это въ старыхъ книгахъ, написанныхъ людьми другаго вѣка, подобные рассказы заставляютъ улыбнуться; но въ VI вѣкѣ, когда преданія эти переходили изъ устъ въ уста, какъ живое и поэтическое выраженіе народныхъ чувствъ и вѣроваій, надъ ними задумывались и плакали, имъ внимая.

⁽¹⁾ Ibid.

⁽²⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 217. — Fortunati carm., стр. 463.

РАЗСКАЗЪ ВТОРЫЙ.

ПОСЛѢДСТВІЯ УБІЙСТВА ГАЛЕСВИНТЫ. — МЕЖДОУСОВІЕ. — СМЕРТЬ
СИГБЕРТА.

(568—575.)

У Франковъ, и вообще у народовъ германскаго племени, лишь только совершено бывало убійство, ближайшій родственный покойнаго тотчасъ назначалъ свиданіе всѣмъ своимъ роднымъ и союзникамъ, призывая ихъ, именемъ чести, прибыть съ оружіемъ, потому-что съ того времени возгаралась война между убійцею и всѣми, кто былъ связанъ съ жертвою какими-либо узамъ родства. Какъ супругъ сестры Галесвинты, Сигбертъ обязанъ былъ исполнить этотъ долгъ мщенія. Онъ послалъ гонцовъ къ королю Гонтрапу, который, ни мало не колеблясь въ выборѣ между двумя враждующими братьями, немедленно присталъ къ сторонѣ обиженнаго; но неизвѣстно, было ли то изъ повиновенія къ народнымъ обычаямъ, или, можетъ-быть, потому-что гнусное и низкое преступленіе короля Гильперика изгоняло его изъ семейнаго круга. Вслѣдъ за тѣмъ была объявлена война, и начались враждебныя дѣйствія, хотя не съ одинаковою ревностью со стороны двухъ братьевъ, возставшихъ на третьяго ⁽¹⁾. Сигбертъ, возбуждаемый мстительностью жены своей, Брунегильды, имѣвшей надъ нимъ неограниченную власть и внезапно обнаружившей свой въ высшей степени пылкій характеръ, хотѣлъ биться до послѣдней крайности; онъ не отступалъ даже отъ мысли о братоубійствѣ. Но Гонтрапъ, по христіанскому ли чувству, или по свойственной ему слабости воли, скоро промѣнялъ свою роль союзника на роль посредника. Просьбами и угрозами онъ склонилъ Сигберта не самоуправствовать, а законнымъ порядкомъ созвать миролюбиво народъ, и требовать его суда ⁽²⁾.

Дѣйствительно, по закону Франковъ, или, лучше сказать, по народнымъ ихъ обычаямъ, всякій, кто считалъ себя обиженнымъ, могъ избрать или частную войну, или общественный судъ; но лишь только приговоръ бывалъ произнесенъ, война становилась уже незаконною. Судебное собраніе называлось *малъ* (*mâl*), то-есть, совѣтъ. Чтобъ имѣть право быть въ немъ посредникомъ, надлежало принадлежать къ разряду земскихъ владѣльцевъ, или, по германскому выраженію, къ числу почетныхъ мужей, *аримановъ* (*arimans*) ⁽³⁾. Въ большемъ или

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 217.

⁽²⁾ Adriani Valesii rer. franc., стр. 26.

⁽³⁾ Этотъ классъ людей, въ законахъ и публичныхъ актахъ, называется еще: *Rachimburgii*, *Racimbardi*, *Rakin-burghé*, сильные поруки.

меньшемъ числѣ, смотря по роду и важности предстоящихъ дѣлъ, судьи являлись въ собраніе въ полномъ вооруженіи и, не покидая оружія, усаживались на скамьяхъ, разставленныхъ въ кружокъ. До перехода черезъ Рейнъ и покоренія Галліи, Франки производили судъ на открытомъ воздухѣ, на холмахъ, освященныхъ древними религіозными обрядами. Принявъ, послѣ своего завоеванія, христіанство, они оставили этотъ обычай, и *малъ* созывался королями или графами въ каменныхъ или деревянныхъ строенійхъ; но, не смотря на такую перемѣну, мѣсто засѣданій сохранило названіе, данное ему прежде въ языческой Германіи; его по старому продолжали звать, на древне-германскомъ языкѣ, *Мальбергъ*, Гора Совѣта ⁽¹⁾.

Когда воззваніемъ, обнародованнымъ въ трехъ франкскихъ королевствахъ, было повѣщено, что черезъ сорокъ ночей (таково было принятое въ законахъ выраженіе) король Гонтранъ будетъ держать торжественный сеймъ для примиренія королей Гильперика и Сигберта, то важнѣйшіе вожди и богатые владѣльцы прибыли, съ своими дружинами, въ назначенное мѣсто. Открылся торжественный судъ, о подробностяхъ котораго современныя писанія не упоминаютъ; но вѣроятныя обстоятельства его можно отыскать въ различныхъ постановленіяхъ, актахъ и судебныхъ формулахъ. Изъ нихъ не трудно извлечь слѣдующіе факты, правда, только предполагаемые, но могущіе, до нѣкоторой степени, дополнить пропускъ историческихъ свидѣтельствъ.

Когда всѣ собрались, король Гонтранъ занялъ мѣсто на возвышенномъ креслѣ, а прочіе судьи сѣли на простыхъ скамьяхъ, каждый съ мечомъ на бедрѣ и служителемъ, стоявшимъ позади со щитомъ и конемъ его. Призванный какъ истецъ, первый явился король Сигбертъ, и отъ имени жены своей, королевы Брунесгильды, обвинялъ Гильперика въ умышенномъ участіи въ убійствѣ Галесвинты, сестры Брунесгильды. Срокъ въ четырнадцать ночей данъ былъ обвиняемому, чтобы онъ явился въ свою очередь и клятвенно оправдался ⁽²⁾.

Законы Франковъ требовали, дабы эта оправдательная клятва подтверждена была присягою извѣстнаго числа свободныхъ людей, шести въ случаяхъ маловажныхъ, и до семидесяти двухъ въ дѣлахъ болѣе значительныхъ, или по важности фактовъ, или по высокому званію подсудимыхъ ⁽³⁾. Обвиняемый долженъ былъ явиться въ кругъ, обставленный судейскими скамьями, въ сопровожденіи всѣхъ тѣхъ, которые должны были произнести съ нимъ клятву. Тридцать шесть человѣкъ становилось по правую, и тридцать шесть по лѣвую его руку; послѣ того, по требованію главнаго судьи, онъ обнажалъ мечъ и клялся оружіемъ въ своей невинности; тогда свидѣтели, разомъ обнаживъ свои мечи, приносили на нихъ ту же клятву ⁽⁴⁾. Никакое свидѣтельство, ни

⁽¹⁾ *Malbergum, Mallobergum, Mallebergium*. См. Leg. Salic. et Leg. Ripuar., apud. script. rer. gallic. et franc., т. IV, стр. 120.

⁽²⁾ Leg. Salic., т. IV, стр. 159.

⁽³⁾ Ibid. — Клятва свидѣтелей называлась на германскомъ языкѣ *ведередъ*, *Wedered* (*Vedredum*), т. е. *повторенная клятва*. Leg. Ripuar., т. IV, стр. 248.

⁽⁴⁾ Leg. Ripuar., т. IV, стр. 248.

въ древнихъ хроникахъ, ни въ современныхъ актахъ, не дастъ повода думать, чтобы Гильперикъ пытался оправдаться судебнымъ порядкомъ въ преступленіи, въ которомъ его обвиняли; по всѣмъ вѣроятіямъ онъ предсталъ одинъ предъ собраніемъ Франковъ и съѣлъ, не сказавъ ни слова. Сигбертъ всталъ и трижды сказалъ судьямъ: «Повѣдайте намъ законъ салійскій». Потомъ онъ молвилъ въ четвертый разъ, указывая на Гильперика: «Я требую отъ васъ сказать ему и мнѣ то, что предшываетъ законъ салійскій (1).»

Такова была установленная форма для требованія суда съ противникомъ, уличеннымъ собственнымъ своимъ признаніемъ; но въ настоящемъ случаѣ отвѣтъ на такое требованіе могъ быть данъ только послѣ продолжительныхъ преній, потому-что дѣло шло о преступленіи, къ которому общій законъ Франковъ можно было примѣнить только по аналогіи. Для предупрежденія, или, по-крайней-мѣрѣ, для скорѣйшаго окончанія частныхъ распрій, законъ этотъ постановлялъ, что, въ случаѣ убійства, виновный долженъ заплатить наследникамъ убитаго извѣстную сумму денегъ, соразмѣрную съ его званіемъ. За двороваго раба платили отъ пятнадцати до тридцати пяти золотыхъ солидовъ, за лига изъ варваровъ, или за галло-римскаго даника, сорокъ-пять солидовъ; за Римлянина-владѣльца сто солидовъ, и вдвое за Франка, или всякаго другаго варвара, подчиненнаго салійскому закону (2). Въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ пеня утронвалась, если убитый, рабъ или крѣпостной, Римлянинъ или варваръ, непосредственно зависѣлъ отъ короля, какъ слуга его, какъ васалъ, или какъ человекъ, занимавшій какую-либо общественную должность. Такимъ образомъ, за казеннаго селянина платили девяносто золотыхъ солидовъ; триста за Римлянина, допущеннаго къ королевскому столу, и шестьсотъ солидовъ за варвара, украшеннаго почетнымъ титуломъ, или состоявшаго въ дружинѣ, *an-trusti*, то-есть, королевскаго приверженца (3).

Пеня эта, по уплатѣ которой виновный избавлялся отъ дальнѣйшаго преслѣдованія и мести, называлась на германскомъ языкѣ *веръ-гельдъ*, *wer-gheld*, охранная плата, а на латинскомъ *композиція*, *compositio*, потому-что прекращала войну между обидчикомъ и обиженнымъ. За убійство лицъ королевскаго сана не было установлено *веръ-гельда*; въ этомъ тарифѣ человѣческой жизни они стояли вышѣ и выше всякой принятой закономъ оцѣнки. Съ другой стороны, варварскіе обычаи нѣкоторымъ образомъ давали князьямъ право на человекоубійство; и вотъ почему не распространить, посредствомъ толкованій, значенія салійскаго закона, нельзя было ни опредѣлить, что повелѣвалось имъ въ дѣлѣ, возникшемъ противъ короля Гильперика, ни назначить нешу, которую

(1) Leg. salic., т. IV, стр. 155.

(2) Ibid. стр. 147 и 148. — По новѣйшему изслѣдованію г. Герара (Guegard), въ его Запискѣ о монетной системѣ Франковъ, при короляхъ первыхъ двухъ династій (*Revue de la numismatique française*, novembre et décembre 1837), золотой су, или солидъ, котораго дѣйствительная цѣна была въ 9 фр. 28 сант., равнялся нынѣшнимъ 99 фр. 53 сант.

(3) Ibid. стр. 154.

слѣдовало уплатить родственникамъ Галесвинты. Не имѣя возможности съ точностію судить по закону, собраніе поступило по собственному произволу и произнесло приговоръ почти въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Вотъ приговоръ достославнаго короля Гонтрана и благородныхъ мужей, заседающихъ въ *Маль-Беръ*. Города Бордо, Лиможъ, Кагоръ, Беарнъ и Бигоръ, которые Галесвинта, сестра нашпревосходнѣйшей дамы Брунегильды, по прибытіи своемъ въ землю Франковъ, получила, какъ вѣдомо всякому, въ утренній даръ и вдовій участокъ, перейдутъ отъ сего дня во владѣніе королевы Брунегильды и ея наслѣдниковъ, дабы, чрезъ посредство таковой нени, возстановленъ былъ отнынѣ миръ Божій между достославными государями Гильперикомъ и Сигбертомъ ⁽¹⁾.

Оба короля подошли одинъ къ другому, держа въ рукъ небольшія древесныя вѣтви, которыми обмѣнялись въ знакъ честнаго слова, даннаго взаимно, однимъ — не покушаться возвратить того, что утратилъ онъ по приговору народа, другимъ — не требовать ни подъ какимъ предлогомъ большаго вознагражденія. «Братъ», сказалъ тогда австразійскій король: «въ присутствіи Франковъ, мужей брани и чести, со-«званныхъ, по обычаю, на Гору Совѣта, дарую тебѣ впредъ миръ и «безопасность за смерть Галесвинты, сестры Брунегильды. Отнынѣ «тебѣ нечего бояться ни жалобъ моихъ, ни преслѣдованій, и если, не «во гнѣвъ Богу, случится, что ты будешь потревоженъ или мною, или «моими наслѣдниками, или кѣмъ-либо другимъ отъ ихъ имени, или сно-«ва будешь призванъ въ Совѣтъ за рѣченное убійство и данное мнѣ тобою «вознагражденіе, то да будетъ оно двоякѣмъ возвращено тебѣ ⁽²⁾». Собра-ніе разошлось и оба короля разстались, повидимому, примиренные.

Король Гильперикъ никакъ не могъ сродниться съ мыслию, что онъ долженъ подчиниться рѣшенію суда въ удовлетвореніе за обиду; напротивъ того, онъ надѣялся возвратить со временемъ свои города, или вознаградить себя на счетъ владѣній Сигберта. Этотъ замыселъ, созрѣвавшій и таинный въ-продолженіе почти пяти лѣтъ, внезапно обнаружился въ 573 году. Гильперикъ, не имѣя точнаго понятія ни о положеніи, ни объ относительной важности городовъ, объ утратѣ которыхъ сѣтовалъ, зная, однако, что Беарнъ и Бигоръ были самые незначительные и самые отдаленные отъ средоточія его владѣній. Размышляя о средствахъ выручить силою то, что было уступлено противъ воли, Гильперикъ нашелъ, что планъ его завоеванія будетъ и удобнѣе въ исполненіи и выгоднѣе, если, въ замѣнъ двухъ небольшихъ городовъ, лежавшихъ близъ подошвы Пиренеевъ, онъ пріобрѣтетъ города Туръ и Пуатье, обширные, богатые, и совершенно ему сподручные. Съ этой мыслию, онъ собралъ въ принадлежавшемъ ему городѣ Анжерѣ войско, и вѣрнѣе надъ нимъ начальство Клодовигу, меньшому изъ трехъ сыновей, прижитыхъ имъ отъ Авдоверы, первой его супруги.

Безъ всякаго предварительнаго объявленія войны, Клодовигъ пошелъ на Туръ. Не смотря на силу этого древняго города, онъ всту-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 344.

(2) Marculfi formul., apud script. rer. gallic. et franc., т. IV, стр. 495 и 512.

нимъ въ него безъ сопротивленія, ибо Сигбертъ такъ же, какъ и оба другіе короля, содержалъ постоянный гарнизонъ только въ тѣхъ городахъ, гдѣ самъ имѣлъ пребываніе, а граждане, большею частію галльскаго происхожденія, мало думали о томъ, которому изъ франкскихъ королей должны они повиноваться. Овладевъ Туромъ, сынъ Гильперика направился на Пуатье, который также скоро отворилъ передъ нимъ свои ворота. Здѣсь Клодовигъ остановился, находясь какъ-бы въ центрѣ между Туромъ и городами Лиможемъ, Кагоромъ и Бордо, завоевать которые ему предстояло ⁽¹⁾.

Узнавъ о такомъ неожиданномъ нападеніи, король Сигбертъ отправилъ гонцовъ къ брату своему Гонтрану, прося его помощи и совѣта. Участіе, которое Гонтранъ принималъ шесть лѣтъ тому назадъ и въ примиреніи двухъ королей, казалось, возлагало на него въ отношеніи къ нимъ нѣкоторую обязанность судьи, право взысканія съ того, кто не сдержалъ даннаго слова и нарушилъ приговоръ народный. Съ этою мыслию, согласною, впрочемъ, съ наклономъ къ справедливости, составлявшею особенную черту его характера, онъ взялъ на себя трудъ усмирить враждебное покушеніе Гильперика и принудить его снова подчиниться условіямъ раздѣльнаго трактата и приговора Франковъ. Не дѣлая нарушителю клятвеннаго мира ни представленій, ни предварительнаго вызова, Гонтранъ отправилъ противъ Клодовига войско, подъ предводительствомъ лучшаго изъ своихъ военачальниковъ, Эонія Муммола, родомъ Галла, мужествомъ равнаго храбрѣйшимъ изъ Франковъ, но превосходившаго всѣхъ ихъ воинскими дарованіями ⁽²⁾.

Муммоль, котораго имя, тогда знаменитое, встрѣтится еще не разъ въ этихъ разсказахъ, въ то время только-что поразилъ въ нѣсколькихъ битвахъ и отбѣсилъ даже за Альпы народъ лонгобардскій, который, владѣя сѣверомъ Италіи, покушался проникнуть въ Галлію и грозилъ завоевать области, лежавшія близъ Роны. Онъ двинулся изъ Шалона-на-Сонъ, столицы гонтранова королевства, съ быстротою, уже стяжавшею ему побѣды, и пошелъ на городъ Туръ по дорогѣ чрезъ Неверъ и Буржъ. При его приближеніи, молодой Клодовигъ, возвратившійся въ Туръ съ намѣреніемъ выдержать тамъ осаду, рѣшился отступить и, въ ожиданіи подкрѣпленій, занялъ удобную позицію на пути къ Пуатье, не въ дальнемъ разстояніи отъ этого города. Между тѣмъ, турскіе граждане миролюбиво приняли галло-римскаго предводителя, занявшаго городъ именемъ короля Сигберта. Чтобы на будущее время они были менѣе равнодушны къ политическимъ событіямъ, Муммоль заставилъ всѣхъ ихъ присягнуть на вѣрность ⁽³⁾. Если воззваніе его къ епископу и турскому графу было согласно съ другими подобнаго рода актами, то всѣ горожане и жители городского округа, *Римляне, Франки, и всякаго иного племени*, получили приказаніе собраться въ епархіальную церковь и произнести передъ святышею клятву во имя все-

⁽¹⁾ Marculli formul., apud script. rer. gallic. et franc., т. IV, стр. 227.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

могущаго Бога, нераздѣльной Троицы и страшнаго суда въ томъ, что въ совершенной чистотѣ, какъ истые людины, они пребудутъ вѣрными государю своему, достославному королю Сигберту ⁽¹⁾.

Между-тѣмъ,жданное Клодовигомъ подкрѣпленіе прибыло въ его станъ близъ Пуатье. Оно состояло изъ толпы, собранной въ окрестностяхъ, и предводимой Сигеромъ и Василіемъ; первый былъ Франкъ, второй Римлянинъ, оба усердые сподвижники короля Гильперика и сильные по своему богатству. Войско это, многочисленное, но неустроенное, состоявшее большею частью изъ поселянъ и крестьянъ, образовало авангардъ пейстрійской арміи и первое сразилось съ войсками Муммола. Не смотря на свое мужество и даже ожесточеніе въ битвѣ, Сигеръ и Василій не могли преградить пути на Пуатье величайшему, или лучше сказать единственному тактику того времени. Атакованные съ фронта и фланговъ, они съ огромной потерей были опрокинуты на Франковъ Клодовига, которые тотчасъ же обратились въ бѣгство и разсѣялись. Оба предводители были убиты въ смятеніи, и сынъ Гильперика, не имѣя при себѣ довольно войска для обороны Пуатье, бѣжалъ по дорогѣ въ Сентъ. Овладевъ послѣ такой победы городомъ, Муммоль счелъ порученіе свое какъ-бы оконченнымъ, и, заставивъ гражданъ, подобно тому, какъ въ Турѣ, присягнуть на вѣрность королю Сигберту, возвратился въ королевство Гонтрана, не удостоивъ преслѣдованіемъ Нейстрійцевъ, бѣжавшихъ въ маломъ числѣ за своимъ королевичемъ ⁽²⁾.

Клодовигъ не заботился о сборѣ своихъ войскъ и о возвращеніи въ Пуатье; но боясь встрѣтить преграду на дорогѣ къ сѣверу, или, можетъ-быть, изъ юношеской удачи, вмѣсто того, чтобы двинуться къ Анжеру, продолжалъ слѣдовать въ противоположную сторону и направился къ Бордо, одному изъ пяти городовъ, которыми овладѣть было ему приказано ⁽³⁾. Онъ явился у воротъ этого большаго города съ горстью людей, плохо вооруженныхъ, и на первый вызовъ его отъ отцовскаго имени, городскія ворота передъ нимъ растворились; фактъ удивительный, изъ котораго ясно открывается правительственное безсиліе королевской власти Меровинговъ. Въ такомъ большомъ городѣ не нашлось довольно войска для защиты владѣтельныхъ правъ королевы Брунегильды и верховной власти короля Сигберта отъ толпы бѣглецовъ, бѣдомныхъ и изнуренныхъ: сынъ Гильперика могъ безпрепятственно водвориться въ немъ полнымъ властелиномъ и занять съ своими людьми палаты, принадлежавшія въ то время фиску, а когда-то составлявшія собственность императоровъ, доставляющія королямъ германскимъ вмѣстѣ съ наслѣдіемъ цезарей.

Молодой Клодовигъ почти уже мѣсяцъ жилъ въ Бордо, величая себя побѣдителемъ и представляя лицо вице-короля, когда Сигульфъ, одинъ изъ стражей нрпейской границы или мархинъ, осмѣлился вы-

(1) Marculli form., т. IV, стр. 483. — Greg. Turon., стр. 345.

(2) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 227.

(3) Ibid. стр. 228.

ступить въ поле и сдѣлать нападеніе ⁽¹⁾. Эта граница, которую должно было оборонять отъ Готовъ и отъ Басковъ, вся принадлежала австрійскому королю, отъ имени котораго сдѣлано было воззваніе по обоимъ берегамъ Адуръ. Нѣкоторые указанія, почерпнутыя изъ послѣдующихъ фактовъ, даютъ поводъ думать, что, не желая оставить безъ войскъ свои укрѣпленія, герцогъ, или, какъ говорили на германскомъ языкѣ, марк-графъ ⁽²⁾ призвалъ къ ополченію всѣхъ жителей той страны; племя охотниковъ, пастуховъ и дровосѣковъ, почти столь же дикихъ, какъ сосѣди ихъ, Баски, заодно съ которыми они часто грабили купеческіе караваны, налагали дань на небольшіе города, или противились франкскимъ правителямъ. Тѣ изъ горцевъ, которые вняли призыву австрійскаго вождя, явились на сборное мѣсто, кто пѣшій, кто конный, съ обычнымъ своимъ оружіемъ, то-есть, въ охотничьей одеждѣ, съ рогатиной въ рукѣ и съ трубой или рогомъ черезъ плечо. Предводимые марк-графомъ Сигульфомъ, они вступили въ Бордо, ускоряя ходъ, какъ-бы для внезапнаго нападенія и направляясь къ той части города, гдѣ были расположены Нейстрійцы.

Внезапно настигнутые непріятелемъ въ превосходныхъ силахъ, они успѣли только вскочить на коней, посадить на лошадь своего принца и, окруживъ его, умчаться съ нимъ по направленію къ сѣверу. Сигульфовы люди съ ожесточеніемъ пустились ихъ преслѣдовать, одушевляясь надеждою захватить въ плѣнъ королевскаго сына и истребовать за него богатый выкупъ, или, можетъ-быть, увлекаясь побужденіемъ народной ненависти къ франкскому племени. Для взаимнаго поощренія къ погони, или чтобъ сильнѣе задать бѣглецамъ страха, или просто отъ разгула южной веселости, они трубили на бѣгу въ охотничьи рога и трубы. Цѣлый день, припавъ къ гривѣ своего коня и побуждая его шпорой, Клодовигъ слыпалъ за собою звуки роговъ и клики охотниковъ, гнавшихъ по его слѣдамъ, словно въ лѣсу за оленемъ ⁽³⁾. Но къ вечеру, по мѣрѣ того, какъ становилось темнѣе, погоня постепенно замедлялась, и вскорѣ Нейстрійцы могли продолжать путь своей свободнымъ шагомъ. Такъ возвратился юный Клодовигъ на берега Луары, къ стѣнамъ Анжера, изъ котораго недавно вышелъ, предводя многочисленнымъ войскомъ ⁽⁴⁾.

Такой забавный конецъ похода, столь нагло предпринятаго, навелъ на душу Гильперика мрачную и гнѣвную досаду. Не одна корысть, но и оскорбленная гордость побуждали его отважиться на все, лишь бы только возвратить свои завосванія и отвѣчать на вызовъ, который, казалось, ему сдѣлали. Рѣшась блистательно отмстить за оскорбленіе своей чести, онъ собралъ на берегахъ Луары войско, гораздо многочисленнѣе

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 228. — Fredegarii, Hist. Franc. т. II, стр. 407. — Aimoinii menac. floriac. de gest. Franc., стр. 71.

⁽²⁾ *Маркъ*, рубежъ, граница; *графъ*, начальникъ округа, правитель, судья.

⁽³⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 228.

⁽⁴⁾ Ibid.

перваго, и встрѣилъ надъ нимъ начальство Теодоберту, старшему изъ своихъ сыновей ⁽¹⁾.

Осторожный Гонтранъ разсудилъ на этотъ разъ, что новое вмѣшательство съ его стороны будетъ, по всей справедливости, бесполезно для примиренія братьевъ и конечно разорительно для него самого. Отказавшись отъ посредничества, онъ распорядился такъ, что въ случаѣ неудачи могъ остаться въ сторонѣ и не мѣшаться въ распрю. Заботу о примиреніи обоехъ королей онъ возложилъ на духовный соборъ; по его приказанію, всѣ епископы королевства, по своему положенію не принимавшіе участія въ царской ссорѣ, съѣхались въ нейтральномъ городѣ Парижѣ, куда, по раздѣльному договору, не могъ вступить ни одинъ изъ сыновей Клотера безъ согласія двухъ другихъ ⁽²⁾. Соборъ отправилъ къ нейстрійскому королю самыя убѣдительныя посланія, сохранять клятвенный миръ и не посягать на права брата. Но рѣчи и посланія были бесполезны. Гильперикъ, не внимая ничему, продолжалъ готовиться къ бою и члены собора возвратились къ королю Гонтрану съ единственнымъ плодомъ своего посольства: вѣстью о неизбежной войнѣ ⁽³⁾.

Между-тѣмъ, Теодобертъ перешелъ черезъ Луару и совершилъ движеніе, представляющее нѣкоторое подобіе стратегическаго соображенія; вмѣсто того, чтобы, по примѣру младшаго своего брата, двинуться на Туръ, онъ пошелъ къ Пуатье, гдѣ австразійскіе вожди, начальствовавшіе въ Аквитаніи, сосредоточили свои силы. Главнѣйшій изъ нихъ, Гондесальдъ, имѣлъ неблагоразумную отважность сразиться на равнинѣ съ Нейстрійцами, превосходившими его своими силами и притомъ болѣе одушевленными, нежели войска, состоявшія подъ его начальствомъ; онъ былъ совершенно разбитъ и въ одно сраженіе лишился всего ⁽⁴⁾. Побѣдители вошли въ Пуатье, и Теодобертъ, владѣя этимъ городомъ въ центрѣ австразійской Аквитаніи, могъ свободно двинуться на любой изъ городовъ, которыми овладѣть ему надлежало. Онъ избралъ направленіе къ сѣверу и вступилъ въ турекія земли, лежащія на лѣвомъ берегу Луары. Но отцовскому ли приказанію, или по собственному своему внушенію, онъ велъ войну жестокою, разнося всюду, гдѣ ни проходилъ, убійство и опустошеніе. Граждане Тура съ ужасомъ увидѣли со стѣнъ своихъ облака дыма, который, поднимаясь со всѣхъ сторонъ вокругъ, возвѣщалъ пожары сосѣднихъ деревень. Хотя они и были связаны съ королемъ Сигбертомъ свящепою клятвой, однако, заглушивъ религіозныя опасенія, сдались на произволъ побѣдителя и умоляли его быть только милосерднымъ ⁽⁵⁾.

Покоривъ Пуатье и Туръ, нейстрійская армія осадила Лиможъ, который отворилъ ей ворота, и изъ Лиможа пошла на Кагоръ. Въ этомъ

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 228.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ Ibid.

долгомъ шествіи, путь ея означенъ былъ разореніемъ селеній, граббжемъ домовъ и оскверненіемъ святыни. Храмы были опустошены и преданы сожженію, священники умерщвлены, инокини изнасилованы и монастыри разрушены до основанія (1). При слухѣ о такомъ опустошеніи, общій страхъ распространился по всей Аквитаніи, отъ береговъ Луары до Пиренеевъ. Эта обширная и прекрасная земля, куда шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ вступили Франки не врагами туземныхъ (исконыхъ) жителей, но противниками Готовъ, первыхъ ея владетельныхъ, поборниками православной вѣры противъ еретической силы; эта богатая страна, по которой дважды проносилась брань, не оставивъ слѣда за собою, гдѣ римскіе нравы распространились почти неприкосновенно, и германскіе государи, властвовавшіе за Луарой, были извѣстны только своею ревностью къ благочестію, страна эта внезапно была исторгнута изъ спокойствія, которымъ наслаждалась около полувека.

Зрѣлище такихъ жестокостей и святотатствъ поражало умы изумленіемъ и скорбію. Войну Теодоберта въ Аквитаніи уподобляли гоненію Діоклетіана (2); съ простодушнымъ удивленіемъ сравнивали преступленія и разбой гильпериковыхъ войскъ съ благочестивыми подвигами Клодвига Великаго, соорудившаго и украсившаго такое множество храмовъ. Епископы и аквитанскіе сенаторы, весь патріотизмъ которыхъ заключался въ христіанскомъ вѣрованіи, то разглагольствовали и проклятія въ библейскомъ духѣ, то разсказывали одинъ другому съ улыбкой надежды о чудесахъ, которыя, по общимъ слухамъ, совершались въ разныхъ мѣстахъ въ наказаніе за безчинство *варваровъ* (3). Такъ называли они Франковъ, но слово это само-по-себѣ не заключало въ себѣ никакого оскорбительнаго смысла: оно служило въ Галліи только для означенія господствующаго племени, подобно тому, какъ туземное племя называли Римлянами.

Основаніемъ этихъ народныхъ разсказовъ, которымъ изумленное воображеніе придавало суевѣрный отблескъ, перѣдко бывалъ самый простой случай. Въ нѣсколькихъ лѣтъ отъ Тура, на правомъ берегу Луары, былъ монастырь, знаменитый мощами святаго Мартина; пока Франки опустошали правый берегъ, десятка два изъ нихъ взяли лодку, съ намѣреніемъ переправиться на другую сторону и разграбить богатую обитель. Не имѣя для управленія лодкой ни багровъ, ни веселъ, они употребили на то свои копья, держа ихъ лезвее къ верху, а другимъ концомъ упираясь въ рѣчное дно. Инокъ, видя приближеніе Франковъ, не могли усомниться въ ихъ намѣреніяхъ и вышли къ нимъ на встрѣчу, восклицая: «Берегитесь, варвары! берегитесь тутъ приставать: это монастырь блаженнаго Мартина (4)». Но не смотря на-то, Франки высадились, перебили инокъ, расколотили всю монастырскую подвижность, похитили все, что только было тамъ драгоцѣн-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 228.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

(4) Ibid.

наго, и увязавъ уложили на свое судно ⁽¹⁾. Лодка, дурно управляемая и черезъ мѣру нагруженная, наткнулась на одну изъ отмелей, засоряющихъ русло Луары, и съѣла на мель. Отъ колебанія, происшедшаго во время этой остановки, многіе изъ тѣхъ, которые управляли лодкой, стараясь всѣми силами сдвинуть тяжелое судно, оступились и попадали впередъ на остріе копій, воткнувшихся въ ихъ груди; другіе, объятые вѣстѣю и ужасомъ и печалью, стали кричать о помощи. Тогда приближались иноки, съ которыми Франки обошлись такъ дурно, и, подѣхавъ на лодкѣ, съ удивленіемъ увидѣли случившееся. — Взявъ назадъ, по настоянію самихъ грабителей, всю добычу, похищенную въ монастырь, иноки отплыли къ берегу, съ пѣніемъ за упокой тѣхъ, которые погибли такимъ неожиданнымъ образомъ ⁽²⁾.

Между-тѣмъ, какъ это происходило въ Аквитаніи, король Сигбертъ собиралъ всѣ силы своего королевства, чтобъ идти на Теодоберта и принудить Гильперика отозвать его и войти въ границы, назначенныя ему родственными договоромъ. Онъ призвалъ къ оружію не только Франковъ съ береговъ Мааса, Мозеля и Рейна, но и всѣ зарейнскія германскія племена, признававшія власть или покровительство сыновей Меровинга. Таковы были Свевы, или Швабы, и Алеманы, — послѣдній остатокъ двухъ некогда могущественныхъ союзовъ; Тюринги и Баввары, сохранявшіе свою народность подъ управленіемъ наслѣдственныхъ герцоговъ; наконецъ, многіе народы Нижней-Германіи, отдѣлившіеся или по доброй волѣ, или насильственно, отъ страшнаго союза Саксовъ, — враговъ и соперниковъ франкскаго владычества ⁽³⁾. Эти зарейнскіе народы, какъ ихъ тогда называли, были совершенные язычники, и если тѣ изъ нихъ, которые были ближе къ гальскимъ предѣламъ, приняли нѣкоторыя сѣмена христіанства, то страннымъ образомъ примѣшивали къ нимъ обряды старой своей религіи, принося въ жертву животныхъ, а въ торжественныхъ случаяхъ даже людей ⁽⁴⁾. Къ такимъ свирѣпымъ наклонностямъ присоединялись хищничество и жажда завоеваній, влекшія ихъ на западъ и подстрекавшія искать за рѣкою, подобно Франкамъ, своей доли въ добычѣ и земляхъ Галліи.

Франки это знали и съ недоувѣрчивостью наблюдали за малѣйшими движеніями своихъ соплеменниковъ, всегда готовыхъ переселиться по ихъ слѣдамъ, или попытаться покорить ихъ. Для отстраненія этой опасности, Клодовигъ Великій сразился съ Швабами и Алеманами въ знаменитой битвѣ при Толбіакѣ. За пораженіемъ этого авангарда зарейнскихъ народовъ послѣдовали другія побѣды, одержанныя преемниками Клодовига. Теодерикъ покорилъ тюрингскій народъ и многія племена Саксовъ, и самъ Сигбертъ выказалъ противъ послѣднихъ свою дѣятельность и мужество. Какъ король Восточной Франціи и стражъ общей границы, онъ держалъ германскіе народы въ страхѣ

⁽¹⁾ Greg. Turon. Hist. Franc., т. II, стр. 228.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Procopii, de bello gothico, apud script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 37.

и уваженіи къ королевской власти Франковъ; но вербуя ихъ въ свое войско и ведя подъ своими знаменами въ средоточіе Галліи, онъ долженъ былъ возбудить въ нихъ старинную зависть и страсть къ завоеванію и воздвигнуть бурю, страшную вмѣстѣ и Галламъ и Франкамъ.

За то, при извѣстіи о такомъ великомъ вооруженіи Австразіи, чувство безпокойства распространилось между подданными не только Гильперика, но даже и Гонтрана, который самъ раздѣлялъ ихъ опасенія.—Не смотря на малую склонность свою затѣвать распрю безъ продолжительныхъ и сильныхъ на то побужденій, Гонтранъ не поколебался однако принять общее возстаніе за-рейнскихъ языческихъ народовъ за дѣйствіе, враждебное всѣмъ христіанамъ въ Галліи, и на просьбу Гильперика о помощи далъ отвѣтъ благопріятный: «Оба короля имѣли свиданіе», говоритъ современный повѣствователь, «и заключили союзъ подъ взаимною клятвой ни одному изъ нихъ не поумѣряться идти на югозападъ и занять какой-либо пунктъ на дорогѣ между Парижемъ и Туромъ, Гильперикъ сосредоточилъ свои силы на восточномъ берегу Сены, для воспрепятствованія переправы. Гонтранъ, съ своей стороны, прикрылъ войсками сѣверную свою границу, не обезпеченную никакими естественными преградами, и самъ перешелъ въ Труа, для наблюденія за ходомъ дѣла».

Въ 574-мъ году, войска австразійскаго короля, послѣ продолжительнаго похода, подошли наконецъ къ Арсену-на-Обѣ. Тутъ Сигбертъ остановился, и не двигаясь далѣе, ждалъ донесеній передовыхъ отрядовъ. Чтобы вступить въ королевство Гильперика, не перемѣняя направленія, Сигбертъ долженъ былъ перейти Сену нѣсколько выше слиянія ея съ Обомъ, въ мѣстѣ, называвшемся тогда *Дюнадцать Мостовъ* (les Douze-ponts), а нынѣ *Мостъ-на-Сень* (Pont-sur-Seine); но всѣ мосты были сняты, лодки отведены, и нейстрійскій король стоялъ не вдалекѣ станомъ, готовый сразиться, если непріятель предпріиметъ переправу въ бродъ⁽²⁾. Лѣ въ десяти, безъ малаго, къ югу, Сена съ обоими своими берегами принадлежала къ государству, или, какъ тогда выражались, къ удѣлу Гонтрана. Сигбертъ немедленно потребовалъ отъ него свободнаго пропуску. Отправленное имъ требованіе было коротко и ясно: «Если ты не позволишь мнѣ переправиться «черезъ рѣку въ твоемъ удѣлѣ, то я пойду на тебя со всѣмъ своимъ войскомъ»⁽³⁾».

Присутствіе этой страшной арміи сильно подѣйствовало на воображеніе короля Гонтрана, и тѣ же самыя опасенія, которыя заставили его соединиться съ Гильперикомъ, побудили разорвать этотъ союзъ и нарушить клятву.—Всѣ подробности, которыя онъ узнавалъ черезъ своихъ лазутчиковъ и мѣстныхъ жителей о числѣ и наружности австразійскихъ войскъ, рисовали странными красками передъ нимъ опасность, въ которую отказъ могъ бы его повергнуть. Дѣйствитель-

(1) Greg. Turon. Hist. Franc., т. II. стр. 229.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

по, если войска меровингскихъ королей обыкновенно бывали безпорядчны, то эти, дикимъ буйствомъ своимъ, превосходили все, что было извѣстно со времени великихъ нашествій. Отборныя дружины состояли изъ населявшаго берега Рейна франкскаго народа, наименѣе образованнаго и едва лишь проникнутаго христіанскимъ духомъ; большая часть войска была орда варваровъ въ полномъ смыслѣ слова. То были страшныя лица, какія рыскали по Галліи во времена Атилы и Клодовига, и съ-тѣхъ-поръ встрѣчались только въ народныхъ преданіяхъ; тѣ воины съ отвѣсными усами и волосами, подобранными въ кисть на темени, которые метали топоромъ въ лицо непріятелю и поражали его издали зубчатыми копьями⁽¹⁾. Подобное войско не могло обойтись безъ грабительства, даже въ странѣ дружелюбной; но Гонтранъ предпочелъ лучше подвергнуться какому-нибудь кратковременнымъ грабежамъ, нежели навлечь на себя все случайности вторженія и побѣды. Онъ далъ свободный пропускъ, вѣроятно, черезъ мостъ въ Труа, и свидѣлся въ этомъ городѣ съ братомъ своимъ Сигбертомъ, которому клятвенно обѣщалъ непоручимый миръ и искреннюю дружбу⁽²⁾.

Узнавъ о такой измѣнѣ, Гильперикъ немедленно снялся съ позиціи своей на лѣвомъ берегу Сены и старался посѣданнымъ отступленіемъ укрыться внутрь своихъ владѣній. Онъ шелъ не останавливаясь до окрестностей Шартра и расположился станомъ на берегахъ Луары, близъ селенія Аваллоціумъ, что нынѣ Аллюэ, Alluye⁽³⁾. Во время этого продолжительнаго шествія, его постоянно преслѣдовали и тѣснили непріятельскія войска. Нѣсколько разъ, Сигбертъ, думая, что онъ остановится, вызывалъ его, по германскому обычаю, на битву; но нейстрійскій король, вмѣсто отвѣта, ускорялъ ходъ и продолжалъ свой путь.—Едва устроился онъ на новой позиціи, какъ вѣстникъ изъ австралійской арміи объявилъ ему слѣдующее предложеніе: «Если ты не подлый человѣкъ, то готовъ поле битвы и прійми сраженіе⁽⁴⁾». Никогда подобный вызовъ, сдѣланный Франку, не оставался

(1) Франки собирали на темени и связывали свои свѣтлорусые волосы кистью, спускавшею внизъ въ видѣ конскаго хвоста. Бороду они брили, оставляя только усы, висѣвшіе длинною прядью. Они носили холстяную одежду въ обтяжку и широкій поясъ, къ которому привѣшивался мечъ. Любимымъ оружіемъ ихъ былъ топоръ, съ однимъ или двумя толстыми насталенными лезвіями и очень короткимъ топорщикомъ. Они начинали битву этимъ топоромъ, бросая его въ лицо или въ щитъ непріятелю, и рѣдко давали промахъ. Кромѣ этого топора, они имѣли еще копье, не очень длинное и равно удобное для дѣйствіи въблизи и издали; длинный и крѣпкій наконечникъ копья снабженъ былъ острыми, изогнутыми крючьями, такъ-что, пробивъ щитъ, копье не могло быть извлечено, и висѣло, волоочась по землѣ древкомъ. Тогда Франкъ бросался впередъ, наступалъ на древко погою, налегши всѣмъ тѣломъ, заставляя противника опустить руку и обнаружить такимъ образомъ голову и грудь (Lettres sur l'histoire de France, par A. Thierry; lettre VI).

Примѣч. пер.

(2) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229. — Fredegarii, Hist. Franc., т. II, стр. 407.

(3) Greg. Turon., т. II, стр. 229.

(4) Ibid. — Подлый, низкій человѣкъ, homme de rien, *Nihtig, Nihting, Ni-*

безъ отвѣта, но Гильперикъ потерялъ всю свою природную гордость. Послѣ безполезныхъ усилій избѣжать непріятеля, доведенный до послѣдней крайности, и не чувствуя въ себѣ мужества вепря, окруженнаго псами, онъ прибѣгнулъ къ мольбамъ и просилъ мира, обѣщая дать полное удовлетвореніе.

Сигбертъ, не смотря на свой строптивый характеръ, былъ однако великодушенъ; онъ согласился предать все забвенію, съ тѣмъ только, чтобы немедленно были ему отданы города Туръ, Шуатье, Лиможъ и Кагоръ, и чтобы войска Теодоберта возвратились изъ-за Луары ⁽¹⁾. Побѣжденный по собственному сознанію и вторично разочарованный въ своихъ надеждахъ, Гильперикъ присмирѣлъ, какъ звѣрь, пойманный въ тепета. Онъ даже выказалъ добродушіе, которое, казалось, смѣшано было въ германскомъ характерѣ съ самою звѣрскою свирѣпостію и самымъ хитрымъ эгоизмомъ, и безпокоился о томъ, что постигнетъ жителей четырехъ городовъ, которые ему подчинились. «Прости имъ», говорилъ онъ брату, и не взыскивай съ нихъ: ибо если они тебѣ и «измѣнили, то потому только, что я мечемъ и огнемъ къ тому ихъ принудилъ». Сигбертъ былъ столько человѣколюбивъ, что внялъ такому заступленію ⁽²⁾.

Оба короля казались очень довольными другъ другомъ, но въ австрійской арміи возникло сильное недовольство. Войска, набранныя за Рейномъ, роптали на неожиданный миръ, лишившій ихъ добычи, которую они надѣялись пріобрѣсть въ Галліи. Они негодовали на то, что были приведены издалека не для битвъ и поживы, обвиняли короля Сигберта въ томъ, что онъ отступился, когда долженъ былъ сразиться. Весь станъ былъ въ волненіи и готовился страшный бунтъ. Король, не обнаруживъ никакого смущенія, вскочилъ на коня и прискакалъ къ толпамъ, гдѣ воіяли мятежники. «Что у васъ?» спросилъ онъ: «чего вы хотите?»—Битвы! закричали они со всѣхъ сторонъ. Дай намъ случай подраться и добыть сокровищъ, иначе мы не воротимся во свояси ⁽³⁾. Эта угроза могла повлечь за собою новое занятіе земель въ нѣдрахъ Галліи и раздробленіе франкскаго господства; но Сигбертъ ни мало не смутился и, сохраняя твердый видъ, успѣлъ безъ большаго труда умирить гнѣвъ дикарей кроткими рѣчами и обѣщаніями.

Станъ сняли и войско тронулось обратно къ берегамъ Рейна. Оно пошло по парижской дорогѣ, но не вступало въ этотъ городъ, потому что Сигбертъ, вѣрный своимъ обязательствамъ, уважалъ его неприкосновенность. Въ продолженіи всего пути, австрійскія дружины разоряли мѣста, по которымъ проходили, и окрестности Парижа долго помнили ихъ шествіе. Большая часть селеній и деревень бы-

ding, по разнымъ германскимъ нарѣчіямъ. Это позорное слово употреблялось въ вызовахъ и объявленіяхъ войнъ и означало челоѣка, отверженнаго отъ общества.

⁽¹⁾ Greg. Turon.; Hist. Franc., т. II, стр. 229.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid. — Fredegarii, Hist. Franc., стр. 307.

ла выжжена, дома разграблены и множество жителей отведено въ неволю, такъ что король не могъ ни предупредить, ни остановить подобныхъ насилій. «Онъ просилъ и увѣщевалъ», говоритъ древній сказатель: «не дѣлать этого, но не могъ превозмочь буйства народовъ, пришедшихъ съ другаго берега Рейна (¹)».

Эти язычники входили въ церкви только для того, чтобъ обворовать ихъ. Въ богатой базиликѣ Сен-Дени, одинъ изъ вождей взялъ кусокъ шелковой ткани, вышитой золотомъ и усыпанной драгоценными камнями, покрывавшей гробницу мученика; другой не убоился влѣзть на самую гробницу, достать оттуда и снять конемъ изображеніе Св. Духа — золотого голубя, привѣшеннаго къ карнизу придѣла (²). Эти грабежи и святотатства оскорбляли Сигберта, какъ короля и какъ христіанина; но чувствуя слабость вліянія своего на духъ войска, онъ поступилъ съ нимъ, какъ дѣдъ его Клодовигъ съ воиномъ, разбившимъ реймскую чашу (³). Пока армія шла, онъ смотрѣлъ съвозъ палыцы и скрывалъ свой гнѣвъ; но по возвращеніи, когда всѣ эти неукротимые воины, расходясь въ свои племена и жилища, разсыпались по разнымъ мѣстамъ, онъ велѣлъ схватить по одиначкѣ и предать смерти тѣхъ, которые наиболѣе отличились разбоемъ и неповиновеніемъ (⁴).

Подобныя опустошенія, кажется, ознаменовали переходъ Авестраційцевъ и чрезъ сѣверные предѣлы гонтранова королевства, и эта обида, тяжело его оскорбившая, повлекла разладъ между имъ и Сигбертомъ.

(¹) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229.

(²) Adriani Valesii rer. franc., lib. IX, стр. 55.

(³) Въ войну Клодовига съ Сигриемъ (486 г.) франкскіе воины разорили множество церквей. Однажды они похитили въ Реймѣ огромный и великолѣпный церковный сосудъ. Епископъ Реми послалъ къ королю просить возвращенія этой чаши; король отвѣчалъ посланнымъ: «Идите за мной въ Суассонъ, гдѣ будетъ дѣлать добычи. Если чаша выпадетъ на мою долю, то я исполню желаніе отца.» По прибытіи въ Суассонъ, когда всѣ собрались на площадь, король сказалъ: «храбрые воины, прошу васъ даровать мнѣ эту чашу, кромѣ того, что мнѣ достанется по жребію». Всѣ поспѣшили отвѣтствовать, что онъ властенъ надъ всѣмъ, что даже они сами принадлежать ему, и что онъ можетъ дѣлать все, что ему угодно, не боясь возраженій. Но одинъ легкомысленный воинъ, не столь спокойный и угодливый, какъ другіе, поднявъ свой мечъ (francisque) и, хвативъ имъ по сосуду, сказалъ сильнымъ и громкимъ голосомъ: «Не получишь того, чего подлинно не дастъ тебѣ жребій». Всѣ были изумлены такою дерзостью. Король смолчалъ, скрылъ негодованіе, но запомнилъ обиду; онъ взялъ чашу и отдалъ ее присланнымъ отъ епископа. Черезъ годъ послѣ того, онъ собралъ на военномъ полѣ свое войско для осмотра, въ исправности ли оружіе. Проходя по войскамъ, онъ подошелъ къ воину, разбившему чашу, и сказалъ: «Никто не вынесетъ оружія хуже твоего. Ни копье, ни мечъ, ни топоръ твой не въ порядкѣ.» Съ этими словами, взявъ у него топоръ, бросилъ на землю. Когда воинъ нагнулся поднять его, король, взмахнувъ мечемъ, разрубилъ ему голову, примолвивъ: «Вотъ, что ты сдѣлалъ съ суассонской чашей». Воинъ упалъ мертвый, и войско, по повелѣнію короля, разошлось въ молчаніи. Примѣръ этотъ устрасилъ непокорныхъ воиновъ. (Изъ Григорія Турскаго.)

Прим. пер.

(⁴) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229.

Съ другой стороны, миролюбіе нейстрійскаго короля было непродолжительно; увидѣвъ себя въ опасности, онъ возвратился къ своей постоянной мысли и снова обратилъ жадные взоры на аквитанскіе города, которыми владѣлъ онъ короткое время. Ссора, возникшая между братьями, казалась ему благопріятнымъ обстоятельствомъ для возобновленія своего предпріятія; онъ посигшилъ воспользо-ваться случаемъ, и менѣе, нежели чрезъ годъ по заключеніи мира, послалъ сказать Гонтрану: «Пусть братъ мой послѣдуетъ за мною, по-«видаемся, и съ-обща пойдемъ на врага нашего, Сигберта» ⁽¹⁾. Предложеніе это было очень-охотно принято; оба короля имѣли свиданіе, одарили другъ друга въ знакъ дружбы и заключили наступательный союзъ противъ австразійскаго брата. Гильперикъ, въ полной надеждѣ на успѣхъ, послалъ къ берегамъ Луары новыя войска подъ начальствомъ сына своего, Теодоберта, вторично переправившагося черезъ нее въ 575 году, а самъ вступилъ въ реймскія земли, составлявшія западный предѣлъ Австразійскаго Королевства. Его нашествіе сопровождалось такими же опустошеніями, какъ и война Теодоберта въ Аквитаніи; онъ жегъ селенія, уничтожалъ жатвы и грабилъ все, что только можно было взять съ собою ⁽²⁾. Слухъ объ этихъ хищеніяхъ дошелъ до Сигберта въ одно время съ извѣстіемъ о составленіи противъ него союзъ. Онъ уже разъ простилъ Гильперика вопреки настояніямъ своей жены, не хотѣвшей ни мира, ни перемирія съ убійцей Галесвинты; теперь негодованіе его было взрывъ человѣка, простаго сердцемъ, но горячаго характеромъ, который вдругъ узнаеть, что его обманули. Онъ разразился ругательствами и проклятіями. Но этотъ кипучій гнѣвъ, родъ горячки, припадокъ, который могъ снова утихнуть отъ покорности врага, не былъ надеженъ и не удовлетворялъ Брунегильду. Она привела въ дѣйствіе все вліяніе свое на мужа, чтобы вселить въ душу его болѣе обдуманную жажду мщенія и направить его злобу къ единственной цѣли, братоубійству. «Разсчитаться съ злодѣемъ»,—таковъ былъ вопль сестры Галесвинты. На этотъ разъ, Сигбертъ ее послушалъ, и съ цѣлю биться на смерть снова воззвалъ къ восточнымъ Франкамъ и за-рейнскимъ народамъ, призывая ихъ къ войнѣ на Гильперика ⁽³⁾.

Для возбужденія этихъ людей, такъ мало сговорчивыхъ, къ борьбѣ отчаянной, австразійскій король обѣщалъ имъ все: денегъ, добычи, даже города и земли въ Галліи. Онъ пошелъ прямо къ западу, на помощь реймской области, что избавило его отъ заботъ на счетъ перехода черезъ Сену. При его приближеніи, Гильперикъ, избѣгая битвы, какъ и въ прежнюю войну, отступилъ вдоль по теченію Марны и искалъ удобной позиціи около Нижней Сены. Сигбертъ преслѣдовалъ его до самыхъ стѣнъ Парижа; но тутъ остановился, польстясь мыслию завладѣть городомъ, который считался въ то время весьма крѣпкимъ, и устроитъ въ немъ складъ для военныхъ запасовъ, а въ случаѣ нужды и

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

вѣрное убѣжище. Какъ ни благоразумна была такая мысль, однако, повинувась ей, король австразіійскій поступилъ дерзко, чего безъ сомнѣнія не рѣшился бы сдѣлать, еслибъ жажда мщенія не заглушила въ немъ всякаго чувства совѣсти и страха.

По смыслу раздѣльнаго договора, заключеннаго восемь лѣтъ назадъ, Парижъ, размежеванный на три участка, считался городомъ нейтральнымъ, входъ въ который воспрещенъ былъ каждому изъ трехъ сыновей Клотера подъ самую священную клятву—подъ опасеніемъ всевозможныхъ религіозныхъ страховъ. До-сихъ-поръ, ни одинъ изъ братьевъ не осмѣливался преступить клятву и презрѣть проклятія, призанныя на того, кто ее нарушилъ. Сигбертъ на это отвѣтилъ: онъ предпочелъ скорѣе пожертвовать своею душою, нежели пренебречь единственнымъ средствомъ для успѣшнаго достиженія своей цѣли. Парижъ, дѣйствительно, былъ ему необходимъ, какъ опорный пунктъ, или, употребляя повѣйшее выраженіе, какъ базисъ дальнѣйшихъ его дѣйствій, смотря по тому, хотѣлъ ли онъ идти на западъ противъ Гильперика, или на югъ, противъ Теодеберта. Итакъ, вопреки договору, онъ потребовалъ сдачи города, и вступилъ въ него безъ всякаго сопротивленія, потому-что Парижъ былъ охраняемъ только заступничествомъ святыхъ Поліевкта, Гиларія и Мартина ⁽¹⁾.

Учредивъ свое пребываніе въ Парижѣ, король Сигбертъ прежде всего занялся отпращиваніемъ войскъ противъ гильперикова сына, который, объѣзжая Аквитанію по прошлогодней дорогѣ, вступилъ уже въ Лиможъ. Полоса земли между городами Туромъ и Шартромъ, заключавшая въ себѣ области Шатодёна и Вандомъ, принадлежала Австразіійскому Королевству; Сигбертъ рѣшился набрать тамъ войско, дабы сберечь тѣмъ силы, приведенныя имъ съ собою. Вѣстники его ходили изъ села въ село, призывая всѣхъ свободныхъ мужей явиться въ назначенномъ мѣстѣ, въ какомъ кто могъ оружіи, отъ кирасы и копы до простаго ножа и окованной желѣзомъ дубины. Но ни въ городахъ, ни въ окрестностяхъ никто не отвѣчалъ на воззваніе, и не смотря на пеню въ шестьдесятъ золотыхъ солидовъ, налагаемую на ослушника королевскихъ повелѣній, жители Шатодёна, Вандома и окрестностей Тура не вооружались и не покидали жилищъ своихъ ⁽²⁾. Эти люди знали только одно, что земля ихъ составляетъ участокъ Сигберта, и что взимаемые съ нихъ подати принадлежатъ австразіійской казнѣ; а такъ-какъ король, отъ котораго они зависѣли, не давалъ имъ прежде чувствовать своей правительственной власти никакимъ дѣйствіемъ, и какъ приказаніе это впервые отъ него исходило, то они и не обратили на него большаго вниманія.

Еслибъ такое страдательное сопротивленіе было продолжительно, то оно заставило бы австразіійскаго короля раздѣлить свои силы. Для скорѣйшаго и миролюбиваго прекращенія этого сопротивленія, Сигбертъ отправилъ искуснѣйшихъ своихъ переговорщиковъ, Годегизеля, палат-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229 и 295.

(2) Ibid. — Leg. Ripuar., apud script. rer. gall. et franc. т. IV, стр. 248.— Leg. Visigoth., ib., стр. 245.

наго мѣра, и Гонтрана, по прозванію Бозо, то-есть, человѣка хитраго, пронырливаго и сметливаго, одареннаго, не смотря на свое германское происхожденіе, такую гибкостью ума, которая составляла принадлежность только галло-римскаго племени. Оба Австразійца усильно выполнили свое порученіе и вскорѣ перешли чрезъ Луару съ войскомъ, плохо вооруженнымъ, но довольно многочисленнымъ для того, чтобъ осмѣлиться помѣрять силы свои съ Франками Теодоберта ⁽¹⁾.

Эти Франки, и безъ того сильно напуганные извѣстіемъ объ австразійскомъ вторженіи, встревожились еще болѣе, когда узнали, что на нихъ идетъ войско, и что отступленіе имъ отрѣзано. Но Теодобертъ, какъ ни унало духомъ его войско, рѣшился, какъ истинный Германецъ, идти на встрѣчу непріятелю ⁽²⁾. Онъ выступилъ изъ Лиможа и шелъ занять позицію на берегахъ Шаранты, въ восьми или десяти миляхъ отъ Ангулема; во время этого перехода множество народа разбѣжалось, такъ-что передъ началомъ битвы онъ былъ почти всею оставленъ; не смотря на то, онъ сражался съ большимъ мужествомъ и былъ убитъ въ схваткѣ. Галльскіе поселяне, составившіе войско Годегизеля и Гонтрана-Бозе, не питали такого благоговѣнія къ потомкамъ Меровинга, какъ Франки: безъ уваженія къ длиннымъ волосамъ, отличавшимъ сына короля Гильперика отъ прочихъ, они обообрали его наравнѣ съ другими трунами и оставили нагимъ на полѣ битвы. Но вождь австразійскій, по имени Арнульфъ, убоялся такого нечестія, и хотя былъ врагомъ Теодоберту, однако съ почтеніемъ поднялъ тѣло юнаго принца, обмылъ его по обыкновенію и, облачивъ въ богатые одежды, похоронилъ на собственный счетъ въ городѣ Ангулемѣ ⁽³⁾.

Между-тѣмъ, король Гонтранъ, вторично уступивъ наклонности своей къ спокойствію, или побуждаемый страхомъ, примирился съ Сигбертомъ. Гильперикъ узналъ объ этой новой измѣнѣ въ одно время съ вѣстью о смерти сына и истребленіи аквитанскаго войска. Приведенный этимъ двойнымъ несчастіемъ въ совершенное отчаяніе и помышляя только о спасеніи жизни, онъ оставилъ берега Сены, послѣдно прошелъ чрезъ все свое королевство, и укрылся въ стѣнахъ Турна съ женою, дѣтьми и преданными ему воинами ⁽⁴⁾. Крѣпкое положеніе этого города, первобытной столицы франкскаго государства, побудило Гильперика избрать въ немъ убѣжище. Въ ожиданіи осады, онъ занялся наборомъ людей и пополненіемъ боевыхъ запасовъ, пока Сигбертъ, свободный въ своихъ движеніяхъ по всей Нейстріи, забиралъ города этого королевства.

Занявъ тѣ, которые лежали къ сѣверу и востоку отъ Парижа, онъ направился на западъ, рѣшась все завоеванное, и города и земли, отдать въ уплату своимъ за-рейскимъ воинамъ. Намѣреніе это возбуди-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid. стр. 230.

⁽⁴⁾ Ibid.

до во всѣхъ Франкахъ, даже австразійскихъ, сильныя опасенія ⁽¹⁾. Австразійцы не желали имѣть своихъ природныхъ враговъ сосѣдями въ Галліи, а Нейстрійцы, съ своей стороны, страшились утраты собственности, порабощенія, и всѣхъ бѣдъ, неразлучныхъ съ завоеваніемъ страны. Первые представили королю возраженія и ропоты; вторые съ нимъ переговаривались. Обсудивъ между собою, какъ поступить въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, вожди и *ариманы* Нейстрии отправили къ Сигберту посланіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Франки, которые прежде стояли за короля Гильдеберта, а потомъ сдѣлались ленивыми (*hommes lises*) короля Гильперика, хотятъ нынѣ предаться тебѣ, и предлагаютъ, если прійдешь къ нимъ, поставить тебя королемъ надъ собою» ⁽²⁾.

Таковъ былъ нѣсколько странный языкъ германской политики, и такимъ-то образомъ Франки пользовались правомъ покидать правившаго ими государя и переходить подъ власть другаго потомка Меровинга. Королевская сила каждаго изъ сыновей Клотера заключалась не столько въ обширности и богатствѣ земель, составлявшихъ ихъ владѣнія, сколько въ числѣ воиновъ, которые состояли подъ ихъ покровительствомъ, и, по германскому выраженію, повиновались устамъ ихъ ⁽³⁾. Не было ничего положительнаго, или постояннаго, въ распредѣленіи франкскаго народонаселенія между королями, которыхъ оно составляло силу; оно не соответствовало въ точности очертанію земель, такъ что иной государь могъ имѣть васаловъ даже въ чужомъ королевствѣ. Между этими васалами или людьми, самые преданные, самые полезные, какъ тогда выражались, были тѣ, которые, живя близъ короля и составляя его постоянную стражу, пользовались, въ видѣ платы, общими съ нимъ столомъ, или произведеніями его помѣстій. Менѣе можно было полагаться на вѣрность тѣхъ, которые поселялись вдалекѣ, въ собственныхъ своихъ жилищахъ, пользовались съ королевскаго согласія, *феодомъ* или землями въ видѣ вознагражденія ⁽⁴⁾. Они-то, для спасенія своей соб-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 230.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ *Mund*, отъ котораго происходятъ слова *mundeburdis*, *mundiburdium*, *mundeburde*, и проч. (Marculfi formul. стр. 447). — Судя по нѣкоторымъ корнямъ германскихъ языковъ, *romъ* въ древней Германіи былъ символомъ власти, а *ухо* подчиненности.

⁽⁴⁾ Marc. form., т. IV, стр. 447. — По праву завоеванія и какъ вожди побѣдоноснаго народа, Меровинги присвоили себѣ, во всѣхъ частяхъ Галліи, множество домовъ и земель, составившихъ полное ихъ владѣніе или отчины, *алодъ*, какъ тогда говорили на языкѣ Франковъ, отъ слова *od* или *ot*, что значило на древнихъ германскихъ нарѣчіяхъ *имущество* или *собственность*. Даже города считались частію этихъ алодовъ, имуществомъ, подлежащимъ владѣнію и наслѣдованію. Передъ кончиною, Меровинги съ отечественною заботливостію дѣлили между сыновьями алодъ, доставшійся имъ отъ предковъ и приращенный ими самими. *Феодомъ* или *леномъ* называли казенныя земли, раздаваемые воинамъ съ условіемъ повиновенія, въ случаѣ неисполненія чего земли отбирались и снова поступали въ казну. — *Fea* или *Feo* на языкѣ Франковъ означало всякую движимую собственность, какъ стада и деньги, а вооб-

ственности, измѣнили дѣлу Гильперика и предложили королевство Сигберту; напротивъ того, первые, болѣе вѣрные, но не столь многочисленные, послѣдовали за бѣжавшимъ королемъ своимъ въ Туринъ. Сигбертъ съ радостію принялъ посольство и предложеніе Нейстрійцевъ; онъ увѣрилъ ихъ клятвою, что ни одинъ городъ не будетъ преданъ войскамъ на разграбленіе и обѣщалъ прибыть въ собраніе, гдѣ, по обычаю предковъ, его должны были возвести на царство. Потомъ онъ совершилъ родъ военнаго обозрѣнія до предѣловъ Руана, и удостовѣрся, что ни одинъ изъ крѣпкихъ городовъ на западѣ не расположенъ ему сопротивляться, возвратился въ Парижъ.

Брунегильда, желая предостеречь мужа отъ возврата къ братской любви и для личнаго надзора за исполненіемъ своего мщенія, оставила городъ Мецъ и прибыла къ Сигберту. Она была такъ увѣрена въ несомнѣнности своего торжества, что предприняла это путешествіе съ обѣими дочерьми, Ингондою и Кюдесвиндою, и сыномъ Гильдебертомъ, четырехлѣтнимъ ребенкомъ. Повозки съ ея имуществомъ были наполнены сокровищами и вѣзмъ, что только было у нея лучшаго изъ золотыхъ уборовъ и драгоценныхъ вещей (1). Казалось, она изъ женскаго тщеславія хотѣла всѣхъ ослѣпить и явиться въ одно и то же время и великолѣпною въ своемъ уборѣ и грозною для враговъ. Эта королева, еще юная и замѣчательная по красотѣ своей, лучше другихъ меровингскихъ супругъ соответствовала понятію о царицѣ, которое галльскій народъ создавалъ себѣ по преданіямъ римской имперіи. Дочь короля, рожденная въ странѣ, гдѣ королевская власть, хотя и въ варварскомъ племени, однако являла величіе совершенно царственное, Брунегильда вселяла общее уваженіе высокимъ родомъ и достоинствомъ своего обхожденія. Въ день ея вступленія въ Парижъ, жители толпами стремились къ ней на встрѣчу; духовенство и особы сенаторскихъ фамилій спѣшили привѣтствовать ее; но человекъ, который, по духовному и вмѣстѣ съ тѣмъ правительственному званію, стоялъ въ главѣ всего города, епископъ Германъ или Жермень, чтимый нынѣ во святыхъ, не явился для встрѣчи.

То былъ поборникъ просвѣщенія и христіанской вѣры, одна изъ тѣхъ нѣжныхъ организацій, которымъ зрѣлище римскаго міра, подвластнаго варварамъ, причиняло нестерпимое отвращеніе, и которыя истощали силы свои въ тщетной борьбѣ съ свирѣпымъ насиліемъ и страстями королей. Съ самаго начала междоусобной войны, святой Жермень старался быть посредникомъ между Гильперикомъ и Сигбертомъ, а по прибытіи послѣдняго, тщетно возобновлялъ свое ходатайство и увѣщанія. Утомленіе и печаль разстроили его здоровье; онъ занемогъ и во время тѣлесныхъ страданій, настоящая и будущая судьба Галліи представлялась ему въ краскахъ еще болѣе мрачныхъ. «Отъ-чего» восклицалъ онъ: «не имѣемъ мы ни минуты спокойствія? Отъ-чего не

ице доходъ, военную плату; *feh-od* буквально значить жалованная собственность (Lettres sur l'histoire de France, par A. Thierry, lettre X).

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 230.—Adriani Valesii rer. franc., стр. 57.

«можемъ сказать, подобно апостоламъ, въ промежуткѣ двухъ гоненій: Вотъ наконецъ сносные дни ⁽¹⁾?» Одержимый недугомъ, не будучи въ состояніи высказать Брунегильдѣ своихъ увѣщаній въ пользу мира, онъ изложилъ ихъ письменно. Письмо это, переданное ей церковникомъ франкского происхожденія, по имени Гондальфомъ, и дошедшее до насъ, начинается почтительными извиненіями и увѣреніями въ преданности; потомъ продолжается слѣдующимъ образомъ:

«Стану ли повторять слухи, которые ходятъ въ народѣ? Они смущаютъ меня и я желалъ бы имѣть возможность скрыть ихъ отъ вѣщающаго свѣдѣнія? Говорятъ, что ваши совѣты и наущенія побуждаютъ «преславнаго короля Сигберта къ упорному ожесточенію въ погнѣбленіи нашего края.—Если я повторяю подобныя толки, то не потому — что имъ вѣрю, но дабы упросить васъ не доставлять никакого повода къ такимъ вѣрнымъ обвиненіямъ. Хотя земля наша съ давнихъ уже поръ не можетъ назваться счастливою, однако мы еще не отчаиваемся въ Божіемъ милосердіи, которое властно остановитъ мстительную руку, лишь бы ты, на комъ возлежитъ правленіе, не увлекался каждою убійства, любостыжаніемъ, источникомъ великаго зла, и гнѣвомъ, по-темниющимъ здравый разумъ ⁽²⁾».

«Богу это извѣстно, мнѣ и того довольно; я желалъ бы умереть для «продленія ихъ дней, желалъ бы умереть прежде ихъ, дабы не видѣть на глазахъ своихъ погнѣбленій ни ихъ самихъ, ни нашего края. Но они не перестаютъ пребывать въ непрерывной войнѣ и распрѣ, обвиняя другъ друга, ни мало не помышляя о судѣ Божіемъ и не желая ничего представить опредѣленію Его всемогущей воли. Какъ ни «одинъ изъ нихъ мнѣ не вѣселятъ, то я къ вамъ обращаю мое моленіе, ибо если, ради ихъ раздоровъ, королевство склонится къ гибели, то ни вамъ, ни дѣтямъ вашимъ великаго торжества въ томъ не «будетъ. Да возрадуется же эта страна, принявъ васъ къ себѣ; явите, «что вы призваны для спасенія, а не для погнѣбленія ея; укротивъ гнѣвъ «короля, склонивъ его терпѣливо ждать суда Божіаго, вы разсѣете въ «прахъ всѣ дурныя толки народа ⁽³⁾».

«Съ горестію пишу къ вамъ объ этомъ, ибо знаю, какъ ниспровергаются цари и народы, оскорбляющіе Господа. Кто надѣется на силу собственной руки своей, будетъ поправъ и не стяжаетъ побѣды; «кто довѣрчиво полагается на многочисленность своихъ воевъ, тотъ «далекъ отъ безопасности и впадетъ въ страхъ смерти; кто величается сокровищами серебра и злата, тотъ подвергнется поруганію и бѣдствію прежде, нежели насытитъ свое любостыжаніе. Такъ мы читаемъ во Св. Писаніи ⁽⁴⁾».

«Безславно побѣдить собственного брата, повергнуть въ униженіе «родное семейство и разорить владѣніе, основанное предками. Кто ра-

⁽¹⁾ Germani Paris. episc. epist., apud. script. rer. gallic. et franc., т. IV, стр. 80.

⁽²⁾ Ibid. стр. 81.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

«туетъ другъ противъ друга, тотъ ратуетъ самъ противъ себя; каждый «изъ нихъ стремится къ разрушенію собственнаго своего блага, а «врагъ, стерегущій ихъ и уже близкій къ нимъ, радуется, видя ихъ по- «гибель... Мы читаемъ, что царица Эсвиръ была орудіемъ Бога для «спасенія цѣлаго народа; возсіайте же и вы благоразуміемъ и чисто- «тою вашей вѣры, отклоняя государя короля Сигберта отъ намѣренія, «противнаго Божескому закону и даруя народу наслаждение благами «мира, пока вѣчный Судія не изглаголетъ суда своего. Кто отвергнетъ «любовь братскую, пренебрежетъ увѣщанія супруги, не вонметъ «гласу истины, на того всѣ пророки ополчаться глаголомъ; того всѣ апо- «столы поразятъ проклятіемъ и самъ Богъ разсудитъ его по своей «всемогущей волѣ (1).»

Чувство горести, впечатлѣнное на каждомъ словѣ этого письма, нѣсколько высокомерная важность слога и даже презрительный сно- собъ рѣчи о короляхъ, не называя ихъ, все это имѣло въ себѣ нѣ- что повелительное; но все было бесполезно. Брунгильда имѣла ха- рактеръ въ высшей степени мстительный и непреклонный, обра- зецъ котораго олицетворенъ въ древней германской поэзіи въ женщи- нѣ того же имени (2). Она не обратила вниманія ни на угрозы религіи, ни на эти старія предостереженія людской опытности въ преврат- ность счастья. Ни мало не помышляя о своемъ положеніи, дѣйстви- тельно затруднительномъ въ томъ случаѣ, если бы мужъ подвергся какой-нибудь неудачѣ, она болѣе нежели когда-либо сгарала терпе- ливіемъ дожидаться отъѣзда его въ Турнэ, чтобы нанести тамъ послѣд- ній ударъ и увѣнчать свою побѣду братоубійствомъ.

Сигбертъ послалъ сначала часть войска обложить Турнэ и начать осаду; самъ же готовился къ отправленію туда, гдѣ предназначено было поставить его королемъ западныхъ Франковъ (3). Ни Парижъ, ни другой какой городъ не могли быть удобны для этого обряда, которо- му надлежало совершиться на открытомъ воздухѣ, посреди воинскаго стана. Сборнымъ мѣстомъ избрано было казенное помѣстье Нейстрій- скаго Королевства, Витрина-Скарпе, потому ли, что оно лежало невя- дѣкъ отъ Турнэ, или, можетъ-быть, потому-что сѣверное положеніе дѣлало его болѣе удобнымъ для сбора франкскаго народа, который тѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ гуще населялъ Галлію. Въ минуту отъ- ѣзда, когда король отправлялся въ путь, въ сопровожденіи отборной дружины всадниковъ, всѣхъ одинако вооруженныхъ раскрашенными щитами и коньями со значкомъ, внезапно предсталъ предъ нимъ мужъ, блѣдный, въ святительскомъ облаченіи; то былъ епископъ Жер- мень, возставшій съ болѣзненнаго одра для послѣдней и торжествен- ной попытки къ примиренію. «Король Сигбертъ» сказалъ онъ: «если ты «идешь не съ тѣмъ, чтобы умертвить своего брата, то возвратишься

(1) Germani Paris. episc. epist., apud. script. rer. gallic. et franc., т. IV, стр. 80.

(2) Брунгильда въ скандинавской Эддѣ, и Брунгильда въ Нибелунгахъ. Это сходство именъ совершенно случайно.

(3) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 230.

«здравъ и побѣдоносенъ; но если у тебя другая мысль, то умрешь самъ, ибо рекъ Господь устами Соломона: копаяй яму для брата впадетъ въ нѣю» ⁽¹⁾. Король ни мало не былъ смущенъ этой неожиданной рѣчью; намѣреніе его было твердо и онъ увѣренъ былъ въ побѣду. Онъ проѣхалъ мимо, не отвѣтивъ ни слова, и скоро потерялъ изъ виду городскія ворота, за которыми жена и трое дѣтей остались до возвращенія его.

Проѣздъ Сигберта черезъ королевство, которое подлежало ему по праву избранія, казался предварительнымъ торжествомъ. Городскіе жители галльскаго происхожденія и духовенство встрѣчали его съ крестнымъ ходомъ; Франки сѣли на коней и примыкали къ его поѣзду. Всюду раздавались клики на языкахъ латинскомъ и древне-германскомъ ⁽²⁾. Отъ береговъ Сены до Соммы, Галло-Римляне, въ отношеніи къ численности, были господствующимъ народомъ; но къ сѣверу отъ этой рѣки германскій оттѣнокъ обнаруживался все болѣе и болѣе. Чѣмъ далѣе подвигались впередъ, тѣмъ чаще въ массѣ туземцевъ являлись лица франческаго происхожденія: они не составляли, подобно тому, какъ въ центрѣ Галліи, только небольшія дружины праздныхъ воиновъ, разселенныхъ вдалекѣ одни отъ другихъ, но жили племенами и земледѣльческими поселеніями по берегамъ болотъ и окраинамъ лѣсовъ бельгійской провинціи. Витри, близъ Дуэ, находился, такъ-сказать, на рубежѣ между этими двумя полосами; Франки сѣверные, хлѣбопашцы и фермеры, и Франки южные, боевые васалы, съ равнымъ удобствомъ могли тамъ сойтись для введенія новаго короля. Одинъ только изъ числа богатыхъ владѣльцевъ и вождей Нейстрійскаго Королевства, по имени Ансвальдъ, не явился на сборище; отсутствіе его было замѣчено и въ-послѣдствіи прославило его за вѣрность королю въ несчастіи ⁽³⁾.

Обрядъ совершился на равнинѣ, окруженной шатрами и ставками тѣхъ, кому, за недостаткомъ помѣщенія въ строеніяхъ помѣстья Витри, пришлось располагаться въ открытомъ полѣ. Франки, въ полномъ вооруженіи, образовали обширный кругъ, въ срединѣ котораго сталъ король Сигбертъ, въ кругу своихъ чиновъ и знатнѣйшихъ сановниковъ. Къ нему подошли четыре сильные воина, держа щитъ, на который они посадили короля и подняли на плечи. На такомъ подвижномъ тронѣ Сигбертъ трижды обнесенъ былъ по кругу, сопровождаемый вождями и привѣтствуемый толпою, которая, желая придать болѣе грома своимъ кликамъ, ударила плоскою стороною мечей о щиты, окованные желѣзомъ ⁽⁴⁾. Послѣ третьяго круга, посвященіе короля по древнимъ германскимъ обрядамъ было совершено вполне, и съ этой минуты Сигбертъ имѣлъ право воспользоваться названіемъ короля Франковъ, какъ *Остеръ*, такъ и *Неостеръ-Рика*. Остальная часть дня и много послѣдовавшихъ за тѣмъ дней прошли въ увеселеніяхъ, при-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 230.

⁽²⁾ Fortunati carmin., т. X, стр. 560.

⁽³⁾ Fredegarii Hist. Franc., стр. 407.

⁽⁴⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 230. — Ibid. стр. 184.

мѣрныхъ битвахъ и великолѣпныхъ пирахъ, на которыхъ король, не жалѣя запасовъ, собранныхъ въ Витри, угощалъ всѣхъ и каждого въ своемъ новомъ помѣстьѣ.

Въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда, Турнэ, осажденный австразійскимъ войскомъ, былъ театромъ сценъ совсѣмъ инаго рода. Въ той мѣрѣ, сколько Гильперикъ могъ по своей грубой организаціи предаваться душевнымъ страданіямъ, онъ чувствовалъ горестъ короля, всѣми покину- таго и низложеннаго; Фредегонда, въ волненіяхъ отъ страха и отчая- нія, приходила какъ дикій звѣрь въ бѣшенство. Во время пріѣзда въ Турнэ, она была беременна и почти на сносяхъ; вскорѣ потомъ, посреди тревогъ осады и опасеній смерти, одолевавшихъ ее днемъ и ночью, она родила сына. Въ первую минуту, по неимѣнію присмотра и пищи, она хотѣла бросить и сгубить ребенка, котораго считала новою при- чиной опасности;—но то было лишь мгновенною мыслію и материнская нѣжность превозмогла. Новорожденный былъ окрещенъ и воспріятъ отъ купели епископомъ города Турнэ, при чемъ, вопреки франкскимъ обычаямъ, получилъ чуждое германскому языку имя Самсона, которое родители его, бѣдствуя, избрали въ предзнаменованіе своего освобож- денія.

Считая положеніе свое почти безнадежнымъ, король ждалъ развяз- ки съ какимъ-то безстрастіемъ; но королева, не столь вялая духомъ, придумывала тысячу различныхъ средствъ, составляла проекты для бѣгства и, осматриваясь кругомъ, стерегла малѣйшій лучъ надеж- ды. Между воинами, пришедшими въ Турнэ дѣлить участь своего го- сударя, она замѣтила двухъ, которые лицомъ и рѣчами обнаруживали глубокое сочувствіе и преданность: то было двое юношей, родомъ изъ тетуранской области, происхожденіемъ Франки, склонные къ тому па- пистическому самоотверженію, которымъ такъ тщеславились васалы среднихъ вѣковъ. Для привлеченія этихъ двухъ воиновъ, Фредегонда употребила все свое искусство, всѣ обаянія своего сана: она призвала ихъ къ себѣ, говорила о своемъ злополучіи и безнадежности, отума- нила головы ихъ хмѣльными напитками, и когда увѣрилась, что они словно обморочены, стала убѣждать ихъ отправиться въ Витри и умер- твить короля Сигберта. Молодые воины обѣщали исполнить все, что бы ни приказала имъ королева; тогда вручивъ каждому изъ нихъ по длинному ножу, или, какъ называли ихъ Франки, *скрамасаксы*, лезвее ихъ, для большей предосторожности, она напоила ядомъ. «Идите» сказала она имъ: «и если воротитесь живы, я осыплю поче- «стями и васъ и потомство ваше; если же падете, то во всѣ свѣтыя «мѣста раздамъ за васъ милостыню ⁽¹⁾».

Юноши вышли изъ Турнэ и, выдавъ себя за бѣглецовъ, прошли сквозь австразійское войско и направились по дорогѣ, ведущей къ ко- ролевскому помѣстью Витри. Когда они прибыли, во всѣхъ палатахъ раздавалось еще веселіе пировъ и празднествъ. Они объявили, что пришли изъ Нейстрійскаго Королевства поклониться королю Сигберту

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 230. — Gesta rer. franc., стр. 562. — *Скрамасакс* значитъ оборонительный ножъ.

и говорить съ нимъ. Въ эти первые дни царствованія, Сигбертъ старался быть привѣтливымъ и приниматьъ всякаго, кто требовалъ отъ него суда или защиты. Нейстрійцы просили свиданія наединѣ и были безъ труда къ тому допущены; ножи, заткнутые за поясомъ, не возбудили ни малѣйшаго подозрѣнія, потому-что составляли принадлежность германской одежды. Пока король слушалъ ихъ благосклонно, одного съ одной, а другаго съ другой стороны, они разомъ выхватили свои скрамасаксы и въ то же время нанесли ему два удара въ бока. Сигбертъ вскрикнулъ и упалъ мертвый. На этотъ крикъ въскочили съ обнаженными мечами королевскіи окольникіи (*camerier*) Гарегизель, и одинъ Готъ, по имени Сигила; первый былъ убитъ, а второй раненъ убійцами, оборонявшимися съ изступленною яростью. Но вслѣдъ за тѣмъ подоспѣли другіе вооруженные воины, комната наполнилась народомъ и оба Нейстрійца, окруженные со всѣхъ сторонъ, пали въ неравномъ бою ⁽¹⁾.

Узнавъ объ этомъ происшествіи, Австразійцы, осаждавшіе Турнэ, поспѣшно снялись и пошли обратно въ свою землю. Каждый изъ нихъ нетерпѣливо желалъ узнать, что происходитъ у него дома, потому-что неожиданная смерть короля должна была возбудить въ Австразіи тму безпорядковъ, насилиій и грабежей. Такимъ образомъ, эта страшная и многочисленная армія потекла обратно къ Рейну, оставивъ Гильперика безъ непріятеля и давъ ему свободу двинуться куда угодно. — Избѣжавъ почти несомнѣнной смерти, онъ покинулъ Турнэ, дабы сперва вступить во владѣніе своимъ королевствомъ. Помѣстье Витри, свидѣтель столькихъ событій, было мѣстомъ, куда онъ прежде всего отправился. Онъ не нашелъ уже тамъ блистательнаго сборища Нейстрійцевъ; всѣ они возвратились къ своимъ занятіямъ; только нѣсколько австразійскихъ слугъ стерегли тѣло Сигберта. Гильперикъ увидѣлъ трупъ этотъ безъ угрызений совѣсти и безъ вражды, и пожелалъ, чтобы похороны брата были достойны королевскаго сана. По его приказанію, Сигбертъ былъ обличенъ, по германскому обычаю, въ драгоценныя одежды и оружіе, и великолѣпно погребенъ въ деревнѣ Ламбръ на Скарпѣ ⁽²⁾.

Такова была развязка этой длинной драмы, начавшейся убійствомъ и окончившейся тѣмъ же; — настоящей трагедіи, въ которой есть все: и страсти, и характеры, и суровый рокъ, составившій душу древней трагедіи и придающій событіямъ дѣйствительной жизни высокое величіе поэзіи. Нигдѣ не видна такъ ясно печать непреодолимой судьбы, какъ въ исторіи меровингской династіи. Эти сыны полудикихъ завоевателей, рожденные съ отцовскими понятіями, въ наслажденіяхъ роскоши и искушеніяхъ власти, не знали страстямъ своимъ ни мѣры, ни воздержанія. Тщетно люди, болѣе ихъ опытные въ дѣлахъ міра и поступкахъ жизни, возвышали голосъ свой, склоняя ихъ къ умѣренности и благоразумію: они не внимали ни чему и губили себя по невѣжеству.

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 230. — Adriani Valesii, rer. franc., стр. 61.

(2) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 230.

И тогда говорили: персть Божій на нихъ. Таково христіанское изреченіе; но видя, какъ слѣпо увлекались они потокомъ своихъ грубыхъ побужденій и безпорядочныхъ страстей, подобно лодкѣ, уносимой теченіемъ, можно было, даже не бывъ пророкомъ, угадать и предсказать конецъ, ожидавшій почти всѣхъ ихъ.

Однажды, когда семейство Гильперика, возстановленное въ своемъ величій, жило въ бренискихъ хоромахъ, два галльскіе епископа, Сальвій Альбійскій и Григорій Турскій, прогуливались вдвоемъ вокругъ дворца, послѣ аудіенціи. Среди бесѣды, какъ-бы пораженный внезапною мыслию, Сальвій вдругъ прервалъ разговоръ и сказалъ Григорію: «Не видишь ли чего надъ кровлей этого зданія?» — Вижу, отвѣчалъ турскій епископъ: — новый теремъ, выстроенный королемъ. — «И больше ничего не замѣчаешь?» — Ничего, возразилъ Григорій: — если ты усмотришь нѣчто, скажи мнѣ, что такое? — Епископъ Сальвій глубоко вздохнулъ и сказалъ: «Я вижу мечъ гнѣва Божьяго, висящій надъ этимъ домомъ (¹).» Черезъ пять лѣтъ, король нейстрійскій погибъ жестокою смертию.

(¹) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 264.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

ИСТОРІЯ МЕРОВИГА, ВТОРАГО СЫНА КОРОЛЯ ГИЛЬПЕРИКА.

(575—578.)

Послѣ отъѣзда короля Сигберта, Брунегильда осталась одна въ Парижѣ. Честолюбивыя надежды ея съ каждымъ днемъ возрастали; она уже считала себя нейстрійскою королевою и властительницею судьбы своихъ непріятелей, какъ вдругъ узнала о смерти Сигберта, событіи, которое съ самой высокой точки счастья внезапно низвергло ее въ крайнюю и неминуемую опасность. — Гильперикъ, побѣдоносный братоубійствомъ, шелъ на Парижъ съ намѣреніемъ захватить семейство и сокровища своего брата. Къ нему возвращались не только всѣ безъ исключенія Нейстрійцы, но даже начинали приставать главнѣйшіе изъ Австразійцевъ, и, встрѣчая его на пути, клялись ему въ вѣрности, кто для полученія обратно казенныхъ земель, а кто съ желаніемъ, снискать себѣ покровительство въ случаѣ разстройства, грозившаго странѣ. Одинъ владѣтель, по имени Годинъ, или Годевинъ, получилъ въ награду за свое отложеніе обширныя помѣстья по близости Суассона; такой же примѣръ, которому послѣдовали и многіе другіе, подавъ хранитель королевскаго кольца, или государственной австразійской печати, референдарій Сигъ, или Сигвальдъ ⁽¹⁾.

Сраженная своимъ несчастіемъ и этими печальными извѣстіями, Брунегильда не знала, на что рѣшиться и не могла никому довѣриться; старинный императорскій дворецъ, въ которомъ жила она на берегу Сены, сдѣлался темницею для нея и тронхъ дѣтей ея. Хотя тамъ никто за нею не присматривалъ, однако она не осмѣливалась выѣхать по дорогѣ въ Австразію, опасаясь или быть задержанною въ своемъ побѣгѣ, или встрѣтить измѣну и тѣмъ еще болѣе увеличить опасность своего положенія, и безъ того столь гибельнаго ⁽²⁾. Убѣдась въ невозможности бѣгства со всѣмъ своимъ семействомъ и имуществомъ, она задумала спасти по-крайней-мѣрѣ своего сына, который, хотя и былъ ребенкомъ, однако много мѣшалъ честолюбію Гильперика и не могъ ждать отъ него пощады. Побѣгъ молодаго Гильдеберта подготовленъ былъ въ величайшей тайнѣ единственнымъ вѣрнымъ другомъ, оставшимся у его матери: то былъ герцогъ Гондобальдъ, тотъ самый, который, два года назадъ, такъ плохо оборонялъ область Пуату отъ вторженія Нейстрійцевъ. Ребенокъ посаженъ былъ въ большую корзину, служившую для

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 233 и 234. — *Cum* есть уменьшительное.

⁽²⁾ Ibid. стр. 233.

домашнихъ припасовъ, спустилъ въ окно и вынесенъ ночью за городъ. Гондобальдъ, а по другимъ рассказамъ, простой служитель, менѣе его могшій возбудить подозрѣніе, отправился одинъ съ сыномъ короля Сигберта и доставилъ его въ Мецъ, къ великому удивленію и радости Австразійцевъ. Его неожиданное прибытіе измѣнило положеніе дѣлъ; отпаденія прекратились и восточные Франки поспѣшили поставить собственнаго своего короля. Въ Мецъ было большое собраніе австразійскихъ владѣтелей и воиновъ; на немъ Гильдебертъ II, едва пяти лѣтъ отъ-роду, былъ провозглашенъ королемъ, и совѣтъ, избранный изъ вельможъ и епископовъ, принялъ правленіе отъ его имени ⁽¹⁾.

При этомъ извѣстїи, отнимавшемъ всякую надежду присоединить, безъ войны, братнее королевство къ своему, досадуя на разрушеніе любимѣйшаго своего замысла, Гильперикъ ускорилъ шествіе на Парижъ, дабы по-крайней-мѣрѣ овладѣть Брунегильдою и ея сокровищами ⁽²⁾. Вскорѣ вдова короля Сигберта предстала передъ своимъ смертельнымъ врагомъ безъ всякой другой защиты, кромѣ красоты, слезъ и женскаго кокетства. Ей было едва только двадцать-восемь лѣтъ, и каковы бы ни были относительно ея враждебныя намѣренія Гильперика, прїятность ея обхожденія, столько прославленная современниками, можетъ-быть, сдѣлала бы на него нѣкоторое впечатлѣніе, еслибъ его заблаговременно не занимали другія прелести: богатство, о которомъ также гремѣла молва. Но Меровигъ, старшій изъ двухъ сыновей нейстрійскаго короля, сопутствовавшихъ отцу своему, былъ сильно тронутъ при видѣ столь привлекательной и несчастной женщины, и его сострадательные и изумленные взгляды не ускользнули отъ вниманія Брунегильды.

Неизвѣстно, была ли склонность молодого человѣка утѣшеніемъ плѣнной королевы, или какъ женщина, опытная въ интригѣ, Брунегильда усмотрѣла въ томъ средство къ своему спасенію, только она употребила все свое искусство для ободренія раждающейся страсти, которая вскорѣ превратилась въ любовь самую слѣпую и самую пылкую. — Предаваясь ей, Меровигъ становился врагомъ собственнаго семейства, орудіемъ непримиримой ненависти противъ своего отца и противъ всѣхъ, къ нему близкихъ. Можетъ-быть, не сознавалъ онъ вполне, какъ было для него преступно и гибельно такое трудное положеніе; можетъ-быть, предвидя все это, упрямо увлекся своимъ произволомъ и склонностью, презирая опасность и не внимая совѣсти. Какъ бы то ни было и какъ ни ухаживалъ Меровигъ за вдовою своего дяди, однако Гильперикъ ничего не замѣтилъ, весь погруженный въ счеты и описи мѣшковъ съ серебромъ и золотомъ, сундуковъ съ драгоценными камнями и связокъ съ дорогими тканями ⁽³⁾. Онъ нашелъ, что количество ихъ превосходило его ожиданія, и это счастливое открытіе, внезапно подѣйствовавъ на расположеніе его духа, сдѣлало его болѣе кроткимъ и милосерднымъ къ плѣнницѣ. Въмѣсто того, чтобы жестоко

(1) Ibid. — Fredegarii Hist. Franc., стр. 407.

(2) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 233.

(3) Ibid. стр. 245.

отмстить ей за все зло, которое она хотѣла ему причинить, онъ удовольствовался наказавъ ее простою ссылкой и даже оставивъ ей, какъ-бы изъ вѣжливости, небольшую часть отнятыхъ у нея сокровищъ. Отдѣлавшись гораздо-благополучнѣе, нежели могла того ожидать, судя по собственнымъ своимъ чувствамъ, Брунегильда отправилась, подъ стражей, въ городъ Руанъ, предназначенный ей мѣстомъ заключенія. Послѣ столькихъ страховъ, она подверглась только одному дѣйствительно тяжелому испытанію: разлукѣ съ обѣими дочерьми Ингондою и Клодосвиндою, которыхъ король Гильперикъ, неизвѣстно по какой причинѣ, велѣлъ отправить въ Мо и стеречь тамъ ⁽¹⁾.

Этотъ отъѣздъ опечалилъ молодого Меровинга тѣмъ сильнѣе, что онъ никому не смѣлъ повѣрить своего горя. Вслѣдъ за отцомъ онъ уѣхалъ въ брэнскій дворецъ, мѣсто, всегда для него довольно скучное, а теперь особенно казавшееся ему несноснымъ. Фредегонда, какъ мачиха, питала къ дѣтямъ своего мужа такую ненависть, которая, за непмѣнимымъ другимъ подобнаго примѣра, могла бы войти въ пословицу. — Всякая нѣжность или благосклонность къ нимъ со стороны отца возбуждала въ ней зависть и досаду. Она жаждала ихъ смерти и конецъ Теодоберта, убитаго въ прошломъ году, доставилъ ей великую радость ⁽²⁾. Меровигъ, какъ будущій глава семейства, сдѣлался теперь главнымъ предметомъ ея отвращенія и безчисленныхъ притѣсненій, которыя она неуклюже умѣла воздвигать на тѣхъ, кого ненавидѣла. Молодой принцъ охотно желалъ оставить Брениъ и соединиться въ Руанѣ съ тою, чьи взоры, а, можетъ-быть, и рѣчи, давали ему поводъ думать, что онъ любимъ; но онъ, вѣроятно, не имѣлъ ни средствъ, ни предлога отважиться на такое путешествіе. Вскорѣ самъ отецъ его, ничего не подозрѣвая, доставилъ ему на то удобный случай.

Гильперикъ, упорный въ своихъ намѣреніяхъ болѣе изъ душевной вялости, нежели по твердости характера, устроивъ, по крайнему своему разумію, дѣла Нейстріи, опять задумалъ овладѣть городами, бывшими цѣлью двухъ-лѣтней войны между нимъ и его братомъ. Города эти, взятые обратно австразійскими вождями незадолго до смерти Сигберта, снова признали надъ собою власть его сына; одни только жители Тура, болѣе осторожные, потому-что не столько удалены были отъ средоточія Нейстріи, присягнули королю Гильперiku. Итакъ, оставалось еще разъ предпринять такъ часто возобновлявшійся походъ на города Пуатье, Лиможъ, Кагоръ и Бордо. Изъ двухъ сыновей, оставшихся по смерти Теодоберта, Гильперикъ избралъ въ вожди новаго ополченія того, который не бывалъ еще разбитъ въ битвѣ, именно Меровига. Отецъ его поручилъ ему небольшое войско, и приказалъ вести его въ Пуату ⁽³⁾.

Дорога эта была не та, по которой охотно направился бы юноша, еслибъ имѣлъ свободу идти по своему желанію, ибо въ сердцѣ его ки-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 233.

⁽²⁾ Ibid. стр. 246.

⁽³⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 333. — Провинція, въ которой главный городъ Пуатье, называется Пуату.

пѣла страсть совѣтъ не къ славі и битвамъ. Слѣдуя небольшими переходами къ берегамъ Луары съ своею конницею и пѣхотой, онъ мечталъ о Брунегильдѣ и жалѣлъ, что шелъ не по тому пути, который по крайней-мѣрѣ приближалъ бы его съ нею. Прибывъ въ Туръ, онъ, вмѣсто простаго привала, пробылъ въ этомъ городѣ болѣе недѣли, подъ предлогомъ желанія встрѣтить свѣтлый праздникъ въ базиликѣ св. Мартина ⁽¹⁾. Во время этого отдыха, онъ занимался на досугѣ не соображеніями о дальнѣйшемъ походѣ, а мѣрами къ побѣдѣ, и накопленіемъ, всѣми возможными средствами, изъ дорогихъ и не громоздкихъ вещей, казны, удобно переносимой. Пока его войны рыскали по окрестностямъ города, грабя и разоряя, онъ до послѣдняго эю обобралъ преданнаго отцу его Левдаста, графа турскаго, принявшаго его въ своемъ домѣ съ величайшею честью ⁽²⁾. Очистивъ этотъ домъ отъ всѣхъ бывшихъ въ немъ драгоценностей и имѣя въ рукахъ сумму, достаточную для исполненія своихъ предпріятій, Меровигъ выѣхалъ изъ Тура, какъ будто для свиданія съ своею матерью, которая съ-тѣхъ-поръ, какъ Гильперикъ развелся съ нею и женился на Фредегондѣ, инокинею жила въ Мансѣ. Но, вмѣсто исполненія этого сыновняго долга и присоединенія за тѣмъ къ войску, онъ проѣхалъ дальше и, черезъ Шартръ и Эврѣ, направился къ Руану ⁽³⁾.

Ожидала ли Брунегильда такого доказательства привязанности, или просто удивилась пріѣзду гильперикова сына, только она такъ ему обрадовалась и любовь между ними шла столь поспѣшно, что черезъ нѣсколько дней вдова Сигберта совершенно забыла своего мужа и соглашалась выйти за Меровига ⁽⁴⁾. Степень родства относила бракъ этотъ къ союзамъ, воспрещеннымъ церковными законами, и хотя религіозная строгость не имѣла большаго вліянія на совѣсть двухъ любовниковъ, однако они рисковали встрѣтить препятствіе своимъ желаніямъ, ибо не находилось священника, который взялся бы совершить бракосочетаніе, противное церковнымъ уставамъ. Епископомъ руанской кафедральной церкви былъ тогда Претекстатъ (*Praetextatus*), происхожденіемъ Галлъ; по странному стеченію обстоятельствъ, онъ былъ воспріемникомъ Меровига, и въ силу этого духовнаго родства, сохранялъ къ нему истинно отеческую привязанность съ самаго дня его крещенія ⁽⁵⁾. Этотъ мужъ, слабый умомъ и мягкій сердцемъ, не могъ устоять противъ убѣдительныхъ просьбъ, а, можетъ-быть, и бурной вспыльчивости молодого принца, котораго звалъ сыномъ, и вопреки долгу своего сана согласился благословить бракъ племянника со вдовою дяди.

Въ тотъ вѣкъ склоненія Галліи къ варварству, нетерпѣливость и забвеніе всякихъ правилъ были недугомъ времени; и всѣ, даже самыя просвѣщенныя головы, старались замѣнить порядокъ и законность ли-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 233.

(2) Ibid. стр. 233 и 261. — См. далѣе, пятый разсказъ.

(3) Ibid. стр. 233.

(4) Ibid.

(5) Ibid. стр. 245.

чнымъ произволомъ или минутнымъ увлеченіемъ. Туземцы слишкомъ хорошо слѣдовали въ этомъ примѣру германскихъ завоевателей, и изнѣженность однихъ вела къ той же цѣли, какъ и звѣрство другихъ. Слѣпо повинаясь влеченію своихъ чувствъ, Претекстатъ обвинчалъ тайно Меровига съ Брунегильдой, и по обрядамъ того времени, держа обоихъ супруговъ за руку, изрекъ надъ ними таинственныя слова брачнаго благословенія, — снисходительный, но стѣсненный ему жизни поступокъ, послѣдствія котораго не менѣе были пагубны и безразсудному юношѣ, исторгшему это согласіе ⁽¹⁾.

Полный надеждами на успѣхъ аквитанскаго похода, Гильперикъ былъ въ Парижѣ, когда получилъ странную вѣсть о побѣгѣ и бракѣ своего сына. Къ бурнымъ изъявленіямъ его гнѣва присоединились подозрѣнія въ измѣнѣ и опасеніе заговора противъ его жизни и власти. Съ намѣреніемъ разрушить эти козни, если на то еще есть время и отвлечь Меровига отъ вліянія и злыхъ совѣтовъ Брунегильды, Гильперикъ немедленно отправился въ Руанъ, въ твердой рѣшимости разлучить ихъ другъ съ другомъ и разорвать союзъ ⁽²⁾. Между-тѣмъ, въ первыхъ наслажденіяхъ брака, молодые супруги помышляли только о своей любви, и пріѣздъ нейстрійскаго короля засталъ Брунегильду врасплохъ, не смотря на ея дѣятельный и находчивый умъ. Чтобы не попасть въ руки Гильперика въ первомъ пылу его гнѣва и сколько было можно затянуть время, она придумала скрыться съ своимъ мужемъ въ небольшой церкви св. Мартина, построенной въ гордской стѣнѣ. То была одна изъ деревянныхъ базиликъ, обыкновенныхъ въ то время во всей Галліи, тонкихъ и высокихъ, съ пилястрами изъ многихъ бревенъ, соединенныхъ между собою, со сводами всегда остроконечными, по затруднительности выводить ихъ иначе изъ подобнаго матеріала, — которые, по всей вѣроятности, послужили первообразомъ стрѣльчатому стилю, введенному, нѣсколько вѣковъ спустя, въ общую архитектуру ⁽³⁾.

Хотя этотъ пріютъ былъ очень неудобенъ по малости тѣхъ покоевъ, которые, прилегая къ стѣнамъ небольшой церкви и раздѣлая ея льготы, служили убѣжищемъ, однако Меровигъ и Брунегильда поселились тутъ, рѣшась не покидать этого мѣста, пока не будутъ въ безопасности. Цѣлительно нейстрійскій король употреблялъ всякаго рода хитрости, чтобъ выманить ихъ оттуда; они не вдавались въ обманъ и такъ-какъ Гильперикъ не осмѣливался употребить силу, изъ опасенія навлечь на себя грозное мщеніе святаго Мартина, то и былъ вынужденъ вступить съ своимъ сыномъ и невѣсткою въ переговоры. — Они соглашались сдаться, но требовали отъ короля клятвеннаго слова не разлучать ихъ другъ съ другомъ. Гильперикъ далъ это обѣщаніе, только такъ уклончиво, что предоставилъ себѣ полную свободу дѣйствовать, какъ ему вздумается: онъ поклялся, что если такова воля Бо-

⁽¹⁾ См. ниже, четвертый рассказъ.

⁽²⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 233.

⁽³⁾ Ibid.

жия, то онъ ихъ не разлучить ⁽¹⁾. Не смотря на двумысленность этого выраженія, Меровигъ и Брунегильда удовольствовались клятвой, и частью изъ усталости, частью по убѣжденію, рѣшились выйти изъ-за льготныхъ стѣнъ, на которыя храмъ св. Мартина руанскаго распространялъ право неприкосновенности. Гильперикъ, нѣсколько уснокоенный покорнымъ видомъ своего сына, благоразумно сдержалъ свой гнѣвъ и скрылъ подозрѣнія; онъ даже поцаловалъ обоихъ супруговъ и сѣлъ съ ними за столъ, съ притворнымъ видомъ отеческаго къ нимъ расположенія. Проведя такимъ образомъ два или три дня въ совершенной скрытности, онъ вдругъ увезъ Меровига и отправился съ нимъ по дорогѣ въ Суассонъ, оставивъ Брунегильду въ Руанѣ, подъ присмотромъ болѣе строгимъ ⁽²⁾.

Не добъжая нѣсколько миль до Суассона, нейстрійскій король и его юный спутникъ остановлены были самыми злобными извѣстіями. Городъ былъ осажденъ австразійскимъ войскомъ; Фредегонда, перѣбѣжавшая туда, въ ожиданіи своего мужа, едва имѣла время бѣжать съ пасынкомъ, Клодовигомъ, и роднымъ своимъ сыномъ, еще груднымъ ребенкомъ. Разказы, все болѣе и болѣе достоверные, разсѣяли всякое сомнѣніе на счетъ обстоятельствъ этого неожиданнаго нападенія. То были австразійскіе переметчики, подъ предводительствомъ Годевина и Сигоальда, которые, перейдя отъ Гильперика къ юному королю Гильдеберту II, ознаменовали раскаяніе свое, передъ возвращеніемъ на родину, смѣлымъ набѣгомъ на столицу Нейстрии. Ихъ малочисленное войско состояло большею частью изъ жителей реймской равнины, народа буйнаго, который при первомъ слухѣ о войнѣ съ Нейстріицами переходилъ на грабежъ чрезъ непріятельскую границу ⁽³⁾. Король Гильперикъ безъ труда собралъ между Парижемъ и Суассономъ болѣе значительныя силы, и тотчасъ пошелъ на помощь къ осажденному городу; но вмѣсто того, чтобъ ударить съ быстротою на Австразійцевъ, онъ удовольствовался только тѣмъ, что показалъ имъ свое войско и вступилъ съ ними въ переговоры, надѣясь принудить ихъ къ отступленію безъ боя. Годевинъ и его сподвижники отвѣчали, что они пришли сразиться, однако бились плохо, и Гильперикъ, впервые побѣдившій, весело вступилъ въ столицу своего королевства ⁽⁴⁾.

Радость эта была для него кратковременна, и важныя помыслы вскорѣ навели на него безпокойство и заботы. Ему пришло на умъ, что покушеніе Австразійцевъ на Суассонъ было послѣдствіемъ заговора, составленнаго кознями Брунегильды; что Меровигъ зналъ это, самъ былъ въ немъ участникомъ, и что его покорный и искренній видъ былъ только лицемѣрною личиною ⁽⁵⁾. Фредегонда воспользовалась случаемъ перетолковать своими коварными внушеніями безразсудное поведеніе юности. Она приписывала ему обширные замыслы, къ кото-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 233.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid. стр. 233 и 234.

⁽⁴⁾ Ibid. стр. 233 и 234.

⁽⁵⁾ Ibid. стр. 234.

рымъ онъ не былъ способенъ, намѣреніе свергнуть отца и царствовать надъ всею Галліею съ женщиной, соединившейся съ нимъ кровосмѣнительнымъ бракомъ. По милости этихъ хитрыхъ наветовъ, подозрѣніи и недовѣрчивость короля возрасли до того, что обратились въ какой-то паническій страхъ. Вообразивъ, что жизни его угрожаетъ опасность отъ присутствія сына, Гильперикъ велѣлъ отнять у него оружіе и не выпускать изъ виду, пока не будетъ принято окончательное на счетъ его рѣшеніе ⁽¹⁾.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, прибыло къ Гильперiku посольство, отправленное владѣтелями, управлявшими Австразіею именемъ юнаго короля Гильдеберта, съ порученіемъ отречься отъ покушенія Годевина, какъ отъ частнаго военнаго набѣга. Король обнаружилъ столько миролюбія и благорасположенія къ племяннику, что послы осмѣлились къ извиненіямъ своимъ присовокупить просьбу, успѣхъ которой былъ весьма сомнителенъ, а именно, объ освобожденіи Брунегильды и обѣихъ дочерей ея. При другихъ обстоятельствахъ, Гильперикъ остерегся бы выпустить, по первому прошенію, врага, попавшагося въ его руки; но теперь, сообразивъ, что жена Меровига можетъ надѣлать безпорядковъ въ его королевствѣ, и пользуясь случаемъ добровольно исполнить благоразумное дѣло, онъ безъ труда согласился на все, чего у него просили ⁽²⁾.

Брунегильда, узнавъ о такой неожиданной отмѣнѣ приказаній, удерживавшихъ ее въ заключеніи, поспѣшила оставить Руанъ и Нейстрію такъ быстро, какъ-будто земля разступалась подъ нею. Опасаясь малѣйшаго замедленія, она ускорила дорожными сборами и даже рѣшилась ухватъ, не взявъ съ собою пожитковъ, которые, не смотря на значительное ихъ сокращеніе, все еще имѣли большую цѣну. Нѣсколько тысячъ золотыхъ монетъ и множество узловъ съ драгоценными каменьями и богатыми тканями было передано, по ея приказанію, епископу Претекстату, который, принявъ залогъ, вторично и еще болѣе, нежели въ первый разъ, запуталъ себя изъ любви къ крестнику своему Меровигу ⁽³⁾. Покинувъ Руанъ, мать Гильдеберта II затѣхала въ Мо взять обѣихъ дочерей своихъ, и потомъ, минуя Суассонъ, направилась въ Австразію, куда и прибыла благополучно. Ея прѣздъ, жданный тамъ съ нетерпѣніемъ, вскорѣ произвелъ большія смуты, возбудивъ зависть могущественныхъ и честолюбивыхъ вождей, хотѣвшихъ остаться единственными попечителями молодого короля.

Отъѣздъ Брунегильды не положилъ конца ни недовѣрчивости короля, ни строгимъ его мѣрамъ относительно старшаго сына. Меровигъ, лишенный оружія и военной перевязи, что, по обычаямъ германскимъ, считалось гражданскимъ позоромъ, по прежнему содержался подъ надежною стражей. Едва оправаясь отъ волненія, причиненнаго ему рядомъ такихъ неожиданныхъ происшествій, король снова обратилъ

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 233. — Adriani Valesii Rer. Franc., стр. 73.

(2) Aimoini, de Gest. Franc., стр. 73.

(3) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 245.

ся къ любимому своему проекту завоеванія пяти городовъ Аквитаніи, ихъ которыхъ только одинъ, а именно Туръ, былъ въ его власти. Не имѣя на этотъ разъ возможности выбирать того или другаго изъ двухъ сыновей своихъ, онъ, не смотря на прежнюю неудачу Клодовига, поручилъ ему начальство надъ новымъ походомъ. Юный принцъ имѣлъ приказаніе двинуться на Пуатье и наwerben сколько возможно людей въ Турени и въ Анжу ⁽¹⁾. Собрать небольшое войско, онъ безъ сопротивленія овладѣлъ городомъ Пуатье и соединился тамъ съ силами болѣе значительными, которыя были приведены къ нему съ юга знатымъ воеводою галльскаго происхожденія, по имени Дезидеріемъ.

То былъ мужъ высокаго рода, владѣтель обширныхъ помѣстій въ окрестностяхъ Альби, беспокойный и необузданно честолюбивый, какъ и всѣ въ то время, но возвышавшійся надъ совѣтниками своими изъ варваровъ нѣкоторою обширностью видовъ и порядочными военными дарованіями. Будучи правителемъ округа, пограничнаго съ враждебными для Галло-Франковъ Готами, онъ былъ страшенъ этому народу и приобрѣлъ подвигами своими большую славу и значеніе между южными Галлами ⁽²⁾. Многочисленное и исправно вооруженное войско, пришедшее, подъ его предводительствомъ, соединиться съ нейстрійскою дружиною, было слѣдствіемъ такого вліянія, и лишь-только оба войска сошлись въ одно, какъ Дезидерій принялъ надъ нимъ начальство. Считая слишкомъ ничтожнымъ забирать по одиночкѣ четыре города, лежавшіе такъ далеко одинъ отъ другаго, онъ, какъ человѣкъ предприимчивый и дальновидный, замыслилъ завоевать всю страну между Луарою, Океаномъ, Пиренеями и Севеннами. Такъ какъ при исполненіи этого плана не дѣлалось никакого различія между городами, завистливыми отъ Австраліи и подвластными королевству Гонтрана, то Дезидерій не пощадилъ послѣднихъ и началъ съ того, что овладѣлъ городомъ Сентомъ, открывавшимъ ему путь на Бордо ⁽³⁾.

Узнавъ о такомъ вовсе неожиданномъ нападеніи, король Гонтранъ вторично вышелъ изъ своего обыкновеннаго бездѣйствія, и немедленно выслалъ значительныя силы, подъ предводительствомъ знаменитаго Эонія Муммола, прованскаго патриція, считавшагося тогда во всей Галліи непобѣдимымъ. Муммоль быстрыми переходами двинулся черезъ овернскую равнину, вступилъ въ окрестности Лиможа и принудилъ Дезидерія оставить западныя области и идти къ нему на встрѣчу ⁽⁴⁾. Вскорѣ оба войска, предводимыя галльскими вождями, сошлись другъ съ другомъ. Между ними произошла правильная битва, одна изъ тѣхъ, какихъ не видали въ Галліи съ-тѣхъ-поръ, какъ римская тактика уступила мѣсто наѣздамъ и стычкамъ, единственному образу войны, который понимали варвары. Побѣда сильно колебалась, но осталась, какъ и всегда, за Муммолемъ, принудившимъ своего противни-

(1) Ibid., стр. 332. — Chron. Joannis Biclariensis, apud script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 21.

(2) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 239.

(3) Ibid.

(4) Ibid.

ка, послѣ страшнаго кровопролитія, къ отступленію. Хроники говорятъ, что съ одной стороны было пять, а съ другой двадцать четыре тысячи убитыхъ; этому трудно повѣрить; но такое преувеличеніе показываетъ, до какой степени было поражено воображеніе современниковъ.

Видя совершенное уничтоженіе нейстрійской арміи, Муммоль возвратился, потому ли, что имѣлъ на то приказанія, или потому-что счелъ свое порученіе исполненнымъ⁽¹⁾. Хотя онъ одержалъ верхъ, однако возымѣлъ высокое уваженіе къ искусству челоуѣка, съ которымъ помѣрился; такое мнѣніе способствовало въ-послѣдствіи времени къ сближенію ихъ въ дѣлѣ, имѣвшемъ цѣлю ни болѣе, ни менѣе, какъ основаніе въ Галліи новаго королевства. Вскорѣ Деизидерій снова явился съ многочисленнымъ войскомъ, и при помощи усердія соотечественниковъ и личнаго своего вліянія на умы Галло-Римлянъ, возобновилъ военныя дѣйствія съ успѣхомъ, которому не встрѣчалось болѣе препятствій. Черезъ пять лѣтъ, всѣ города отъ Дакса до Пуатье и отъ Альби до Лиможа принадлежали королю нейстрійскому, и Римлянинъ, виновникъ этого завоеванія, поселился въ Тулузѣ, древней столицѣ Визиготовъ, украшенъ былъ титуломъ герцога и пользовался полу-королевскою властью⁽²⁾.

Меровигъ уже нѣсколько мѣсяцевъ содержался въ полузаключеніи, пока домашній судъ, въ которомъ преобладалъ голосъ Фредегонды, не произнесъ наконецъ надъ нимъ своего приговора. Этимъ приговоромъ Меровигъ осужденъ былъ на остриженіе волосъ, то-есть, на отчужденіе отъ дома Меровинговъ. Дѣйствительно, по древнему обычаю, вѣроятно, основанному издавна на какомъ-либо религіозномъ обрядѣ, особую принадлежность этого дома и символъ наслѣдственного права его на королевскій санъ составляли длинные волосы, сохраняемые неприкосновенно съ первой минуты рожденія. Потомки стараго Меровига отличались этимъ отъ всѣхъ Франковъ, и въ самой простой одеждѣ могли быть узнаны по волосамъ, которые, то въ косахъ, то свободно распущенные, покрывали плечи и ниспадали по спинѣ⁽³⁾. Отрѣзая малѣйшую частину этого украшенія значило опозорить лицо, отнять отъ него преимущество посвященія и лишить его права на царство; впрочемъ, по терпимости, дозволенной обычаемъ, лишеніе это ограничено было временемъ, необходимымъ на то, чтобы волосы, выростая снова, достигли наконецъ опредѣленной мѣры.

Меровингскій принцъ могъ двоякимъ образомъ подвергнуться такому временному изложенію: или быть остриженъ какъ всѣ Франки, то-есть, до плечъ; или совершенно коротко, по примѣру Римлянъ. Этотъ послѣдній способъ, болѣе унижительный нежели первый, обыкновенно сопровождался церковнымъ постриженіемъ. Таково было строгое рѣшеніе короля Гильперика относительно его сына: юноша однимъ разомъ потерялъ права носить оружіе и царствовать. Вопреки

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 239.

(2) Ibid. стр. 281, 282, 296, 303, и проч.

(3) Agathiae hist., apud script. rer. gall. et franc., т. II, стр. 49.

церковнымъ уставамъ, онъ былъ насильно поставленъ въ священство, принужденъ отдать мечъ и боевую перевязь, торжественно ему даны по германскому обычаю, снять съ себя всѣ принадлежности своего національнаго убора и облечься въ римское платье, составившее одежду духовенства ⁽¹⁾. Ему приказано было сѣсть на лошадь въ этомъ уборѣ, такъ мало согласномъ съ его наклонностями, и отправиться въ монастырь Сен-Кале, близъ Манса, гдѣ, въ совершенномъ затворничествѣ онъ долженъ былъ изучать правила монашеской строгости. — Сопровождаемый вооруженными всадниками, Меровигъ отправился въ путь безъ всякой надежды на бѣгство или освобожденіе; но, можетъ-быть, онъ утѣшался народною поговоркой, сложенною для членовъ его семейства, подвергавшихся одинаковой съ нимъ участи: «зелено дерево, еще выростутъ листья» ⁽²⁾.

Въ то время, въ соборѣ святаго Мартина турскаго, самомъ уважаемомъ изъ священныхъ пріютовъ, скрывался изгнанникъ, котораго король Гильперикъ тщетно старался оттуда выманить. То былъ Австразіецъ, Гонтранъ Бозе, котораго народные слухи обвиняли въ томъ, что онъ собственноручно убилъ молодаго Теодеберта, или по-крайнеймѣрѣ допустилъ своихъ воиновъ умертвить его, тогда какъ могъ пощадить ему жизнь, хотя бы изъ человеколюбія ⁽³⁾. Застигнутый въ Аквитаніи странною вѣстью объ убійствѣ Сигберта, и страшась, не безъ причины, попасть въ руки нейстрійскаго короля, онъ искалъ безонасности подѣ щитомъ св. Мартина. Съ этимъ таинственнымъ покровомъ соединялось, въ обезпеченіе болѣе явственное, но не менѣе дѣйствительное, заступничество турскаго епископа, Георгія-Флоренція-Григорія, твердо заботившагося о неприкосновенности правъ своей церкви, а въ особенности права некрисновеннаго убѣжища. Какъ ни опасно было въ тѣ времена, среди разстроенаго общества, защищать безсильныхъ и изгнанныхъ противъ свирѣпой мощи и невѣрія сильныхъ, однако въ этой безирестанно возобновляемой борьбѣ Григорій обнаружилъ ни чѣмъ нестоимую твердость и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожное, но не устрашающее достоинство.

Со дня, какъ Гонтранъ Бозе водворился, съ двумя своими дочерьми, въ одномъ изъ домовъ, окружавшихъ дворъ базилики св. Мартина, турскій епископъ и его священство не имѣли ни минуты покоя. Они должны были сопротивляться королю Гильперiku, который, алча мщенія изгнаннику и не дерзая силою извлечь его, изъ убѣжища, хотѣлъ, въ избѣжаніе грѣха и опасностей святотатства, принудить самихъ церковнослужителей выжить его изъ заветной ограды. Сперва было сдѣлано отъ имени короля дружелюбное приглашеніе, потомъ послѣдовали строгія приказанія; наконецъ, когда посланія и рѣчи не произвели дѣйствія, приняты были грозныя мѣры, могшія ужаснуть не только духовенство, но даже и всѣхъ турскихъ жителей.

Нейстрійскій герцогъ, по имени Рокколенъ, расположился станомъ

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 239.

⁽²⁾ Ibid., стр. 239 и 185. — Adriani Valesii, notit. gallicar., стр. 22.

⁽³⁾ Ibid. стр. 234. — См. выше, второй разсказъ.

у городскихъ воротъ съ войскомъ, собраннымъ въ округъ города Манса. Онъ учредилъ свое пребываніе въ домъ, принадлежавшемъ турской кафедральной церкви, и отправилъ оттуда слѣдующее посланіе къ епископу: «Если ты не заставишь Гонтрана удалиться изъ базилики, то я сожгу городъ и его предметя». Епископъ спокойно отвѣтствовалъ, что это невозможно. За тѣмъ онъ получилъ второе посланіе, еще болѣе грозное: «Если ты сегодня же не выживешь королевскаго врага, «то я разорю на милю кругомъ города все, что тамъ зеленѣетъ, и по-«томъ хоть сохой паши» (1). Епископъ Григорій былъ такъ же непоколебимъ, какъ и въ первый разъ, и Рокколенъ, повидимому, не имѣвшій съ собою довольно людей на то, чтобы предпринять что-либо важное противъ жителей такого большого города, удовольствовался, посягъ столькожъ самохвальствъ, разграбленіемъ и разрушеніемъ дома, служившаго ему жилищемъ. Домъ этотъ былъ построенъ изъ бревенъ, скрѣпленныхъ между собою желѣзными болтами, которые манскіе воины унесли съ прочею добычею въ своихъ кожаныхъ котомкахъ (2). Григорій Турскій радовался, видя конецъ жестокаго испытанія; но вдругъ представились ему новыя затрудненія, возникшія изъ стеченія непредвидѣнныхъ обстоятельствъ.

Гонтранъ Бозе имѣлъ въ характерѣ своемъ замѣчательную странность. Германецъ по происхожденію, онъ превосходилъ искусствомъ въ дѣлахъ, даромъ изворотливости, наклонностью къ распутству, если такъ можно выразиться, самыхъ тонкихъ людей галло-римскаго племени. Въ немъ не было германскаго надувательства, грубой лжи, сопровождаемой громкимъ смѣхомъ (3); но нѣчто болѣе утонченное и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе злое, духъ всеобъемлющей и нѣкоторымъ образомъ кочующей интриги, исходившей изъ конца въ конецъ всю Галлію. Никто не умѣлъ лучше этого Австразійца вовлечь другихъ въ опасное дѣло и во-время вернуться. Про него говорили, что онъ никогда не давалъ клятвы другу, не измѣнивъ ему тотчасъ же, отъ чего, вѣроятно, произошло и его германское прозваніе (4). Въмѣсто того, чтобы въ убѣжищѣ св. Мартина Турскаго вести обыкновенную жизнь знатнаго изгнанника, то-есть, проводить дни въ ѣдѣ и питьѣ, не занимаясь ни чѣмъ постороннимъ, герцогъ Гонтранъ былъ на-сторожѣ, зналъ всѣ новости и освѣдомлялся о малѣйшемъ происшествіи, стараясь употребить его въ свою пользу. Онъ узналъ такъ же скоро, какъ и достоверно, о несчастіяхъ Меровига, о насильственномъ постриженіи и заточеніи его въ монастырь Сен-Кале. Ему пришло на мысль соорудить на этомъ основаніи планъ собственнаго своего освобожденія, пригласить гильперикова сына раздѣлить его убѣжище и уговориться съ нимъ о средствахъ пробраться вдвоемъ въ Австрازیю. Гонтранъ Бозе надѣялся обезпечить вѣроятность удачи своего побѣга тѣми несравненно болѣе крупными сред-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 234 и 235.

(2) Ibid.

(3) Flav. Vopisc., apud script. rer. gal. et franc., т. I, стр. 541.

(4) Bosc, на новомъ нѣмецкомъ языкѣ Boese, значить злой, лукавый.—Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 241.

ствами, которыя юный принц могъ найти въ обаяніи своего сана и въ преданности своихъ друзей. Онъ повѣрилъ свой планъ и надежды дьячку франкского происхожденія, по имени Рикюльфу, который, изъ пріязни къ нему, вызвался сходить въ Сен-Кале и увидѣться, если возможно, съ Меровигомъ ⁽¹⁾.

Пока дьячокъ Рикюльфъ шелъ къ городу Мансу, Гаилентъ, молодой франкскій воинъ, соединенный съ Меровигомъ узамъ подданства и братства по оружію, сторожилъ въ окрестностяхъ Сен-Кале прикрытіе, которое должно было сдать новаго затворника на руки его настоятелей и тюремщиковъ. Лишь-только оно показалось, какъ толпа воиновъ ударила на него въ превосходномъ числѣ изъ засады, и, обративъ въ бѣгство, принудила оставить плѣнника, ввѣреннаго его присмотру ⁽²⁾. Освобожденный Меровигъ съ радостью сбросилъ съ себя поповское платье и замѣнилъ его воинственной одеждой своего племени: обувью, крестообразно привязанною къ ногамъ ремнями, узкой туникой съ короткими рукавами, едва доходившей до колѣнъ, и мѣховымъ кафтаномъ, сверхъ котораго шла перевязь, съ привѣшеннымъ къ ней мечомъ ⁽³⁾. Въ этомъ нарядѣ, не зная, гдѣ найти совершенно безопасное мѣсто, Меровигъ встрѣченъ былъ посломъ Гонтрапа Бозе. Предложеніе Рикюльфа было принято безъ большихъ разсужденій, и сынъ Гильперика, окруженный на этотъ разъ своими друзьями, немедленно отправился по дорогѣ въ Туръ. Дорожный плащъ съ наглавникомъ, накинутымъ на голову, предохранялъ его отъ удивленія и насмѣшекъ, которыя могъ возбудить видъ остриженной головы на плечахъ воина. Прибывъ къ стѣнамъ Тура, онъ слѣзъ съ коня и, все еще закрывая плащемъ голову, отправился въ соборъ св. Мартина, гдѣ въ ту минуту всѣ двери были раскрыты ⁽⁴⁾.

Тогда былъ торжественный праздникъ, и турскій епископъ, совершавшій службу, раздавалъ правовѣрнымъ причастіе въ двухъ видахъ. Хлѣбы, оставшіеся отъ освященія евхаристіи, разложены были по престолу на покровъ подлѣ большаго сосуда съ двумя ручками, заключаващаго въ себѣ вино. Обыкновенно, въ концѣ обѣдни, эти хлѣбы, неосвященные, но просто благословенные священникомъ, изрѣзывались на части и раздавались присутствовавшимъ; это называлось раздавать *эзлогии*. Всѣ предстоящіе, кромѣ отлученныхъ отъ церкви, получали свою часть отъ діаконовъ, подобно тому, какъ эвхаристію раздавалъ священникъ, или совершавшій службу епископъ ⁽⁵⁾. Обходя храмъ и

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 239.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Sidon. Apollinar. epist., apud script. rer. gal. et franc., т. I, стр. 793. — Monachi Sangallensis de gestis Caroli magni, ibid., т. V, стр. 121. — Vitam Caroli magni per Eginhardum script., ibid., стр. 98.

⁽⁴⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 239. — Употребленіе плащей съ капишонами, или наглавниками, перешло отъ Галловъ въ Римъ; см. сатиры Ювенала и *Объясненныя древности*, отца Монфокона.

⁽⁵⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 239. — Praefatio D. Theod. Ruinart ad Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 95.

раздавал каждому частицу священнаго хлѣба, діаконы св. Мартина увидѣли въ дверяхъ незнакомаго имъ человѣка, полузакрытое лицо котораго, казалось, обнаруживало желаніе не быть узнааннымъ; они недо-вѣрчиво прошли мимо и ничего ему не предложили.

Горячій отъ природы характеръ юнаго Меровига еще болѣе взволнованъ былъ заботами и утомленіемъ отъ дороги. Видя себя лишенымъ милости, которой удостоились всѣ присутствовавшіе, онъ вспыхнулъ бышеннымъ гнѣвомъ. Пройдя сквозь толпу, напавшую среднюю церкви, онъ проникъ до клироса, гдѣ находился Григорій съ другимъ епископомъ, Рагенемодомъ, Франкомъ по происхожденію, заступившимъ въ парижекой епархіи святаго Жермена. Ставъ передъ амвономъ, на которомъ возсѣдалъ Григорій въ своемъ епископскомъ облаченіи, Меровигъ сказалъ ему грубымъ и повелительнымъ голосомъ: «Епископъ, отъ-чего не даютъ мнѣ эвлогіи, какъ другимъ правовѣрнымъ? «Говори, развѣ я отлученъ отъ церкви?» (1) Съ этими словами онъ отбросилъ назадъ наглавникъ своего плаща и открылъ взорамъ присутствующихъ лицо свое, раскраснѣвшееся отъ гнѣва, и странную фигуру постриженнаго воина.

Турскій епископъ безъ труда узналъ старшаго изъ сыновей короля Гильперика, потому-что часто видалъ его прежде и зналъ уже всю его исторію. Юный бѣглецъ казался ему виновнымъ въ двойномъ нарушеніи церковныхъ законовъ: бракомъ въ запрещенной степени родства и отреченіемъ отъ священно-духовнаго чина, вины столь тяжкой, что строгіе казусеты называли ее отступничествомъ. Будучи явно уличенъ въ грѣхъ своею мірской одеждой и вооруженіемъ, Меровигъ, не очистясь предварительно предъ духовнымъ судомъ, не могъ быть допущенъ къ пріобщенію ни освященнаго хлѣба и вина, ни даже хлѣба просто благословеннаго, бывшаго подобіемъ перваго. Епископъ Григорій такъ ему и отвѣтствовалъ съ обычнымъ своимъ спокойствіемъ и достоинствомъ. Но рѣчь его, важная и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткая, только раздражила вспыльчивость юноши, который, забывъ всякую умѣренность и уваженіе къ святости мѣста, вскричалъ: «Ты не имѣешь права отрѣшать меня отъ христіанскаго причащенія безъ согласія твоихъ «собратій епископовъ; если же ты по собственной своей власти лишаешь меня причастія, то я поступлю, какъ оглашенный, и кого-нибудь «убью здѣсь» (2). Слова эти, сказанныя, дикимъ голосомъ, ужаснули слушателей и произвели на епископа впечатлѣніе глубокой скорби. Опасаясь довести до крайности этого молодаго варвара и накликая бѣду, онъ уступилъ необходимости, и, переговоривъ, для соблюденія, по крайней-мѣрѣ, законныхъ формъ, съ своимъ парижекимъ собратомъ, приказалъ дать Меровигу требуемыя имъ эвлогіи (3).

Лишь-только сынъ-Гильперика водворился въ оградѣ базилики св. Мартина вмѣстѣ съ Гаиленомъ, братомъ своимъ по оружію, съ молодыми сообщниками и множествомъ служителей, турскій епископъ поспѣ-

(1) Greg. Turon., т. II, стр. 239.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

шилъ исполнить нѣкоторыя предписанныя римскимъ закономъ формальности, изъ которыхъ главнѣйшею для него было повѣщеніе ближайшаго судьи и гражданскихъ властей о прибытіи каждаго новаго изгнанника (1). Въ настоящемъ случаѣ, не было иного судьи и другой власти, кромѣ короля Гильперика; слѣдовательно, объявить должно было ему, стараясь притомъ смягчить уступчивостью горечь его негодованія. Діаконъ кафедральной турской церкви отправился въ нейстрійскій королевскій городъ Суассонъ, съ порученіемъ донести въ точности обо всемъ происшедшемъ. Товарищемъ его въ этомъ посольствѣ былъ родственникъ епископа, по имени Никита, вѣхавшій по частнымъ своимъ дѣламъ ко двору Гильперика (2).

Прибывъ въ суассонскій дворецъ, они были оба допущены къ королю и начали излагать причину своего путешествія, но вдругъ вошла Фредегонда и сказала: «Это лазутчики; они пришли сюда развѣдать, что дѣласть король и потомъ пересказать Меровигу». Словъ этихъ было довольно, чтобы встревожить подозрительный духъ Гильперика: немедленно дано было приказаніе схватить Никиту и діакона, прибывшаго съ извѣстіями. У нихъ отобрали все деньги, какія съ ними были, и отвели ихъ самихъ на край королевства, откуда оба они возвратились не ранѣе, какъ послѣ семимѣсячной ссылки (3). Пока съ посломъ и родственникомъ Григорія Турскаго обращались такъ жестоко, онъ самъ получилъ письмо отъ короля Гильперика въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Выгоняю отступника изъ своей базилики, или я всю страну предаю на сожженіе». Епископъ отвѣтствовалъ просто, что подобнаго дѣла никогда не бывало, даже при готскихъ короляхъ, которые были еретики, и что, слѣдовательно, оно не можетъ быть во времена истинной христіанской вѣры. Рѣшась, послѣ такого отвѣта, перейти отъ угрозъ къ дѣйствию, Гильперикъ долго медлилъ, и только по настояніямъ Фредегонды, которую не пугало никакое святотатство, было рѣшено, что соберется войско и самъ король пріиметъ надъ нимъ начальство и поведетъ его наказывать городъ Туръ и взять силою убожище св. Мартина (4).

Узнавъ объ этихъ приготовленіяхъ, Меровигъ былъ объятъ ужасомъ, въ которомъ просвѣчивало религіозное чувство: «Оборони Богъ, чтобы «святая базилика владыки моего, Мартина, потеряла какое насиліе, «или страна эта была разорена чрезъ меня!» Онъ хотѣлъ немедленно выѣхать съ Гонтраномъ Боже и отправиться въ Австразію, гдѣ льстился надеждою наййти убожище, покоійство, богатство и все наслажденія власти. Но еще ничего не было готово для такого дальняго путешествія. У нихъ не было ни довольно людей съ собою, ни прочныхъ связей въ королевствѣ. Гонтранъ признавалъ лучшимъ выждать и не бросаться изъ огня въ полмя (5). Неспособный на что либо отважиться

(1) Законъ императора Льва о неприкосновенныхъ убожищахъ (466). — См. *Histoire ecclésiastique de Fleury*, т. IV, стр. 562.

(2) *Greg. Turon., Hist. Franc.*, т. II, стр. 239.

(3) *Ibid.*

(4) *Ibid.*

(5) *Ibid.* стр. 240.

безъ содѣйствія новаго своего друга, юный принцъ искалъ врачеваній отъ своего безпокойства въ ревностномъ богомоленіи, не совѣмъ ему свойственномъ. Онъ рѣшился провести цѣлую ночь за молитвой въ алтарѣ базиликѣ и, взявъ съ собою самыя драгоценныя свои вещи, возложилъ ихъ, какъ приношеніе, на гробницу св. Мартина; потомъ, ставъ на колѣни у гроба, молилъ святаго спусойдти къ нему на помощь, помяловать его и устроить такъ, чтобы ему какъ можно скорѣе возвращена была свобода и чтобы онъ сдѣлался современемъ королемъ ⁽¹⁾.

Эти два желанія ничего не значили Меровигу одно безъ другаго, а послѣднее, по-видимому, играло довольно значительную роль въ безсѣдахъ его съ Гонтраномъ Бозе и въ обоихъ предположеніяхъ. Гонтранъ, вполне полагаясь на изворотливость своего ума, рѣдко прибѣгалъ къ помощи святыхъ, но въ замѣнъ того прибѣгалъ къ гадальщикамъ, желая оправдать ихъ знаніями вѣрности своихъ соображеній. Оставивъ Меровига молиться, онъ послалъ слугу къ одной женщинѣ, по его словамъ весьма искусной, предсказывавшей ему, между прочимъ, годъ, день и часъ кончины короля Гариберта ⁽²⁾. На вопросъ, сдѣланный отъ имени герцога Гонтрана о томъ, какая судьба ожидаетъ его и сына Гильперика, колдунья, вѣроятно, хорошо знавшая ихъ обоихъ, дала слѣдующій отвѣтъ, относившійся къ самому Гонтрану: «Король Гильперикъ умретъ чрезъ годъ, и Меровигъ, одинъ изъ всѣхъ своихъ братьевъ, сдѣлается королемъ; ты, Гонтранъ, пять лѣтъ будешь герцогомъ всего королевства; на шестой, по милости народа, получишь епископское званіе въ городѣ, лежащемъ на лѣвомъ берегу Луары, и наконецъ отойдешь отъ міра сего, престарѣлый и по долгихъ дняхъ» ⁽³⁾.

Гонтранъ Бозе, всю жизнь свою дурачившій другихъ, самъ былъ одураченъ плутовствомъ колдуновъ и гадальницъ. Онъ очень былъ обрадованъ такимъ предсказаніемъ, нелѣпымъ, но безъ всякаго сомнѣнія согласнымъ съ его честолюбивыми мечтами и сокровенными желаніями. Полагая, что городъ, такъ неопредѣленно указанный, былъ не иной, какъ Туръ, и мысленно воображая себя уже преемникомъ Григорія на епископскомъ престолѣ, онъ не преминулъ сообщить ему, съ лукавымъ самодовольствомъ, о своемъ будущемъ счастьи, ибо титулъ епископа былъ очень лестенъ для вождей варваровъ. Григорій только-что пришелъ въ базилику св. Мартина, для служенія всенощной, когда австразійскій герцогъ повѣрилъ ему свою странную тайну, какъ человѣкъ, вполне убѣжденный въ непреложныхъ знаніяхъ пророчицы. Епископъ ему отвѣчалъ: «О подобныхъ вещахъ слѣдуетъ вопрошать Господа Бога», и не могъ воздержаться отъ смѣха ⁽⁴⁾. Но такая суетность, столь же безумная, какъ и ненасытная, навела его на печальныя мысли о людяхъ и слабостяхъ того времени. Грустные размышленія занимали его во время пѣнія псалмовъ, и когда, послѣ всенощной, пожелавъ отдохнуть, онъ легъ на кровать въ особой комнатѣ подлѣ церкви,

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 241.

⁽²⁾ Ibid. 240.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

его какъ-будто преслѣдовали до-тѣхъ-поръ, пока онъ не позабылся сномъ, всѣ тѣ бѣдствія, которыя онъ предвидѣлъ, но отклонить былъ не въ силахъ, всѣ преступленія, которыхъ, казалось, храмъ этотъ будетъ позорищемъ въ противоестественной борьбѣ, возгорѣвшейся между отцомъ и сыномъ. Во время сна, тѣ же мысли, облеченныя въ страшные образы, снова ему предстали. Онъ видѣлъ ангела, парящаго надъ базиликой и взывающаго унылымъ голосомъ: «Горе! горе! Богъ поразилъ Гильперика и всѣхъ его сыновей! Никто изъ нихъ не переживетъ его и не наследуетъ его царства» (1). Сонъ этотъ показался Григорію откровеніемъ будущаго, болѣе достойнымъ вѣры, нежели всѣ чары и отвѣты гадателей.

Меровигъ, вѣтренный и легкомысленный, вскорѣ предался развлеченіямъ, болѣе согласнымъ съ его буйными привычками, нежели бдѣніе и молитвы при гробѣ святыхъ. По закону, ограждавшему неприкосновенность священныя убѣжища, заключеннымъ предоставлялась полная свобода доставать себѣ всякаго рода припасы, дабы гонители не могли одолѣть ихъ голодомъ. Сами священнослужители базилики св. Мартина снабжали жизненными потребностями своихъ бѣдныхъ гостей, не имѣвшихъ прислуги. Богатымъ прислуживали то собственныя ихъ люди, пользовавшіеся правомъ свободнаго входа и выхода, то посторонніе мужчины и женщины, присутствіе которыхъ часто давало поводъ къ безпорядкамъ и соблазну. Дворъ ограды и паперть базилики были во всякій часъ полны занятою толпою или праздными и любопытными. Въ обѣденный часъ, шумъ пировъ, заглушавшій иногда молитвенное пѣніе, нерѣдко смущалъ священниковъ на ихъ скамьяхъ и иноковъ въ тишинѣ ихъ келлій. Иногда собесѣдники, отуманенные виномъ, доходили въ ссорахъ до драки и тогда кровавыя сцены совершались у дверей и даже внутри самаго храма (2).

Если пиры, въ которыхъ Меровигъ искалъ развлеченія съ своими товарищами, и не влекли за собою подобныхъ безпорядковъ, то на нихъ не было недостатка въ шумномъ веселіи; громкій хохотъ и грубыя шутки большею частію на счетъ Гильперика и Фредегонды, раздавались по залѣ. Меровигъ не щадилъ ни того, ни другой, разсказывалъ о преступленіяхъ своего отца и распутствахъ мачихи; называлъ Фредегону непотребной блудницей, а Гильперика слабоумнымъ мужемъ, гонителемъ собственныхъ дѣтей своихъ. «Хотя въ этомъ было много правды», говоритъ современный историкъ: «однако я думаю, не было угодно Богу, чтобы сынъ разглашалъ такія вещи» (3). Историкъ этотъ, самъ Григорій Турскій, приглашенный однажды къ столу Меровига, собственными ушами слышалъ соблазнительный рѣчи юноши. Послѣ обѣда, Меровигъ, оставшись съ благочестивымъ своимъ гостемъ наединѣ, впалъ въ набожное расположеніе духа и просилъ епископа прочесть ему что-нибудь для душевнаго назиданія. Григорій взялъ книгу Соломона и открывъ на удачу, попалъ на слѣ-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229 и 240.

(2) Ibid., стр. 300.

(3) Ibid., стр. 240.

дующій стихъ: «Око, ругающееся отцу, да исторгнутъ его вранове «отъ дебрія и да снѣдятъ его птенцы орли» (1). Это мѣсто, встрѣтившіеся такъ ксатти, было признано епископомъ за второе предзнаменованіе, не менѣе перваго грозное (2).

Между-тѣмъ, Фредегонда, болѣе ожесточенная въ своей враждѣ и болѣе дѣятельная, нежели мужъ ея, рѣшилась упередить готовившіеся походы и умертвить Меровига, вовлекивъ его въ засаду. Турскій графъ, Левдасть, искавшій королевскихъ милостей и, кромѣ того, желавшій отмстить за прошлогодній грабежъ своего дома, охотно вызвался исполнить это убійство. Разсчитывая на оплошность Меровига, онъ пробовалъ разныя хитрости, чтобъ выманить его изъ-за предѣловъ, куда не простиралась права неприкосновенности; но не успѣлъ въ томъ. Съ досады, или для раздраженія юноши до такой степени, чтобъ онъ забылъ всякую осторожность, Левдасть напалъ съ оружіемъ въ городскихъ улицахъ на его служителей (3). Они болѣею частію были перебиты, и Меровигъ, объятый гнѣвомъ при этомъ извѣстіи, какъ разъ очертя голову попалъ бы въ сѣть, еслибы не остановилъ его осторожный Гонтраиъ. Такъ-какъ онъ горячился безъ мѣры, говоря, что не найдетъ покоя, пока кровавымъ возмездіемъ не накажетъ угодника Фредегонды, то Гонтраиъ присовѣтывалъ ему обратить мщеніе свое туда, гдѣ опасность была ничтожна, а выгода значительна, и отплатить обиду не Левдасту, который былъ остороженъ, а кому-либо другому изъ друзей короля Гильперика, или изъ близкихъ къ его дому (4).

Марилейфъ, первый врачъ короля, человѣкъ весьма богатый и не очень воинственный, находился тогда въ Турѣ, проѣздомъ изъ Суассона въ Пуатье, родной его городъ. Съ нимъ было мало народу, но много пожитковъ, и молодымъ воинамъ, товарищамъ Меровига, не было ничего легче, какъ схватить Марилейфа въ его гостиницѣ. Они дѣйствительно вошли туда внезапно и жестоко избили миролюбиваго врача, который, по счастью, успѣлъ убѣжать и скрыться, почти нагой, въ соборъ, оставивъ во власти грабителей свое золото, серебро и прочіе пожитки (5). Сынъ Гильперика нашелъ, что вся эта пожива недурна, и довольный продѣлкою, которую сыгралъ съ своимъ отцомъ, считъ себя достаточно отомщеннымъ и хотѣлъ явить милосердіе. По просьбѣ епископа, онъ приказалъ объявить бѣдному Марилейфу, не державшему выйдти изъ своего убѣжища, что онъ можетъ свободно продолжать путь (6). Но въ то самое время, когда Меровигъ такъ былъ доволенъ, что имѣетъ своимъ товарищемъ и сердечнымъ другомъ такого догадливаго человѣка, какъ Гонтраиъ Бозе, послѣдній не колебался продать услуги свои смертельной непріятельницѣ безразсуднаго юноши, слабо ему доверявшагося.

(1) Притчи Соломона, гл. 30, стихъ 80.

(2) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 240.

(3) Ibid.

(4) Ibid.

(5) Ibid.

(6) Ibid.

Вовсе не раздѣляя вражды, которую король Гильперикъ питалъ къ Гонтрану за смерть Теодоберта, Фредегонда была благодарна за это убійство, освободившее ее отъ одного изъ пасынковъ, чего она желала и двумъ остальнымъ. Ея благорасположеніе къ австразійскому герцогу еще болѣе усилилось, когда она усмотрѣла возможность сдѣлать его орудіемъ гибели Меровига. Гонтранъ Бозе неохотно брался за опасное порученіе; но неудачныя попытки графа Левдаста, болѣе крутого, нежели некуснаго, склонили королеву обратить взоры на человѣка, который могъ своелично не совершить, а обезпечить своею хитростію вѣрное исполненіе задуманнаго ею убійства. Она послала къ Гонтрану вѣрнаго человѣка, который передать ему отъ нея имени слѣдующее предложеніе: «Если ты успѣешь выманить Меровига изъ базилики за тѣмъ, чтобъ его убили, то я дамъ тебѣ богатый подарокъ» ⁽¹⁾. Гонтранъ Бозе съ радостью принялъ вызовъ. Увѣренный, что хитрая Фредегонда приняла уже съ своей стороны всѣ надлежащія мѣры, и что подосланные убійцы стерегутъ окрестности Тура, онъ пошелъ къ Меровигу и сказалъ ему съ самымъ веселымъ видомъ: «Что мы ведемъ здѣсь лѣнливую и бездушную жизнь и прячемся вокругъ «этой базилики, будто загнанные? Великъ привести нашихъ коней, «возьмемъ съ собою соколовъ и собакъ, и поѣдемъ на охоту промѣняться, «подышать чистымъ воздухомъ и насладиться прекрасными видами» ⁽²⁾.

Необходимость простора и свѣжаго воздуха, которую такъ сильно ощущаютъ узники, была по сердцу Меровигу, а сговорчивость характера побудила одобрить безъ дальнихъ разсужденій все, что предлагалъ другъ его. Онъ съ пылкостью своего возраста принялъ заманчивое предложеніе. Тотчасъ же на дворъ базилики привели лошадей и оба узника вышли въ полномъ охотничьемъ уборѣ, съ соколами на рукѣхъ, въ сопровожденіи своихъ слугъ и собакъ на сворѣ. Мѣстомъ прогулки избрано было помѣстье, принадлежавшее турецкой церкви и расположенное въ селеніи Юкундіакумъ (*Jocundiacum*), нынѣ Жуэ (*Jouay*), недалеко отъ города. Они провели такимъ образомъ цѣлый день, охотясь вмѣстѣ. Гонтранъ не обнаружилъ ни малѣйшаго признака безпокойства и, казалось, думалъ только о томъ, какъ бы лучше повеселиться. То, чего ждалъ онъ, не случилось; ни въ продолженіи прогулки, ни на обратномъ пути не являлось никакой вооруженной шайки, которая папала бы на Меровига, отъ-того ли, что лазутчики Фредегонды еще не прибыли въ Туръ, или потому—что приказанія ея были дурно исполнены. Меровигъ благополучно вступилъ въ ограду, служившую ему убѣжищемъ, довольный кратковременною своею свободою, и ни мало не подозрѣвая того, что ему угрожала гибель отъ самой гнусной измѣны ⁽³⁾.

Войско, назначенное въ походъ на Туръ, было готово; но когда пришло время выступить, то Гильперикъ вдругъ сдѣлался нерѣшительнымъ и бо-гобоязненнымъ. Ему хотѣлось знать, какъ великъ былъ въ ту минуту

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 240.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid., стр. 241.

гнѣвъ св. Мартина противъ нарушителей его правъ, и былъ ли святой исповѣдникъ въ милостивомъ или въ сердитомъ расположеніи духа? Какъ никто въ мірѣ не могъ доставить о томъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, то королю пришла въ голову странная мысль отнести письмо прямо къ святому, и просить у него точнаго и положительнаго отвѣта. Онъ написалъ письмо, въ которомъ, какъ-будто въ тяжёломъ дѣлѣ, изложилъ отцовскія жалобы на убійцу сына своего Теодоберта и призывалъ этого великаго преступника на судъ святаго. Прошеніе заключалось слѣдующимъ рѣшительнымъ вопросомъ: «Можно ли мнѣ «или нѣтъ выгнать Гонтрана изъ базилики» ⁽¹⁾? Еще страннѣе было то, что подъ этой выдумкой скрывалась хитрость, и что король Гильперикъ хотѣлъ надуть своего небеснаго корреспондента, намѣреваясь, если ему будетъ разрѣшено разсчитаться съ Гонтраномъ, овладѣть тѣмъ же путемъ и Меровингомъ, имя котораго онъ умалчалъ изъ боязни прогнѣвить святаго. Это удивительное посланіе было принесено въ Туръ писцомъ франкскаго происхожденія, по имени Бодегизелемъ, который положилъ его на гробницу св. Мартина и помѣстилъ рядомъ бѣлый листъ бумаги, дабы святой могъ написать свой отвѣтъ. Чрезъ три дня посланный пришелъ къ надгробному памятнику и, найдя положенный тамъ бѣлый листъ въ прежнемъ видѣ, безъ малѣйшаго признака писанія, возвратился къ королю Гильперiku, разсудивъ, что св. Мартинъ отказался отъ объясненія ⁽²⁾.

Король пуще всего боялся, чтобы Меровигъ не отправился въ Австразію къ Брунегильдѣ и съ помощію ея совѣтовъ и денегъ не успѣлъ составить себѣ многочисленной партіи между неистріійскими Франками. Это опасеніе превозмогло въ умѣ Гильперика даже ненависть его къ Гонтрану Бозе, которому король соглашался простить, лишь бы онъ ни въ чемъ не содѣйствовалъ отъѣзду своего товарища заточенія.

Это породило новый планъ, въ которомъ Гильперикъ опять обнаружилъ прежнее свое тупое и опасливое лукавство. Планъ этотъ заключался въ томъ, чтобы выманить у Гонтрана, безъ котораго Меровигъ, ненаходчивый и нерѣшительный, не могъ бы отважиться на побѣгъ, клятвенное обещаніе не выходить изъ базилики, не предувѣдомивъ о томъ короля. Король Гильперикъ надѣялся такимъ образомъ получить извѣстіе заблаговременно, возможность пресѣчь сообщенія между Туромъ и австразійскою границей. Онъ послалъ лазутчиковъ переговорить тайно съ Гонтраномъ, который, съ своей стороны, не отступилъ отъ борьбы коварства съ коварствомъ. Не слишкомъ довѣряя примирительнымъ словамъ Гильперика, но между тѣмъ предусматривая въ томъ послѣднюю возможность спасенія, если не удадутся другія, онъ далъ потребованную отъ него клятву и присягнулъ въ самомъ алтарѣ базилики, коснувшись рукою шелковаго покрыва на главномъ престолѣ ⁽³⁾. Послѣ чего онъ съ вели-

⁽¹⁾ Greg. Turon. Hist. Franc., стр. 241.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

чайшею тайной и такъ же дѣятельно, какъ и прежде, продолжалъ готовиться къ внезапному побѣгу.

Послѣ того счастливаго случая, когда деньги врача Марилейфа попали въ руки узниковъ, приготовленія эти шли поспѣшно. Удалые витязи, особый разрядъ людей, образовавшіеся послѣ завоеванія, толпами вызывались въ провожатые; число ихъ вскорѣ возросло до пятисотъ. Съ такою силой побѣгъ былъ нетруденъ и прибытіе въ Австрасію казалось весьма вѣроятнымъ. Гонтранъ Бозе не находилъ болѣе причинъ медлить, и вопреки своей клятвѣ, не давая знать королю, объявилъ Меровингу, что пора подумать объ отъѣздѣ. Меровингъ, слабый и нерешительный, пока его не возбуждали страсти, колебался, когда предстояло отважиться на это опасное предпріятіе и снова впасть въ безпокойство. «Но развѣ намъ неблагопріятны», спросилъ его Гонтранъ: «предсказанія гадальщицы»? Юный принцъ не успокоился и для разсѣянія своихъ печальныхъ предчувствій пожелалъ справиться съ лучшимъ источникомъ о своемъ будущемъ ⁽¹⁾.

Тогда существовалъ способъ духовнаго гаданія, запрещенный соборами, но не смотря на то употреблявшійся въ Галліи самыми умными и просвѣщенными людьми. Меровингъ рѣшился къ нему прибѣгнуть. Онъ пошелъ въ придѣлъ, гдѣ стояла гробница святаго Мартина и положилъ на гробъ три священныя книги: Книгу Царствъ, Псалтырь и Евангеліе. Цѣлую ночь молилъ онъ Бога и святаго исповѣдника повѣдать ему то, что сбудется, и можетъ ли онъ надѣяться получить королевство своего отца ⁽²⁾? Послѣ того онъ цѣлые три дня постился, и на четвертый, снова прійдя къ гробницѣ, раскрылъ одну за другою три книги. Сперва онъ посидѣвши спросилъ Книгу Царствъ, и попалъ на страницу, въ началѣ которой былъ слѣдующій стихъ: «*Ибо нежеже оставиша Господа Бога своего и пріаша божичуждыя, сего ради наведе на ня Господь зло сіе* ⁽³⁾». Раскрывъ Псалтырь, онъ нашелъ слѣдующее: «*Обаче за лищенія ихъ положишъ еси имъ злая, низложилъ еси я, видѣла разгордыня. Како быша въ заустыніе!* ⁽⁴⁾». Наконецъ въ Евангеліи прочелъ такой стихъ: «*Въстѣ, яко по двою дню пасха будетъ и сынъ человѣческій преданъ будетъ на проплетіе* ⁽⁵⁾». Тому, кто въ каждомъ изъ этихъ словъ думалъ читать отвѣтъ самого Бога, нельзя было вообразить ничего злобнѣе; тутъ было чѣмъ поколебать душу даже послѣднѣе, чѣмъ гильперикова сына. Онъ былъ словно подавленъ подъ гнетомъ этой тройной угрозы: измѣны, погибели и страшной смерти, и долго плакалъ горючими слезами у гробницы св. Мартина ⁽⁶⁾.

Гонтранъ Бозе, твердо вѣрившій въ свое пророчество и притомъ не

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 241.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Книга Царствъ, кн. 3, гл. 9, стихъ 9.

⁽⁴⁾ Псаломъ 72, стихъ 18.

⁽⁵⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 241. — Евангеліе отъ Матвѣя, гл. 26, стихъ 2.

⁽⁶⁾ Ibid.

видѣвшій никакого повода къ опасенію собственно за себя, продолжалъ настаивать. При помощи того, можно сказать, магнетическаго вліянія, которое рѣшительные умы оказываютъ на слабыя и раздражительные характеры, онъ такъ хорошо подкрѣпилъ бодрость своего юнаго товарища, что отъѣздъ последовалъ безъ всякаго отлагательства, и Меровингъ сѣлъ на коня съ видомъ спокойнымъ и самоувереннымъ. За то Гонтрану, въ это рѣшительное мгновеніе, предстояло испытаніе другаго рода: онъ разлучался съ двумя дочерьми, укрывшимися вмѣстѣ съ нимъ въ базиликѣ святаго Мартина, и не смѣлъ увезти ихъ съ собою, страшась опасностей такого дальняго переезда. Не смотря на свой глубокій эгоизмъ и неисправимое коварство, нельзя было сказать, чтобы онъ совершенно былъ лишенъ добрыхъ качествъ, и въ числѣ стальныхъ пороковъ въ немъ была по-крайней-мѣрѣ одна добродѣтель—отцовская привязанность⁽¹⁾. Присутствіе дочерей его было ему въ высочайшей степени драгоценно. Для посѣщенія ихъ, когда онъ бывалъ вдали отъ него, онъ не колебался жертвовать собою; и если нужно было предохранить ихъ отъ какой-либо опасности, онъ становился задорнымъ и смѣлымъ до дерзости. При-нужденный оставить ихъ въ убожищѣ, неприкосновенность котораго король Гильперикъ, въ гнѣвѣ своемъ, могъ бы не уважить, Гонтранъ далъ себѣ слово за ними возвратиться и съ этой благой мыслию, единственной, какая могла зародиться въ умѣ его, онъ переступилъ заветный предѣлъ и поскакалъ рядомъ съ Меровингомъ⁽²⁾.

Обоимъ бѣглецамъ сопутствовало около шести сотъ всадниковъ, набранныхъ, по всей вѣроятности, изъ удалцовъ и бродягъ, Франковъ и Галловъ. Слѣдуя съ юга на сѣверъ, вдоль по лѣвому берегу Луары, они ѣхали въ добромъ порядкѣ черезъ земли короля Гонтрана. Близъ Орлеана они свернули къ востоку, дабы не проѣзжать по королевству Гильперика, и безпречаственно достигли окрестностей города Оксерра. Но здѣсь счастье ихъ измѣнилось. Эрцъ, или Эрнвальдъ, графъ этого города, отказался пропустить ихъ, потому ли, что король Гильперикъ просилъ его дружескаго содѣйствія, или по собственному своему побужденію, желая упрочить миръ между обоими королевствами. Отказъ этотъ, кажется, послужилъ поводомъ къ битвѣ, въ которой дружина двухъ изгнанниковъ была совершенно разбита. Меровингъ, вѣроятно, забывшій въ гнѣвѣ своемъ осторожность, попался къ руки графа Эрнвальда, но Гонтранъ, всегда умѣвшій ускользнуть, отступилъ съ остатками своего небольшого войска⁽³⁾.

Не отваживаясь идти къ сѣверу, онъ рѣшился вернуться и достигнуть какого нибудь аквитанскаго города, принадлежавшаго Австразійскому Королевству. Окрестности Тура были для него чрезвычайно опасны; онъ долженъ былъ остерегаться, чтобы слухъ о его побѣгѣ не заставилъ Гильперика двинуть войска и наполнить городъ воинами. Но все его благоразуміе не устояло передъ отцовскою лю-

(1) Greg. Turon., стр. 241.

(2) Fredegarii Hist. Franc., стр. 249.

(3) Ibid.

бовью. Въмѣсто того, чтобы съ своею малочисленною и плохо вооруженною толпою обойти городъ полемъ, онъ пошелъ прямо къ базиликѣ св. Мартина. Она была охраняема, но онъ ворвался силой и тотчасъ же вышелъ, уведя съ собою обѣихъ дочерей, которыхъ хотѣлъ укрыть въ безопасномъ мѣстѣ, вѣдъ гильперикова королевства. Послѣ такого смѣлаго подвига, Гонтранъ отправился въ Пуатье, снова сдѣлавшійся австразійскимъ послѣ побѣды Муммола. Доѣхавъ туда благополучно, онъ помѣстилъ двухъ своихъ спутницъ въ базилику св. Шарія и тамъ ихъ оставилъ, чтобы посмотреть что дѣлается въ Австразіи ⁽¹⁾. Опасаясь вторичнаго несчастья, онъ на этотъ разъ сдѣлалъ длинный объѣздъ и направилъ путь свой къ сѣверу чрезъ Анмузень, Овернь, и по дорогѣ изъ Лиона въ Мецъ.

Прежде нежели графъ Эрпоальдъ могъ извѣстить короля Гонтрана и попросить приказаній его на счетъ плѣнника, Меровигъ успѣлъ уже убѣжать изъ заключенія. Онъ скрылся въ главной оксеррской церкви, построенной во имя св. Жермени, апостола Бретоновъ, и подъ защитой права неприкосновенности безопасно тамъ водворился, точно такъ же какъ къ Турѣ ⁽²⁾. Вѣсть о его побѣгѣ пришла къ королю Гонтрану почти въ одно время съ извѣстіемъ о его задержаніи. Этого было болѣе нежели сколько нужно для крайней досады робкому и миролюбивому королю, котораго главное стараніе было отдалять отъ себя всякія ссоры, какія могли вокругъ его возникнуть. Онъ боялся, чтобы пребываніе Меровига въ королевствѣ не вовлекло его въ большіе хлопоты, и желалъ одного изъ двухъ, или чтобы сыну Гильперика дали свободный пропускъ, или содержали его подъ надежной стражей. Обвиняя Эрпоальда въ одно и то же время и за излишнее усердіе и за оплошность, онъ немедленно призвалъ его къ себѣ, и когда графъ хотѣлъ отвѣчать и оправдать свое поведеніе, то король прервалъ его словами: «Ты задержалъ того, кого братъ мой называетъ своимъ врагомъ; но если намѣреніе твое было твердо, то тебѣ слѣдовало тотчасъ же привести плѣнника ко мнѣ; если же нѣтъ, то не должно было трогать челоуѣка, котораго ты не хотѣлъ уберечь» ⁽³⁾.

Двусмысленное выраженіе этихъ упрековъ доказывало въ король Гонтранъ столько же отвращенія отъ преслѣдованія сына, сколько и боязни поссориться съ отцомъ. Онъ подвергъ графа Эрпоальда всей тяжести своей опалы и не довольствуясь отрѣшеніемъ его отъ должности, осудилъ сверхъ того на пеню въ семь сотъ золотыхъ монетъ ⁽⁴⁾. Кажется, что не смотря на посланія и убѣдительныя просьбы Гильперика, Гонтранъ не предпринималъ никакихъ насильственныхъ мѣръ для изгнанія бѣглеца изъ новаго убѣжища, а, напротивъ того, безъ огласки и сохраняя приличіе, дѣйствовалъ подъ рукою такъ, что Меровигъ скоро нашелъ случай убѣжать и продолжать свое странствованіе. Дѣйствительно, послѣ двухъ-мѣсячнаго пребыванія въ оксеррской базиликѣ,

⁽¹⁾ Fredegarii Hist. Franc., стр. 441.

⁽²⁾ Ibid. стр. 241.

⁽³⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 241.

⁽⁴⁾ Ibid.

юный принцъ уѣхалъ въ сопровожденіи своего вѣрнаго Ганлена, и на тотъ разъ дороги были ему открыты. Онъ наконецъ вступилъ въ австразійскую землю, гдѣ надѣялся найдти спокойствіе, друзей, супружеское счастье и всѣ почести, нераздѣльныя съ званіемъ мужа королевы; но гдѣ ожидали его лишь новыя неудачи и несчастія, которымъ суждено было кончиться только съ его жизнію ⁽¹⁾.

Австразійское Королевство, управляемое отъ имени ребенка, совѣтомъ владѣтелей и епископовъ, было въ то время позорищемъ безпрестанныхъ смутъ и страшныхъ раздоровъ. Отсутствие всякой законной узды и своеволие личнаго произвола чувствовались тамъ сильнѣе, нежели въ какой-либо другой части Галліи. Въ этомъ отношеніи, не было никакого ни племеннаго, ни государственнаго различія; варвары или Римляне, духовные или вожди дружинъ, всѣ, кто только считалъ себя сильнымъ властію или богатствомъ, стремились превзойти другъ друга въ буйствѣ и честолюбіи. Раздѣленные на враждебныя стороны, они сходились только въ одномъ, — въ неистовой ненависти къ Брунегильдѣ, которую хотѣли лишить всякаго вліянія на правленіе ея сына. Главными начальниками этой страшной аристократіи были реймскій епископъ Эгидій, явно подкупленный нейстрійскимъ королемъ, и герцогъ Раукингъ, богатѣйшій изъ Австразійцевъ, характеръ типическій, если можно такъ выразиться, творившій зло изъ наслажденія, тогда какъ другіе варвары творили его въ порывѣ страсти или изъ корыстныхъ видовъ ⁽²⁾. Про него рассказывали жестокости истинно баснословныя, подобныя тѣмъ, какія народное преданіе приписываетъ нѣкоторымъ владѣтелямъ замковъ феодальнаго времени, воспоминаніе о которомъ живетъ въ развалинахъ ихъ башенъ. Когда онъ ужиналъ, освѣщаемый рабомъ, державшимъ въ рукѣ восковой свѣтильникъ, — одною изъ любимѣйшихъ забавъ его было заставлять бѣднаго раба гасить огонь голыми ногами, потомъ зажигать его и снова гасить нѣсколько разъ тѣмъ же порядкомъ. Чѣмъ сильнѣе была обжоба, тѣмъ больше тѣшился герцогъ Раукингъ и хохоталъ надъ кривляньями бѣдняка, подвергнутаго такой пыткѣ ⁽³⁾. Онъ велѣлъ похоронить живьемъ, въ одну и ту же могилу, двухъ своихъ поселянъ, юношу и молодую дѣвушку, виновныхъ въ томъ, что они вступили въ бракъ безъ его согласія; по просьбѣ священника, онъ поклялся не разлучать ихъ. «Я сдержалъ мою клятву», говорилъ онъ съ звѣрскимъ смѣхомъ: «они навѣки вмѣстѣ» ⁽⁴⁾.

Этотъ ужасный человѣкъ, котораго дерзость съ королевою Брунегильдою превосходила всякую мѣру, а поступки постоянно были мятежные, имѣлъ обыкновенными своими спутниками Бертефреда и Урсію, одного родомъ Германца, а другаго сына Галло-Римлянина, но глубоко проникнутаго грубостью и буйствомъ германскихъ нравовъ. Въ дѣломъ сопротивленіи своему они оскорбляли не только королеву, но всякаго, кто старался сойтись съ нею для сохраненія мира и обществен-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 241.

(2) Ibid., стр. 233.

(3) Ibid., стр. 234.

(4) Ibid.

наго порядка. Они особенно недовольны были Римлянином Волкомъ (*Lupus*), герцогомъ Шампаніи, или реймской равнины, правителемъ строгимъ и бдительнымъ, напичканнымъ древними преданіями о правленіи императоровъ ⁽¹⁾. Шайка герцога Раукинга почти ежедневно разоряла помѣстья Волка, грабила тамъ дома и подвергала жизнь его опасности. Однажды Урсю и Бертефредъ нанали на него самого и на людей его съ толпою всадниковъ почти у воротъ дворца, гдѣ жилъ юный король съ своею матерью. Послышавъ тревогу, прибѣжала Брунегильда и, смѣло бросаясь въ средину между вооруженныхъ всадниковъ, закричала вождю зачинщиковъ: «Зачѣмъ трогать невиннаго? Не дѣлайте этого грѣха, не начинайте битвы, которая погубитъ нашу землю!» — «Жена», отвѣчалъ ей Урсю съ выраженіемъ суровой гордости: «удались! Довольно было съ тебя властвовать при жизни твоего мужа; теперь царствуетъ сынъ твой, и не твой, а наши попеченія хранить безопасность королевства. Удашься же, или мы растопчемъ тебя подъ копытами коней ⁽²⁾.»

Такое положеніе дѣлъ въ Австразіи плохо соотвѣтствовало надеждамъ, которыми ласкался Меровигъ. Очарованіе его было непродолжительно. Только-что прибылъ онъ въ Мецъ, столицу королевства, какъ получилъ отъ правящаго совѣта приказаніе немедленно удалиться, хотя бы даже имѣлъ позволеніе войти въ городъ. Честолюбивые вожди, считавшіе Брунегильду чужестранкою безъ всякихъ правъ и власти, не могли сносить присутствія мужа королевы, которой опасались не смотря на притворное къ ней призрѣніе. Чѣмъ болѣе она настаивала и просила, чтобы Меровигъ принять былъ гостепріимно и могъ спокойно жить съ нею, тѣмъ суровѣе и непреклоннѣе были тѣ, которые властвовали именемъ малолѣтняго короля. Они представили опасеніе разрыва съ нейстрійскимъ королемъ, воспользовались этимъ предлогомъ, и все сплосхождение, оказанное ими королевѣ, ограничилось тѣмъ, что сынъ Гильперика былъ просто удаленъ, не претерпѣвъ никакого насилія и не бывъ преданъ отцу ⁽³⁾.

Лишенный послѣдней надежды на пріютъ, Меровигъ возвратился тѣмъ же путемъ, по которому прибылъ; но не вступая въ предѣлы готтранова королевства, свернулъ съ большой дороги и бродилъ изъ селенія въ селеніе по реймской равнинѣ. Онъ пустился на удачу; ночью шелъ, а днемъ скрывался, избѣгая въ особенности встрѣчъ съ людьми высокаго званія, которые могли его узнать, опасаясь измѣны, подвергался всякаго рода лишеніямъ, и не имѣя впереди ничего, кромѣ желанія снова добраться до убѣжища св. Мартина Турекаго. Лишь только слѣдъ его былъ потерянъ, стали догадываться, что онъ рѣшился на послѣднее, и слухъ о томъ проникъ до Нейстрін ⁽⁴⁾.

По этимъ слухамъ король Гильперикъ тотчасъ же приказалъ своему

(1) Fortunat. carm. de Lupo duce, apud script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 514.

(2) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 267.

(3) Ibid. стр. 241. — Adriani Valesii, rer. franc., кн. X, стр. 83.

(4) Ibid. стр. 246.

войску выступить для занятія города Тура и охраненія обители св. Мартіна. Войско, пришедши въ турецкую область, начало грабить, разорять и даже жечь весь край, не щадя церковныхъ имуществъ.—Хищенія всякаго рода совершались въ стѣнахъ обители, гдѣ помѣщалась часть войска; часовые разставлены были у всѣхъ выходовъ базилики.—Днемъ и ночью всѣ двери были заперты, кромѣ одной, въ которую имѣли позволеніе входить немногіе церковнослужители для священнодѣйствія; народъ былъ изгнанъ изъ храма и лишенъ божественной службы ⁽¹⁾. Пока исполнялись эти распоряженія, имѣвшія цѣлю отрѣзать бѣглецу обратный путь, король Гильперикъ, вѣроятно съ согласія австрасійскихъ владѣльцевъ, перешелъ съ войскомъ чрезъ границу и обшарилъ всю мѣстность, гдѣ только возможно было укрыться Меровигу. Обойденный со всѣхъ сторонъ, какъ пушной звѣрь, за которымъ гоняются охотники, юноша успѣлъ однако ускользнуть отъ поисковъ своего отца, благодаря состраданію чернаго народа франкскаго и римскаго происхожденія, на который только и могъ положиться. Пѣздивъ напрасно всю страну и пройдя вдоль по Арденскому Лѣсу, Гильперикъ возвратился въ свое королевство, не безъ того, чтобы предводимое имъ въ этомъ объѣздѣ войско не причинило жителямъ какого-либо насилія ⁽²⁾.

Пока Меровигъ вынужденъ былъ вести жизнь изгнанника и скитальца, старшій товарищъ его, Гонтранъ Бозе, возвращаясь изъ Пуатье, прибылъ въ Австрасію. Въ этомъ королевствѣ онъ былъ единственный, нѣсколько значительный человекъ, у котораго сынъ Гильперика могъ просить помощи, и Гонтранъ безъ сомнѣнія не замедлилъ узнать убѣжище и всѣ тайны несчастнаго бѣглеца. Такое безнадежное положеніе представляло Гонтрану двойной выборъ: или тягостную преданность, или выгоды предательства. Въ подобныхъ случаяхъ онъ не привыкъ колебаться и склонился на послѣднее. Но-крайней-мѣрѣ, таково было общее мнѣніе; ибо Гонтранъ, по обыкновенію, не вмѣшался открыто, но дѣйствовалъ подъ рукою, поступая такъ двулично, что въ случаѣ неудачи заговора могъ положительно отъ него отречься.—Королева Фредегонда, не упуская случая дѣйствовать отъ себя, лишь-только хитрости ея мужа, какъ нерѣдко бывало, не удавалось, видя неудачу поисковъ за Меровигомъ, рѣшилась прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, не столь громкимъ, но болѣе вѣрнымъ. Она сообщила предположенія свои Эгидію, реймскому епископу, бывшему съ нею въ дружественныхъ сношеніяхъ пополитическимъ кознямъ; чрезъ его посредничество снова сдѣланы были Гонтрану Бозе блистательныя обѣщанія и даны наставленія королевы. Сдѣйствіемъ этихъ двухъ людей непримиримой непріятельницы гильперикова сына составилъ искусно-обдуманнѣйшій замыселъ погубить Меровига, затронувъ за самую живую струну: безразсудное честолюбіе юноши и нетерпѣніе его царствовать ⁽³⁾.

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 241 — 246.

(2) Ibid., стр. 241.

(3) Ibid., стр. 246.

Нѣсколько челоуѣкъ изъ Теруанскаго Округа, страны, преданной Фредегондѣ, тайно отправились въ Австразію для свиданія съ сыномъ Гильперика. Достигнувъ убѣжища, въ которомъ онъ скрывался, они вручили ему слѣдующее посланіе отъ имени своихъ соотечественниковъ: «Такъ-какъ волосы твои нынѣ выросли, то мы хотимъ тебѣ подчиниться и готовы покинуть твоего отца, если прійдешь къ намъ»⁽¹⁾. Меровигъ жадно схватился за эту надежду; полагаясь на неизвѣстныхъ людей, подозрительныхъ представителей небольшого нейстрійскаго округа, онъ мечталъ свергнуть отца своего съ престола. Онъ тотчасъ отправился въ Теруанъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ челоуѣкъ, слѣпо ему преданныхъ: Гаилена, неразлучнаго друга его во дни счастья и бѣдствій; Гаукіля, палатнаго графа Австразіи при королѣ Сигбертѣ, но въ это время бывшаго въ опалѣ; наконецъ, Гринда и нѣкоторыхъ другихъ, кого историкъ не именуетъ, но прозываетъ удалцами⁽²⁾.

Они отважились ступить на нейстрійскую землю, не помышляя о томъ, что чѣмъ далѣе шли впередъ, тѣмъ труднѣе становилось отступленіе. На рубежѣ дикаго округа, простиравшагося къ сѣверу отъ Арраса до морскаго берега, они встрѣтили, что имъ было обѣщано: воинскія дружины, привѣтствовавшія ихъ кликами: «король Меровигъ!» Бывъ приглашены отдохнуть въ одномъ изъ тѣхъ хуторовъ, въ какихъ жили Франки, они вошли туда доверчиво; но за ними вдругъ заперли двери, часовые заняли все выходы и вооруженные посты расположились около дома, какъ-бы вокругъ осажденнаго города. Въ то же время гопцы вскочили на лошадей и поскакали въ Суассонъ объявить королю Гильперiku, что враги его дались въ сѣти, и что онъ можетъ прійти и распорядиться съ ними⁽³⁾.

Услышавъ стукъ закладываемыхъ дверей и видя воинственные распоряженія, прекращавшія выходъ, Меровигъ, пораженный предчувствіемъ близкой бѣды, впалъ въ задумчивость и уныніе. Грустное и мечтательное воображеніе сѣвернаго жителя, составлявшее самую рѣзкую черту его характера, мало-по-малу воспламенилось до изступленія; его преслѣдовали мысли о насильственной смерти и страшныя видѣнія пытки и истязанія. Имъ овладѣлъ такой томительный страхъ предстоявшей ему участи, что, не надѣясь болѣе ни на что, онъ видѣлъ спасеніе только въ самоубійствѣ⁽⁴⁾. Но у него не стало духу наложить на себя руки; онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ чужой помощи и сказалъ своему брату по оружію: «Гаиленъ, мы до-сихъ-поръ жили одной душой и одной мыслью; молю тебя, не оставляй меня на произволъ враговъ моихъ; возьми мечъ и убей меня.» Гаиленъ съ покорностью вассала обнажилъ ножъ, бывшій у него за поясомъ, и наново поразилъ молодаго принца. Гильперикъ, пріѣхавшій съ великою поспѣшностью

(1) Ibid. — Erchanberti fragmentum, adud script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 690.

(2) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 241.

(3) Ibid., стр. 246.

(4) Ibid.

схватить своего сына, нашелъ только трупъ его ⁽¹⁾. Гаппенъ былъ взятъ вмѣстѣ съ другими спутниками Меровига; онъ не рѣшился умертвить себя, можетъ-быть, изъ необъяснимой слабости, или питаясь еще тщетной надеждой. Были люди, сомнѣвавшіеся въ истинѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ событій, и полагавшіе, что Фредегонда, неуклонно стремясь къ своей цѣли, приказала заколоть насынка и распустила слухъ о самоубійствѣ, щадя отцовское чувство Гильперика. Впрочемъ, страшныя мученія, которымъ подверглись спутники Меровига, казалось оправдывали его предчувствія и преждевременный ужасъ. Гаппенъ погибъ въ самыхъ варварскихъ истязаніяхъ: ему обрубили ноги, руки, носъ и уши; Гринду раздробили члены на колесѣ, которое подпято было на воздухъ, гдѣ онъ и умеръ. Гаукиль, старѣйшій изъ всѣхъ, былъ счастливѣе: ему просто отсѣкли голову ⁽²⁾.

Такъ поплатился Меровигъ за гибельную дружбу съ убійцей своего брата, и Гонтранъ Бозе вторично сдѣлался орудіемъ гибельнаго рока, тяготѣвшаго надъ сыновьями Гильперика. Однако совѣсть не терзала его сильнѣе прежняго, и какъ хищная птица, возвращающаяся въ свое гнѣздо послѣ ловитвы, онъ опять встревожился о дочеряхъ своихъ, оставленныхъ имъ въ Пуатье. Въ-самомъ-дѣлѣ, городъ этотъ снова подпалъ подъ власть нейстрійскаго короля; планъ завоеванія, пріостановленный побѣдою Муммола, былъ возобновленъ послѣ годичной перемѣжки, и Дезидерій, предводитель многочисленнымъ войскомъ, снова угрожалъ всей Аквитаніи. Кто наиболѣе ознаменовалъ себя вѣрностью королю Гильдеберту, или противъ кого король Гильперикъ питалъ какую-либо особенную злобу, тѣ были схвачены въ своихъ домахъ и отправлены, подъ прикрытіемъ, въ брэнскій дворецъ. Такъ проѣхали по дорогѣ изъ Тура въ Суассонъ Римлянинъ Эннопій, графъ города Пуатье, виновный въ намѣреніи зацѣпить его, и Франкъ Дакъ, сынъ Дагарика, пытавшійся держаться съ своими наѣздниками въ полѣ ⁽³⁾. При такихъ обстоятельствахъ, возвращеніе Гонтрана Бозе въ Пуатье было предпріятіемъ необыкновенно опаснымъ; но онъ уже не рассчитывалъ и рѣшился во что бы ни стало спасти дочерей своихъ отъ опасности быть похищенными изъ ихъ пріюта. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ друзей, которыхъ онъ всегда находилъ, не смотря на частыя свои измѣны, онъ отправился на югъ по самой надежной дорогѣ, благополучно достигъ Пуатье и не менѣе удачно успѣлъ вывести обѣхъ дочерей своихъ изъ базилики св. Иларія. Но этимъ еще не все кончилось; надлежало какъ-можно-поспѣшнѣе удалиться и поскорѣе достигнуть мѣста, безопаснаго отъ всякой погони; Гонтранъ и его друзья, не теряя времени, вскочили на коней и выѣхали изъ Пуатье въ ворота, выходившія на турецкую дорогу ⁽⁴⁾.

Они ѣхали около закрытой повозки, въ которой сидѣли обѣ молодыя дѣвушки, и были вооружены кинжалами и короткими копьями, состав-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 246.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

(4) Ibid. стр. 249.

лявшими обыкновенный нарядъ самыхъ мирныхъ путниковъ. Едва отъѣхали они нѣсколько сотъ шаговъ, какъ замѣтили приближавшихся къ нимъ на встрѣчу всадниковъ. Обѣ стороны остановились, чтобъ обопзаться, и дружина Гонтрана Бозе изготовилась къ отиору, потому-что встрѣчные были непріатели (1). Имъ предводилъ нѣкто Драколенъ, весьма дѣятельный наѣздникъ короля Гильперика, только-что возвратившійся изъ брэнскаго дворца, куда онъ отвелъ дагарикова сына и другихъ илѣтниковъ со связанными за спиной руками. Гонтранъ чувствовалъ, что надо сразиться; но прежде, нежели схватился въ рукопашную, попробовалъ вступить въ переговоры. Онъ выслазъ къ Драколену одного изъ своихъ друзей и наказалъ ему слѣдующее: «Ступай, «и скажи ему отъ моего имени такъ: Ты знаешь, что прежде мы были «въ союзѣ, и потому прошу тебя дать мнѣ свободный пропускъ; возь-«ми что хочешь изъ моихъ пожитковъ, все отдамъ тебѣ, самъ голь ос-«танусь, лишь-бы пройти мнѣ съ дочерью моими туда, куда же-«лаю» (2).

Услышавъ эти слова, Драколенъ, считавшій себя сильнѣйшимъ, расхотался, и показывая нучекъ веревокъ, висѣвшихъ на лукъ его сѣдла, сказалъ посланному: «Вотъ веревка, которою связавъ другихъ зло-«дѣевъ, я отвелъ къ королю; она и для него мнѣ послужить» (3). Велѣвъ за тѣмъ, прищоривъ коня, онъ поскакалъ на Гонтрана Бозе и ударилъ его копьемъ; но ударъ былъ дурно направленъ и остріе копья, отскочивъ отъ древка, упало на землю. Гонтранъ воспользовался рѣшительнымъ мгновеніемъ и, ударивъ Драколена въ лицо, покачулъ его въ сѣдлѣ; другой сбросилъ его на землю и покончилъ ударомъ копья въ бока. Нейстрійцы, видя смерть своего вождя, обратились вспять, и Гонтранъ Бозе двинулся далѣе, тщательно обобравъ трупъ своего непріателя (4).

Послѣ этого приключенія Гонтранъ спокойно продолжалъ путь свой въ Австразію. По прибытіи въ Мецъ, онъ снова началъ вести барскую жизнь знатнаго Франка, въ своей дикой независимости и безчинствѣ не представлявшую ни важнаго достоинства римскаго патриція, ни рыцарскихъ качествъ феодальныхъ дворовъ. Въ-продолженіи трехъ лѣтъ исторія мало о немъ упоминаетъ; послѣ того онъ вдругъ является въ Константинополь, куда, кажется, завлеченъ былъ своимъ безпокойнымъ и неуспѣдчивымъ характеромъ. Онъ возвратился изъ этого дальняго странствія только для участія въ великой борьбѣ того вѣка, взволновавшей всю Галлію, борьбѣ, въ которой соперничество австразійскихъ Франковъ и западныхъ ихъ братій заключило союзъ съ народною ненавистью полуденныхъ Галловъ для разрушенія двухъ королевствъ, гдѣ столицами были Суассонъ и Шалонъ-на-Сонѣ.

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 249.

(2) Ibid.

(3) Ibid., стр. 250.

(4) Ibid.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ИСТОРИЯ ПРЕТЕКСТАТА, ЕПИСКОПА РУАНСКАГО.

(577—586.)

Въ то время, когда сынъ короля Гильперика, изгнанный изъ владѣній своего отца и королевства своей супруги, скитался по дебрямъ и лѣсамъ Шампаніи, въ цѣлой Нейстріи нашелся только одинъ человѣкъ, имѣвшій смѣлость громко называть себя его другомъ. То былъ руанскій епископъ, Претекстатъ, который съ того дня, какъ принялъ отъ кушери юнаго принца, привязался къ нему тою преданною, безусловною, необдуманною любовью, къ какой, кажется, способны только мать или кормилица. Увлеченіе слѣпнаго сочувствія, заставившее его, вопреки церковнымъ уставамъ, благопріятствовать любви Меровига ко вдовѣ дяди, только усилилось несчастіями, которыя были слѣдствіемъ этой безразсудной страсти. По всей вѣроятности, усердію Претекстата обязанъ былъ мужъ Брунегильды тѣмъ денежными пособіями, съ помощію которыхъ успѣлъ уйдти изъ базилики св. Мартина Турекаго и достигнуть предѣловъ Австразіи.

Узнавъ о неудачѣ этого побѣга, епископъ не упалъ духомъ, напротивъ, онъ удвоилъ усилія для снисканія друзей и убѣжища бѣглецу, которому былъ духовнымъ отцомъ, и котораго гналъ родной отецъ. Онъ не старался скрывать ни своихъ чувствъ, ни поступковъ, считая ихъ своею обязанностию. Ни одного сколько нибудь значительнаго человѣка изъ Франковъ, проживавшихъ въ его епархіи и приходившихъ посѣщать его, не отпускалъ онъ отъ себя, долго не поговоривъ съ нимъ о несчастіяхъ Меровига, не упрасивая настоятельно объ оказаніи участія и помощи своему крестнику, своему милому сыну, какъ онъ самъ выражался. Слова эти были въ родѣ припѣва, который, въ простотѣ своего сердца, онъ повторялъ безпрестанно и прибавлялъ ко всѣмъ рѣчамъ своимъ. Если случалось ему принимать дары отъ какого-нибудь сильнаго и богатаго мужа, то онъ спѣшилъ отдарить его вдвое, заставляя дать обѣщаніе помогать Меровигу и быть ему вѣрнымъ въ его бѣдствіи ⁽¹⁾.

Руанскій епископъ не соблюдалъ умѣренности въ словахъ и неосторожно довѣрялся всякаго рода людямъ, такъ что король Гильперикъ, по общимъ ли слухамъ, или чрезъ услужливыхъ пріятелей, не замедлилъ провѣдать все и получить живые, или по-крайней-мѣрѣ преувеличенные доносы. Претекстата обвиняли въ раздачѣ подарковъ народу,

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 244 и 245.—Adriani Valesii rer. franc., кн. X, стр. 89 и слѣд.

для возбужденія его къ измѣнѣ, и въ замышленіи заговора противъ королевской особы и власти. При этомъ извѣстнѣ, Гильперикъ ощутилъ въ себѣ ту злобу съ примѣсью боязни, въ-продолженіи которой, не зная что рѣшиться, обыкновенно подчинился совѣтамъ и вліянію Фредегонды. Съ того времени, какъ ему удалось разлучить Меровига съ Брунегильдой, онъ почти уже простилъ епископу Претекстату ихъ вѣнчаніе; но Фредегонда, не такая забывчивая, какъ онъ, и не столь ограниченная въ своихъ корыстныхъ видахъ, воспыкала къ епископу тою глубокою ненавистью, которая угасала въ ней только съ жизнью того, кто имѣлъ несчастіе навѣчъ на себя вражду королевы. И такъ, воспользовавшись случаемъ, она уговорила короля призвать Претекстата на судъ епископовъ, какъ виновнаго по римскому закону въ оскорбленіи величества, и если не удастся уличить его въ другихъ преступленіяхъ, то истребовать по-крайней-мѣрѣ наказаніе за нарушеніе церковныхъ уставовъ (1).

Претекстатъ былъ схваченъ въ своемъ домѣ и отведенъ въ королевское мѣстопребываніе, для снятія тамъ съ него допроса о преступленіяхъ, которыя на него ввели, и о сношеніяхъ его съ Брунегильдой съ того времени, когда она уѣхала изъ Руана обратно въ Австразію. Изъ отвѣтовъ епископа узнали, что онъ не вполне возвратилъ этой королевѣ драгоценности, которыя она вѣрила ему передъ отъѣздомъ; что у него остались еще двѣ связки съ тканями и дорогими камнями цѣною до трехъ тысячъ золотыхъ солидовъ, и кромѣ того мѣшокъ съ золотой монетой, счетомъ до двухъ тысячъ (2). Обрадованный такимъ открытіемъ болѣе, нежели всякимъ другимъ извѣстіемъ, Гильперикъ поспѣшилъ схватить эти залогн и описать ихъ въ свою пользу; послѣ того онъ удалилъ Претекстата отъ епархіи и держалъ подъ строгимъ присмотромъ до собора епископовъ, которые должны были съѣхаться судить его (3).

Пригласительныя повѣстки, разосланныя ко всемъ епископамъ гильперикова королевства, сзывали ихъ въ Парижъ въ послѣднихъ числахъ весны 577 года. Со смертію Сигберта, нейстрійскій король считалъ этотъ городъ своею собственностью и на клитвенное общаніе не вступать въ него не обращалъ уже никакого вниманія. Боялся ли онъ въ-самомъ-дѣлѣ какого либо предпріятія со стороны тайныхъ сообщниковъ Брунегильды и Меровига, или желалъ усилить впечатлѣніе на умы претекстатовыхъ судей, только онъ совершилъ путь свой изъ Суассона въ Парижъ въ сопровожденіи такой многочисленной свиты, что ее можно было почестъ за войско. Дружина эта расположилась у воротъ королевскаго жилища; оно было, по всей вѣроятности, старинный императорскій дворецъ, котораго зданія возвышались на берегу Сены, къ югу отъ города. Восточная сторона дворца прилежала къ римской

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 243.

(2) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 245. — По исчисленію г. Герарда, три тысячи золотыхъ солидовъ равняются, въ сущности, 27,840, а относительно, 298,590 франкамъ.

(3) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 243.

дорогѣ, шедшей отъ небольшого городскаго моста по направленію къ югу. Другая римская же дорога, проложенная отъ главнаго входа на востокъ, поворачивала потомъ къ юго-востоку и вела черезъ виноградныя поля на самую высокую площадку южнаго холма. Тамъ стояла церковь, посвященная заступничеству святыхъ апостоловъ Петра и Павла; она-то и была избрана для засѣданій собора, вѣроятно по причинѣ близости къ королевскому жилищу и къ расположенію войскъ ⁽¹⁾.

Въ этой церкви, сооруженной полвѣка назадъ, находились гробницы короля Клодовига, королевы Клотильды и святой Геновефы или Женевиевы. Клодовигъ приказалъ построить ее, по просьбѣ Клотильды, передъ отъѣздомъ своимъ въ походъ на Визиготовъ; прибывъ на избранное для того мѣсто, онъ бросилъ прямо передъ собой топоръ, чтобы современемъ, по длинѣ зданія, могъ измѣрить силу руки своей ⁽²⁾. Это была одна изъ тѣхъ базиликъ V и VI вѣка, болѣе замѣчательныхъ богатствомъ убранствъ, нежели архитектурными размѣрами, украшенныхъ внутри мраморными колоннами, мозаикою и росписными и позолоченными карнизами, а снаружи мѣдною крышею и портикомъ ⁽³⁾. Портикъ церкви св. Петра состоялъ изъ трехъ галерей: одна была пристроена къ передней сторонѣ зданія, а двѣ другія съ боковъ. Эти галереи по всей длинѣ своей украшены были стѣнною живописью, изображавшею четыре легіона святыхъ ветхаго и новаго завета, патріарховъ, пророковъ, мучениковъ и исповѣдниковъ ⁽⁴⁾.

Таковы подробности, извлеченныя изъ подлинныхъ свѣдѣній о мѣстѣ, гдѣ созданъ былъ соборъ, пятый изъ бывшихъ въ Парижѣ. Въ назначенный пригласительными повѣстками день, сорокъ-пять епископовъ собрались въ базиликѣ св. Петра. Король, съ своей стороны, также прибылъ въ церковь; онъ вошелъ съ нѣсколькими изъ своихъ людей (*leudes*), вооруженными только мечами; толпа Франковъ, въ полномъ воинскомъ уборѣ, остановилась подъ портикомъ и окружила его. Церковныя клиросы, по всей вѣроятности, предоставлены были судьямъ, истцу и обвиняемому; тутъ же лежали, въ видѣ уликъ, двѣ связки и мѣшокъ съ золотою монетою, найденные въ домѣ Претекстата. Король, по прибытіи своемъ, указалъ на нихъ епископамъ, объявивъ, что вещи эти будутъ имѣть важное значеніе въ предстоящемъ дѣлѣ ⁽⁵⁾. Члены собора, прибывшіе изъ городовъ, или составлявшихъ первоначальный удѣлъ Гильперика, или завоеванныхъ имъ по смерти брата, были частью галльскаго, частью франкскаго происхожденія. Изъ

⁽¹⁾ См. Исторію Парижа, соч. Дюлора, подъ статьями: Palais des Thermes, rue Saint-Jacques, rue Galande и rue de la Montagne-Sainte-Geneviève.

⁽²⁾ Gest. reg. Franc., script. rer. gall. et franc. т. II, стр. 554.

⁽³⁾ Theod. Ruinart, praefat. ad Greg. Turon., стр. 95 и 96. — Greg. Turon., Hist. Franc., гл. XIV и XVI. — Fortunati carm., стр. 479 и 437.

⁽⁴⁾ Script. rer. gal. et franc., т. III, стр. 370. — Дюлоръ, Истор. Парижа, т. I, стр. 277.

⁽⁵⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 245.

первыхъ, гораздо многочисленнѣйшихъ, были: Григорій, епископъ турскій, Феликсъ нантскій, Домноль манскій, Гоноратъ амьенскій, Этерій лизьескій, и Панноль шартрскій. Изъ числа вторыхъ были: Рагеномодъ, епископъ парижскій, Левдовальдъ байескій, Ромагеръ кутанскій, Маровигъ пуатьескій, Малульфъ саммискій и Бертранъ бордоскій. Этотъ послѣдній, кажется, облеченъ былъ своими братьями въ званіе и должность предсѣдателя ⁽¹⁾.

Онъ былъ мужъ знатнаго рода, близкій родственникъ королей по матери своей Ингелтрудъ, и обязанный этому родству своимъ значеніемъ и огромными богатствами. Онъ склоненъ былъ къ вѣжливости и изяществу римскихъ обычаевъ; любилъ являться въ народъ на колесницѣ, въ четыре лошади, сопровождаемый молодыми причетниками своей церкви, будто патронъ въ кругу своихъ кліентовъ ⁽²⁾. Съ этой наклонностью къ роскоши и сенаторской пышности, епископъ Бертранъ соединялъ любовь къ стихотворству и сочинялъ латинскія эниграммы, которыя хвастливо показывалъ на диво знатокамъ, хотя онъ были наполнены выкраденными стихами и ошибками противъ размѣра ⁽³⁾. Болѣе вкрадчивый и ловкій, нежели обыкновенно были люди германскаго племени, онъ, однако, сохранилъ въ своемъ характерѣ надрокость ихъ къ безстыдному и необузданному распутству. По примѣру королей, своихъ родственниковъ, онъ бралъ служанокъ въ наложницы, и, не довольствуясь этимъ, искалъ любовницъ между замужними женщинами ⁽⁴⁾. Его подозрѣвали въ прелюбодѣйной связи съ королевою Фредегондою; по этой, или по другой какой причинѣ, только онъ сдѣлался самымъ усерднымъ поборникомъ этой королевы въ злобѣ ея на руанскаго епископа. Вообще, прелаты франкскаго происхожденія, можетъ-быть, по привычкѣ къ подчиненности, склонялись на рѣшеніе дѣла въ пользу короля, жертвуя своимъ собратомъ. Римскіе епископы обнаруживали болѣе сочувствія къ обвиняемому, болѣе справедливости и уваженія къ достоинству своего знанія; но они были напуганы военною силою, окружавшею короля Гильперика, и въ особенності присутствіемъ Фредегонды, которая, не довѣряя, какъ и всегда, искусству своего мужа, сама пріѣхала заботиться объ исполненіи своего мщенія.

Когда обвиняемый былъ введенъ и засѣданіе открылось, король всталъ, не обращаясь къ судьямъ, грубо спросилъ своего противни-

(1) Ibid., стр. 243. — Ibid., кн. VII, гл. XVI и слѣд. — Противъ этого двойнаго исчисленія возражали, что римскія или германскія имена не всегда были въ VI вѣкѣ вѣрнымъ признакомъ происхожденія, и что нѣсколько германскихъ именъ является уже въ галло-римскихъ семействахъ. Если не дозволяется считать Франками, пока не будетъ доказано противное, лицъ меровингской эпохи, носившихъ германскія имена, а Галлами тѣхъ, кто носитъ имена римскія, тогда исторія становится невозможною.

(2) Fortunati carm. ad Bethochramnum Burdigal., edisc., apud script. rer. gal. et franc., т. II, стр. 487.

(3) Ibid.

(4) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 316, 352 и 263.

ка: «Епископъ», сказалъ онъ ему, «какъ осмѣлился ты сочетать бракомъ врага моего, Меровига, которому слѣдовало быть только моимъ сыномъ, съ его теткой, я хочу сказать съ женою его дяди? Развѣ ты не зналъ, что предписываютъ въ такомъ случаѣ правила церкви? И не только ты уличенъ въ этомъ прегрѣшеніи, но еще злоумышлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, о комъ я говорю, и раздавалъ дары для того, чтобъ умертвить меня? Ты изъ сына сдѣлалъ врага отцу, подкупалъ народъ, чтобъ никто не хранилъ должной мнѣ вѣрности; ты хотѣлъ предать королевство мое въ руки другаго (1)». ... Последнія слова, произнесенныя съ силою посреди всеобщей тишины, были услышаны франкскими ратниками, которые, оставаясь внѣ церкви, толпились изъ любопытства у дверей, затворенныхъ въ началѣ засѣданія. На голосъ короля, взывавшаго объ измѣнѣ, эта вооруженная толпа тотчасъ отвѣтила ропотомъ негодованія и кликами: «смерть измѣннику!» Потомъ, разсвирѣпѣвъ до ярости, она почла долгомъ вломиться въ двери, вторгнуться въ церковь и вытащить воцѣ епископа съ намѣреніемъ побить его камнями. Члены собора, испуганные такимъ неожиданнымъ волненіемъ, сошли съ своихъ мѣстъ, и самъ король долженъ былъ поспѣшить на встрѣчу ворвавшимся воинамъ, чтобъ усмирить и привести ихъ въ порядокъ (2).

Когда собраніе нѣсколько успокоилось и было возможно продолжать засѣданіе, тогда руанскому епископу дозволено было говорить въ свою защиту. Ему нельзя было оправдываться въ томъ, что, вѣнчаніемъ Меровига съ Брунегильдой, онъ нарушилъ церковныя уставы: но онъ торжественно отрекся отъ заговора и измѣны, въ которыхъ король обвинилъ его. Тогда Гильперикъ объявилъ, что имѣетъ свидѣтелей, и приказалъ ввести ихъ. Явилось нѣсколько человекъ франческаго происхожденія, съ разными драгоценностями, которыя они показали обвиняемому, говоря: «Узнаешь ты это? Ты намъ это далъ за тѣмъ, чтобы мы общали вѣрность «Меровигу (3)».» Епископъ, не смущаясь, отвѣтствовалъ: «Вы говорите правду, я не однажды дарилъ васъ, но не для того, чтобъ изгнать короля изъ его королевства. Когда вы предлагали мнѣ въ даръ добраго коня, или что иное, могъ ли я не показать себя такимъ же, какъ и вы, и не воздать вамъ подаркомъ за подарокъ (4)». Хотя въ этомъ отвѣтѣ, не смотря на все его чистосердечіе, многое было утаено, однако, существованіе злаго умысла не могло быть доказано никакими достовѣрными свидѣтельствами. Дальнѣйшія пренія не привели ни къ какому доказательству противъ обвиняемаго, и король, недовольный неудачею этой первой попытки, прекратилъ засѣданіе и удалился изъ церкви въ свое жилище. За нимъ последовали его люди, а епископы пошли отдыхать всѣ вмѣстѣ въ ризницу (5).

Пока они сидѣли кружками, разговаривая между собою дружески,

(1) Fredegarii Hist. Franc., стр. 316, 353 и 263.

(2) Ibid.

(3) Ibid., стр. 243.

(4) Ibid.

(5) Ibid.

но съ нѣкоторою осторожностью, ибо не довѣряли другъ другу, неожиданно вошелъ человекъ, котораго большая часть знала только по имени. То былъ Аэцій, родомъ Галлъ и архидіаконъ парижекой церкви. Поклонившись епископамъ, онъ съ крайнею поспѣшностію завязалъ самый щекотливый разговоръ и сказалъ имъ: «Послушайте меня, «собравшіеся здѣсь служители Господа; настоящій случай для васъ «значителенъ и важенъ. Вамъ предстоитъ или покрыть себя блескомъ чистой славы, или потерять въ общемъ мнѣніи имя слугъ Божіихъ. Дѣло въ выборѣ; явите же себя правосудными и твердыми, и «не погубите своего брата (1)». За этимъ воззваніемъ послѣдовало глубокое молчаніе; епископы, недоумѣвая, не былъ ли предъ ними подосланный Фредегондою подстрекатель, отвѣтствовали наложеніемъ перста на губы, въ знакъ молчанія. Они съ ужасомъ вспоминали дикіе клики франкскихъ воиновъ и удары стѣиръ ихъ, раздававшіеся о церковныя двери. Почти всѣ, а Галлы въ особенности, страшились навлечь на себя подозрѣніе недовѣрчивой преданности этихъ буйныхъ вассаловъ; они остались неподвижны и словно остолебѣли на своихъ сѣдалищахъ (2).

Но Григорій Турскій, болѣе другихъ чистой совѣстію, негодуя на такое молодуніе, принялъ на свой счетъ рѣчь и увѣщанія архидіакона Аэція. «Прошу васъ», сказалъ онъ: «внемлите словамъ моимъ, пресвятые служители Божіи, а вы особенно, кому «доступны близкія бесѣды съ королемъ. Подайте ему совѣтъ благочестивый и достойный священническаго сана; ибо надо страшиться, «чтобы не навлекъ онъ на себя Божескаго гнѣва ожесточеніемъ своимъ противъ служителя Господа, и не лишился бы своего царства и «славы (3)». Франкскіе епископы, къ которымъ рѣчь эта преимущественно относилась, молчали вмѣстѣ съ другими, и Григорій продолжалъ съ твердостью: «Припомните, владыки мои и собратія, слова «пророка, изрекшаго: *«Стражъ, аще увидитъ мечъ грядущъ, не воспотрубитъ трубою и людѣ не охранятъ себе, и нашедъ мечъ, возьметъ отъ нихъ душу, ибо беззаконія ради своего взялъ, а крове ея отъ руки стража взыщутъ.»*—Не храните же молчанія, но говорите «громко, и не скройте отъ короля его неправды, да не приключится «ему зла и да не будете вы за то въ отвѣтъ (4)». Епископъ остановился, ожидая отвѣта, но никто изъ присутствующихъ не сказалъ ни слова. Они поспѣшили удалиться: одни, чтобъ отклонить отъ себя всякое соучастіе въ подобныхъ рѣчахъ и укрыться отъ грозы, уже разразившейся, какъ имъ казалось, надъ главою ихъ собрата; другіе, какъ Бертранъ и Рагенемодъ, чтобъ изгнѣваться передъ королемъ и пересказать ему новости (5).

Гильперикъ былъ немедленно извѣщенъ въ подробности обо всемъ

(1) Fredegarii Hist. Franc., стр. 243.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

(4) Ibid. — Книга пророка Іезекии, гл. 33, стихъ 6.

(5) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 244.

происшедшемъ. Лстецы его сказали ему, что въ этомъ дѣлѣ, таковы собственныя ихъ слова, нѣтъ у него злѣйшаго врага, какъ турскій епископъ. Объятый гнѣвомъ, король тотчасъ послалъ одного изъ своихъ царедворцевъ какъ-можно-поспѣшнѣе отыскать епископа и привести къ нему. Григорій повиновался и послѣдовалъ за вожатымъ спокойно и безбоязненно ⁽¹⁾. Онъ нашелъ короля не во дворцѣ, а въ шалашѣ, сплетенномъ изъ вѣтвей, посреди шатровъ и бараковъ его воиновъ. Гильперикъ стоялъ; съ правой стороны его былъ Бертрамъ, епископъ бордоскій, а съ лѣвой Рагенемодъ, епископъ парижскій, пришедшіе играть роль доносчиковъ на своего собрата. Передъ ними стояла широкая скамья, уставленная хлѣбами, варенымъ мясомъ и различными блюдами, назначенными для угощенія всякаго новаго пришельца; ибо обычай и нѣкоторый родъ придворнаго обряда требовали, чтобы никто, постивъ короля, не уходилъ прочь, не вкусивъ чего-либо отъ стола его ⁽²⁾.

Гильперикъ, видя мужа, котораго онъ призывалъ въ гнѣвѣ, и зная непоколебимость его передъ угрозой, притворился, чтобъ лучше достигнуть своей цѣли. Изъявляя вмѣсто досады кротость и шутливость: «О, «епископъ» сказалъ онъ: «долгъ твой каждому воздавать справедливость, а вотъ я не могу ея отъ тебя добиться; напротивъ того, ясно вижу, потворствуешь ты неправдѣ и оправдываешь пословицу: воронъ-вороны глаза не выклюетъ» ⁽³⁾. Епископъ не считъ приличнымъ вдаваться въ шутку; но съ почтеніемъ прежнихъ подданныхъ римской имперіи къ верховной власти, почтеніемъ, которое, по-крайней-мѣрѣ, въ немъ не подавляло ни личнаго достоинства, ни чувства независимости, онъ отвѣчалъ съ важностью: «Кто изъ насъ, о король, уклоняется отъ пути истины, тотъ можетъ быть исправленъ тобою; но если ты самъ не-«правъ, кто остановитъ тебя? Мы тебѣ говоримъ и, если угодно тебѣ, «ты намъ внемлешь; а неуждо, кто осудитъ тебя? Одинъ Тотъ, кто «рекъ, что Онъ само Правосудіе» ⁽⁴⁾. Король прервалъ его и отвѣчалъ: «Епископы всѣ оправдали меня; одинъ ты не воздаешь мнѣ должнаго; «но я съумѣю отмстить тебя въ народѣ, да узнать всякій, что ты «мужъ неправосудный. Я соберу жителей Тура и скажу имъ: Возвысь-«те гласъ вашъ на Григорія и вопите, что онъ несправедливъ и нико-«му не даетъ правосудія; и пока они будутъ кричать это, я прибав-«лю: Я, король, не могу добыть себѣ отъ него справедливости; какъ же «вы, сущіе подо мною, себѣ ее добудете» ⁽⁵⁾?

Такое лукавое лицемѣріе, подъ личиною котораго всевластный человекъ старался явить себя притѣсненнымъ, возбудило въ сердцѣ Григорія презрѣніе, съ трудомъ имъ удержанное и придавшее его рѣчи болѣе сухое и высокомерное выраженіе. «Если я несправедливъ, воз-«разилъ онъ, то не ты знаешь это, а Тотъ, Кому открыта моя совѣсть

⁽¹⁾ Greg. Turon. Hist. Franc., стр. 244.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ Ibid.

«и Кто читаетъ въ глубинѣ сердець; а народные крики, которые ты «возбудишь, не приведутъ ни къ чему, ибо всякій будетъ знать, что «они отъ тебя исходятъ. Но довольно; у тебя есть законы и уставы, «изучай ихъ со вниманіемъ, и если не соблюдеши того, что въ нихъ «предписано, знай, что есть судъ Божій надъ главою твоею» ⁽¹⁾.

Эти строгія слова подѣйствовали на короля, и онъ, какъ-бы желая изгладить въ умѣ Григорія непріятное впечатлѣніе ихъ, принявъ ласковый видъ и, указывая рукой на чашу съ отваромъ, стоявшую между хлѣбовъ, мясныхъ блюдъ и кубковъ, сказалъ: «Вотъ по-«хлебка, которую я велѣлъ приготовить по-твоему; въ ней ниче-«го нѣтъ, кромѣ курицы и горсти сѣраго гороху» ⁽²⁾. Эти послѣднія слова сказаны были съ намѣреніемъ польстить самолюбію епископа; ибо святые мужи того времени и вообще всѣ, стремившіеся къ христіанскому совершенству, воздерживались отъ тяжелыхъ мясъ, какъ слишкомъ сытныхъ, и питались только овощами, рыбою и птицами. Григорій не дался въ обманъ при этой новой хитрости и, покачавъ головою въ знакъ отказа, отвѣтилъ: «Пища наша должна быть въ «исполненіи воли Божіей, а не въ наслажденіи вкусными яствами. Ты, «укоряющій другихъ въ неправосудіи, дай обещаніе чтить законы и «уставы, и мы повѣримъ тогда, что ты домогаешься одной справедливости» ⁽³⁾. Король, не желавшій ссориться съ турецкимъ епископомъ и въ случаѣ надобности не жалѣвшій клясться, надѣясь найдти въ послѣдствіи какое-нибудь средство отъ нихъ отвертѣться, поднявъ руку и кляся, именемъ Всемогущаго Бога, никоимъ образомъ не нарушать закона и уставовъ. Тогда Григорій взявъ хлѣбъ и отпилъ немного вина, родъ гостепріимнаго пріобщенія, отъ котораго нельзя было отказаться подъ чужимъ кровомъ, сильно не погрѣшивъ противъ вѣжливости и уваженія. Примираясь, повидимому, съ королемъ, онъ съ нимъ расстался и удалился въ свое жилище въ базилику св. Юліана, по близости отъ императорскаго дворца ⁽⁴⁾.

Въ слѣдующую ночь, когда турецкій епископъ, отслуживъ всенощную, отдыхалъ въ своемъ покоѣ, услышалъ онъ сильный стукъ у дверей дома. Удивясь этому шуму, онъ послалъ внизъ одного изъ своихъ служителей, который, возвратясь, доложилъ ему, что посланные отъ королевы Фредегонды желаютъ его видѣть ⁽⁵⁾. Когда эти люди были впущены, то, сдѣлавъ ему привѣтствіе отъ лица королевы, объявили, что пришли просить его не противодѣйствовать ея желаніямъ въ дѣлѣ, предоставленномъ рѣшенію собора. Они прибавили таинственно, что имѣли порученіе посулить двѣсти фунтовъ серебра, если онъ обвинитъ Претекстата, подавъ голосъ противъ него ⁽⁶⁾. Турецкій епископъ съ

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 244.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ Ibid.

⁽⁶⁾ Ibid. — Двѣсти фунтовъ серебра равняются, въ сущности, 13,954, а относительно 149,300 франкамъ, по исчисленію Герарда.

обычнымъ своимъ благоразуміемъ и хладнокровіемъ спокойно возра-
зилъ, что онъ не одинъ судья въ этомъ дѣлѣ, и что голосъ его, на ка-
кую бы сторону ни склонился, ничего рѣшить не можетъ.—«Истинно
«такъ» отвѣчали посланные: «ибо всѣ другіе уже дали намъ свое слово;
«мы желаемъ только, чтобы ты не поперечилъ.» Епископъ отвѣчалъ съ
прежнимъ видомъ: «Когда бы вы дали мнѣ тысячу фунтовъ золота и
«серебра, и тогда нельзя было бы мнѣ поступить иначе, какъ угодно
«Владыкѣ; я могу обѣщать вамъ только согласиться съ прочими епис-
«копами въ томъ, на что они рѣшатся по церковнымъ уставамъ» (1).
Посланные ошиблись на счетъ смысла этихъ словъ, отъ-того ли, что
не имѣли ни малѣйшаго понятія о церковныхъ уставахъ, или потому-
что вообразили, будто слово *владыка* относилось къ королю, котораго
въ обыкновенномъ разговорѣ означали этимъ простымъ титуломъ; раз-
сѣявшись въ благодареніяхъ, они удалились довольные тѣмъ, что мо-
гли передать королевѣ отвѣтъ, по ихъ мнѣнію удовлетворительный (2).
Ошибка ихъ избавила епископа Григорія отъ новыхъ докучъ и доста-
вила ему возможность отдохнуть до утра.

Члены совѣта рано собрались на второе совѣщаніе, и король, совер-
шенно оправаясь отъ своей неудачи, явился туда въ назначенное вре-
мя (3). Чтобы найти средство согласить данную имъ наканунѣ клят-
ву съ желаніемъ мщенія, въ которомъ королева продолжала упорство-
вать, онъ употребилъ всѣ свои словесныя и богословскія познанія; не-
решительнѣе собраніе уставовъ и остановился на первой статьѣ, по
которой епископъ подвергался самому тяжкому наказанію, а именно из-
ложенію. Ему надлежало только обвинить руанскаго епископа въ по-
вомъ преступленіи, указанномъ въ этой статьѣ, что, впрочемъ, нисколь-
ко его не затрудняло, ибо, надѣясь, какъ онъ разсчитывалъ, на едино-
гласіе собора, онъ далъ себѣ полную свободу лгать и вводить покле-
пы. Когда судьи и подсудимый заняли тѣ же мѣста, какъ въ предше-
ствовавшемъ засѣданіи, Гильперикъ началъ говорить, и съ важностью
учителя, толкующаго духовное право, произнесъ: «Епископъ, уличен-
«ный въ кражѣ, долженъ быть отрѣшенъ отъ епископской должности;
«такъ постановлено въ церковныхъ уставахъ» (4). Члены собора, уди-
вленные такимъ приступомъ, въ которомъ ровно ничего не понимали,
спросили всѣ вдругъ, кто этотъ епископъ, котораго обвиняли въ кражѣ.
«Вотъ кто» отвѣчалъ король, обращаясь къ Претекстату съ какою-то
наглостью: «онъ самый; и развѣ не видали вы того, что онъ укралъ у
«насъ» (5)?

Они въ самомъ дѣлѣ вспомнили два узла тканей и мѣшокъ денегъ,
которые король показывалъ имъ, необъясняя, впрочемъ, откуда они яви-
лись и какое, по его мнѣнію, имѣли отношеніе къ обвинительнымъ ули-
камъ. Какъ ни оскорбительно было для Претекстата это новое напа-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 244.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

(4) Ibid.

(5) Ibid.

деніе, однако онъ терпѣливо отвѣчалъ своему противнику: «Мнѣ ка-
жется вы должны вспомнить, что по отъѣздѣ Брунегильды изъ Руана
«я отправился къ вамъ и объявилъ, что у меня остались на храненіи
«вещи этой королевы, а именно пять большихъ и тяжелыхъ узловъ;
«что слуги ея часто являлись ко мнѣ за ними, но что я не рѣшался
«возвратить ихъ безъ вашего согласія. Вы мнѣ сказали тогда: сбудь съ
«своихъ рукъ эти вещи; пусть онѣ возвратятся той, кому принадле-
«жать, чтобы изъ-за нихъ не вышло у меня ссоры съ племянникомъ
«моимъ Гильдебертомъ. Возвратясь въ мою епархію, я отдалъ служите-
«лямъ одинъ изъ узловъ, потому-что они не могли болѣе унести съ со-
«бою (1). Послѣ того они опять приходили просить остальныхъ, и я
«снова испрашивалъ соизволенія вашего вселѣпія (*magnificence*). Вы
«мнѣ отдали такой же приказъ, какъ и прежде: Прочь, прочь всѣ эти
«вещи; епископъ; боюсь, чтобы онѣ не возродили ссоры.—И я отдалъ
«имъ еще два узла, а два другіе остались у меня. Для чего же теперь
«клеветаете на меня и обвиняете въ кражѣ, ибо тутъ дѣло о вещахъ
«не похищенныхъ, а данныхъ мнѣ на сбереженіе (2).»

«Если залогъ этотъ данъ былъ тебѣ на сбереженіе» отвѣчалъ король,
придавая; нисколько не смутясь, другой оборотъ обвиненію и мѣняя
роль истца на роль допросчика: «если ты былъ хранителемъ, то зачѣмъ
«вскрылъ одинъ изъ узловъ и вынулъ оттуда кайму, затканную золо-
«томъ, которую изрѣзалъ на куски и раздавалъ злоумышленникамъ для
«изгнанія меня изъ королевства (3)?»

Подсудимый отвѣчалъ съ прежнимъ спокойствіемъ: «Я уже сказалъ
«тебѣ разъ, что эти люди дарили меня. Не имѣя у себя въ то время
«ничего, чѣмъ бы я могъ отдарить ихъ, я бралъ оттуда и не считалъ
«это дурнымъ дѣломъ. Я признавалъ своимъ собственнымъ достояніемъ
«то, что принадлежало сыну моему, Меровигу, котораго я былъ вос-
«приемникомъ отъ купели» (4). Король не зналъ, что отвѣчать на эти
слова, въ которыхъ съ такимъ простодушіемъ выражалась отеческая
любовь, обратившаяся въ престарѣломъ епископѣ въ постоянную
страсть, ежеминутно наполнявшую его помыслы: Гильперикъ чув-
ствовалъ, что средства его истощены; за самоувѣренностью, которую
онъ обнаружилъ въ началѣ, послѣдовало недоумѣніе и почти замѣша-
тельство; онъ внезапно прекратилъ засѣданіе и удалился; еще болѣе
разстроенный и недовольный, нежели наканунѣ (5).

Всего болѣе беспокоила его мысль о томъ, какъ прійметъ его, послѣ
подобной неудачи, властолюбивая Фредегонда; и кажется, что въ са-
момъ-дѣлѣ, по возвращеніи короля во дворецъ, тамъ разыгралась до-
маншая буря, совершенно его смутившая. Не зная какъ, въ угоду же-
стѣ своей, уничтожить стараго и безобиднаго пастыря, котораго она
покланялась погубить, онъ призывалъ самыхъ преданныхъ себѣ членовъ

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 244.

(2) Ibid.

(3) Ibid., стр. 245.

(4) Ibid.

(5) Ibid.

собора и между прочими Бертрапа и Регенмода. «Признаюсь» сказалъ онъ: «я побужденъ рѣчами епископа, и знаю, что онъ говоритъ правду. Какъ же поступить мнѣ, чтобъ исполнить надъ нимъ волю коро-
«левы (1)?» Прелаты въ затрудненіи не знали, что отвѣтствовать; они хранили смутное молчаніе, какъ вдругъ король, возбужденный и будто вдохновенный тою смѣсью любви и страха, которая составляла его супружескую привязанность, продолжалъ съ жаромъ: «Подите къ нему, «и какъ-будто совѣтуя отъ себя, скажите: «Ты знаешь, что король «Гильперикъ добръ и жалостливъ, что онъ легко склоняется на мило-
«сердіе; смирись передъ нимъ и объяви въ угоду ему, что ты вино-
«ватъ въ томъ, въ чемъ онъ тебя обвиняетъ; тогда мы все бросимся къ «ногамъ его и вымолимъ тебѣ помилованіе» (2).

Точно ли епископы убѣдили своего легковѣрнаго и слабого собрата въ томъ, что король, раскаявшись въ гоненіяхъ на него, желалъ только избавиться отъ стыда, или они настраивали его, увѣривъ, что правота передъ соборомъ не спасетъ его отъ королевскаго мщенія, если онъ будетъ и упорствовать пренебрегать имъ, — только Претекстатъ, напуганный также и тѣмъ, что зналъ рабство и продажность своихъ судей, не отвергнувъ такихъ страшныхъ совѣтовъ. Предложенный ему безчестный способъ онъ признавалъ послѣднимъ средствомъ спасенія, подавая такимъ образомъ жалкій примѣръ душевнаго безспія, которое заражало тогда даже тѣхъ, на комъ лежала обязанность поддерживать, среди этого полурасстроеннаго общества, долгъ совѣсти и правила чести. Снискавъ благодаренія, какъ-будто за полезную услугу, отъ того, кому измѣняли, епископы возвратились къ королю Гильперикъ съ извѣстіемъ объ успѣхѣ своего посольства. Они обѣщали, что подосудимый, слѣпо вдаваясь въ сѣти, во всемъ сознается при первомъ вопросѣ, и Гильперикъ, избавленный этимъ завѣщеніемъ отъ труда изобрѣтать какое-нибудь новое средство для оживленія судопроизводства, рѣшился предоставить его обыкновенному ходу (3). И такъ, дѣла были отложены до третьяго засѣданія совершенно въ томъ положеніи, въ какомъ они были при окончаніи перваго, и свидѣтели, уже явившіеся однажды, снова были призваны для подтвержденія прежнихъ своихъ показаній.

На другой день, по открытіи засѣданія, король, какъ-будто просто возобновляя рѣчь, произнесенную имъ два дня назадъ, сказалъ подсудимому, указывая на стоявшихъ свидѣтелей: «Если ты только хотѣлъ «воздать этимъ людямъ дарами за дары ихъ, то для чего требовалъ отъ «нихъ клятвы въ вѣрности Меровигу» (4)? Какъ ни поколебалась совѣсть Претекстата послѣ свиданія его съ епископами, однако, движимый побужденіемъ стыда, превозмогавшаго все его страхи, онъ отступился отъ лжи, которую долженъ былъ изречь на самого себя. «Каюсь» отвѣчалъ онъ: «я просилъ ихъ быть къ нему дружескими, и призвалъ

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 245.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

(4) Ibid.

«бы на помощь не только людей, но даже ангеловъ небесныхъ, «еслибъ имѣлъ на то силу, ибо онъ былъ, какъ я сказалъ уже, духовный сынъ мой по крещенію» (1).

При этихъ словахъ, которыя, казалось, обнаруживали въ обвиненномъ намѣреніе продолжать свою защиту, король, възбѣшенный обманомъ въ своихъ ожиданіяхъ, разразился ужаснѣйшимъ образомъ. Гнѣвъ его, столь же бурный въ ту минуту, сколько прежнія уловки его были кротки, ввергнулъ немощнаго старца въ первое потрясеніе, мгновенно уничтожившее въ немъ остатки нравственной силы. Онъ палъ на колѣни и, простершись ницъ, сказалъ: «О, король премилосердый, согрѣшилъ я противъ Бога и противъ тебя! я, гнусный душегубецъ, хотѣлъ «убить тебя и возвестъ на престолъ твоего сына» (2). Лишь-только король увидѣлъ противника у ногъ своихъ, гнѣвъ его утихъ, и лицемѣріе одержало перевѣсъ. Притворяясь увлеченнымъ въ избытокъ своего волненія, онъ самъ сталъ на колѣни передъ собраніемъ и вскричалъ: «Слышите ли, благочестивые епископы, слышите ли признаніе преступника въ его гнусномъ умыслѣ». Члены собора вскочили съ своихъ креселъ и, окруживъ короля, бросились поднимать его; одни были умилены до слезъ, другіе, можетъ-быть, внутренно смѣялись надъ странной сценой, которую приготовила вчерашняя ихъ измѣна (3). Лишь-только Гильперикъ всталъ, то какъ-будто не имѣя силы сносить присутствія такого великаго преступника, приказалъ вывести Претекста изъ базилики, и велѣдъ за тѣмъ удалися самъ, предоставивъ собору совѣщаться, по обыкновенію, для произнесенія суда (4).

Возвратясь во дворецъ, король, не медля ни минуты, отправилъ къ епископамъ экземпляръ собранія церковныхъ уставовъ изъ своей библіотеки. Кромѣ цѣлаго свода уложеній, принятыхъ безъ противорѣчія галіканскою церковью, въ этой книгѣ заключалась, въ видѣ прибавленія, особая тетрадь церковныхъ правилъ, приписанныхъ апостоламъ, но въ тѣ времена рѣдкихъ въ Галліи и мало извѣстныхъ даже самымъ ученымъ богословамъ. Тамъ-то находилась та исправительная статья, на которую король ссылался съ такою напыщенностью во второмъ засѣданіи, когда задумалъ перемѣнить обвиненіе въ заговорѣ на обвиненіе въ кражѣ. Статья эта, опредѣлявшая низложеніе, очень ему правилась; но какъ ея текстъ уже не соответствовалъ признаніямъ подсудимаго, то Гильперикъ, доводя до послѣдней крайности двуличіе и безстыдство, не поколебался поддѣлать ее, можетъ-быть, своеручно, а можетъ-быть рукою одного изъ своихъ письмоводцевъ. Въ переправленномъ такимъ образомъ экземплярѣ читалось: «Епископъ, уличенный въ душегубствѣ, прелюбодѣяннѣ или клятвенно преступничествѣ, отрѣшается отъ епископства». Слово *кража* исчезло и замѣнено было словомъ *душегубство*, и, странное дѣло, никто

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 245.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

(4) Ibid.

изъ членовъ собора, даже турскій епископъ, не усомнился въ обманѣ. Правосудный и совѣстливый Григорій, мужъ суда и закона, кажется, старался только, но тщетно, убѣдить своихъ собратій держаться обыкновеннаго уложенія и не признавать свидѣтельства такъ-называемыхъ апостольскихъ уставовъ ⁽¹⁾.

Но окончаніи преній, обѣ стороны были призваны снова, для выслушанія приговора. Когда прочтена была вслухъ роковая статья, тогда бордоскій епископъ, какъ глава собора, сказалъ обвиненному: «Слушай, «братъ и соепископъ! ты не можешь отнынѣ быть намъ причастенъ «и пользоваться нашею любовью до-тѣхъ-поръ, пока не проститъ те-«бя король, у котораго ты въ немилости» ⁽²⁾. Выслушавъ этотъ приговоръ, произнесенный устами чловѣка, который наканунѣ такъ недостойно насмѣялся надъ его простотою, Претекстатъ остался безмолвенъ и какъ-бы пораженъ оцѣпенѣніемъ. Что касается до короля, то его уже не удовлетворяла такая совершенная побѣда и онъ сталъ придумывать вспомогательныя средства къ усилеію обвиненія. Начавъ вслѣдъ за тѣмъ говорить, онъ требовалъ, дабы прежде, нежели выведутъ виновнаго, ему разорвали тунику, или прочли надъ главою его СѸШ-й псаломъ, содержащій въ себѣ проклятія, призывавшіяся въ Апостольскихъ Дѣяніяхъ на Іуду Искаріотскаго: «Да будутъ дніе его «малы; да будутъ сынове его сирѣ, и жена его вдова. Да взыщеть за-«нимодавецъ вся, елико суть его, и да восхитять чуждін труды его; да «не будетъ ему заступника, ниже да будетъ ущедряій сироты его. «Да будутъ чада его въ погубленіи, въ родѣ единомъ да истребятся «имя его» ⁽³⁾.

Первый изъ этихъ обрядовъ знаменовалъ позорное низложеніе; второй употреблялся только въ случаяхъ свитотатства. Григорій Турскій съ своею спокойной и умѣренной твердостью воспротивился такому увеличенію наказанія, и соборъ его отринулъ. Тогда Гильерикъ, все еще въ жару своихъ привязокъ, захотѣлъ, чтобы приговоръ, отрѣшавшій противника отъ исполненія епископской должности, былъ изложенъ на бумагѣ, съ присовокупленіемъ статьи, осуждавшей его на вѣчное низложеніе. Григорій снова воспротивился этому требованію, напоминая королю данное имъ положительное обѣщаніе держаться въ предѣлахъ, указанныхъ содержаніемъ церковныхъ законовъ ⁽⁴⁾. Этотъ споръ, длившій засѣданіе, былъ внезапно прерванъ развязкой, въ которой нельзя было не узнать участія и воли Фредегонды, скупавшей медленностью дѣлопроизводства и мелочностью своего мужа. Вооруженные люди вошли въ церковь и увлекли Претекстата предъ глазами всего собранія, которому за тѣмъ осталось только разойтись. — Епископъ былъ отведенъ въ Парижъ и заключенъ въ темницу, остатки которой долго существовали на лѣвомъ берегу большаго рукава Сены. Въ слѣ-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 245. — Adriani Valesii Rer. Franc., кн. X, стр. 86.

⁽²⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 245.

⁽³⁾ Ibid., стр. 246.

⁽⁴⁾ Ibid.

дующую ночь, онъ пытался убѣжать и былъ жестоко избитъ стережни-ми его ратниками. Послѣ одного или двухъ дней заключенія, его увез-ли въ ссылку на край королевства, на островъ близъ котантенскихъ бе-реговъ; то былъ, вѣроятно, Джерси, населенный лѣтъ за сто, какъ и са-мый берегъ до города Байё, морскими разбойниками саксонскаго пле-мени ⁽¹⁾.

Руанскому епископу, по всему вѣроятію, предстояло провести оста-токъ дней своихъ среди этого населенія рыбаковъ и морскихъ разбой-никовъ; но послѣ семилѣтняго заточенія, великое событіе внезапно да-ровало ему свободу и возвратило его къ наставъ. Въ 584 году, король Гильперикъ былъ убитъ при обстоятельствахъ, которые будутъ раз-сказаны въ другомъ мѣстѣ ⁽²⁾. Его смерть, которую гласъ народа

(1) Ibid. — См. Дюморъ, Истор. Парижа, т. I. — См. Исторію завоеванія Англіи, кн. I и II.

(2) Въ изданныхъ по настоящее время семи разсказахъ, авторъ не помѣстилъ повѣствованія о смерти Гильперика. Но какъ обстоятельства кончины этого короля, одного изъ главнѣйшихъ дѣйствующихъ въ эпоху Меровинговъ, могутъ быть любопытны для русскихъ читателей, то я считаю не безполезнымъ опи-сать здѣсь это трагическое событіе, извлеченное мною изъ *Исторіи Франціи*, соч. А. Гюю.

Отправивъ въ Испанію дочь свою Ригонту, выданную за Рекареда, сына готскаго короля, Гильперикъ удалился въ Шельмъ, помѣстье въ окрестностяхъ города Мо, въ пяти лье на востокъ отъ Париска. Возвратясь однажды съ охоты, онъ слѣзая съ коня и оперся рукою на плечо слуги; въ это мгновеніе къ коро-лю подошелъ какой-то человѣкъ, ударилъ его ножомъ подъ мышцу, и повто-ривъ ударъ, проткнулъ ему животъ. Извергнувъ много крови ртомъ и раною, Гильперикъ тутъ же испустилъ дыханіе. Убійца убѣжалъ и скрылся въ лѣсу. Неизвѣстно, кто былъ виновникъ преступленія. Григорій Турскій, единствен-ный изъ современныхъ лѣтописцевъ, котораго творенія дошли до насъ, не ука-зываетъ ни на кого, ограничиваясь приведеннымъ выше разсказомъ. Истори-ки, писавшіе лѣтъ сто послѣ этого происшествія, наводятъ подозрѣнія то на Фредегонду, то на Брунегильду, то на нѣкоторыхъ изъ нейстрійскихъ и ав-стразійскихъ владѣльцевъ, подвигнутыхъ личнымъ мщеніемъ. Любопытно пре-даніе, сохраненное этими писателями, и обвинявшее Фредегонду въ убійствѣ своего мужа: «Однажды король Гильперикъ, собравшись въ лѣсъ на охоту, «приказалъ оскѣдлатъ лошадей и вышелъ изъ дворца. Королева, думая, «что онъ съѣзъ уже верхомъ и не вернется, пошла въ платиную комнату мыть «себѣ голову; но король, еще не садясь на коня, воротился, и такъ тихо во-«шелъ въ комнату, гдѣ была королева, что она его не слышала. Какъ она стоя-«ла къ нему спиною, наклонясь головой надъ скамейкой, то онъ, шутя, уда-«рилъ ее хлыстомъ ниже поясицы. Она не обернулась, не посмотрѣла, кто это «былъ, но, подумавъ на другаго, сказала: «Ландри! Ландри! мнѣ больно; какъ «смылъ ты это сдѣлать?» Этотъ Ландри, палатный графъ, первая особа въ двор-«цѣ короля, позорилъ его въ лицѣ жены и былъ съ нею въ блудной связи. Ко-«гда король услышалъ эти слова, то впасть въ ревнивыя подозрѣнія и сталъ какъ «бѣшеный; онъ вышелъ изъ комнаты и ходилъ взадъ и впередъ въ сердечной «тревогѣ и мукѣ. Не смотря на то, онъ поѣхалъ въ лѣсъ разсѣяться и облег-«чить тоску своего сердца. Фредегонда скорѣ догадалась, что то былъ король, «и что слова ея принесли ему не по сердцу. Тогда она вздумала, что опасно «ждать его возвращенія; но потомъ отбросила всякій страхъ и вооружилась

приписывалъ Фредегондѣ, повлекла за собой смуты въ цѣлой Нейстрій. Всѣ, кто только былъ недоволенъ послѣднимъ царствованіемъ, или имѣлъ причины жаловаться на притѣсненія и убытки, всѣ управлялись сами собою. Преслѣдовали королевскихъ чиновниковъ, употреблявшихъ во зло свою власть, или исполнявшихъ ее съ жестокостью и безъ осмотрительности; имущество ихъ было захвачено, дома разграблены и преданы сожженію; всякій пользовался случаемъ выместить своимъ врагамъ или притѣснителямъ. Наслѣдственные вражды семействъ съ семействами, городовъ съ городами и областей съ областями пробуждались снова и возжигали частныя войны, убійства и разбои⁽¹⁾. Преступники выходили изъ темницъ и изгнанники возвращались назадъ, какъ-будто ссылка ихъ оканчивалась само собою со смертію государя, именемъ котораго была имъ объявлена. Такъ возвратился и Претекстатъ, призванный выборными, которыхъ отпустили къ нему руанскіе гражда-

«женскою смѣлостью. Она позвала къ себѣ Ландри и сказала ему: «Ландри, голова твоя теперь въ опасности; помышляй лучше о могилѣ, нежели о постели, если не придумаешь средства поправить дѣла». Тутъ она рассказала ему, какъ у нея вырвалось слово. Сильно удивленъ былъ Ландри, когда это услышалъ; онъ началъ припоминать и перебирать про себя свои преступленія, къ великому сокрушенію сердца. Жало совѣсти страшно его кололо; онъ не зналъ, куда бы могъ скрыться и какъ выручиться; ему казалось, что онъ пойманъ какъ рыба въ неводѣ. Онъ сталъ жалобно стѣнать и вздыхать, и говорилъ: «Горе мнѣ, бѣдному! для чего пришелъ нынѣ этотъ день, повергшій меня въ такую тяжкую участь? Увы, несчастный! совѣсть терзаетъ меня; не знаю, ни что предпринять, ни куда обратиться». Тогда Фредегонда ему сказала: «Ландри, слушай, что я хочу, чтобы ты сдѣлалъ и что будетъ намъ пригодно. Когда онъ вернется поздно съ охоты (вѣдь часто бываетъ, что онъ пріѣзжаетъ ночью), то постарайся разставить убійцъ и склони ихъ подарками, чтобы въ то время, когда онъ слѣзетъ съ коня, они убили его ножами. Когда это будетъ сдѣлано, тогда мы спасемся отъ смерти и станемъ сами царствовать съ сыномъ нашимъ Клотеромъ». Ландри очень похвалилъ этотъ совѣтъ и распорядился какъ должно. — Король поздно возвратился изъ лѣса; тѣ, кто были съ нимъ, не стали его ждать и разѣхались въ разныя стороны, какъ обыкновенно дѣлаютъ охотники. Убійцы, бывшіе около него въ готовности, поразили его ножами и такимъ образомъ умертвили. Тогда тѣ же самые, которые убили его, стали кричать: «Бѣда! бѣда! умеръ король Гильперикъ! Племянникъ его, Гильдебертъ, умертвилъ его своими людьми, и они разбѣжались». Когда услышаны были эти крики, то всѣ собрались къ тому мѣсту, гдѣ король лежалъ мертвый. Нѣкоторые вскочили на коней и пустились преслѣдовать тѣхъ, кого не было видно и не легко было найти; погнавшись напрасно, они возвратились.»

Всѣ покинули Гильперика послѣ его смерти, и онъ остался бы вовсе безъ погребенія, еслибъ сапписскій епископъ, Малульфъ, котораго король три дня держалъ у воротъ дворца, не допуская до себя, не былъ проникнутъ чувствомъ христіанской любви и не отдалъ ему послѣдняго долга. Обмывъ тѣло, Малульфъ покрылъ его королевскимъ одѣяніемъ и провелъ надъ нимъ цѣлую ночь въ молитвѣ. На другой день положилъ онъ его въ лодку и отвезъ внизъ по Марнѣ и Сентъ въ Парижъ, гдѣ и похоронилъ въ церкви св. Викентія (Сентъ-Жерменъ-де-Пре).

Примѣчаніе переводчика.

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 299.

не. Онъ вступилъ въ городъ въ сопровожденіи несметной толпы, среди кликовъ народа, который собственною своею властью возстановилъ его на епископскомъ престолѣ, изгнавъ, какъ похитителя, галла Мелантія, назначеннаго королемъ на мѣсто Претекстата ⁽¹⁾.

Между-тѣмъ, королева Фредегонда, виновница всего зла, творившагося въ царствованіе ея мужа, должна была укрыться въ главной парижской церкви, оставивъ единственнаго своего четырех-мѣсячнаго сына ⁽²⁾ въ рукахъ франкскихъ владѣтелей, которые провозгласили его королемъ и начали править его именемъ. Выйдя изъ этого убѣжища, когда безпорядки нѣсколько утихли, она принуждена была жить въ забытіи, въ глухомъ уединеніи, вдали отъ мѣстопребыванія юнаго короля. Отказавшись съ великою горестію отъ привычной пышности и владѣтельства, она уѣхала въ помѣстье Ротойялумъ (Rotoialum), нынѣ Валь-де-Рейль (Val-de-Reuil), близъ слиянія Эры (l'Eure) и Сены. Такимъ образомъ обстоятельства привели ее жить въ нѣсколькихъ лѣтъ отъ города Руана, гдѣ низложенный и изгнанный ею епископъ былъ, вопреки ей, снова возстановленъ. Хотя въ сердцѣ ея не было ни помилованія, ни забвенія, и семь лѣтъ ссылки, тяготѣвшей надъ главою старца, не охладили въ ней прежняго къ нему отвращенія, однако въ первое время она не имѣла досуга о немъ подумать; мысли и вражда ея обращены были въ иную сторону ⁽³⁾.

Съ горестію видя себя низведенною почти до частнаго состоянія, она ежеминутно представляла себѣ счастье и могущество Брунегильды, сдѣлавшейся безотчетною попечительницею пятнадцати-лѣтняго сына. Она съ досадою повторяла: «Эта женщина станетъ считать себя «выше меня». У Фредегонды подобная мысль была неразлучна съ мыслию объ убійствѣ. Какъ только оно было рѣшено въ умѣ ея, то она исключительно предалась мрачнымъ и лютымъ соображеніямъ средствъ къ усовершенствованію орудій смерти и настроенію горячихъ головъ къ преступленію и безстрашію ⁽⁴⁾. Лица, наиболѣе соотвѣтствовавшія ея цѣлямъ, были молодые клерки (clerics) варварскаго происхожденія, плохо понимавшіе духъ своего новаго состоянія и сохранявшіе еще привычки и обычаи вассальства. Ихъ было нѣсколько въ числѣ служителей ея дома; она поддерживала ихъ преданностію и щедростію и нѣкоторымъ дружествомъ; но временамъ испытывала на нихъ крѣпкіе и хмѣльные напѣтки, тайну приготовленія которыхъ она одна знала. Первый изъ этихъ юношей, показавшійся ей достаточно подготовленнымъ, получилъ отъ нея изустное приказаніе отправиться въ Австрازیю, явиться подъ видомъ бѣглеца къ королевѣ Брунегильдѣ, войти въ ея довѣренность и умертвить ее, когда представится къ тому случай ⁽⁵⁾.

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 299.

⁽²⁾ Клотера, родившагося въ 584 году, послѣ смерти всѣхъ другихъ сыновей Гильперика и Фредегонды.

⁽³⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 294 и 299.—Adriani Valesii Rer. franc., кн. XII, стр. 214.

⁽⁴⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 299.

⁽⁵⁾ Ibid., стр. 300.

Онъ ушелъ и дѣйствительно успѣлъ втерѣться къ королевѣ, вступилъ даже въ ея службу, но черезъ нѣсколько дней въ немъ усомнились, стали допрашивать и когда онъ во всемъ сознался, то отослали назадъ безъ всякаго вреда, сказавъ: «Воротись къ своей покровительницѣ». Фредегонда, раздраженная такимъ милосердіемъ, которое казалось ей обидою и вызовомъ, выместила гнѣвъ свой на оплошномъ посланцѣ, приказавъ отсѣчь ему руки и ноги ⁽¹⁾.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, когда, по ея мнѣнію, настала пора приступить ко второй попыткѣ, собравшись со всѣми силами своего злобнаго духа, она велѣла изготовить, по своему указанію, особаго рода книжалы. То были длинныя пожи съ ножнами, видомъ подобныя тѣмъ, которые Франки обыкновенно носили за поясомъ, но съ лезвіемъ, покрытымъ во всю длину напѣчкой и изображеніями. Украшеніе это, по видимому невинное, имѣло истинно дьявольское назначеніе: оно служило для того, чтобы желѣзо могло быть глубже напоено отравой, и чтобы ядовитое зелье, не стираясь съ гладкой поверхности, проникло въ самую рѣзбу ⁽²⁾. Два такіе пожа, натертые тонкимъ ядомъ, были даны королевою двумъ молодымъ клеркамъ, преданности которыхъ не охладилъ печальная судьба ихъ товарища. — Они получили приказаніе отправиться переодѣтыми въ нищихъ въ мѣстопребываніе короля Гильдеберта, стеречь его въ прогулкахъ, и когда представится удобный случай, то подойти къ нему вдвоемъ, прося подаишй, поразить его вмѣстѣ ножами: «Возьмите эти книжалы, сказала имъ «Фредегонда, и ступайте скорѣе, чтобы увидѣла я наконецъ Бруне-«гильду, которая кичится теперь этимъ ребенкомъ, безъ всякой власти «послѣ его смерти и въ униженіи предо мною. Если за ребенкомъ такъ «бережно смотрять, что нельзя подойти къ нему, тогда убейте мою «злѣдѣйку; если сами погибнете въ этомъ дѣлѣ, то я облагодѣворю родителей вашихъ, осыплю ихъ дарами и вознесу на первую степень «въ королевствѣ. Не бойтесь же ничего и не щадите живота своего» ⁽³⁾.

При этихъ словахъ, которыя ясно не обѣщали впереди ничего, кромѣ вѣрной гибели, на лицахъ молодыхъ клерковъ обнаружались признаки и смущенія и нерѣшительности. Фредегонда это замѣтила и тотчасъ велѣла принести питье, съ величайшимъ искусствомъ составленное ею для воспламенія разума и угожденія вкусу. Юноши осушили каждый по кубку этого напитка, и дѣйствіе его не замедлило обнаружиться въ ихъ взорѣ и осанкѣ ⁽⁴⁾. Тогда, довольная этимъ опытомъ, королева сказала: «Когда наступитъ день исполненія моихъ «приказаній, то я хочу, чтобы передъ началомъ дѣла вы опять выпили «ли этой влаги, для укрѣпленія и бодрости». Оба клерка отправились въ Австразію, снабженные своими отравленными ножами и стеклянкой съ драгоцѣннымъ зельемъ; но молодой король и его мать были окружены вѣрною стражей. Посланные Фредегонды, по прибытіи своемъ,

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 300.

⁽²⁾ Ibid., стр. 324.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid., стр. 325.

были схвачены какъ люди подозрительные и на этотъ разъ имъ не было пощады: оба погибли въ истязаніяхъ ⁽¹⁾.

Это происходило въ послѣднихъ мѣсяцахъ 585 года; въ началѣ слѣдующаго года, королева Фредегонда, наскучивъ, можетъ-быть, своимъ уединеніемъ, переехала изъ Валь-де-Рейль на нѣсколько дней въ Руанъ. Такимъ-образомъ ей не однажды, въ общественныхъ собраніяхъ и церемоніяхъ, довелось быть въ присутствіи епископа, возвращеніе котораго было какъ-бы посмѣяніемъ ся могуществу. Судя по тому, сколько былъ ей извѣстенъ по опыту характеръ этого человѣка, она ожидала, что найдетъ въ немъ по-крайней-мѣрѣ робость, униженіе и трепетный видъ изгнанника, прощеннаго только паружио изъ одной терпимости. Но Претекстатъ, вмѣсто того чтобы оказывать ей то почти-тельное вниманіе, котораго она еще болѣе требовала съ-тѣхъ-поръ, какъ чувствовала себя низведенною съ прежняго сана, явился по видимому надменнымъ и горделивымъ. Душа его, прежде мягкая и такъ мало мужественная, какъ-будто закалилась въ страданіяхъ и горѣ ⁽²⁾.

При одной встрѣчѣ, происшедшей между королевою и епископомъ во время гражданскихъ или духовныхъ торжествъ, она, не обуздавъ своей ненависти и досады, сказала довольно громко, такъ, что слышали всѣ присутствовавшіе: «Этотъ человѣкъ долженъ бы знать, что для него снова можетъ возвратиться время въ ссылку ⁽³⁾». Претекстатъ не пророкилъ этихъ словъ и, презирая гнѣвъ своей страшной непріятельницы, отвѣчалъ ей въ лицо: «Какъ въ ссылкѣ, такъ и внѣ оной я не переставалъ быть епископомъ, емь и всегда имъ буду; но ты, можешь ли ты сказать, что всегда будешь пользоваться королевскою властью? Изъ далекаго изгнанія, если бы я и вернулся туда, Богъ призоветъ меня въ царство небесное, а ты, изъ твоего земнаго царства, будешь низвергнута въ адскія бездны. Пора бы тебѣ оставить нынѣ всѣ твои безумства и злодѣянія, отказаться отъ чванства, которое на всякомъ шагѣ тебя надмеваетъ, и идти по лучшей дорогѣ, дабы заслужить жизньъ вѣчную и взростить ребенка, рожденнаго тобою ⁽⁴⁾». Эта рѣчь, въ которой самая пронія соединялась съ величавою важностію духовнаго увѣщанія, возбудила въ душѣ Фредегонды весь пылъ ея злобы; но, не обнаруживъ себя дурными словами и не выказавъ всенародно своего стыда и гнѣва, она вышла, не сказавъ ни слова и удалась глотать обиду и готовить мщеніе въ тиши своего жилища ⁽⁵⁾.

Мелантій, давнишній любимецъ и кліентъ королевы, въ-продолженіи семи лѣтъ несправедливо занимавшій епископскій престолъ, прибылъ къ ней тотчасъ по пріѣздѣ ея изъ рейльскаго помѣстья и съ того времени не покидалъ ея ⁽⁶⁾. Ему первому довѣрила она свои злобныя на-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 325.

⁽²⁾ Ibid., стр. 326.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 326.

⁽⁵⁾ Ibid.

⁽⁶⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 299. — Adriani Valesii Rer. franc., стр. 303.

мѣренія. Этотъ человѣкъ, котораго такъ одолевало сожалѣніе объ утраченномъ епископскомъ санѣ, что для полученія его вновь онъ готовъ былъ на все рѣшиться, не поколебался сдѣлаться соучастникомъ предпріятія, чрезъ которое могъ достигнуть цѣли своихъ желаній. Семь лѣтъ его епископства прошли не безъ вліянія на личный составъ духовенства епископской церкви. Многіе изъ чиновъ, пожалованныхъ въ продолженіе этого времени, считали себя созданіями Мелантія и съ неудовольствіемъ видѣли епископа, которому ничѣмъ не были обязаны и отъ котораго не ждали большихъ милостей.

Претекстатъ, простой и довѣрчивый, не безпокоился, встрѣтивъ, по возвращеніи своемъ, новыя лица въ епископскомъ дворцѣ; онъ не подумалъ о положеніи тѣхъ, кого подобная перемѣна могла встревожить, и, будучи ласковъ со всѣми, не подозрѣвалъ, чтобы кто либо его ненавидѣлъ. Однако, не смотря на сильную и искреннюю любовь къ нему руанскаго народа, большая часть членовъ духовенства не очень была къ нему усердна и привязана.

Нѣкоторые, особенно въ высшихъ званіяхъ, чувствовали къ нему совершенное отвращеніе. Одинъ изъ архидіаконовъ, или епископскихъ викаріевъ, по преданности ли къ пользамъ Мелантія, или потому-что самъ надѣялся достигнуть епископскаго сана, питалъ это чувство въ высшей степени. Каковы бы ни были побудительныя причины такой смертельной ненависти его къ своему епископу, однако Фредегонда и Мелантій признали невозможнымъ обойтись безъ него и приняли въ участники своего заговора. Архидіаконъ имѣлъ съ ними совѣщанія, въ которыхъ разсуждали о средствахъ къ исполненію плана. Было рѣшено отыскать между рабами, принадлежавшими къ руанскимъ церковнымъ имѣніямъ, человѣка, котораго можно бы сманить обѣщаніями отпустить на волю съ женою и дѣтьми. Нашелся одинъ, кого такъ увлекла надежда на свободу, не смотря на всю ея невѣрность, что онъ готовъ былъ совершить двойное преступленіе убійства и святотатства. Этотъ бездѣльникъ получилъ въ видъ поощренія двѣсти золотыхъ монетъ, сто отъ королевы Фредегонды, пятьдесятъ отъ Мелантія, а остальные отъ архидіакона; приняты были всѣ мѣры и убійство назначено было въ слѣдующее воскресенье, приходившееся на 24-е февраля ⁽¹⁾.

Въ этотъ день, руанскій епископъ, выхода котораго убійца ждалъ съ солнечнаго восхода, рано отправился въ церковь. Онъ сѣлъ на обыкновенное свое мѣсто, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ главнаго престола, на отдѣльныхъ креслахъ, передъ которыми поставленъ былъ наложникъ. Остальное духовенство размѣстилось на скамьяхъ, поставленныхъ вокругъ клироса, и епископъ запѣлъ, по обычаю, первый стихъ заутренни ⁽²⁾. Въ то время, когда пѣснопѣніе, подхваченное пѣвчими, продолжалось хоромъ, Претекстатъ сталъ на колѣни, опершись руками и наклонивъ голову на стоявшій передъ нимъ наложникъ.—Это положеніе,

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 331. — Adriani Valesii Rer. franc., стр. 326.

⁽²⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 326.

въ которомъ онъ долго оставался, доставило убійцѣ, пробравшемуся сзади его, случай, котораго онъ искалъ съ разсвѣта. Пользуясь тѣмъ, что епископъ, простершійся для молитвы, не видалъ ничего, что происходило вокругъ, онъ незамѣтно приблизился къ Претекстату на длину руки и, выхвативъ ножъ, висѣвшій на поясѣ, воцѣпилъ его ему подъ мышцу. Претекстатъ, почувствовавъ рану, вскричалъ, но по недоброжелательству или изъ трусости, никто изъ бывшихъ тутъ церковниковъ не поспѣшилъ къ нему на помощь и убійца имѣлъ время убѣжать ⁽¹⁾. Оставленный такимъ образомъ, старецъ самъ поднялся и, закрывъ обѣими руками рану, привлекая къ престолу и имѣлъ еще довольно силы взойти на ступени. Взойдя, онъ протянулъ обѣ руки, наполненныя кровью, за сосудомъ, висѣвшимъ на цѣпяхъ надъ престоломъ и заключавшемъ евхаристію, назначенную для причащенія умирающихъ. Онъ взялъ частицу святаго хлѣба и приобщился; потомъ, возблагодаривъ Бога за то, что Онъ сподобилъ его приобщиться святыхъ тайнъ, упалъ въ изнеможеніи на руки вѣрныхъ слугъ и былъ перенесенъ ими въ свои покои ⁽²⁾.

Узнавъ по народному волненію, а можетъ-быть и отъ самого убійцы, о происшедшемъ, Фредегонда захотѣла насладиться страшнымъ удовольствіемъ посмотрѣть на своего умирающаго врага. Она посѣтила въ домъ епископа, въ сопровожденіи герцоговъ Ансовальда и Бенполена, изъ которыхъ ни тотъ, ни другой не знали ни объ участіи ея въ этомъ преступленіи, ни того, при какой странной сценѣ должны были присутствовать. Претекстатъ лежалъ на одрѣ своемъ; на лицѣ его были всѣ признаки близкой кончины, но онъ сохранялъ еще чувство и память. Королева скрыла свою радость и, принявъ видъ состраданія, сказала умирающему съ царственнымъ достоинствомъ: «Прискорбно, святой епископъ, и намъ и всему твоему народу, что такое бѣдствіе постигло твою особу. Дай Богъ, чтобы намъ указали того, кто дерзнулъ совершить такое ужасное дѣло, дабы воздать ему казнью, соразмѣрную съ его преступленіемъ ⁽³⁾.»

Старецъ, всѣ подозрѣнія котораго подтвердились этимъ самымъ посѣщеніемъ, приподнялся на своемъ страдальческомъ ложѣ и, устремивъ взоры на Фредегонду, отвѣчалъ: «А чья рука нанесла этотъ ударъ, какъ не та, которая умерщвляла царей, такъ часто проливая кровь невинныхъ и причинила столько бѣдъ королевству ⁽⁴⁾.» Ни малѣйшее смущеніе не обнаружилось на лицѣ королевы; и какъ-будто слова эти не имѣли для нея никакого значенія и были простымъ слѣдствіемъ лихорадочнаго разстройства, она продолжала самымъ спокойнымъ и ласковымъ голосомъ: «У насъ есть искусные врачи, которые могутъ излечить эту рану; позволь имъ посѣтить тебя» ⁽⁵⁾. Терпѣніе

⁽¹⁾ Greg. Turon. Hist. Franc., стр. 326.

⁽²⁾ Rollandi Acta Sanct., т. III, стр. 465. — Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 326. Ducange, Glos. ad Script. med. et infim. latinit., V *Columba*.

⁽³⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 327.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ Ibid.

енискона не могло удержаться передъ такимъ безстыдствомъ, и въ порывѣ негодованія, истощившемъ послѣднія его силы, онъ сказалъ: «Я чувствую, что Богу угодно отозвать меня отъ міра сего, но ты, «замыслившая и устроившая покушеніе, лишающее меня жизни, ты «будешь во вѣки вѣковъ предметомъ омерзѣнія, и небесное правосудіе «отмститъ кровь мою на главѣ твоей.» Фредегонда удалась, не сказавъ ни слова, и черезъ нѣсколько минутъ Претекстатъ выпустилъ послѣдній вздохъ свой ⁽¹⁾.

При этомъ извѣстіи, весь городъ Руанъ впасть въ уныніе; всѣ граждане, Римляне и Франки, безъ различія племени, соединились въ общемъ чувствѣ печали, смѣшанной съ ужасомъ. Первые, не имѣя за предѣлами своего города никакого политическаго значенія, могли выражать только горестъ; безспильную предъ злодѣйствомъ, главною виновницею котораго была королева; но вторые, по-крайней-мѣрѣ, нѣкоторое число изъ нихъ, именно тѣ, кому богатство или наслѣдственное дворянство давало титулъ владѣтелей, могли, по древнему праву германской вольности, говорить громко кому бы то ни было и искать правосудія на всякомъ виновномъ ⁽²⁾. Въ окрестностяхъ Руана было нѣсколько такихъ родоначальниковъ, независимыхъ владѣльцевъ, исполнявшихъ судейскую обязанность въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, и столь же надменныхъ своимъ личнымъ правомъ, какъ и усердныхъ защитниковъ древнихъ обычаевъ и народныхъ учреждений. Въ числѣ ихъ былъ человекъ съ сердцемъ и увлеченіемъ, въ высшей степени одаренный тою мужественною откровенностію, которую завоеватели Галліи считали добродѣтелью своего племени; такое понятіе, сдѣлавшись народнымъ, породило въ-послѣдствіи новое слово *franchise*, чистосердечіе. Этотъ человекъ собралъ нѣсколькихъ друзей своихъ и сосѣдей и уговорилъ ихъ на громкій поступокъ: объявить Фредегондѣ призывъ къ суду.

Всѣ они сѣли верхомъ и изъ помѣстья, лежавшаго близъ Руана, поѣхали въ жилище королевы, находившееся въ самомъ городѣ. Но пріѣздъ ихъ, только одинъ изъ нихъ, тотъ, который присоветовалъ это посѣщеніе, былъ допущенъ къ Фредегондѣ, которая, удвоивъ бдительность со времени своего злодѣянія, соблюдала тщательную предосторожность; прочіе остались въ сѣняхъ, или подъ портикомъ дома. На вопросъ королевы, что ему нужно, глава посольства отвѣчалъ съ выраженіемъ сильнаго негодованія: «Много ты на своемъ вѣку совершила «злодѣяній, но самое ужасное изъ всѣхъ то, которое ты сдѣлала недавно, приказавъ умертвить служителя Божія.—Да явитъ Себя Господь вскорѣ мстителемъ за невинную кровь! Но пока, мы всѣ будемъ «преслѣдовать преступника, дабы не было тебѣ возможности совершать подобныя злодѣяства.» Выказавъ эту угрозу, Франкъ вышелъ, оставивъ королеву взволнованною до глубины души такимъ объявленіемъ.

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 327.

⁽²⁾ Ibid.

емъ, вѣроятныя послѣдствія котораго были для нея не безопасны, особенно при ея вдовствѣ и одиночествѣ (1).

Вскорѣ смѣлость возвратилась къ Фредегондѣ и она приняла рѣшительное намѣреніе. Она послала одного изъ своихъ служителей къ франкскому владѣтелю сказать ему, что королева приглашаетъ его къ обѣду. На приглашеніе это, Франкъ, возвратившійся къ своимъ товарищамъ, отвѣчалъ такъ, какъ слѣдовало благородному человѣку: онъ отказался (2). Служитель, передавъ отвѣтъ, снова явился просить его, если онъ не хочетъ остаться обѣдать, то не пріиметъ ли, по-крайней-мѣрѣ, какого-либо питія, дабы не оскорбить королевскаго дома, выйдя изъ него натошакъ. Отъ подобнаго приглашенія нельзя было, по тогдашнему обыкновенію, отказаться; привычка и приличіе, какъ тогда его разумѣли, превозмогли на этотъ разъ негодованіе, и Франкъ, уже готовившійся садиться на лошадь, остался ждать въ сѣняхъ съ своими друзьями (3).

Черезъ минуту вышли служители съ широкими кубками, наполненными напѣткомъ, который люди варварскаго происхожденія охотились всего пить не въ обѣденное время; то было полынное вино, подслащенное медомъ. Тому изъ Франковъ, который получилъ приглашеніе королевы, было поднесено первому. Онъ, не подумавъ, разомъ осушилъ душистую влагу; но едва допилъ послѣднюю каплю, какъ жестокая боль, точно внутреннее терзаніе, показала ему, что онъ проглотилъ сильнѣйшій ядъ (4). Онъ онемѣлъ на минуту подъ вліяніемъ этого громоваго ощущенія, но когда увидѣлъ, что товарищи намѣрены послѣдовать его примѣру и сдѣлать честь полынному вину, то вскричалъ имъ: «Не касайтесь этого напѣтка, бѣгите, несчастные, бѣгите, «не то погибнете вмѣстѣ со мною!» Слова эти поразили Франковъ паническимъ страхомъ; мысль объ отравѣ, нераздѣльная въ то время съ мыслию о колдовствѣ и порчѣ, близость таинственной опасности, которую нельзя имъ было отразить мечомъ, все это обратило въ бѣгство людей, неостетупавшихъ въ битвѣ. Они все бросились по конямъ; отравленный также успѣлъ сѣсть верхомъ, но зрѣніе его слабѣло, руки не могли держать поводьевъ. Несомнѣй конемъ своимъ вскачь во слѣдъ за другими, и не имѣя силы управлять имъ, онъ отъѣхалъ только сколько сотъ шаговъ и упалъ мертвый (5). Слухъ объ этомъ происшествіи далеко разнесъ суевѣрный ужасъ; никто изъ помѣстныхъ владыкъ руанской епархіи не дерзалъ призывать Фредегонду на великій судъ, который, подъ именемъ *mal, mal*, собирался по-крайней-мѣрѣ дважды въ годъ.

Епископъ байёскій, Левдовальдъ, бывшій старшимъ викаріемъ руанскаго епископства, долженъ былъ принять управленіе епархіальною церковью, пока престолъ оставался празднымъ. Онъ прибылъ въ Ру-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 327.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

(4) Ibid.

(5) Ibid.

анъ и разослахъ оттуда ко всеѣмъ областнымъ епископамъ извѣстіе о насильственной кончинѣ Претекстата; потомъ, созвавъ изъ городского духовенства муниципальный соборъ, приказалъ закрыть, по приговору этого собранія, все руанскія церкви и не отправлять въ нихъ никакой службы, пока всенародное изслѣдованіе не наведетъ на слѣдъ виновниковъ и сообщниковъ преступленія ⁽¹⁾. Нѣсколько человѣкъ галльскаго происхожденія и низкаго званія взято было по подозрѣнію и допрошено; большая часть ихъ знала объ умыслѣ на жизнь епископа и даже получала по этому дѣлу предложенія и подарки; ихъ признанія подтверждали общее подозрѣніе, лежавшее на Фредегондѣ, но они не назвали по имени ни одного изъ двухъ ея соучастниковъ, ни Мелантія, ни архидіакона. Королева, чувствуя, что для нея ничего не значитъ это духовное слѣдствіе, приняла подъ свое покровительство всехъ подсудимыхъ и открыто доставила имъ способы ускользнуть отъ судебного преслѣдованія или бѣгствомъ, или вооруженнымъ сопротивленіемъ ⁽²⁾.

Не теряя бодрости отъ безпрестанныхъ препятствій, епископъ Левдовальдъ, человѣкъ совѣтливый и вѣрный своему долгу, удвоилъ рвеніе и старанія отыскать преступника и проникнуть глубину тайны этого ужаснаго злодѣйства. Тогда Фредегонда употребила средства, которыя она берегла на крайній случай: убійцы шатались вокругъ епископскаго дома и старались въ него проникнуть; Левдовальдъ долженъ былъ день и ночь окружать себя стражей изъ своихъ слугъ и церковниковъ ⁽³⁾. Его твердость не устояла передъ такими тревогами; дѣло, начатое сперва довольно гласно, затянулось и предпринятое по римскимъ законамъ слѣдствіе вскорѣ было забыто, подобно тому, какъ было забыто намѣреніе предать Фредегонду суду франкскаго племени, созданнаго по салійскому закону ⁽⁴⁾.

Слухъ объ этихъ происшествіяхъ, мало-по-мало распространявшійся по всей Галліи, достигъ до короля Гонтрана въ столицѣ его, Шалонѣ-на-Сонѣ. Безпокойство его при этомъ извѣстїи было такъ сильно, что даже вывело его на минуту изъ той политической безопасности, которая была такъ ему по праву. Его характеръ, какъ мы уже видѣли, состоялъ изъ самыхъ странныхъ противорѣчій; онъ имѣлъ въ душѣ кроткое благочестіе и строгую справедливость, но изъ-подъ нихъ, такъ-сказать, вскипали и по временамъ вырывались не совершенно угасшіе остатки дикой и кровожадной натуры. Этотъ остатокъ германской свирѣпости обнаруживался въ душѣ самаго добраго изъ меровингскихъ королевъ, то вспышками дикой ярости, то хладнокровными жестокостями. Вторая жена Гонтрана, Австрегильда, постигнутая въ 580 году болѣзнію, отъ которой не чаяла исцѣленія, возымѣла варварскую мысль умереть не одной, и требовала, чтобы въ день ея погребенія оба врача ея были обезглавлены. — Король обѣщалъ это, какъ дѣло самое обыкновенное, и велѣлъ

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 327.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Lex salica, apud script. rer. gallic. et franc., т. IV, стр. 151.

отѣтъ врачамъ головы (1). Послѣ такого подвига супружеской угодливости, достойнаго самаго свирѣпаго тирана, Гонтранъ съ неизъяснимою легкостью снова возвратился къ привычкамъ своего отеческаго управленія и къ обыкновенному своему добродушію. Узнавъ о двойномъ преступленіи убійства и святотатства, въ которомъ общій гласъ обвинялъ вдову его брата, онъ почувствовалъ непритворное негодованіе, и какъ глава семейства Меровинговъ счелъ себя обязаннымъ исполнить великое дѣло патриархальнаго суда. Онъ отправилъ послами къ владѣльцамъ, правившимъ отъ имени гильперикова сына, трехъ епископовъ, Артемія санскаго, Агреція труанскаго и Верана кавальионскаго, изъ Арльской Области. Эти послы получили приказаніе истребовать отъ нейстрійскихъ владѣтелей полномочіе отыскать, посредствомъ торжественнаго изслѣдованія, виновника въ злодѣяніи, и волею или неволею представить его королю Гонтрану (2).

Три епископа прибыли въ Парижъ, гдѣ воспитывалось дитя, именемъ котораго, уже два года, управлялось Нейстрійское Королевство. Бывъ допущены въ правительствующій совѣтъ, они изложили предметъ своего посольства, упираясь на великость злодѣянія, за которое король Гонтранъ требовалъ наказанія. Когда они кончили рѣчь, тогда тотъ изъ нейстрійскихъ вождей, который первенствовалъ между опекунами юнаго короля и назывался его кормильцемъ, всталъ и сказалъ: «Намъ тоже очень нелюбы такіа злодѣйства и мы все болѣе и болѣе желаемъ, чтобы они понесли наказаніе; но если кто-либо есть среди насъ преступный, то не вашему королю онъ долженъ быть представленъ, ибо мы сами имѣемъ средства обуздать, съ королевскаго созволенія, всѣ преступленія, у насъ совершаемыя» (3).

Эта рѣчь, по-видимому, твердая и достойная, прикрывала отвѣтъ уклончивый, ибо нейстрійскіе правители болѣе заботились о соблюденіи осторожности съ Фредегондою, нежели о независимости королевства. Послы это поняли и одинъ изъ нихъ отвѣчалъ съ жаромъ: «Знай-те, что если тотъ, кто совершилъ преступленіе, не будетъ открытъ «и выведенъ на чистую воду, то король нашъ прійдетъ съ войскомъ и «разоритъ всю эту землю огнемъ и мечомъ; ибо извѣстно, что та, которая колдовствомъ извела Франка, та самая мечомъ умертвила епископа» (4). Нейстрійцы не устранились такой угрозы; они знали, что у короля Гонтрана всегда не доставало рѣшимости, когда надлежало дѣйствовать. Они повторили свой прежній отвѣтъ, и епископы прервали это бесполезное свиданіе, заранѣе отвергнувъ возстановленіе Мелантія на руанскомъ епископскомъ престолѣ (5). Но едва они возвратились къ королю Гонтрану, какъ стараніями королевы и вліяніемъ, которое она снова приобрѣла кознями и страхомъ, Мелантій былъ возстановленъ. Этотъ человѣкъ, достойное созданіе Фредегонды, въ-про-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 254.

(2) Ibid., стр. 327.

(3) Ibid.

(4) Ibid.

(5) Ibid., стр. 328.

долженіе болѣе пятнадцати лѣтъ ежедневно возсѣдалъ и молился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пролилась кровь Претекстата ⁽¹⁾.

Падменная такими усѣхами, королева увѣнчала свое преступленіе повою дерзостію, знакомъ невѣроятнаго презрѣнія ко всему, что осмѣливалось ей противодѣйствовать. Она приказала всенародно схватить и представить себѣ крѣпостнаго раба, котораго сама подкупила для исполненія злодѣйства и до того укрывала отъ преслѣдованій. «Такъ это «ты» сказала она ему съ притворнымъ негодоваціемъ: «ты закололъ «Претекстата, руанскаго епископа, и породилъ клеветы, которыя обо «мнѣ распространяютъ?» Потомъ приказала бить его при себѣ, и выдала родственникамъ епископа, вовсе не заботясь о послѣдствіяхъ, какъ-будто человѣкъ этотъ ровно ничего не зналъ объ умыслѣ, которому послужилъ орудіемъ ⁽²⁾.—Илемяникъ Претекстата, одинъ изъ числа жестокосердныхъ Галловъ, которые, подражая германскимъ обычаямъ, дышали только личнымъ мщеніемъ и всегда ходили вооруженные подобно Фрэнкамъ, овладѣлъ несчастнымъ и подвергнулъ его пыткамъ въ собственномъ своемъ домѣ. Убійца не заставилъ ждать своихъ отвѣтовъ и признаній: «Я нанесъ ударъ» сказалъ онъ: «и для того по-лучилъ сто золотыхъ солидовъ отъ королевы Фредегонды, пятьдесятъ «отъ епископа Мелантія и пятьдесятъ отъ здѣшняго архидіакона; мнѣ «обѣщали, сверхъ-того, отпустить на волю меня и жену мою» ⁽³⁾.

Какъ ни положительны были такіа показанія, однако ясно было, что они не могли привести ни къ какимъ послѣдствіямъ. Въ общественныя ласки того времени тщетно старались употребить содѣйствіе свое въ этомъ ужасномъ дѣлѣ; аристократія, духовенство, даже самая королевская власть оказались безсильными для наказанія истинныхъ преступниковъ. Илемяникъ Претекстата, убѣжденный въ томъ, что не добудетъ иной расправы, какъ только силою собственной руки своей, покончилъ все дѣломъ, достойнымъ дикаря, но въ чемъ, можетъ-быть, столько же было отчаянія, какъ и звѣрства; онъ обнажилъ свой мечъ и изрубилъ на куски раба, брошеннаго ему въ добычу ⁽⁴⁾. Такимъ образомъ, какъ случалось почти всегда въ это безпорядочное время, единственнымъ возмездіемъ за кровь было свирѣпое убійство! Только народъ не измѣнилъ погибшему епископу: онъ украсилъ его именемъ мученика, и въ то время, когда церковное управленіе ставило на епископскій престолъ одного изъ убійцъ, а прочіе епископы называли его братомъ ⁽⁵⁾, руанскіе гражданае поминали въ молитвахъ своихъ имя Претекстата и склонялись предъ его гробницей. Прославленное такимъ народнымъ почитаніемъ, воспоминаніе о святомъ Претекстатѣ перешло вѣка, оставаясь предметомъ набожнаго благоговѣнія вѣрующихъ, знавшихъ его только по имени. Если подробности жизни Претекстата,

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 334.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ Gregorii Magni papae I Epist. XXIX, apud. script. rer. gallic. et franc. t. V, стр. 29.

вполнѣ человѣчной по ея несчастіямъ и проступкамъ, могутъ нѣсколь-
ко затемнить славу его святости, то по-крайней-мѣрѣ возбуждаютъ къ не-
му чувство состраданія; и развѣ нѣтъ чего-то трогательнаго въ харак-
терѣ этого старца, заплатившаго жизнью за чрезмѣрную любовь свою
къ тому, кого онъ воспринялъ отъ купели, осуществляя такимъ обра-
зомъ идеаль духовнаго отчества, установленнаго христіанствомъ?

РАЗСКАЗЪ ПЯТЫЙ.

ИСТОРИЯ ЛЕВДАСТА, ТУРСКАГО ГРАФА. — СТИХОТВОРЕЦЪ ВЕНАНЦІИ
ФОРТУНАТЪ. — МОНАСТЫРЬ РАДЕГОНДЫ ВЪ ПУАТЬЕ.

(579—581.)

Островъ Ре, въ трехъ лье отъ септонжскаго берега, принадлежалъ, въ царствованіе Клотера I-го, къ помѣстьямъ королевской казны. Его виноградники, тощее произведеніе почвы, безпрестанно побиваемой морскими вѣтрами, находились въ то время подъ надзоромъ Галла, по имени Леокадія. У него былъ сынъ, котораго онъ называлъ Левдастомъ, германскимъ именемъ, вѣроятно, носимымъ тогда какимъ-нибудь знаменитымъ въ томъ краю богатымъ франкскимъ владѣтелемъ, которое галльскій виноградарь избралъ предпочтительно предъ всякимъ другимъ, или съ цѣлю доставить новорожденному полезное покровительство, или желая осѣнить главу его предзнаменованіемъ высокихъ почестей и ласкаться мечтами и надеждами отцовскаго честолюбія ⁽¹⁾. Родясь королевскимъ рабомъ, сынъ Леокадія, едва выйдя изъ дѣтства, попалъ въ число юношей, набранныхъ главноуправляющимъ помѣстьями короля Гариберта для поваренной службы ⁽²⁾. Наборы такого рода часто производились по повелѣнію франкскихъ королей въ семьяхъ, населявшихъ обширныя ихъ помѣстья; повинность эту должны нести люди всѣхъ возрастовъ, всѣхъ состояній и даже знатнаго происхожденія ⁽³⁾.

Молодой Левдастъ, переселенный такимъ образомъ вдаль отъ маленькаго острова, на которомъ родился, отличился сперва отъ всѣхъ своихъ сотоварищей нерадивостью и непокорнымъ духомъ. У него болѣли глаза и ѣдкость дыма сильно его беспокоила; этимъ обстоятельствомъ онъ, съ большею или меньшею справедливостью, пользовался для своихъ отказовъ отъ повиновенія. Послѣ безполезныхъ усилій выучить его обязанностямъ службы, которая отъ него требовалась, надлежало или отправить его обратно, или дать ему другую должность. Рѣшено было послѣднее, и сынъ виноградаря перешелъ изъ кухни въ пекарню, или, какъ выражается его оригинальный біографъ, отъ ступки къ квашнѣ ⁽⁴⁾. Не имѣя болѣе предлога, которымъ можно было отговариваться отъ прежней работы, Левдастъ прибѣгнулъ къ скрытности и казался чрезвычайно довольнымъ своею новою обязанностью. Онъ ис-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 261. — Adriani Valesii Not. gall., стр. 469.

⁽²⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 261.

⁽³⁾ Ibid., стр. 289.

⁽⁴⁾ Ibid., стр. 261.

полнял ее нѣсколько времени съ такимъ рвеніемъ, что успѣлъ наконецъ усыпить бдительность своихъ начальниковъ и смотрителей; потомъ, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, бѣжалъ ⁽¹⁾. За нимъ погнались, привели его назадъ, но онъ снова бѣжалъ, и такъ до трехъ разъ. Исправительныя мѣры плетми и тюремнымъ заключеніемъ, которымъ онъ, какъ бѣглый холопъ, послѣдовательно подвергался, найдены были противъ такого упрямства недостаточными, и на Левдаста наложили послѣднее и самое дѣйствительное наказаніе: его заклеями надрѣзомъ на ухѣ ⁽²⁾.

Хотя такое увѣще дѣлало побѣгъ его затруднительнымъ и менѣе надежнымъ, однако онъ опять убѣжалъ, подвергаясь случайности не найдти нигдѣ пристанища. Проскитавшись изъ стороны въ сторону, въ постоянномъ страхѣ поимки, потому-что носилъ видимый для всѣхъ знакъ своего рабства, и утомленный такою тревожною и бѣдственною жизнію, онъ наконецъ отважился на самое смѣлое предпріятіе ⁽³⁾.

Въ то время король Гарибертъ только-что женился на Марковесѣ, дворцовой прислужницѣ, дочери чесальщика шерсти. Можетъ-быть, Левдастъ имѣлъ какія сношенія съ семействомъ этой женщины; можетъ-быть, просто положился на доброту ея сердца и сочувствіе къ старому товарищу рабства; какъ бы то ни было, но вмѣсто того, чтобъ идти впередъ какъ можно далѣе отъ королевскаго жилища, онъ воротился, и, скрываясь въ сосѣднемъ лѣсу, выжидалъ случая представиться новой королевѣ потихоньку отъ слугъ, которые могли его увидѣть и схватить ⁽⁴⁾. Ему удалось, и Марковеса, тронутая мольбами, приняла его подъ свое покровительство. Она поручила ему присматрѣть за лучшими своими лошадьми и избрала его изъ своей прислуги въ званіе *марискалька*, *mariskalk*, какъ говорили на древне-германскомъ языкѣ ⁽⁵⁾.

Левдастъ, ободренный этимъ успѣхомъ и такою неожиданною милостію, скорѣе пересталъ ограничивать свои желанія настоящимъ положеніемъ и, простирая виды свои выше, сталъ добиваться главнаго начальства надъ конскими заводами своей покровительницы и титула конюшаго графа, званіе, которое варварскіе короли заимствовали отъ императорскаго двора ⁽⁶⁾. Онъ достигъ этого въ короткое время, благодаря своей счастливой звѣздѣ, потому-что имѣлъ болѣе дерзости и самохвальства, нежели тонкаго ума и настоящаго искусства. На этомъ мѣстѣ, равнявшемъ его не только съ свободными людьми, но даже съ благородными Франками, онъ совершенно позабылъ и свое происхожденіе и прежнее холопское и горькое время. Онъ сдѣлался грубъ и презрителенъ со всѣми, кто былъ ниже его, высокомѣренъ съ равными,

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 261.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ Ibid. — Lex. Aleman. tit. LXXIX, § IV. — Lex. salica, tit. II, § VI.

⁽⁶⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 261. — Дюканжъ, Gloss. ad script. med. et infim. latin. подъ словомъ *comes*.

жаденъ къ деньгамъ и всякой роскоши, честолюбивъ безъ мѣры и воздержанія (1). Возведенный благосклонностью королевы какъ-бы въ любимцы, онъ вмѣшивался во всѣ дѣла ея и извлекалъ изъ нихъ огромныя выгоды, употребляя во зло ея довѣріе и сговорчивость (2). Когда, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, она скончалась, то онъ уже столько нагребилъ, что могъ, при помощи подарковъ, добиться у короля Гариберта той же должности, какую исправлялъ при дворѣ королевы. Онъ одержалъ верхъ надъ всѣми соискателями и сдѣлался графомъ королевскихъ конюшенъ; ни мало не потерявъ съ кончиною своей покровительницы, онъ попалъ на новый путь къ почестямъ. Пользовавшись одинъ или два года своимъ высокимъ званіемъ въ дворцовой службѣ, счастливый сынъ раба съ острова Ре былъ возведенъ въ политическое достоинство и сдѣланъ графомъ города Тура, одного изъ важнѣйшихъ въ гарибертовомъ королевствѣ (3).

Должность графа, въ томъ видѣ, какъ она существовала въ Галліи со времени завоеванія ея Франками, соответствовала, по ихъ политическимъ понятіямъ, должности судіи, котораго они называли на своемъ языкѣ *графомъ*, *graf*, и который, въ каждомъ округѣ Германіи, производилъ уголовную расправу, въ присутствіи родоначальниковъ или именитыхъ мужей округа. Враждебныя отношенія побѣдителей къ жителямъ завоеванныхъ городовъ побудили присоединить къ этой судейской должности военныя права и диктаторскую власть, которую лица, дѣйствовавшія отъ имени франкскихъ королей, почти всегда употребляли во зло, или по жестокости характера, или по личнымъ разсчетамъ. Это былъ родъ варварскаго проконсульства, поставленнаго въ каждомъ значительномъ городѣ надъ прежними муниципальными учрежденіями, но безъ всякаго старанія согласовать ихъ между собою. Эти учрежденія, не смотря на ихъ отдѣльность, были однако достаточны для сохраненія порядка и внутренняго мира, и жители галльскихъ городовъ болѣе страшились, нежели радовались, когда королевское посланіе возвѣстило имъ о пріѣздѣ графа, присланнаго управлять ими по ихъ обычаямъ и блюсти правосудіе. Таково было, безъ сомнѣнія, впечатлѣніе, произведенное въ Турѣ прибытіемъ Левдаста, и обращеніе гражданъ къ новому судѣ не могло не возрастать со дня на день. Онъ былъ безграмотенъ, безъ всякихъ свѣдѣній въ законахъ, которыми долженъ былъ руководствоваться и даже не имѣлъ той прямоты ума и природной справедливости, которая, хотя и подъ другой корою, однако встрѣчалась по-крайней-мѣрѣ въ графахъ зарейскихъ округовъ.

Свыкшійся сперва съ холопскимъ бытомъ, а потомъ съ буйною жизнью васаловъ королевскаго двора, Левдастъ вовсе не имѣлъ той старинной римской образованности, съ которою предстояли ему частыя сношенія, кромѣ страсти къ роскоши, пышности и плотскимъ наслажденіямъ. Онъ велъ себя въ новой своей должности, какъ-будто полу-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 261.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

чилъ ее собственно для себя и въ удовольствованіе своихъ безпутныхъ наклонностей. Вместо того, чтобъ учредить въ городѣ Турѣ порядокъ, онъ посылалъ тамъ смуты своею запальчивостью и распутствомъ; бракъ его съ дочерью одного изъ богатѣйшихъ тамошнихъ жителей не сдѣлалъ его ни умѣреннѣе, ни осмотрительнѣе въ поведеніи. Онъ былъ жестокъ и высокоумренъ съ мужчинами; въ распутствѣ не щадилъ никакой женщины, лихоимствомъ далеко превзошелъ все, что въ немъ видѣли дотолъ ⁽¹⁾. Онъ употреблялъ всю хитрость своего ума на то, чтобы вовлечь богатыхъ людей въ исправныя тяжбы, въ которыхъ самъ бывалъ посредникомъ, или взвести на нихъ ложныя обвиненія и воспользоваться пенями, которыми онъ дѣлился съ казною. Посредствомъ взяткисаній и грабительства онъ очень-скоро увеличилъ свои богатства и накопилъ у себя въ домѣ много золота и сокровищъ ⁽²⁾. Такое счастье и безнаказанность продолжались до кончины короля Гариберта, послѣдовавшей въ 567 году. Сигбертъ, на долю котораго достался городъ Турѣ, не считалъ къ прежнему рабу такой благосклонности, какъ старшій братъ его. Напротивъ того, неблаговоленіе его было такъ сильно, что Левдастъ, для безопасности поспѣшно оставилъ городъ, бросивъ все имущество и большую часть своихъ сокровищъ, которыя были захвачены или разграблены людьми австразійскаго короля. Онъ искалъ пристанища въ королевствѣ Гильмерика и присягнувъ на вѣрность этому королю, принявшему его въ число своихъ людей ⁽³⁾. Въ-продолженіе этой невзгоды, бывшій турецкій графъ жилъ въ Нейстрии гостемъ во дворцѣ, переѣзжая за дворомъ изъ одного помѣстья въ другое и занимая мѣсто за обширнымъ столомъ, за который сѣдѣли, по старшинству лѣтъ и званія, королевскіе васаллы и застольники.

Черезъ пять лѣтъ послѣ этого побѣга графа Левдаста, король Сигбертъ возвелъ въ епископы города Тура, по просьбѣ гражданъ, Георгія Флоренція, принявшаго, при поставленіи своемъ, имя Григорія; уваженіе и любовь ихъ онъ приобрѣлъ въ то время, когда изъ Оверни, своей родины, приходилъ на поклоненіе ко гробу св. Мартина. Этотъ мужъ, котораго характеръ виденъ изъ предшествовавшихъ разсказовъ, былъ, по своему религіозному рвенію, любви къ священному писанію и строгой нравственности, однимъ изъ самыхъ совершенныхъ представителей высшей христіанской аристократіи Галловъ, среди которой и тогда блистали его предки. Съ самаго водворенія своего на турецкомъ епископскомъ престолѣ, Григорій, въ силу политическихъ преимуществъ, соединенныхъ въ то время съ званіемъ епископа, и по личному своему значенію, пользовался верховнымъ вліяніемъ на городскія дѣла и дѣйствія подчиненнаго ему сената. Но блескъ этого высокаго положенія долженъ былъ искупаться трудами, заботами и опасностями безъ счета. Григорій вскорѣ испыталъ ихъ. — Въ первый годъ его управленія, городъ Турѣ занятъ былъ ратниками короля Гильмерика и тотчасъ же отнятъ войсками Сигберта. Въ слѣдующемъ году, Теоде-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 261.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

бертъ, старшій сынъ Гильперика, такъ опустошалъ берега Луары, что граждане Тура, пораженные ужасомъ, принуждены были вторично покориться нейстрійскому королю ⁽¹⁾. Кажется, что Левдасть, пытаясь поправить свое состояніе, участвовалъ въ этомъ походѣ или какъ начальникъ дружины, или въ числѣ отборныхъ васалловъ, окружавшихъ юнаго королевскаго сына.

Теодебертъ, вступивъ въ городъ, который онъ привелъ къ покорности своему отцу, представилъ бывшаго графа епископу и муниципальному сенату, сказавъ, что было бы не худо, еслибъ городъ Туръ снова подчинился тому, кто съ благоразуміемъ и твердостью правилъ имъ при прежнемъ раздѣлѣ ⁽²⁾. Независимо отъ памяти, оставленной Левдастомъ въ Турѣ, и притомъ такой, отъ которой возмущалась честная и благочестивая душа Григорія, этотъ потомокъ знаменитѣйшихъ сенаторскихъ фамилій въ Берри и Оверни не могъ безъ отвращенія видѣть на мѣстѣ, столь близкомъ къ его собственному, ничтожнаго чело-вѣка, носившаго на тѣлѣ своемъ неизгладимый знакъ рабскаго происхожденія. Но предложеніе юнаго вождя нейстрійскаго войска, какъ имъ казалось снисходительно, было приказаніемъ; для безопасности города, угрожаемаго грабежемъ и сожженіемъ, надлежало согласиться съ прихотью побѣдителя, что и было исполнено турецкимъ епископомъ съ тѣмъ благоразуміемъ, постоянный примѣръ котораго представляла вся его жизнь. Желанія важнѣйшихъ гражданъ, казалось, согласовались съ намѣреніемъ Теодеберта возстановить Левдаста въ его званіи и почестяхъ. Возстановленіе это не замедлилось, и чрезъ нѣсколько дней сынъ Леокадія получилъ изъ нейстрійскаго дворца грамоту о своемъ назначеніи, содержаніе которой, какъ видно изъ официальныхъ формъ того времени, странно противорѣчило его характеру и поведенію:

«Если есть случаи, въ которыхъ королевская благость являетъ наибольшее свое совершенство, то конечно въ умѣннѣ избирать въ цѣломъ народѣ мужей бдительныхъ и честныхъ. И по истинѣ было бы «несовмѣстно; чтобы званіе судьи довѣрено было тому, чье праводушіе «и твердость не были заранѣе испытаны. А потому, хорошо зная твою «вѣрность и достоинства, мы возложили на тебя должность графа въ «округѣ турецкомъ, дабы ты обладалъ ею и пользовался всѣми ея правами ⁽³⁾, и сохранялъ полную и нерушимую преданность къ нашему «правленію. Да пребудутъ подъ твоимъ началомъ и властію въ мирѣ и «добромъ порядкѣ всѣ живущіе въ предѣлахъ твоего вѣдѣнія, будь «они Франки, Римляне, или другаго какого племени. Направляй ихъ «на истинный путь по ихъ законамъ и обычаямъ, являй себя главнымъ «заступникомъ вдовъ и сиротъ, искореняй строгостью преступленія «воровъ и другихъ злодѣевъ; наконецъ, да возрадуется и успокоится «народъ во благѣ жизни подъ твоимъ управленіемъ; а что слѣдуетъ

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 261. — См. рассказъ второй.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Charta de ducatu vel comitatu; Marculfi form., lib. I, apud script. rer. gal. et franc., т. IV, стр. 472.

«казнѣ изъ доходовъ по твоей части, то да будетъ попеченіемъ твоимъ «ежегодно доставляемо въ исправности въ наше казначейство» (1).

Новый турскій графъ, не чувствовавшій себя еще довольно твердымъ на своемъ мѣстѣ, и притомъ боявшійся, чтобы военное счастье опять не возвратило города подъ власть австралійскаго короля, старался жить въ совершенномъ согласіи съ муниципальными сенаторами и особенно съ епископомъ, могущественное покровительство котораго могло быть для него полезно (2). Въ присутствіи Григорія, онъ являлся скромнымъ и даже смиреннымъ въ обращеніи и на словахъ, наблюдая разстояніе, раздѣлявшее его отъ человѣка, столь знатнаго родомъ, и заботливо угождая аристократическому тщеславію, легкій остатокъ котораго проглядывалъ изъ-за положительныхъ достоинствъ этого ума твердаго и строгаго. Онъ увѣрялъ епископа, что первымъ желаніемъ его было угодить ему и слѣдовать всѣмъ его мнѣніямъ. Онъ общался не присовновать пзшишей власти и принять за правило справедливости и благоразуміе. Наконецъ, чтобы придать болѣе вѣры своимъ общаніямъ и обнадѣживаніямъ, онъ много разъ призывалъ въ клятвахъ своихъ гробницу св. Мартина. Нерѣдко онъ клялся Григорію, какъ кліентъ своему патрону, пребыть ему вѣрнымъ во всѣхъ обстоятельствахъ, никогда ни въ чемъ предъ нимъ не проступаться, ни въ дѣлахъ, которыя будутъ касаться его лично, ни въ томъ, гдѣ дѣло будетъ идти о церкви (3).

Дѣла оставались въ такомъ положеніи и городъ Туръ наслаждался спокойствіемъ, котораго никто не ожидалъ въ началѣ, какъ вдругъ войско Теодоберта было истреблено близъ Ангулема, и Гильперикъ, считая себя пропавшимъ, укрылся въ стѣнахъ Турнэ, — событія, подробно описанныя въ одномъ изъ предшествовавшихъ разсказовъ (4). Граждане Тура, лишь по неволѣ повиновавшіеся нейстріійскому королю, признали снова власть Сигберта и Левдасть снова обратился въ бѣгство, какъ за семь лѣтъ назадъ; но, благодаря, можетъ-быть, заступничеству епископа Григорія, имущество его было на этотъ разъ пощажено и онъ вышелъ изъ города безъ всякаго ущерба. Онъ удалился въ Нижнюю-Бретань, страну совершенно независѣвшую въ то время отъ франкскихъ королевствъ, и часто служившую пристанищемъ изгнанниковъ и недовольныхъ (5).

Убіійство, такъ внезапно прекратившее, въ 575 году, дни Сигберта, повлекло за собою двойное возстановленіе, Гильперика королемъ нейстріійскимъ, и Левдаста графомъ Турскимъ. Онъ возвратился послѣ годоваго изгнанія и самовольно вступилъ въ свою должность (6). Будучи обезпеченъ отнынѣ въ своей будущности, онъ не старался болѣе притворяться: сбросилъ личину и снова пошелъ по слѣдамъ своего перва-

(1) Marculfi form., стр. 472.

(2) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 261.

(3) Ibid.

(4) См. разсказъ второй.

(5) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 261.

(6) Ibid.

го управленія. Предавшись вдругъ всѣмъ дурнымъ наклонностямъ, какія только могутъ увлекать человека, облеченнаго властію, онъ явился зрѣлище величайшихъ козней и самыхъ возмутительныхъ жестокостей. Если въ то время, когда онъ держалъ публичный судъ въ присутствіи городскихъ старшинъ, владѣльцевъ франкского племени, Римлянъ сенаторскаго происхожденія и сановниковъ епископской церкви, какой-либо истецъ, котораго онъ желалъ разорить, или какой-нибудь подсудимый, погибеліи котораго онъ добивался, являлся передъ нимъ съ смѣлою самоувѣренностью, поддерживая свои права и требуя правосудія, то графъ прерывалъ рѣчь его и метался какъ бѣшеный на своей судейской скамьѣ ⁽¹⁾. Если толпа, окружавшая судилище, обнаруживала тогда тѣлодвиженіями или ропотомъ участіе свое къ угнетенному, то гнѣвъ Левдаста обращался на нее и онъ поносилъ гражданъ бранью и грубыми словами ⁽²⁾. Непристрастный только въ своихъ насліяхъ, какимъ бы долженъ быть въ правосудіи, онъ не обращалъ вниманія ни на чьи права, ни на чье званіе, ни на чье состояніе; приказывалъ приводить къ себѣ священниковъ съ веригами на рукахъ и бить палками воиновъ франкскаго происхожденія. Можно подумать, что этотъ выскочка изъ холоповъ находилъ удовольствіе въ уничтоженіи всякихъ отличій, въ презрѣніи всѣхъ условій общественнаго порядка того времени, внѣ котораго сперва поставила его случайности рожденія, а потомъ другія случайности вознесли такъ высоко ⁽³⁾.

Но какъ ни велики были деспотическія стремленія графа Левдаста и желаніе его все уравнивать по своему произволу для личныхъ выгодъ, однако въ городѣ существовала другая соперничающая власть, и былъ человекъ, противъ котораго онъ не дерзалъ на все рѣшиться, подѣ страхомъ самому погибнуть. Онъ это чувствовалъ, и потому коварствомъ, а не явнымъ насиліемъ хотѣлъ заставить епископа склониться, или по-крайней-мѣрѣ молчать передъ собою. Имя Григорія, славное въ цѣлой Галліи, пользовалось уваженіемъ при дворѣ нейстрійскаго короля; по всѣмъ извѣстная преданность его къ семейству Сигберта возмущала иногда Гильперика, никогда не увѣреннаго въ прочномъ обладаніи завоеваннымъ имъ городомъ Туромъ, ключомъ всей страны, которую онъ хотѣлъ покорить къ югу отъ Луары. На этомъ недовѣрчивомъ расположеніи короля, Левдастъ основалъ свои надежды уничтожить вліяніе епископа. Навлекая на него безпрестанныя подозрѣнія, онъ старался выставить самого себя человекомъ необходимымъ для сохраненія города, передовымъ стражемъ, всегда неуспыннымъ и подверженнымъ за свою бдительность враждебнымъ нападкамъ и тайной или открытой несправедливости. Это было для него лучшимъ средствомъ оградить себя полною бѣзопасностью и между-тѣмъ, не выходя изъ своихъ правъ, выискивать случаи оскорблять, когда вздумается, епископа, самаго страшнаго его противника.

Въ этой борьбѣ ухищреній и мелкихъ козней, онъ прибѣгалъ иногда

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 261.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

къ самымъ страннымъ средствамъ. Когда какое-либо дѣло требовало присутствія его въ епископскомъ домѣ, онъ являлся туда во всеоружіи, съ шлемомъ на головѣ, въ панцырѣ, съ колчаномъ черезъ плечо и длиннымъ копьемъ въ рукѣ, для того ли, чтобы придать себѣ страшную наружность, или заставить думать, будто въ этомъ домѣ мира и молитвы ему угрожала опасность отъ засады и тайныхъ съѣтъ (1). Въ 576 году, когда Меровингъ, проѣздомъ чрезъ Туръ, обобралъ у него все деньги и драгоценности, онъ утверждалъ, что молодой принцъ ограбилъ его по совѣту и наущенію Григорія (2). Послѣ того, по непостоянству ли характера, или отъ неудачи въ этомъ бездоказательномъ обвиненіи, онъ внезапно сталъ искать примиренія съ епископомъ, и увѣрялъ его, подъ самой священной клятвой, взявъ въ руку шелковый коверъ, покрывавшій гробницу св. Мартина, что въ жизнь свою враждовать съ нимъ болѣе не будетъ (3). Но непомѣрная алчность, съ которою Левдастъ желалъ какъ можно скорѣе вознаградить понесенные имъ убытки, побуждала его къ умноженію своихъ хищеній и лихоимствъ. Въ числѣ богатыхъ гражданъ, на которыхъ онъ нападалъ преимущественно, многіе были искренними друзьями Григорія, но и они не знали пощады. Такимъ образомъ, не смотря на свои недавнія обѣщанія и благоразумную рѣшимость, турецкій графъ снова вовлекся въ тайную вражду съ своимъ соперникомъ по власти. Вскорѣ, все болѣе и болѣе увлекаемый корыстью, онъ началъ захватывать церковное имущество, и распря между двумя противниками сдѣлалась явною (4). Въ этой борьбѣ, съ долготерпѣніемъ, происходившимъ отъ свитительской кротости и осторожной политики аристократа, Григорій сначала отражалъ насильственные поступки Левдаста однимъ лишь нравственнымъ сопротивленіемъ. Онъ только принималъ удары, не нанося ихъ, пока не счелъ нужнымъ дѣйствовать, и тогда, послѣ двухъ-лѣтняго спокойнаго, какъ-бы безропотнаго ожиданія, съ силою возсталъ на своего противника.

Въ концѣ 579 года, тайное посольство донесло королю Гильперіку, съ неопровержимыми доказательствами, о вѣроломствѣ графа Левдаста и неисчислимыхъ бѣдствіяхъ, которыя онъ причинялъ церквамъ и всѣмъ жителямъ Тура (5). Неизвѣстно, при какихъ обстоятельствахъ посольство это явилось въ нейстрійскомъ дворцѣ, ни какія причины содѣйствовали удачѣ этого предпріятія; но оно увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, и не смотря ни на долговременную милость короля къ графу Левдасту, ни на многочисленныхъ друзей, которыхъ онъ имѣлъ между васаллами и приближенными ко двору, низложеніе его было рѣшено. Отпуская пословъ, Гильперикъ отправилъ съ ними Ансвальда, самаго довѣреннаго своего совѣтника, для принятія надлежащихъ мѣръ и приведенія въ исполненіе перемѣны, о которой они просили. Ансвальдъ прибылъ въ

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 261.

(2) Ibid. — См. разсказъ третій.

(3) Ibid.

(4) Ibid., стр. 262.

(5) Ibid. стр. 260. — Adriani Valesii, Ref. franc., кн. X, стр. 118.

Туръ въ поляръ мѣсяцъ, и не довольствуясь объявленіемъ, что Левдасть лишенъ своего званія, предоставилъ епископу и сословію всѣхъ гражданъ право избрать новаго графа. Голоса соединились въ пользу мужа галльскаго происхожденія, по имени Евномія, который и былъ поставленъ графомъ, среди народныхъ кликовъ и упований (1).

Пораженный этимъ неожиданнымъ ударомъ, и въ кичливости своей никогда не помышлявшій о возможности такой превратности, Левдасть пришелъ въ неистовую ярость и упрекалъ придворныхъ друзей своихъ, которымъ, по его мнѣнію, слѣдовало поддержать его. Онъ съ особенною горечью укорялъ королеву Фредегонду, которой обязался служить добромъ и зломъ, за то, что, будучи властна, какъ онъ думалъ, спасти его отъ гибели, она заплатила ему неблагодарностью, отрекшись защитить его (2). Эта обида, основательная или нѣтъ, такъ сильно овладѣла умомъ отставленнаго графа, что онъ съ того времени возмѣлялъ къ своей бывшей покровительницѣ такую же ненависть, какую питалъ къ виновнику своего низложенія, турецкому епископу. Онъ не отдѣлялъ ихъ другъ отъ друга въ своихъ мстительныхъ видахъ и въ умѣ, разгоряченномъ досадою, началъ создавать самыя отважныя предположенія, обдумывать планы новыхъ успѣховъ и будущаго возвышенія, включая въ нихъ, какъ одно изъ первѣйшихъ своихъ желаній, гибель епископа, и, что всего удивительнѣе, даже гибель Фредегонды, разводъ ея съ мужемъ и лишеніе ея королевскаго сана.

Въ то время, въ Туръ былъ священникъ, по имени Риккульфъ, родомъ, можетъ-быть, Галлъ, не смотря на германское имя, подобно Левдасту, на котораго, впрочемъ, Риккульфъ много походилъ характеромъ (3). Рожденный въ томъ же городѣ, отъ бѣдныхъ родителей, онъ подвизался въ духовномъ званіи, подъ покровительствомъ епископа Евронія, предметника григоріева. Его тщеславіе и честолюбіе превосходили всякую мѣру; онъ считалъ себя не на своемъ мѣстѣ, пока не получитъ епископскаго званія (4). Чтобы со временемъ вѣрнѣе его достигнуть, онъ за нѣсколько лѣтъ втерся въ покровительство Клодовига, послѣдняго сына короля Гильперика и Авдоверы (5). Эта королева, женщина свободнаго и вѣроятно знатнаго происхожденія, хотя и была заточена и отвержена, однако сохранила въ несчастіи своемъ много друзей, надѣявшихся навозвращеніе ей прежнихъ милостей и болѣеполагавшихся на ея сыновей, уже взрослыхъ, нежели на малолѣтнихъ дѣтей ея соперницы. Фредегонда, не смотря на блистательное свое могущество и успѣхи, не могла заставить окружавшихъ ее совершенно позабыть низкое свое происхожденіе, ни внушить имъ полную довѣренность напрочность счастья, которымъ наслаждалась. Были сомнѣнія въ продолжительность очарованія, которымъ она ослѣпляла умъ короля; многіе не-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 260. — Adriani Valesii Rer. Franc., кн. X, стр. 118.

(2) См. разсказъ третій.

(3) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 262.

(4) Ibid.

(5) Ibid.

охотно воздавали ей королевскія почести; собственная дочь ея, Ригонта, старшая изъ четырехъ дѣтей, краснѣла за нее и по раннему влеченію женскаго тщеславія стыдилась имѣть матерью прежнюю дворцовую прислужницу ⁽¹⁾. Такимъ образомъ возлюбленная супруга короля Гильперика имѣла также свои безпокойства, и главнѣйшимъ изъ всѣхъ, вмѣстѣ съ позоромъ происхожденія, котораго ничто не могло изгладить, было опасеніе совмѣстительства въ исканіи отцовскаго наслѣдія между ея дѣтьми и дѣтьми короля отъ перваго брака.

Освободясь насильственной смертію отъ двухъ старшихъ сыновей Авдоверы, Фредегонда имѣла еще передъ собою третьяго, Клодовига, могшаго оспаривать права сыновей ея, Клодоберта и Дагоберта, изъ которыхъ старшему не было еще пятнадцати лѣтъ ⁽²⁾. Мнѣнія, желанія, честолюбивыя надежды на счетъ участи одного и будущности другихъ были въ нейстрійскомъ дворцѣ различны; тамъ существовали двѣ противныя стороны, имѣвшія отрасли извнѣ и встрѣчавшіяся во всѣхъ частяхъ королевства. Въ обѣихъ были люди, искренно и давно преданные, и переходящіе новобранцы, пристававшіе или отстававшіе по влеченію минутнаго произвола. Такъ сошлись вдругъ въ совершенномъ согласіи политическихъ чувствованій Риккульфъ и Левдасть, одинъ—старинный поклонникъ Клодовига, другой—еще недавній врагъ этого юнаго принца и брата его, Меровига. Они вскорѣ сдѣлались нескренними друзьями, повѣрили другъ другу всѣ свои тайны и слили воедино свои планы и надежды. Въ послѣднихъ мѣсяцахъ 579 года и въ первыхъ слѣдующаго, эти два человѣка, равно опытные въ козняхъ, имѣли между собою частыя совѣщанія, на которыя былъ допущенъ и третій, подъяконъ, по имени такъ же какъ и священникъ, Риккульфъ, тотъ самый, который уже служилъ посломъ у самаго искуснаго каверзника того времени, Австразійца Гонтрапа Бозе ⁽³⁾.

Первымъ условіемъ трехъ сообщниковъ было положено пустить въ ходъ общій слухъ о супружескихъ невѣрностяхъ и распутствѣ Фредегонды, доведя о томъ до свѣдѣнія короля Гильперика. Они полагали, что чѣмъ любовь короля была довѣрчивѣе и слѣпѣе на указанія, для всѣхъ очевидныя, тѣмъ страшнѣе долженъ быть гнѣвъ его въ минуту разочарованія. Удаленіе Фредегонды изъ королевства, пенависть короля къ ея дѣтямъ, изгнаннымъ вмѣстѣ съ нею и лишеннымъ наслѣдства, вступленіе Клодовига на отцовскій престолъ безъ всякаго спора и раздѣла,—таковы были послѣдствія, какихъ ждали они отъ своихъ услужливыхъ донесеній. Чтобы отклонить отъ себя отвѣтственность явнаго доноса на королеву и въ то же время запутать другаго своего непріятеля, турскаго епископа, они довольно ловко вздумали обвинить его въ произнесенныхъ будто-бы передъ свидѣтелями оскор-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 352.

(2) Самсонъ, родившійся въ Турнѣ, во время осады этого города, умеръ въ 577 году.

(3) См. рассказъ третій.

бительныхъ словахъ, переходившихъ тогда изъ устъ въ уста, но которыхъ сами они не осмѣливались повторять отъ своего имени ⁽¹⁾.

Замыселъ этотъ представлялъ двоякую возможность низложенія епископа: или тотчасъ же, при гнѣвномъ взрывѣ короля Гильперика, или не много позже, когда Клодовигъ вступитъ въ обладаніе королевствомъ. Священникъ Риккульфъ заранее опредѣленъ былъ для замѣщенія Григорія на епископскомъ престолѣ. Левдасть, ручавшійся новому своему другу въ несомнѣнности такого повышенія, назначалъ себя при королѣ Клодовигъ вторымъ лицомъ королевства, въ которомъ, съ титуломъ герцога, онъ долженъ принять верховное правленіе; а чтобы подь-діаконъ Риккульфъ также имѣлъ приличное мѣсто, то было положено впутать вмѣстѣ съ Григоріемъ и вовлечь въ ту же погибель и Платона; архидіакона турецкой церкви и задушевнаго друга епископа ⁽²⁾.

Условаясь такимъ образомъ на своихъ сборищахъ, три заговорщика отправили пословъ къ Клодовигу, дабы объявить ему о предпріятіи, задуманномъ въ его пользу, сообщить ему о своихъ намѣреніяхъ и заключить съ нимъ уговоръ. Юный принцъ, втрениый характеромъ, честолюбивый и неосторожный, обѣщалъ, въ случаѣ удачи, все, чего отъ него требовали, и даже съ избыткомъ. Когда наступило время дѣйствовать, то распредѣлили между собою роли. Священникъ Риккульфъ долженъ былъ подготовить будущее низложеніе Григорія, возбудивъ противъ него въ городѣ зачинщиковъ смуть и тѣхъ, которые, по чувству областного патріотизма, не любили его, какъ чужестранца, и желали видѣть на его мѣстѣ туземнаго епископа. Подь-діаконъ Риккульфъ, нѣкогда одинъ изъ самыхъ смиренныхъ притрапезниковъ епископскаго дома, съ намѣреніемъ поссорившійся съ своимъ главою, чтобы свободнѣе видаться съ Левдастомъ, опять началъ показывать епископу покорность и притворное раскаяніе; онъ старался, снова войдя въ его довѣріе, вовлечь его въ какой-либо подозрительный поступокъ, который могъ бы служить уликой ⁽³⁾. Наконецъ, самъ бывшій турецкій графъ, не колебаясь, принялъ на себя самое опасное порученіе—отправиться въ суассонскій дворецъ и переговорить съ королемъ Гильперикомъ.

Онъ отправился изъ Тура около апрѣля мѣсяца 580 года, и бывъ допущенъ королемъ, тотчасъ по пріѣздѣ, къ бесѣдѣ съ-глаза-на-глазъ, сказалъ ему голосомъ, которому старался придать въ одно и то же время важность и убѣдительность: «Доселѣ, благочестивѣйшій король, я «охранялъ твой городъ Туръ; но теперь, когда я отрѣшенъ отъ «должности, помысли, какъ-то сберегутъ его; ибо да будетъ тебѣ извѣстно, что епископъ Григорій намѣренъ предать его сыну Сигбер-«та» ⁽⁴⁾. Какъ человѣкъ, раздосадованный непріятною вѣстью и при-«крывающій испугъ свой недовѣрчивостью, Гильперикъ грубо отвѣчалъ: «Неправда». Потомъ, высматривая въ чертахъ Левдаста какой-либо признакъ смущенія и колебанія, онъ прибавилъ: «Ты пришелъ теперь

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 262.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

(4) Ibid.

«съ такими доносами потому, что тебя отставили» (1). Но бывший графъ турецкій, ни мало не теряя своей смѣлости, отвѣчалъ: «Епископъ тво-
«ритъ и другое; онъ разноситъ про тебя оскорбительные слухи; гово-
«ритъ, что королева твоя въ блудной связи съ епископомъ Бертра-
«номъ» (2). Задѣтый за самую живую и раздражительную струну, Гильперикъ впадалъ въ такую ярость, что, забывъ чувство королевскаго достоинства, бросился колотить, что было силы, кулаками и ногами, несчастнаго виновника такого неожиданнаго открытія (3).

Когда онъ разразилъ такимъ образомъ гнѣвъ свой, не выговоривъ ни слова, то пришелъ нѣсколько въ себя и сказалъ Левдасту: «Какъ! ты
«утверждаешь, что епископъ говорилъ такія вещи про королеву Фре-
«дегонду?»—«Утверждаю» отвѣчалъ Левдастъ, нисколько не смутясь
отъ грубаго пріема, которымъ встрѣчено было его таинственное доне-
сеніе: «и если ты рѣшился бы предать пыткамъ Галліена, епископова
«друга, и Платона, его архидіакона, то они уличили бы его передъ то-
«бою въ этихъ разсказахъ» (4).—«Но», спросилъ король съ живѣйшимъ
безпокойствомъ: «явившись ли ты самъ быть свидѣтелемъ?» Левдастъ
отвѣчалъ, что можетъ представить свидѣтеля, слышавшаго все соб-
ственными ушами, причетника турецкой церкви, на словахъ котораго
онъ и основалъ доносъ свой, и назвалъ подъ-діакона Риккульфа, не го-
воря однако о преданіи его пыткамъ, какъ за минуту предъ тѣмъ пред-
лагалъ для обоихъ друзей епископа Григорія (5).—Но различіе, которое
онъ старался установить въ пользу своего соумышленника, не входило
въ расчеты короля. Гильперикъ, разгнѣванный на всѣхъ, кто только
участвовалъ въ оскорбленіи, нанесенномъ его чести, приказалъ нало-
жить на Левдаста оковы и тотчасъ же послалъ въ Туръ повелѣніе за-
держивать Риккульфа (6).

Этотъ отъявленный обманщикъ совершенно успѣлъ, въ теченіи од-
ного мѣсяца, пріобрѣсть милость епископа Григорія и былъ по прежнему
принятъ, какъ вѣрный кліентъ, въ его домъ и за его трапезой (7).
Когда онъ разсчиталъ, по отъѣздѣ Левдаста, по числу протекшихъ
дней, что доносъ уже сдѣланъ и имя его произнесено передъ коро-
лемъ, то началъ стараться вовлечь епископа въ какой-либо подозри-
тельный поступокъ, дѣйствуя на доброту души его и состраданіе къ
несчастью. Онъ явился къ Григорію съ видомъ унынія и глубокаго без-
покойства, и на первый вопросъ о томъ, что съ нимъ случилось, бро-
сился ему въ ноги, завопивъ: «Я пропащій человекъ, если ты не по-
«спѣшишь мнѣ на помощь. Но наводненію Левдаста я говорилъ вещи,
«которыхъ не должно было разсказывать. Выдай мнѣ, немедленно, позво-
«леніе уѣхать въ другое королевство; ибо если останусь здѣсь, то ко-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 262.

(2) Ibid.

(3) Ibid., стр. 261.

(4) Ibid., стр. 262.

(5) Ibid.

(6) Ibid.

(7) Ibid.

«ролевскіе чиновники схватятъ меня и предадутъ казни» ⁽¹⁾. Церковный служитель дѣйствительно не могъ ни отлучиться отъ церкви, при которой состоялъ, безъ позволенія своего епископа, ни поступить безъ писъма отъ него, которое служило пропускомъ, въ другую епархію. Выпрашивая себѣ увольненіе, ради спасенія живота своего отъ мнимой опасности, подъ-діаконъ Рикюльфъ дѣйствовалъ двулично: старался породить существенное обстоятельство, могшее служить подтвержденіемъ словъ Левдаста, и кромѣ того желалъ доставить себѣ возможность уклониться отъ дѣйствія и выждать въ безопасномъ мѣстѣ развязку этой обширной интриги.

Григорій ни мало не подозрѣвалъ причины отъѣзда Левдаста, ни того, что происходило въ то время въ Суассонѣ; но просьба подъ-діакона, его темныя рѣчи, сопровождаемыя какими-то трагическими тѣлодвиженіями, вмѣсто того, чтобы тронуть, удивили и осердили епископа. Бурныя времена, внезапныя перемѣны, ежедневно прекращавшія, на его глазахъ, самыя блистательныя существованія, общее недовѣріе въ надежность положеній и жизни каждаго, приучили епископа къ самой внимательной осмотрительности. Онъ остерегся, и къ великой досадѣ Рикюльфа, который своимъ притворнымъ отчаяніемъ надѣялся уловить его въ сѣти, отвѣтствовалъ: «Если ты держалъ рѣчи, противныя разуму и долгу, то да падутъ онѣ на главу твою; я не отпущу тебя въ другое королевство, потому-что боюсь навлечь на себя подозрѣніе короля» ⁽²⁾.

Подъ-діаконъ всталъ, пристыженный неудачею этой первой попытки, и можетъ-быть готовился попробовать новую хитрость, какъ былъ схваченъ тайно по повелѣнію короля и отправленъ въ Суассонъ. Лишь-только онъ туда прибылъ, какъ былъ призванъ, одинъ, къ допросу, на которомъ, не смотря на свое опасное положеніе, въ точности выполнилъ условія, заключенныя имъ съ обоими соумышленниками. Выдавая себя за свидѣтеля, онъ показалъ, что однажды, когда епископъ дурно относился о королевѣ, тутъ присутствовали архидіаконъ Платонъ и Галліенъ, и что оба они повторяли слова епископа. Это положительное свидѣтельство освободило Левдаста, правдивость котораго не казалась болѣе сомнительною, и который, впрочемъ, не обѣщалъ дальнѣйшихъ показаній ⁽³⁾. Выпущенный на волю, пока участникъ его во лжи заступалъ его мѣсто въ темницѣ, онъ имѣлъ право считать себя съ того времени въ нѣкоторой милости, ибо, по странному выбору, король именно на него возложилъ порученіе отправиться въ Туръ и схватить Галліена и архидіакона Платона. Порученіе это было ему дано, вѣроятно, потому, что, по обыкновенному своему самохвальству, онъ выставилъ себя единственнымъ человѣкомъ, способнымъ исполнить съ успѣхомъ это дѣло, и приводилъ о состояніи города и расположеніи гражданъ рассказы, наиболѣе способные встревожить подозрительный умъ короля.

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 262.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

Левдасть, надменный своимъ новымъ значеніемъ довѣреннаго лица и счастьемъ, которое, казалось, было уже въ его рукахъ, отправился въ путь на святой педѣль. Въ пятницу на той же педѣль въ покояхъ, принадлежавшихъ къ турецкой соборной церкви, произошло великое смѣтеніе, произведенное буйствомъ священника Рикюльфа. Этотъ человекъ, увѣренный въ своихъ надеждахъ, нисколько не устращася задержанія подѣ-діакона, своего тѣзки и соумышленника, видѣлъ въ этомъ только шагъ къ окончательной развязкѣ, которая должна была привести его къ епископству ⁽¹⁾. Въ ожиданіи успѣха, въ чемъ онъ не сомнѣвался, голова его разгорячилась до того, что онъ, словно оныягѣлый, сдѣлался неспособнымъ управлять ни своими дѣйствіями, ни словами. Въ одну изъ тѣхъ перемежекъ церковной службы, когда священнодѣйствующіе отдыхали, онъ нѣсколько разъ прошелся съ надменнымъ видомъ передъ епископомъ и наконецъ громко сказалъ, что слѣдовало бы очистить городъ Туръ отъ Овернецвъ ⁽²⁾. Григорій не очень обидѣлся этой неприличной выходкой, не зная побудительнаго къ ней повода. Привыкнувъ слушать, особенно отъ простолюдиновъ своей церкви, грубый тонъ и выраженія, которые все болѣе и болѣе распространялись въ Галліи изъ подражанія варварамъ, онъ отвѣчалъ безъ гнѣва и съ достоинствомъ, нѣсколько аристократическимъ: «Несправедливо, что овернскіе уроженцы здѣсь чужіе; ибо кромѣ пяти, всѣ турецкіе епископы «происходятъ изъ фамилій, связанныхъ родствомъ съ нашею; тебѣ бы «слѣдовало знать это» ⁽³⁾. Ничто не могло раздражить столько зависти честолюбиваго священника, какъ этотъ отвѣтъ. Онъ былъ такъ взволнованъ, что, не владѣя болѣе собою, прямо приступилъ къ епископу съ ругательствами и грозными тѣлодвиженіями. Отъ угрозъ онъ перешелъ бы къ побоямъ, если бы вступившіеся церковнослужители не предупредили крайняго дѣйствія его бѣшенства ⁽⁴⁾.

На другой день послѣ этихъ безпорядковъ, Левдасть пріѣхалъ въ Туръ; онъ вступилъ въ городъ тихо, безъ вооруженной свиты, какъ-будто прибылъ по собственнымъ дѣламъ ⁽⁵⁾. Такая скромность, вовсе не въ его характерѣ, вѣроятно, была ему указана именнымъ повелѣніемъ короля, какъ средство удачнѣе исполнить предстоившее ему задержаніе двухъ друзей епископа. Остальную часть дня онъ притворился занятымъ постороннимъ дѣломъ; послѣ того, напавъ внезапно на свою добычу, занялъ толпою ратниковъ жилища Галліена и архидіакона Платона. Оба они были схвачены самымъ насильственнымъ образомъ, разоблачены и скованы другъ съ другомъ желѣзными цѣпями ⁽⁶⁾. Провожая ихъ такимъ образомъ черезъ городъ, Левдасть таинственно объявлялъ, что будетъ расправа со всѣми врагами королевы и что вскорѣ схватятъ самаго главнаго преступника. Хотѣлъ ли онъ дать высокое

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 262.

⁽²⁾ Ibid., стр. 262 и 264.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid., стр. 262.

⁽⁵⁾ Ibid.

⁽⁶⁾ Ibid.

понятіе о своемъ таинственномъ порученіи и важности плѣнниковъ, или дѣйствительно боялся какой-либо засады или бунта, но только при выходѣ изъ города принялъ необыкновенныя предосторожности. Въмѣсто переправы черезъ Луару по турецкому мосту, онъ рѣшился переплыть ее съ обоими плѣнниками и ихъ стражей на паромѣ, составленномъ изъ двухъ лодокъ, связанныхъ между собою помостомъ и вѣсомыхъ другими лодками на буксирѣ ⁽¹⁾.

Вѣсть объ этихъ происшествіяхъ дошла до Григорія въ то время, когда онъ занятъ былъ въ епископскомъ домѣ многочисленными дѣлами, поглощавшими всѣ его досуги отъ пастырскихъ обязанностей. Слишкомъ достовѣрное несчастіе обоихъ друзей его и начинавшіе распространяться неопредѣленные, но зловѣщіе слухи, грозившіе ему самому, все это, вмѣстѣ съ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ несправедливаго вчерашняго столкновенія, навело на него глубокое уныніе. Объятый сердечною тоской, волненіемъ и грустью, онъ прервалъ свои занятія и вошелъ одинъ въ молельню ⁽²⁾. Тамъ сталъ онъ молиться на коленяхъ, но молитва, какъ ни была усердна, его не успокоила. Что случится? спрашивалъ онъ себя въ безпокойствѣ, и вращалъ въ умѣ своемъ этотъ вопросъ, полный неразрѣшимыхъ сомнѣній, не находя ему отвѣта. Чтобы избѣжать томленія неизвѣстности, онъ посягнулъ на дѣло, которое самъ неоднократно осуждалъ, согласно съ постановленіями соборовъ и святыхъ отцовъ церкви: взялъ книгу псалмовъ давидовыхъ и открылъ на удачу съ тѣмъ, не встрѣтится ли, какъ онъ самъ говорить, какого-либо утѣшительнаго стиха ⁽³⁾? Мѣсто, на которое упали взоры его, заключало слѣдующее: «И настави на упованіе, и не убояшася, и враги ихъ покры море» ⁽⁴⁾. Случайная связь этихъ словъ съ мыслями, тяготѣвшими Григорія, произвела то, чего ни разумъ, ни вѣра его не могли сдѣлать. Ему казалось, что свыше дарованъ отвѣтъ, дано обѣщаніе небеснаго покровительства обоимъ друзьямъ его и тому, кто вмѣстѣ съ ними, по народнымъ слухамъ, долженъ былъ впасть въ опалу, которой они подверглись первые ⁽⁵⁾.

Между-тѣмъ, бывшій турецкій графъ, представляя изъ себя предусмотрительнаго вожда, знакомаго съ нечаянностями и военными хитростями, совершалъ переправу черезъ Луару какъ-бы въ боевомъ порядкѣ. Чтобы лучше управлять движеніемъ и обозрѣвать окрестность, онъ сталъ на переднемъ концѣ плота. Плѣнники находились на заднемъ, и стража занимала остальную часть помоста, такъ что весь паромъ былъ тяжело нагруженъ народомъ. Они уже переплыли средину рѣки, гдѣ отъ быстрины теченія было не безопасно, какъ вдругъ, по необдуманному приказанію Левдаста, большая часть людей перешла на передній конецъ парома. Лодка, поддерживавшая его, погружаясь отъ тяжести, наполнилась водою; плотъ сильно покосился и мно-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 262.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Псаломъ 77, стихъ 53.

⁽⁵⁾ Ibid.

гіе изъ стоявшихъ на этомъ концѣ потеряли равновѣсіе и были сброшены въ рѣку. Левдасть упалъ въ нее первый и достигъ берега вылавъ, пока паромъ, частію потопленный, частію поддерживаемый другою лодкою, на которой оставались закованные плѣнники, съ трудомъ приближался къ пристани ⁽¹⁾. Кромѣ этого случая, который едва не придалъ стихамъ Давида значенія буквальнаго пророчества, остальной путь отъ Тура до Суассона совершенъ былъ безпрепятственно и съ возможною поспѣшностью.

Лишь только оба плѣнника были представлены Гильперiku, проводникъ ихъ употребилъ всевозможныя старанія возбудить противъ нихъ гнѣвъ короля и вынудить у него, пока онъ не одумается, окончательный приговоръ и повелѣніе предать ихъ казни ⁽²⁾. Онъ чувствовалъ, что такой немедленный ударъ поставилъ бы турскаго епископа въ чрезвычайно затруднительное положеніе, и что король, однажды попавъ на путь насильственныхъ жестокостей, не могъ бы съ него совратиться. Но расчеты и ожиданія Левдаста не состоялись. — Гильперикъ, снова ослѣпленный обаяніемъ, подъ вліяніемъ котораго протекала жизнь его, отступился отъ первыхъ сомнѣній своихъ въ вѣрности Фредегонды и уже не обнаруживалъ прежней раздражительности. Онъ смотрѣлъ на это дѣло болѣе спокойнымъ окомъ; хотѣлъ вести его медленно, и даже поступать въ изслѣдованіи фактовъ со всею точностію законника, на что имѣлъ особыя притязанія, наравнѣ съ желаніемъ прослыть искуснымъ стихотворцемъ, цѣнителемъ художествъ и глубокимъ богословомъ.

Сама Фредегонда вооружилась въ поступкахъ своихъ всею своею силою и благоразуміемъ. Она очень-тонко разсудила, что лучшимъ средствомъ для разсѣянія въ умъ ея мужа всякой тѣни подозрѣнія, надлежало казаться ясною и спокойною, принять видъ знатной дамы и не обнаруживать ни малѣйшаго желанія видѣть скорое окончаніе судебнаго изслѣдованія. — Это расположеніе духа, которое Левдасть не предвидѣлъ ни съ той, ни съ другой стороны, спасло плѣнникамъ жизнь. Имъ не только не причинили никакого зла, но даже, по непонятной причудѣ снисхожденія, король обращался съ ними гораздо лучше, нежели съ поддѣакономъ, ихъ обвинителемъ, и оставилъ ихъ почти на свободѣ, только подъ присмотромъ судейскихъ чиновниковъ ⁽³⁾.

Надлежало захватить главнаго отвѣтчика: но тутъ пошли затрудненія и нерѣшительность короля Гильперика. Нѣкогда, въ гоненіяхъ своихъ противъ епископа Претекстата, онъ былъ исполненъ рѣшимости и даже ожесточенія ⁽⁴⁾; но Григорій не былъ обыкновенный епископъ. Его слава и вліяніе распространялись по всей Галліи; въ немъ, такъ сказать, сосредоточивалось и олицетворялось нравственное могущество епископскаго сана. Насиліе съ такимъ противникомъ было бы

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 262.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Fredegarii Hist. Franc., стр. 262.

⁽⁴⁾ См. рассказъ четвертый.

опасно и могло возбудить общее негодованіе, на которѣе Гильперикъ, въ пылу гнѣва, можетъ—быть, и не обратилъ бы вниманія, но котораго не смѣлъ презирать въ хладнокровномъ расположеніи духа. И такъ, отказавшись онъ насилія, онъ помышлялъ только о томъ, какъ привести въ дѣйствіе одно изъ тѣхъ коварныхъ, хотя нѣсколько грубыхъ соображеній, которыя столько ему нравились. Разсуждая самъ съ собою, онъ вздумалъ, что епископъ, устрашавшій его своею народностью, могъ также съ своей стороны бояться королевскаго могущества и искать въ бѣгствѣ спасенія отъ страшныхъ послѣдствій обвиненія въ оскорбленіи величества. Эта мысль, казавшаяся ему блистательною, послужила основою плану его дѣйствій и содержаніемъ тайныхъ повелѣній, которыя онъ тотчасъ же отдалъ. Онъ отправилъ ихъ на имя герцога Берульфа, который, будучи облеченъ, по титулу своему, въ званіе намѣстника провинціи, воеводствовалъ въ Туръ, въ Пуатье и во многихъ другихъ городахъ на югъ отъ Луары, завоеванныхъ въ послѣднее время нейстрійскими вождями ⁽¹⁾. По этимъ приказаніямъ Берульфъ долженъ былъ пріѣхать въ Туръ, подъ предлогомъ осмотра оборонительныхъ средствъ города. Ему было предписано выжидать, въ полной готовности и въ совершенной тайнѣ, той минуты, когда Григорій открыто обличитъ себя какой либо попыткой къ побѣгу и тѣмъ попадетъ въ руки.

Извѣстіе о предстоявшемъ судѣ дошло до Тура съ достовѣрнымъ подтвержденіемъ и украшенное, какъ всегда бываетъ, множествомъ народныхъ преувеличеній. На вѣроятномъ дѣйствіи этихъ грозныхъ слуховъ повѣренный короля Гильперика разсчитывалъ главный успѣхъ своего порученія. Онъ ласкалъ себя мыслию, что такое пугало поможетъ ему, какъ-будто на охотѣ, осачить епископа и вовлечь въ ошибку, которая прямо наведетъ его на сѣти. Берульфъ прибылъ въ городъ Туръ и осмотрѣлъ стѣны его, какъ обыкновенно въ свои очередные объѣзды. Новый графъ, Евномій, сопровождалъ его, для выслушанія замѣчаній и полученія приказовъ. Открылъ ли франкскій герцогъ этому Римлянину свою тайну, или хотѣлъ обмануть его самого, только онъ объявилъ ему, что король Гонтранъ намѣренъ овладѣть городомъ нечаянно или открытою силой, и примолвилъ: «Теперь надлежитъ бодрствовать безъ отдыха; а чтобъ оградиться отъ оплошности, то въ крѣпость нужно ввести гарнизонъ ⁽²⁾». При содѣйствіи этой сказки и быстро распространившагося страха вымышленной опасности, дружины ратниковъ введены были въ городъ безъ всякой недовѣрчивости; размѣщены были караулы и часовые поставлены у всѣхъ городскихъ воротъ. Имъ отданъ былъ приказъ не наблюдать, приближается ли съ поля непріятель, но стеречь выѣздъ епископа и остановить его, если онъ вознамѣрится выйти, переодѣтый какимъ либо образомъ, или въ дорожной повозкѣ ⁽³⁾.

Эти стратегическія распоряженія были бесполезны; цѣлые дни прошли

(1) *Adriani Valesii Rev. franc.*, стр. 119.

(2) *Greg. Turon.*, *Hist. Franc.*, т. II, стр. 262.

(3) *Ibid.*

въ напрасномъ ожиданіи. Турскій епископъ, казалось, вовсе не помышлялъ о побѣтѣ, и Берульфъ принужденъ былъ дѣйствовать подъ рукою, чтобы побудить его къ бѣгству, или вынудить ему эту мысль. Онъ подкупилъ нѣсколько человѣкъ изъ приближенныхъ къ Григорію, которые одинъ за другимъ стали говорить ему объ опасности и опасеніяхъ друзей его. Вѣроятно, въ этихъ коварныхъ паущеніяхъ не было пощады и королю Гильперіку, и названія новаго Ирода и Нерона, какъ многіе его тогда честили въ-тихомолку, были на этотъ разъ безнаказанно произнесены измѣнникамъ (1). Напоминая епископу слова Священнаго Писанія: *Бѣгите изъ града въ градъ отъ вашихъ гонителей*, они совѣтовали ему вынести тайно самыя драгоценныя вещи, принадлежавшія церкви, и удалиться въ одинъ изъ овернскихъ городовъ, въ ожиданіи лучшаго времени. Но подозрѣвалъ ли Григорій настоящія причины этого страннаго предложенія, или ему казалось недостойнымъ выслушивать такіе совѣты, даже искренніе, только онъ остался непреклоненъ и объявилъ, что не выйдетъ (2).

Такимъ-образомъ, не было никакого средства схватить этого мужа, до котораго не дерзали коснуться, пока онъ самъ себя не предастъ. Король долженъ былъ ждать добровольнаго явленія отвѣтчика, котораго хотѣлъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ. Для веденія этого важнаго дѣла, разосланы были призывныя повѣстки, подобно тому, какъ при сужденіи Претекстата, ко всѣмъ нейстрійскимъ епископамъ; имъ было предписано явиться въ Суассонъ въ началѣ августа мѣсяца 580 года. Повидимому, этотъ соборъ былъ еще многочислѣннѣе, нежели созванный въ 577 году въ Парижѣ, потому-что приглашены были епископы многихъ полуденныхъ городовъ, недавно отнятыхъ отъ Австрійскаго Королевства, и между прочими альбійскій (3). Турскій епископъ получилъ это приглашеніе въ томъ же смыслѣ, какъ и всѣ его собратья; по какому-то чувству чести онъ поспѣшилъ повиновеніемъ и прибылъ въ Суассонъ однимъ изъ первыхъ.

Народное ожиданіе было сильно взволновано тогда въ городѣ, и отвѣтчикъ такого высокаго сана, столь добродѣтельный и знаменитый, возбуждалъ всеобщее участіе. Его обращеніе, благородное и кроткое безъ принужденности, совершенное спокойствіе, какъ-будто онъ призванъ былъ засѣдать въ чужомъ дѣлѣ, его усердныя бдѣнія въ суассонскихъ церквахъ, у гробницъ мучениковъ и исповѣдниковъ, превратили народныя чувствованія и любопытство въ совершенный восторгъ. Все, что только принадлежало къ галло-римскому племени, то-есть, большинство жителей, пристало, прежде всякаго судебного розыска, къ сторонѣ турскаго епископа противъ его обвинителей, кто бы они ни были. Въ особенности простой народъ, не столь осторожный и робкій передъ властями, давалъ полную свободу своимъ чувствованіямъ и всенародно выражалъ ихъ съ смѣлою горячностью. Между-тѣмъ, въ ожиданіи прибытія членовъ собора и открытія преній, судебное изслѣдованіе, осно-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 290.

(2) Ibid., стр. 263.

(3) Ibid., стр. 263 и 264.

ванное на свидѣтельствѣ одного только лица, все еще продолжалось. Подъ-діаконъ Рикюльфа, не перестававшаго дѣлать новыя показанія въ подтвержденіе первыхъ и умножать клеветы на Григорія и его друзей, часто водили изъ темницы въ королевскій дворецъ, гдѣ снимался допросъ съ таинственностью, наблюдаемую въ дѣлахъ самыхъ важныхъ ⁽¹⁾. Въ-продолженіе этого перехода и на возвратномъ пути, толпа ремесленниковъ, бросивъ свои мастерскія, собиралась на дорогѣ и преслѣдовала Рикюльфа ропотомъ, едва сдерживаемымъ грознымъ видомъ франкскихъ васалловъ, его провожавшихъ.

Однажды, когда онъ возвращался, вздернувъ носъ, съ торжественнымъ и самодовольнымъ видомъ, одинъ плотникъ, по имени Модестъ, сказалъ ему: «Несчастный! что умышляешь съ такою злобой на своего «епископа? лучше бы просилъ у него прощенія и старался заслужить «его помилованіе» ⁽²⁾. При этихъ словахъ, Рикюльфъ, указавъ рукою на произнесшаго ихъ человека, сказалъ на германскомъ языкѣ своей стражѣ, не вполне понявшей восклицанія Римлянина, или не обратившей на него вниманія: «Вотъ одинъ изъ тѣхъ, которые совѣтуютъ мнѣ молчать, «чтобы я не помогъ открыть истину; вотъ врагъ королевы, который «хочетъ помѣшать допросу тѣхъ, кто ее обвиняетъ» ⁽³⁾. Римскій ремесленникъ былъ схваченъ въ толпѣ и уведенъ воинами, которые тотчасъ донесли королеву Фредегондѣ о происшедшемъ и спрашивали, какъ поступить съ этимъ человекомъ.

Фредегонда, можетъ-быть, раздосадованная ежедневно доходившими до нея извѣстіями обо всемъ, что говорилось въ городѣ, обнаружила нетерпѣніе, заставившее ее выказать свой характеръ и уклониться отъ умѣренности, которую она до того времени соблюдала. По ея повелѣнію, несчастный мастеровой наказанъ былъ плетью, потомъ подвергнуть другимъ истязаніямъ и наконецъ посаженъ въ темницу, закованный по ногамъ и рукамъ ⁽⁴⁾. Модестъ былъ изъ числа людей, въ то время не рѣдкихъ, которые съ безграничною вѣрой соединяли восторженное воображеніе; убѣжденный въ томъ, что страдаетъ за правое дѣло, онъ ни минуты не сомнѣвался, что небесное всемогущество освободитъ его. Около полуночи, два воина, стерегшіе его, уснули, и онъ тотчасъ же съ величайшимъ усердіемъ началъ молить Бога о ниспосланіи къ нему, въ его несчастіи, святыхъ епископовъ Мартина и Медара ⁽⁵⁾. За молитвою его послѣдовало одно изъ тѣхъ странныхъ, но дѣйствительныхъ явленій, которыя наука нашихъ дней тщетно пыталась истолковать, приписывая ихъ дѣйствию восторженного состоянія. Можетъ-быть, полное убѣжденіе въ томъ, что молитва его услышана, доставило плѣннику необыкновенное приращеніе силы и ловкости и какъ-бы новое чувство, болѣе тонкое и могущественное, нежели другія; можетъ-быть, освобожденіе его было слѣдствіемъ только счаст-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 264.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid., стр. 263.

⁽⁵⁾ Ibid.

ливаго случая; но, по сказанію очевидца, онъ успѣлъ разорвать оковы, отворить двери и скрыться. — Епископъ Григорій, проводившій эту ночь въ бѣдѣнн въ базиликѣ св. Медара, увидѣлъ, къ великому своему удивленію, Модеста, вошедшаго и просившаго со слезами его благо-словенія ⁽¹⁾.

Слухъ объ этомъ происшествіи, переходя изъ устъ въ уста, еще болѣе усилилъ волненіе умовъ въ Суассонѣ. Какъ ни было унижено, въ общественномъ порядкѣ того времени, сословіе людей римскаго происхожденія, однако въ гласѣ цѣлаго города, возставшемъ противъ гоненія, замышленного на турецкаго епископа, заключалось нѣчто такое, что должно-было въ высшей степени досаждалъ его противникамъ и даже дѣйствовать въ его пользу на умы судей. Для отклоненія членовъ собора отъ этого вліянія, а можетъ-быть и для того, чтобы самому удалиться отъ неприятнаго зрѣлища проявленія народности, Гильперикъ рѣшилъ, что соборъ епископовъ и судъ будутъ переведены въ брениское королевское помѣстье. Онъ отправился туда съ своимъ семействомъ, въ сопровожденіи всѣхъ епископовъ, уже съѣхавшихся въ Суассонъ. Какъ тамъ не имѣлось церкви, а были только домашніи молебни, то члены собора получили приказаніе засѣдать въ одномъ изъ домовъ, можетъ-быть, въ большомъ деревянномъ строснн, которое дважды въ году, когда король находился въ Брени, служило мѣстомъ народнаго собранія вождей и свободныхъ людей франкскаго племени ⁽²⁾.

Первое событіе, ознаменовавшее открытіе собора, было литературное, а именно присылка длиннаго стихотворенія, написаннаго Венаціемъ Фортунатомъ и посвященнаго въ одно и то же время королю Гильперiku и всѣмъ епископамъ, собраннымъ въ Брени ⁽³⁾. Необыкновенное положеніе, которое умомъ своимъ и умѣньемъ уживаться создавалъ себѣ этотъ Итальянецъ, послѣдній стихотворецъ высшаго галло-римскаго общества, требуетъ отступленія отъ разсказа ⁽⁴⁾. Родясь въ окрестностяхъ Тревизы, воспитанный въ Равеннѣ, Фортунатъ прибылъ въ Галлію на поклоненіе гробницѣ св. Мартина; но какъ это странствованіе доставляло ему разнаго рода удовольствія, то онъ и не торопился его окончить ⁽⁵⁾. Сходивъ на богомолье въ Туръ, онъ продолжалъ странствовать изъ города въ городъ, будучи всюду принятъ, чести́мъ и взысканъ богатыми и знатными людьми, которые любили еще блеснуть въжливостью и изяществомъ ⁽⁶⁾. Онъ обходилъ Галлію отъ Майнца до Бордо, и отъ Тулузы до Кёльна, посѣщая на пути своемъ епископовъ, графовъ, герцоговъ, то галльскаго, то римскаго происхожденія, и встрѣчая въ нихъ, по-большой-части, заботливыхъ хозяевъ, а накопецъ и настоящихъ друзей.

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 263.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Fortunati Pictav. episc. lib. IX, carm. I; apud ejus opera. Romae, 1786. In — 4°.

⁽⁴⁾ См. выше, разсказъ первый.

⁽⁵⁾ Vita Fortunati, praefixa ejus oper., auctore Michaelae Angelo Luchi.

⁽⁶⁾ Hincmarus de Egidio Rem. episc., in vita S. Remigii, apud Fortunati vitam, стр. 61.

Тѣ, кого онъ оставлялъ послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія въ ихъ епископскомъ дворцѣ, загородномъ домѣ или укрѣпленномъ замкѣ, вели съ нимъ съ-тѣхъ-поръ постоянную переписку, и онъ отвѣчалъ на письма ихъ элегическими стихотвореніями, или описывалъ воспоминанія и приключенія своего странствованія. Онъ рассказывалъ каждому о красотахъ природы или памятникахъ своей родины; описывалъ живописныя мѣстности, рѣки, лѣса, воздѣланныя поля, богатство церквей, пріятность увеселительныхъ домовъ ⁽¹⁾. Эти описанія, иногда довольно-вѣрныя, иногда неопредѣленные и напыщенные, были перемежаны съ привѣтствіями и ласкательствами. Остроумный стихотворецъ славилъ въ франкскихъ владѣльцахъ ихъ добродушный видъ, гостепріимство, свободу изъясняться на латинскомъ языкѣ, а въ галло-римскихъ дворянахъ ихъ политическое искусство, тонкость ума, познанія въ дѣлахъ и въ правовѣдѣніи ⁽²⁾. Къ похваламъ благочестію епископовъ и усердію ихъ сооружать и освящать новые храмы, присоединялъ онъ похвалы правительственнымъ трудамъ ихъ на благоденствіе, украшеніе или безопасность городовъ. Одного превозносилъ за возстановленіе древнихъ зданій, преторіи, портика, баней; другаго — за отводъ теченія рѣки и прорытіе оросительныхъ каналовъ; третьяго — за возведеніе цитадели, снабженной башнями и военными снарядами ⁽³⁾. Надо признаться, что все это было отмѣчено признаками чрезвычайнаго упадка литературы, написано слогомъ небрежнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изысканнымъ, наполнено неправильностями, ошибками и пустою игрою словъ; но, за исключеніемъ всего этого, любопытно слѣдить, какъ появленіе Фортуната въ Галліи пробуждало въ ней послѣдній лучъ умышленной жизни, и какъ этотъ чужестранецъ дѣлался общою связью между тѣми, которые въ мірѣ, склонявшемся къ варварству, одиноко сохраняли любовь къ словесности и умышленнымъ наслажденіямъ ⁽⁴⁾. Изъ всѣхъ дружественныхъ связей Фортуната, самую пылкою и продолжительною была дружба его съ женщиной, Радегондой, одною изъ супругъ короля Клотера I-го, заключившіяся тогда въ монастырѣ, который она сама основала въ городѣ Пуатье и гдѣ ностриглась какъ простая инокиня.

Въ 529 году, Клотерь, нейстрійскій король, соединился съ братомъ своимъ Теодерикомъ, шедшимъ войною на Тюринговъ или Тюринговъ, народъ, бывший въ саксонскомъ союзѣ, сосѣдній и враждебный австразійскимъ Франкамъ ⁽⁵⁾. Тюринги были разбиты въ нѣсколькихъ битвахъ, храбрѣйшіе изъ воиновъ ихъ пали на берегахъ Унструдта ⁽⁶⁾; страна ихъ, опустошенная огнемъ и мечомъ, сдѣлалась данницею Франковъ, и побѣдоносные короли по-ровну раздѣлили между собой добычу и

⁽¹⁾ Fortunati, lib. I, carm. 19, 20, 21; lib. III, carm. 6, 8, и слѣд.

⁽²⁾ Fortun. opera, lib. VII, carm. 1, 2, 3, 4, 5, 15, 16; lib. IX, carm. 16, и слѣд.; lib. VII, carm. 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14; lib. X., carm. 23, и слѣд.

⁽³⁾ Ibid. — lib. I, carm. 18; lib. III, carm. 10, 12.

⁽⁴⁾ Vita Fortun., стр. 47, 48, 49. — Flodoard, Hist. Rer. eccl., ibid., стр. 61.

⁽⁵⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 190.

⁽⁶⁾ Притокъ Саалы, впадающій въ нее близъ Наумбурга. *Прим. пер.*

плѣнниковъ (1). На долю нейстрійскаго короля досталось двое дѣтей королевскаго рода, сынъ и дочь Бертера, предпоследняго короля Тюринговъ. Дѣвочкѣ (то была Радегонда) едва было восемь лѣтъ отъ-роду; но ранняя красота ея и пріятность сдѣлали такое впечатлѣніе на чувственную душу франкскаго владыки, что онъ рѣшился воспитывать ее по своему и взять со временемъ себѣ въ супруги (2).

Радегонду тщательно берегли въ одномъ изъ королевскихъ теремовъ, въ помѣстьѣ Атьё, на рѣкѣ Соммѣ. Тамъ, по похвальной причудѣ своего властелина и будущаго супруга, она получила не простое воспитаніе дѣвушекъ германскаго племени, умѣвшихъ только прысть да скакать верхомъ на охотѣ, но утонченное образованіе богатыхъ Галлянокъ. Къ изящнымъ рукодѣліямъ образованной женщины присоединено было изученіе римской словесности, чтеніе свѣтскихъ поэтовъ и духовныхъ писателей (3). Былъ ли умъ ея отъ природы доступенъ всемъ нѣжнымъ впечатлѣніямъ, или разореніе ея родины, гибель семейства и зрѣлище варварской жизни, которой она была свидѣтельницею, поселили въ ней грусть и отвращеніе, только она полюбила книги, какъ-будто онѣ открывали передъ нею духовный міръ лучше того, который окружалъ ее (4). Читая Писаніе и житія святыхъ, она плакала и желала быть мученицей; вѣроятно, другія чтенія ея сопровождались иными, не столь мрачными мечтами о спокойствіи и свободѣ. Но вскорѣ въ ней восторжествовала набожная восторженность, поглощавшая тогда все, что только было благороднаго и возвышеннаго между человѣческими дарованіями; и эта юная варварка, пристрастясь къ понятіямъ и правамъ образованности, пріяла ихъ въ самомъ чистѣйшемъ ихъ проявленіи, въ жизни христіанской (5).

Отвращая все болѣе и болѣе мысли свои отъ людей и дѣлъ того жестокаго и грубаго вѣка, она съ ужасомъ видѣла приближеніе своего совершеннолѣтія и минуты, когда должна была сдѣлаться супругою короля, ее полонившаго. Наконецъ, дано было приказаніе отвезти ее въ королевское мѣстопробываніе, для совершенія брака; но увлеченная побужденіемъ непреодолимаго отвращенія, она убѣжала; ее настигли, вернули, и, обвинянная противъ воли въ Суассонѣ, она сдѣлалась королевою, или, лучше сказать, одною изъ королевъ нейстрійскихъ Франковъ; ибо Клотерь, вѣрный обычаямъ древней Германіи, не довольствовался одною супругою, хотя имѣлъ также и наложницъ (6). Невыразимое отвращеніе, котораго въ такой душѣ, какую имѣла Радегонда, не могла ослабить прелесть богатства и власти, было послѣдствіемъ

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 190.

(2) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 190. — Vita sanctae Radegundis, auctore Fortun., apud script. rer. gall. et franc., т. III, стр. 456.

(3) Vita s. Radegundis, т. III, стр. 456.

(4) Ibid.

(5) Vita s. Radegundis, auctore Hildeberto, Cenoman., episc., apud Bolland., Acta sanctorum Augusti, т. III, стр. 84. — Vita s. Radegundis, auctore Fortunato, стр. 68.

(6) Script. rer. gall. et franc., т. III, стр. 456. — Annales Benedictini, т. I, стр. 124.

этого насильственного союза короля варваровъ съ женщиной, невозвратно удаленной отъ него нравственнымъ превосходствомъ, которое самъ же онъ велѣлъ сообщить ей и желалъ въ ней видѣть.

Чтобъ уклониться, хотя отчасти, отъ обязанностей своего сана, тяготившаго ее словно цѣпи, Радегонда возлагала на себя другія оковы, повидимому, еще болѣе тяжкія. Она посвящала всѣ досуги свои благотворенію или христіанскимъ добродѣтелямъ; лично обрекла себя хожденію за больными и бѣдными. Королевскій домъ въ Атье, гдѣ она была воспитана и который получила въ брачный подарокъ, обращенъ былъ въ богадельню для убогихъ женщинъ. Однимъ изъ увеселеній ея было прѣзжать туда, не для простаго посѣщенія, но для исполненія, въ самыхъ отвратительныхъ подробностяхъ, обязанности больницы сидѣлки ⁽¹⁾. Праздники пейстрійскаго двора, шумные шпы, опасныя охоты, воинскіе смотры и игры, общество васалловъ, грубыхъ голосомъ и невѣждъ умомъ, утомляли ее и наводили на нее скуку. Но если являлся какой либо епископъ или клеркъ, вѣжливый и начитанный, человекъ миролюбивый и кроткій въ бесѣдѣ, то она тотчасъ оставляла для него всякое другое общество, проводила съ нимъ долгіе часы и когда наставало время отъѣзда, щедро одаряла его въ знакъ воспоминанія, много разъ съ нимъ прощалась и потомъ снова предавалась скукѣ ⁽²⁾.

Она всегда медлила являться къ обѣду, за который должна была садиться вмѣстѣ съ мужемъ, то по забывчивости, то съ намѣреніемъ, предаваясь между-тѣмъ поучительному чтенію, или благочестивымъ занятіямъ. Ее надо было звать по нѣскольку разъ и король, наскучивъ ожиданіемъ, часто съ нею ссорился, не успѣвая, однако, сдѣлать ее ни торопливѣе, ни исправнѣе ⁽³⁾. Ночью она вставала отъ него подъ какимъ нибудь предлогомъ, уходила спать на землѣ, на простой рогожѣ или власяницѣ, и возвращалась на супружеское ложе окоченѣвъ отъ холода, соединяя страннымъ образомъ христіанскія истязанія плоти съ неодолимымъ отвращеніемъ, которое чувствовала къ мужу ⁽⁴⁾. Однако такіе знаки отвращенія не охлаждали любви пейстрійскаго короля: Клотеръ былъ человекъ не очень щекотливый въ этомъ отношеніи; онъ желалъ только обладать женщиной, которая нравилась ему красотою, и нисколько не заботился о ея душевныхъ страданіяхъ. Отвращеніе Радегонды ему досаждало, не причиняя истинной скорби, а въ домашнихъ ссорахъ отъ только говаривалъ съ сердцемъ: «Это монахиня у меня, а не королева ⁽⁵⁾.»

И дѣйствительно, этой душѣ, для которой были порваны всѣ узы, связывавшія ее съ міромъ, оставалось только одно прибѣжище—жизнь монастырская. Радегонда стремилась къ ней всѣми мыслями, но препятствія были велики, и протекуло шесть лѣтъ, пока она не рѣшилась

⁽¹⁾ Vita s. Radegundis, auctore Fortun., стр. 68.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Bolland. Acta sanct. Augusti. т. III, стр. 69.

⁽⁴⁾ Ibid., стр. 68.

⁽⁵⁾ Ibid., стр. 69.

побороть ихъ. Последнее семейное несчастье придало ей на то силы. Братъ ея, выросшій при нейстрійскомъ дворѣ заложникомъ тюрингскаго народа, былъ умерщвленъ по повелѣнію короля, можетъ-быть, за какія нибудь патріотическія жалобы, или легкомысленныя угрозы ⁽¹⁾. Лишь-только эта страшная вѣсть дошла до королевы, она тотчасъ рѣшилась, но скрывала свое намѣреніе. Стараясь отыскать челоуѣка, способнаго освободить ее, она отправилась въ Нойонъ, подѣ предложеномъ искать духовнаго утѣшенія, къ епископу Медару, сыну Франка и Римлянки, лицу, знаменитому тогда во всей Галліи по своей святости ⁽²⁾. Клотерьъ ровню ничего не подозрѣвалъ въ этомъ благочестивомъ поступкѣ, и не только не противился, но даже самъ приказалъ королевѣ уѣхать, потому-что слезы ея ему надобли и онъ желалъ скорѣе видѣть ее болѣе спокойною и не столь мрачною ⁽³⁾.

Радегонда нашла нойонскаго епископа въ церкви; онъ священнодѣйствовалъ на алтарѣ. Когда она подошла къ нему, то волновавшія ее чувствованія, которыя она до того времени удерживала, внезапно излились, и первыми словами ея былъ вопль отчаянія. «Пресвятой пастырь, я хочу покинуть міръ и перемѣнить одежду? молю тебя, пресвятой пастырь, посвати меня Господу ⁽⁴⁾». Не смотря на свое религиозное безстрашіе и ревность къ обращенію, епископъ, удивленный такою неожиданной просьбой, колебался и просилъ срока на размышленіе. Ему, дѣйствительно, предстояло опасное дѣло—расторгнуть королевскій бракъ, заключенный по салійскому закону и германскимъ обычаямъ, которыхъ хотя и гнушалась церковь, однако терпѣла еще изъ боязни вовсе отчудить отъ себя умы варваровъ ⁽⁵⁾.

Сверхъ того, къ этою внутренней борьбѣ святаго Медара между благоразуміемъ и усердіемъ присоединилась борьба другаго рода. Франкскіе владѣтели и воины, сопровождавшіе королеву, окруживъ его, закричали ему съ грозными тѣлодвиженіями: «Не смѣй постригать женщину, соединенную съ королемъ! берегись похищать у государя королеву, торжественно съ нимъ сочетавшуюся». Самые свирѣпыя, паложивъ на него руки, насильно совлекли его со ступеней престола на средину церкви, между-тѣмъ, какъ королева, испуганная смятеніемъ, укрывалась съ своими женщинами въ ризницѣ ⁽⁶⁾. Тамъ, собравшись съ духомъ и не предаваясь отчаянію, она придумала средство, въ которомъ столько же видна женская хитрость, сколько и твердость воли. Дабы сильнѣе искусить и подвергнуть болѣе трудному испытанію религиозную ревность епископа, она накинула на свою королевскую одежду платье затворницы и, переодѣтая такимъ образомъ, пошла въ олтарь, гдѣ сидѣлъ святой Медаръ, печальный, задумчивый и въ

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 190.—Vita S. Radegundis, auctore Fortun., стр. 456.

⁽²⁾ Vita S. Medardi, стр. 451 и 452.

⁽³⁾ Ibid., стр. 456.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ Ibid.

⁽⁶⁾ Vita S. Radegundis, apud script. rer. gallic. et franc., т. III, стр. 456.

нervшимости (1). «Если ты медлишь постричь меня» сказала она ему твердым голосомъ: «и болѣе боишься людей, нежели Бога, то отвѣтишь «за то, и Пастырь спроситъ у тебя душу овцы своей» (2). Это неожиданное зрѣлище и таинственныя слова поразили воображеніе престарѣлаго епископа и внезапно оживили въ немъ ослабѣвшую волю. Ставя свою пастырскую совѣсть выше человѣческихъ страховъ и политической осторожности, онъ пересталъ колебаться, и собственною властію расторгъ супружество Радегонды, посвятивъ ее, возложеніемъ рукъ, въ діакониссы (3). Франкскіе владѣтели и васаллы также были увлечены, и не смѣли силою вернуть въ королевское мѣстопребываніе ту, которая отнынѣ имѣла въ глазахъ ихъ двойную святость, какъ королева, и какъ женщина, посвятившая себя Богу.

Первою мыслію вновь обращенной (такъ называли тогда тѣхъ, кто отрекался отъ міра) было сложеніе съ себя всего, что на ней было дорогого. Она разложила на престолѣ свой головной уборъ, запыля, застегивки изъ драгоценныхъ камней, бахраму одежды, вытканную изъ золотыхъ нитей съ пурпуромъ; собственноручно сломала богатый поясъ изъ цѣльнаго золота, говоря: «Отдаю его на бѣдныхъ» (4); послѣ того помыслила укрыться отъ опасности поспѣшнымъ бѣгствомъ. Свободная въ выборѣ пути, она направилась на югъ, удаляясь для болѣе безопасности отъ средоточія франкскихъ владѣній, или, можетъ-быть, побуждаемая влеченіемъ къ тѣмъ странамъ Галліи, гдѣ варварство произвело менѣе опустошеній; она достигла Орлеана и спустилась внизъ по Луарѣ до Тура. Тамъ, подъ защитою многочисленныхъ убѣжищъ, устроенныхъ при гробѣ св. Мартина, она остановилась въ ожиданіи, на что рѣшится супругъ ея, котораго она покинула (5). Она вела такимъ образомъ нѣсколько времени безпокойную и тревожную жизнь изгнанниковъ, скрывающихся подъ стѣною базиликъ, опасаясь быть схваченною при малѣйшемъ шагѣ виѣ спасительной ограды, посылая къ королю письма, то гордые, то смиренныя, уговаривая его, чрезъ посредство епископовъ, отказаться отъ желанія снова ее видѣть и дозволить ей исполнить ея монашескіе обѣты.

Сначала Клотерь не слушалъ ни просьбъ, ни требованій, предъявляя свои супружескія права, ссылаясь на законы предковъ, и грозилъ ей лично пойдти, схватить и возвратить бѣглицу. Когда народныя слухи или письма друзей сообщали Радегондѣ подобныя извѣстія, тогда, объятая страхомъ, она подвергала себя усиленнымъ строгостямъ, посту, бѣніямъ, носила власяницу, въ надеждѣ сподобиться небеснаго заступленія и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить прелесть свою въ глазахъ чловѣка, преслѣдовавшаго ее любовью (6). Чтобъ увеличить раздѣлявшее ихъ разстояніе, она переѣхала изъ Тура въ Пуатье, изъ пріюта

(1) Vita S. Radegundis, apud script. rer. gallic. et franc., т. III, стр. 456.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

(4) Ibid., стр. 456 и 457.

(5) Acta S. Augusti, т. III, стр. 70.

(6) Ibid.

ев. Мартина подѣ покровительство не менѣ чтимаго св. Пларія. Однако король не терялъ бодрости и однажды прибылъ уже въ Туръ, подѣ ложнымъ предѣлогомъ богомолья; но сильныя представленія святаго Жермена, знаменитаго парижскаго епископа, остановили дальнѣйшій путь его ⁽¹⁾. Опутанный, если можно такъ выразиться, этимъ нравственнымъ могуществомъ, передѣ которымъ склонилась бурная воля варварскихъ королей, онъ согласился, утомленный борьбою, на то, чтобы дочь королей тюрингскихъ основала въ Пуатье женскій монастырь, по примѣру, поданному въ Арлѣ знатною галло-римскою матроной, по имени Цезаріею, сестрою епископа Цезарія или святаго Кесарія ⁽²⁾.

Все, что Радегонда получила отъ своего мужа, по германскоу обычаю, въ приданое и утренній даръ, все посвятила она на учрежденіе духовнаго общества, которое должно было замѣнить для нея семейство, истребленное побѣдами и подозрительнымъ тиранствомъ завоевателей ея родины. На принадлежавшей ей землѣ у воротъ города Пуатье она повелѣла заложить основаніе новаго монастыря, убѣжища, отверзатаго для тѣхъ, которые желали укрыться въ уединеніи отъ обольщеній міра или насильствій варварства. Не смотря на старанія королевы и содѣйствіе пуатьескаго епископа Пленція (Pientius), прошло много лѣтъ, пока не были окончены зданія ⁽³⁾. То была римская villa со всеми удобствами, садами, портиками, банями и церковью. Для символическаго ли значенія, или на случай вещественной безопасности отъ напастей того времени, строитель придалъ воинственный видъ наружной оградѣ этой мирной женской обители. Стѣны ея, подобно крѣпостнымъ, были высоки и толсты, а на главномъ фасадѣ возвышалось нѣсколько башенъ ⁽⁴⁾. Эти приготовленія, немного странныя, дѣйствовали на воображеніе, и слухи объ усилкахъ постройки далеко разносились въ народъ, какъ великая новость. «Смотрите» говорили таинственнымъ языкомъ того времени: «вотъ создается у насъ ковчегъ противъ потопа «страстей и мірскихъ волненій» ⁽⁵⁾.

День, когда все было готово и королева вступила въ это убѣжище, откуда, по данному ею обѣту, не должна была выходить во всю жизнь, былъ днемъ народнаго празднества. Городскія площади и улицы, по которымъ ей слѣдовало проходить, были наполнены несметными толпами; кровли домовъ покрыты были зрителями, жаждавшими увидѣть ее на пути или посмотреть какъ запрутсѣ за нею монастырскія ворота ⁽⁶⁾. Она шла ишкомъ, сопровождаемая множествомъ молодыхъ дѣвицъ, готовившихся раздѣлять ея заключеніе и привлеченныхъ къ ней

⁽¹⁾ Acta S. Augusti, т. III, стр. 76. — Vita S. Radegundis, auctore Baudonivia.

⁽²⁾ Ibid. — Script. rer. gall. et franc. т. II, стр. 356, 357 и 359.

⁽³⁾ Vita S. Radegundis apud script. rer. gall., стр. 457.

⁽⁴⁾ Greg. Turon., lib. de Gloria confes. c. l. CVI. — Acta S. Augusti, т. III, стр. 82.

⁽⁵⁾ Vita S. Caesarii, Arelat. episc., apud Annal. franc. ecclesiast., т. I, стр. 471.

⁽⁶⁾ Acta S. Augusti, стр. 72.

славою ея христіанскихъ добродѣтелей, а можетъ-быть также и блескомъ ея сана. Онѣ были большею частию галльскаго происхожденія, дочери сенаторовъ⁽¹⁾, и, по своей скромности и спокойствію въ домашнемъ быту, лучше соотвѣтствовали материнскимъ заботамъ и благочестивымъ намѣреніямъ ихъ начальницы, ибо женщины франккаго племени вносили даже въ монастырь нѣкоторые изъ природныхъ пороковъ варварства. Ихъ усердіе было пламенно, но кратковременно; неспособныя соблюдать ни правилъ, ни умѣренности, онѣ мгновенно переходили отъ суровой строгости къ совершенному забвенію всякаго долга и подчиненности⁽²⁾.

Эта уединенная и мирная жизнь, которой Радегонда такъ давно алкала, наступила для нея въ концѣ 550 года. Согласно съ мечтами ея, жизнь эта была какимъ-то соединеніемъ монастырской строгости и изнѣженной утонченности образованнаго общества. Словесность занимала первое мѣсто между упражненіями, возложенными на братство; ей должно было посвящать по два часа ежедневно, а остальное время предоставлялось набожнымъ занятіямъ, чтенію священныхъ книгъ и женскимъ рукодѣльямъ. Одна изъ сестеръ читала вслухъ, пока остальные работали, а самыя свѣдущія, вмѣсто того, чтобы прясть, шить или вышивать узоры, занимались въ другомъ покоѣ переписываніемъ книгъ для умноженія ихъ копій⁽³⁾. Строгія во многихъ отношеніяхъ правила, какъ, напримѣръ, воздержаніе отъ вина и мяса, допускали однако нѣкоторые удобства и даже удовольствія свѣтской жизни; были дозволены частыя омовенія теплою водою въ просторныхъ купальняхъ, разнаго рода забавы и между прочимъ игра въ кости⁽⁴⁾. Основательница и главнѣйшія изъ монахинь принимали у себя не только епископовъ и духовныхъ, но даже и знатныхъ свѣтскихъ особъ. Нерѣдко устраивался роскошный столъ для гостей и почитателей; ихъ угощали вкусными закусками, а иногда и настоящимъ широмъ, за которымъ, изъ вѣжливости, подчивала сама королева, не принимая однако въ немъ участія⁽⁵⁾. Эта потребность общегитія влекла за собою въ монастырь собранія инаго рода: въ немъ, въ разныя времена, разыгрывались драматическія сцены, въ которыхъ принимали участіе, въ блестящихъ одеждахъ, постороннія дѣвицы и, безъ сомнѣнія, также и монастырскія послушницы⁽⁶⁾.

Таковъ былъ порядокъ, который учредила Радегонда въ своей пуатьской обители, соединяя личныя свои склоности съ преданіями, сохранившимися болѣе полувѣка въ знаменитомъ монастырѣ арльскомъ. Начертавъ такимъ образомъ путь и давъ первое движеніе, она отказалась, по христіанскому ли смиренію, или изъ политическихъ видовъ,

(1) Greg. Turon., lib. de Gloria confes., гл. CVI.

(2) Greg. Turon., Hist. Franc., кн. IV, стр. 216; кн. IX, стр. 351, 354 и 359.

(3) Regula S. Caesariae, apud Annal. Franc. eccles., стр. 477.—Acta S. Augusti, стр. 61.

(4) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 374.

(5) Ibid., стр. 374 и 375.

(6) Ibid. — Mabillon, Annal. Benedict., т. I, стр. 199.

отъ всякой вышей власти, приказала избрать цѣлымъ обществомъ игуменью, которую сама указала, и подчинилась, вмѣстѣ съ другими сестрами, ея безусловной волѣ. Она возвела въ этотъ санъ преданную себѣ женщину, гораздо моложе себя лѣтами, по имени Агнесу, дѣвицу галльскаго происхожденія, которую полюбила еще ребенкомъ ⁽¹⁾. Добровольно снизойдя въ званіе простой инокини, Радегонда стригла въ свою очередную недѣлю на кухнѣ, мела домъ, носила дрова и воду наравнѣ съ другими; но, не смотря на это наружное равенство, она оставалась въ монастырѣ царницею, по обаянію своего королевскаго происхожденія, по титулу основательницы, превосходству ума, свѣдѣній и доброты сердца ⁽²⁾. Она поддерживала монастырскій уставъ, или измѣняла его по своему уму и разуму; она укрѣпляла колебавшіяся души ежедневными увѣщаніями, изъясняла и толковала юнымъ подругамъ своимъ текстъ Священнаго Писанія, соединяя эти важныя поученія съ ласковыми рѣчами, исполненными сердечной кротости и нѣжности, совершенно женственной: «Вы избранныя мною дочери мои; вы, юныя растенія, предметъ заботъ моихъ; вы очи мои, вы жизнь моя, спокойствіе мое и все мое благополучіе» ⁽³⁾.

Уже болѣе пятнадцати лѣтъ пуатьскій монастырь привлекалъ на себя вниманіе христіанскаго міра, когда Венанцій Фортунатъ, въ своемъ богомольномъ и пріятномъ странствованіи по Галліи, посѣтилъ эту обитель, какъ самый примѣчательный предметъ, встрѣтившійся ему въ путешествіи. Онъ былъ принятъ тамъ съ лестнымъ отличіемъ; вниманіе, которое королева привыкла оказывать умнымъ и образованнымъ людямъ, было ему расточаемо, какъ самому знаменитому и любезному гостю. Она и игуменья осыпали его ласками, учтивостями и особенно похвалами. Такое поклоненіе, повторяемое всякій день въ различныхъ видахъ и, такъ сказать, вливаемое въ уши стихотворца двумя женщинами, изъ которыхъ одна была старше, а другая моложе его, удержало его въ монастырѣ новымъ для него наслажденіемъ гораздо долѣе, нежели онъ предвидѣлъ ⁽⁴⁾. Прошли недѣли, мѣсяцы; минули всѣ отсроки, и когда путникъ напоминалъ объ отправленіи своемъ въ дорогу, Радегонда говорила ему: «Къ чему уѣзжать? Зачѣмъ не остаться съ нами?» Это дружеское желаніе было для Фортуната какъ-бы приговоромъ судьбы; онъ пересталъ думать о возвращеніи за Альпы, поселился въ Пуатье, поступилъ тамъ въ духовное званіе и сдѣлался священникомъ архіепископской церкви ⁽⁵⁾.

Облегченныя этою перемѣной состоянія, сношенія его съ обитыми

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., ed. Ruinart, стр. 472.

⁽²⁾ Vita S. Radegundis, auctore Baudovinia, apud Act. S. Augusti, стр. 81. — О познаніяхъ и чтеніяхъ святой Радегонды см. стихотворенія Фортуната, кн. V, ст. 1; она прилежно читала Григорія Назіанзина, святаго Василія, святаго Леанасія, святаго Амвросія, святаго Іеронима, святаго Августина, Седулія и Павла Ороза.

⁽³⁾ Vita S. Radegundis, apud acta S. Augusti, т. III, стр. 77.

⁽⁴⁾ Fortunati epist. ad Felicem, episc. Namnet., кн. III, стр. 78.

⁽⁵⁾ Mabillon, Ann. Benedict., т. I, стр. 155. — Fortunati, кн. VIII, стих. 1.

подругами, которыхъ онъ называлъ матерью и сестрою, сдѣлались чаще и короче ⁽¹⁾.—Къ необходимости подчиниться мужчине, которую обыкновенно чувствуютъ женщины, присоединились для основательницы и игуменьи пуатьескаго монастыря трудныя обстоятельства, требовавшія содѣйствія мужескаго вниманія и твердости. Монастырю принадлежали большія имѣнія, которыми не только надо было управлять, но и охранять ихъ съ постоянною бдительностью отъ тайныхъ козней или явныхъ разбоевъ и вооруженныхъ вторженій. Этого можно было достигнуть только съ помощью королевскихъ грамотъ, епископскихъ угрозъ отлучить отъ церкви и безпрестанныхъ переговоровъ съ герцогами, графами и судьями, не очень расположенными поступать по долгу, но дѣйствовавшими болѣе изъ собственныхъ выгодъ или частной пріязни. Заботы эти требовали искусства и дѣятельности, частыхъ поѣздокъ, представленій къ королевскимъ дворамъ, умѣнья польстить сильнымъ и обходиться съ людьми всякаго рода. Фортунатъ съ полнымъ успѣхомъ и крайнимъ усердіемъ употреблялъ на это все свое знаніе свѣта и всѣ средства своего ума; онъ сдѣлался совѣтникомъ, повѣреннымъ, посломъ, управителемъ, писмоводцемъ королевы и игуменьи ⁽²⁾. Его вліяніе, неограниченное въ дѣлахъ вѣщныхъ, не менѣе важно было во внутреннемъ порядкѣ и въ домашнемъ благоустройствѣ; онъ былъ посредникомъ въ маленькихъ ссорахъ, смирителемъ соперническихъ страстей и женской вспыльчивости. Смягченія уставовъ, милости, увольненія, особенныя яства выпрашивались чрезъ его посредство и по его ходатайству ⁽³⁾. Онъ даже, до нѣкоторой степени, руководилъ совѣстью, и его мнѣнія, иногда изложенныя стихами, всегда клонились къ послабленію строгостей ⁽⁴⁾.

Впрочемъ, Фортунатъ съ большою гибкостью ума соединялъ также и не малую легкость нравовъ. Христіанинъ болѣе по воображенію, какими нерѣдко представляли Итальянцевъ, онъ былъ неукоризненно православенъ, но въ житейскихъ дѣлахъ имѣлъ извѣженныя и чувственные привычки. Онъ неумѣренно предавался объденнымъ наслажденіямъ и на пирахъ своихъ богатыхъ покровителей, Римлянъ и варваровъ, не только бывалъ всегда веселымъ собесѣдникомъ, охотникомъ выпить и вдохновеннымъ пѣвцомъ, но, въ подражаніе временамъ римской имперіи, ему случалось даже и одному объдывать въ нѣсколько перемѣнъ ⁽⁵⁾. Радегонда и Агнеса, искусныя, какъ и всѣ женщины, удержатъ и привязать къ себѣ друга слабостями его характера, соперничествовали между собою въ угожденіи этой грубой наклонности стихотворца такъ же точно, какъ льстили болѣе благородной его слабости—тщеславію литератора. Онъ ежедневно посылалъ въ жилище Фор-

⁽¹⁾ Fortunati opera, lib. VIII, carm. 2, и слѣд.

⁽²⁾ Vita Fortun., praefixa ejus operibus, стр. XLIII, XLIX.

⁽³⁾ Fortun., lib. XI, carm. 8., ad Abbatissam.

⁽⁴⁾ Fortun. opera, lib. III, carm. 15, 16, 17, 18 и 19; lib. VII, carm. 25, 26, 29, 30; lib. IX, carm. 22; lib. X., carm. 12; lib. XI, carm. 16, 22, 23, 24 и слѣд.

⁽⁵⁾ Ibid.

тупата начатки отъ своего стола ⁽¹⁾ и, не довольствуясь этимъ, готовили для него, со всевозможною изысканностію, такіа кушанья, употребленіе которыхъ воспрещалось имъ по уставу. То были разнаго рода мяса, съ различными приправами, и овощи, облитыя сокомъ или медомъ, приносимыя въ серебряныхъ, яшмовыхъ или хрустальныхъ сосудахъ ⁽²⁾. Иногда приглашали его обѣдать въ монастырь, и тогда не только подавали вкусныя яства, но и самое убранство столовой дышало чувственнымъ изяществомъ. Вазы душистыхъ цвѣтовъ развѣшены были по стѣнамъ, и слой розовыхъ листочковъ покрывалъ столъ въ видѣ скатерти ⁽³⁾. Для собесѣдника, не стѣсненнаго никакимъ обѣтомъ, лилось вино въ красныя кубки. Такія угощенія христіанскаго стихотворца двумя затворницами, умершими для міра, казалось, были подобіемъ вечернихъ пировъ Горация или Тибулла.

Три дѣйствующія лица этихъ странныхъ сценъ говорили другъ другу пѣжности, въ значеніи которыхъ, безъ сомнѣнія, обманулся бы язычникъ. Имена матері и сестры соединялись, въ устахъ Итальянца, съ словами: *жизнь моя, свѣтъ мой, утѣха души моей*, и все это въ сущности было только восторженною, но цѣломудренною дружбой, чѣмъ-то въ родѣ духовной любви ⁽⁴⁾. Дружба съ игуменьею, имѣвшею при началѣ этого знакомства не болѣе тридцати лѣтъ, казалась подозрительною и сдѣлалась предметомъ лукавыхъ намековъ. Честь отца Фортуната этимъ оскорблялась; онъ принужденъ былъ защищаться и объявлять, что питалъ къ Агнесѣ только братскія чувствованія, любовь чисто разумную, привязанность совершенно небесную. Онъ исполнилъ это съ достоинствомъ, въ стихахъ, въ которыхъ призываетъ Христа и Пречистую Дѣву въ свидѣтели невинности своего сердца ⁽⁵⁾.

Этотъ веселый и вѣтренный человекъ, принявшій за правило наслаждаться настоящимъ и смотрѣть на жизнь только съ пріятной стороны, въ бесѣдахъ своихъ съ дочерью тюрингскихъ королевъ былъ повѣреннымъ ея душевныхъ страданій, грустныхъ воспоминаній, къ которымъ самъ не чувствовалъ себя способнымъ ⁽⁶⁾. Радегонда дожидая до сѣдыхъ волосъ, не забывая впечатлѣній своего перваго дѣтства, и воспоминанія о прошлыхъ дняхъ, проведенныхъ на родинѣ, между своими, приходили ей на память, въ пятьдесятъ лѣтъ, такъ же свѣжо и такъ же печально, какъ и во время ея плѣна. Она часто говаривала: «Я бѣдная похищенная женщина»; описывала до малѣйшихъ подробностей сцены отчаянія, убійства и насилія, которыхъ была свидѣтельницею, а отчасти и жертвою ⁽⁷⁾. Послѣ столькихъ лѣтъ изгнанія и не смотря на совершенную перемену вкусовъ и привычекъ, воспоминаніе объ отеческомъ кровѣ и прежняя привязанность къ семейству бы-

⁽¹⁾ Fortun. lib. XI, carm. 12, 13, 14, 15, 18, 19, 20 и 23.

⁽²⁾ Ibid. lib. XI, carm. 9.

⁽³⁾ Ibid., carm. 10.

⁽⁴⁾ Fortun. opera, lib. XI, и слѣд.

⁽⁵⁾ Fortun. lib. XI, carm. 6.

⁽⁶⁾ Ibid., lib. VII, carm. 26 и 28.

⁽⁷⁾ Fortun. libellus ad Artarchin. ex persona Radegundis, т. I, стр. 482.

ли для нея предметомъ почитанія и страсти; то былъ послѣдній сохранный ею остатокъ германскихъ правовъ и характера. Образъ ея родителей, избѣженныхъ или изгнанныхъ, постоянно былъ передъ нею, вопреки новымъ связямъ и успокоенію. Было нѣчто бѣшеное, пылкость почти дикая въ душевныхъ порывахъ къ послѣднимъ отраслямъ ея рода, къ сыну ея дяди, спасшемуся въ Константинополь, къ родственникамъ, рожденнымъ въ изгнаніи, которыхъ она знала только по имени (1). Эта женщина, способная любить на чужбинѣ только то, на чемъ лежалъ отпечатокъ христіанства и образованности, украшала свои патріотическія сѣтованія оттыскомъ дикой поэзіи, воспоминаніемъ о народныхъ пѣсняхъ, которыя слыхала она въ деревянныхъ хоромахъ своихъ предковъ, или въ родимыхъ дубравахъ. Видимые, хотя, конечно, ослабленные, слѣды этого встрѣчаются, мѣстами, въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, гдѣ итальянскій поэтъ, говоря отъ имени королевы варваровъ, старается передать задумчивыя откровенія ея въ томъ видѣ, какъ самъ ихъ слышалъ:

«Я видѣла женщинъ, влекомыхъ на рабство, съ связанными руками «и распущенными косами; одна шла босикомъ по крови своего мужа, «другая наступала на тѣло своего брата (2).—У всякаго было о чемъ «лить слезы; а я плакала за всѣхъ.—Я оплакивала моихъ покойныхъ «родителей и должна оплакивать также и тѣхъ, что остались живы.— «Когда слезы мои изсякаютъ, тоска не молчитъ во мнѣ,—шумитъ ли «вѣтеръ, я прислушиваюсь, не приноситъ ли мнѣ онъ вѣсти, но тѣнь «ближнихъ моихъ не является мнѣ (3).—Цѣлый міръ отдѣляетъ меня «отъ тѣхъ, кого люблю больше всего на свѣтѣ.—Въ какихъ мѣстахъ «обрѣтаются они? Спрашиваю о томъ у вѣтра свистящаго, спрашиваю «у облака проходящаго; хоть бы какая птичка подала мнѣ о нихъ вѣ- «сточку (4).—Ахъ! еслибъ меня не держала святая монастырская ог- «рада, поспѣшила бъ я къ нимъ тогда, когда бы они и не ждали меня. «Съла бы на корабль въ непогоду; съ весельемъ поплыла бы въ бурю. «Корабельщики дрожали бы, а я не знала бы страха. Еслибъ корабль «разбился, подвязала бъ я подъ себя доску и пустилась бы дальше; «еслибъ не могла уловить никакого обломка, то устремилась бы къ «нимъ вплавъ (5).»

Такова была жизнь Фортуната съ 567 года,—жизнь, въ которой не очень суровое благочестіе соединялось съ невозмущаемою дружбой, важными трудами и досугами, исполненными пріятныхъ мелочей. Этотъ послѣдній и любопытный примѣръ попытки къ соединенію христіанской доблести съ общественною утонченностью старой образованности, прошелъ бы незамѣченнымъ, если бы другъ Агнесы и Радегонды самъ не изобразилъ, въ своихъ стихотвореніяхъ, малѣйшихъ перемѣнъ быта, избраннаго имъ по глубокому влеченію къ благамъ жизни. Въ нихъ опи-

(1) Ibid., et libell. de Excidio Thuringiae, стр. 474.

(2) Fortunati opera, т. I, стр. 475.

(3) Ibid.

(4) Ibid., стр. 477.

(5) Ibid.

сана, почти со дня на день, исторія этого общества трехъ особъ, связанныхъ между собою пламенною дружбой, вкусомъ къ изящному и потребностью умной и занимательной бесѣды. Тамъ есть стихи на всѣ маленькія событія, изъ которыхъ снелася эта жизнь, тихая и однообразная: на горестъ разлуки, на скуку отсутствія и радость возвращенія, на небольшіе подарки, полученные или данные, на цвѣты, на плоды, на разныя лакомства, на ивовыя корзинки, которыя стихотворецъ плелъ собственноручно въ подарокъ обнимъ своимъ подругамъ⁽¹⁾. Есть стихи въ честь ужиновъ, дававшихся въ монастырѣ на три osoby и одушевленныхъ сладостною бесѣдой⁽²⁾; и въ честь одинокихъ обѣдовъ, на которыхъ, надеясь въ волю, Fortunatъ жаловался, что имѣлъ только одно удовольствіе и былъ лишенъ наслажденія зрѣніемъ и слухомъ⁽³⁾. Наконецъ, есть стихи и на счастливые или печальные дни, приходившіе ежегодно, какъ, на примѣръ, на день рожденія Агнесы и на первый день поста, въ который Радегонда, повинуваясь вѣчному обѣту, затворялась въ свою келлю и проводила тамъ великопостное время⁽⁴⁾. «Гдѣ скрывается свѣтъ мой? Зачѣмъ таится онъ отъ моихъ взоровъ?» восклицалъ тогда стихотворецъ съ страстнымъ выраженіемъ, которое можно было бы почесть не совсѣмъ благочестивымъ; но когда наступалъ день Пасхи и конецъ этому продолжительному отсутствію, тогда, соединяя нѣчто въ родѣ мадригала съ важными христіанскими размышленіями, онъ говорилъ Радегондѣ: «Ты уносила мою радость; нынѣ она возвратилась ко мнѣ съ тобою; ты заставляешь меня вдвойнѣ праздновать этотъ торжественный день»⁽⁵⁾.

Съ блаженствомъ спокойствія, единственнаго въ то время, итальянскій выходецъ пользовался не мѣньшею знаменитостію, и даже могъ ласкать себя вѣрою въ продолжительность этой умиравшей литературы, которой онъ былъ послѣднимъ и самымъ ничтожнымъ представителемъ. Варвары удивлялись ему и старались, какъ только умѣли, восхищаться его остротами⁽⁶⁾; самыя мелкія его сочиненія, записочки, написанныя безъ приѣзда, пока дожидался ихъ податель, простыя двуступишія, импровизированныя за обѣдомъ, переходили изъ рукъ въ руки, читались, переписывались, выучивались наизусть; его религіозныя поэмы и посланія въ стихахъ къ королямъ были предметомъ всеобщаго ожиданія⁽⁷⁾. По прибытіи своемъ въ Галлію, онъ славимъ, въ языческомъ стихѣ, бракъ Сигберта и Брунегильды, а въ христіанскомъ, обращеніе Брунегильды изъ аріанской ереси въ православіе⁽⁸⁾. Воинственный характеръ Сигберта, побѣдителя зарейскихъ народовъ, послужилъ первою темою его стихотворной лести; потомъ, поселясь въ Пуатье,

(1) Fortunati, lib. VIII, carm. 28. — См. Cours d'Histoire moderne, de M. Guizot, 18-me leçon.

(2) Fortunati, lib. XI, carm. 25.

(3) Ibid., carm. 16.

(4) Ibid., carm. 3, 5; lib. VIII, carm. 13, 14; lib. XI, carm. 2.

(5) Ibid., lib. XI, carm. 2.

(6) Fortunati, lib. I, Provemium ad Greg. episc. Tûron., стр. 2.

(7) Paulus diaconus, apud Fortunati vitam, стр. LXI.

(8) Fortun., lib. VI, carm. 2, 3. — См. разсказъ первый.

въ королевствѣ Гариберта, онъ пѣлъ, въ честь этого государя, хвалы королю миролюбивому (1). По смерти Гариберта, въ 567 году, ненадежное состояніе города Пуатье, безпрестанно переходившаго то въ руки австразійскаго короля, то въ руки нейстрійскаго, заставило стихотворца хранить долгое время благоразумное молчаніе; языкъ его развязался только тогда, когда, по мнѣнію его, городъ этотъ окончательно покорился власти короля Гильперика. Тогда онъ посвятилъ этому королю, въ элегическихъ стихахъ, свой первый панегирикъ, то самое сочиненіе, о которомъ говорено было выше, и присылка котораго на бренискій соборъ послужила поводомъ къ этому длинному эпизоду.

Фортунатъ довольно ловко воспользовался случаемъ соборнаго съѣзда въ пользу своего литературнаго успѣха, ибо собравшіеся въ Брени епископы составляли цвѣтъ тогдашнихъ ученыхъ и умниковъ Галліи, настоящую академію. Впрочемъ, посвящая стихотвореніе свое ихъ покровительству, онъ остерегся отъ малѣйшаго намека на щекотливый вопросъ, предстоявшій ихъ обсужденію. Ни слова о тяжкомъ испытаніи, которому долженъ былъ подвергнуться Григорій Турскій, первый, кому онъ довѣрялъ свои литературныя произведенія, другъ его и покровитель (2). Въ этомъ стихотвореніи, состоящемъ изъ ста-пятидесяти стиховъ, ничто не напоминаетъ этого обстоятельства, ничто не представляетъ отблеска мѣстныхъ красокъ или черты личнаго характера. Въ немъ встрѣчаются только красивыя выраженія, общія всѣмъ мѣстамъ и временамъ; собраніе почтенныхъ прелатовъ; король, образецъ правосудія, просвѣщенія и мужества; королева, чудная своими добродѣтелями, красотой и благостію; вымышленные образы, чистыя отвлеченности, столь же далекія отъ настоящей дѣйствительности, какъ и политическое положеніе Галліи отъ мирной обители пуатьескаго монастыря (3).

Когда епископы, съ ложнымъ возрѣніемъ и снисходительнымъ вкусомъ время литературнаго упадка, надивились стихотворнымъ трудностямъ, преувеличеніямъ и тонкостямъ панегириста, то должны были возвратиться отъ вымысловъ этого поддѣльнаго идеала къ впечатлѣніямъ дѣйствительной жизни. Послѣдовао открытіе собора и всѣ судьи возсѣли на скамьяхъ, поставленныхъ кругомъ присутственной залы. Какъ при сужденіи Претекстата, васаллы и франкскіе воины толпою тѣснились у дверей, но совершенно съ другимъ расположеніемъ къ обвиняемому (4). Въмѣсто того, чтобы при видѣ его дрожать отъ нетерпѣнія и гнѣва, они обнаруживали къ нему только почтеніе и даже раздѣляли восторженное участіе въ его пользу галло-римскаго населенія. — Король Гильперикъ выказывалъ въ осанкѣ своей надутую важность, не совсѣмъ въ немъ обыкновенную. Казалось, что онъ или боялся встрѣтиться лицомъ-къ-лицу съ противникомъ, котораго самъ вызвалъ, или

(1) Fortun., lib. VI, carm. 4.

(2) Fortunati opera, lib. V, carm. 3, 4, 5, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 19, 20; lib. VIII, carm. 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26.

(3) Fortun., lib. IX, carm. I.

(4) См. выше рассказъ четвертый.

чувствовалъ себя въ затрудненіи отъ соблазна всенароднаго изслѣдованія поведенія королевы.

Вошедъ въ залу, онъ привѣтствовалъ членовъ собора и, принявъ отъ нихъ благословеніе, сѣлъ ⁽¹⁾. Тогда Бертранъ, епископъ бордосскій, слышій за участника въ прелюбодѣянiяхъ Фредегонды, началъ говорить, какъ истецъ; онъ, изложивъ обвинительные факты и вопрошавъ Григорія, требовалъ объявленія, справедливо ли, что онъ взводилъ такіе поклепы на него и на королеву ⁽²⁾. «Но истиннѣ, я ничего этого «не говорилъ» отвѣчалъ турскій епископъ.—«Но» немедленно возразилъ Бертранъ съ живостию, которая могла показаться подозрительною: «эти дурные слухи ходили; ты сколько нибудь долженъ о томъ знать?» Обвиняемый отвѣчалъ спокойно: «Другіе говорили это; я могъ слышать, «но самъ никогда тому не вѣрилъ» ⁽³⁾.

Легкій шопотъ одобренія, разнесшійся при этихъ словахъ по собранію, выразился извнѣ топотомъ и кликами. Не смотря на присутствіе короля, франкскіе васаллы, чуждые понятія, которое составили Римляне о величествѣ государя и святости судебного засѣданія, внезапно вмѣшались въ пренія съ восклицаніями, отличавшимися грубою свободой выраженія. «Зачѣмъ возводить такіе вещи на служителя Божія?—«Съ чего король занимается этимъ дѣломъ?—Развѣ епископъ способенъ «говорить такіе слова хоть бы насчетъ раба?—Ахъ, Господи Боже! по-«моги служителю Своему» ⁽⁴⁾. При этихъ крикахъ неудовольствія, король всталъ, но безъ гнѣва, какъ-бы искони привычный къ грубой откровенности своихъ людей. Возвысивъ голосъ такъ, чтобы наружная толпа слышала его оправданіе, онъ сказалъ собранію: «Клевета, на-«правленная на мою жену, есть собственное мое оскорбленіе; я дол-«женъ былъ вступиться. Если вы считаете нужнымъ имѣть свидѣтелей «вины епископа: они здѣсь; но если думаете, что этому быть не слѣ-«дуетъ, а должно положиться на совѣсть епископа, то говорите, я «охотно исполню то, что вы положите» ⁽⁵⁾.

Епископы, обрадованные и нѣсколько удивленные такой умѣренностью и покорностью короля Гильперика, тотчасъ же дозволили ему ввести свидѣтелей, о присутствіи которыхъ онъ объявилъ; но онъ могъ предъявить только одного подъ-діакона Рикюльфа ⁽⁶⁾. Платонъ и Галліенъ продолжали утверждать, что имъ объявлять нечего. Что касается до Левдаста, то, пользуясь своею свободой и безпорядкомъ, господствовавшимъ при веденіи этого суда, онъ не только не явился въ засѣданіе, но даже имѣлъ предосторожность удалиться отъ мѣста преній. Рикюльфъ, дерзкій до конца, счелъ обязанностью говорить; но члены собора остановили его, закричавъ съ разныхъ сторонъ: «Церковнику ниснаго чина

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 263.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ Ibid.

⁽⁶⁾ Ibid.

нельзя вѣрить въ показаніяхъ на епископа» ⁽¹⁾. Такимъ образомъ, за недостаткомъ засвидѣтельствованныхъ доказательствъ, оставалось только вѣрить слову и клятвѣ обвиняемаго; король, вѣрный своему обещанію, не противился, но придрался къ формѣ. По причудѣ ли своего воображенія, или по неяснымъ воспоминаніямъ какихъ-либо старыхъ германскихъ предразсудковъ, пришедшихъ ему на память въ христіанской формѣ, онъ желалъ, чтобы оправданіе епископа Григорія сопровождалось странными обрядами, на подобіе какого-то чародѣйскаго испытанія. Онъ требовалъ, чтобы епископъ отслужилъ три обѣдни сряду на трехъ различныхъ престолахъ, и по окончаніи каждой обѣдни, стоя на ступеняхъ престола, клялся, что не держалъ рѣчей, ему приписываемыхъ ⁽²⁾.

Уже церковная служба, соединенная съ присягою для того, чтобы сдѣлать ее страшнѣе, заключала въ себѣ нѣчто несовершенно-согласное съ православными понятіями и обрядами; но совокупленіе нѣсколькихъ клятвъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ было совершенно противно церковнымъ уставамъ. Хотя члены собора это знали, однако тѣмъ не менѣе согласны были уступить странной прихоти короля. Самъ Григорій согласился нарушить правило, которое провозглашалось такъ часто. Можетъ-быть, какъ лично обвиняемый, онъ считалъ безчестнымъ уклониться отъ какого бы то ни было испытанія; можетъ-быть и то, что въ этомъ жилищѣ, гдѣ все носило на себѣ германскій отпечатокъ, гдѣ самый видъ людей былъ варварскій, а нравы полудѣйскіе, онъ не проявлялъ въ себѣ уже той силы и той свободы совѣсти, какъ въ стѣнахъ галльскихъ городовъ, или подъ кровлей базиликъ ⁽³⁾.

Пока все это происходило, Фредегонда, держась въ сторонѣ, ждала рѣшенія судей, притворяясь спокойною до безстрастія и замышляя въ глубинѣ души своей жестокое возмездіе обвиненнымъ, кто бы они ни были. Дочь ея Ригонта, болѣе изъ отвращенія къ ней, нежели по чувству искренней пріязни къ турецкому епископу, казалась глубоко-тронутаю несчастіями этого человека, извѣстнаго ей только по имени; достоинствъ его оцѣнить она не была въ состояніи. Запершись въ этотъ день въ своей комнатѣ, она наложила постъ на себя и на всѣхъ своихъ прислужницъ, пока слуга, нарочно посланный, не извѣстилъ ее, что епископъ объявленъ невиннымъ ⁽⁴⁾. Кажется, что король, въ знакъ полной и совершенной довѣренности къ членамъ собора, удержался отъ присутствованія при наложенныхъ имъ испытаніяхъ и предоставилъ только епископамъ сопутствовать обвиняемому въ моделью брэнскаго дворца, въ которой совершены были три обѣдни и произнесены три клятвы на трехъ престолахъ. Вслѣдъ за тѣмъ снова открылось засѣданіе собора; Гильперикъ занялъ уже свое мѣсто; предсѣдатель собранія не садился и произнесъ съ величественною важностью: «О, король! епископъ исполнилъ все, что было ему предписа-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 263.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

«но: невинность его доказана; что же теперь остается намъ дѣлать? Намъ остается лишить тебя христіанскаго причащенія, тебя и Бер-«трана, обвинявшаго одного изъ своихъ собратовъ» ⁽¹⁾. Пораженный этимъ неожиданнымъ приговоромъ, король измѣнился въ лицѣ и съ смущеннымъ видомъ школьника, слагающаго вину свою на сообщниковъ, отвѣчалъ: «Но я говорилъ только то, что самъ слышалъ.»—«Кто же говорилъ первый?» спросилъ глава собора, голосомъ болѣе повелительнымъ ⁽²⁾.—«Я все это слышалъ отъ Левдаста», сказалъ король, еще взволнованный отъ поразившаго слухъ его страшнаго слова отлученія.

Немедленно отдано было приказаніе представить Левдаста въ судъ; но его не нашли ни во дворцѣ, ни въ окрестностяхъ: онъ благоразумно ускользнулъ. Епископы рѣшились судить его заочно и объявить отлученнымъ отъ церкви ⁽³⁾. Когда совѣщаніе кончилось, то предсѣдатель собора всталъ и пропизнѣлъ проклятiе по установленнымъ правиламъ:

«По суду Отца и Сына и Святаго Духа, и въ силу власти, данной апостоламъ и ихъ преемникамъ, связывать и разрѣшать на небесахъ и на земли, — мы все въ совокупности опредѣляемъ, что Левдастъ, съѣтель соблазна, обвинитель королевы, ложный доносчикъ на епископа, какъ уклонившійся отъ суда для избѣжанія его приговора, будетъ «отнынѣ отчужденъ отъ нѣдръ святой матери-церкви и лишенъ хри-«стіанскаго причащенія въ настоящей и будущей жизни ⁽⁴⁾. Да ни-«кто изъ христіанъ не скажетъ ему здравствуй и не дастъ ему лобза-«нія. Да никто изъ священниковъ не послужитъ для него обѣдин и не «сподобитъ его святаго пріобщенія тѣла и крови Христовой. Да никто «не приметъ его въ свое сообщество, не укроетъ въ домѣ своемъ, не «поведетъ съ нимъ никакого дѣла, ни испіетъ, не насытится, не бесѣ-«дуетъ съ нимъ, развѣ только для обращенія его къ покаянію ⁽⁵⁾. Да «будетъ онъ проклятъ Богомъ, Отцемъ, сотворившимъ человека; да бу-«детъ проклятъ Сыномъ Божиимъ, страдавшимъ за человека; да будетъ «проклятъ Духомъ Святымъ, освящающимъ насъ при крещеніи; да бу-«детъ проклятъ онъ всеми святыми, которые отъ созданія міра сего «възъисканы благодатию Божіею. Да будетъ онъ проклятъ повсюду, гдѣ «ни будетъ, въ домѣ или въ полѣ, на торной дорогѣ или на малой тро-«пѣ. Да будетъ онъ проклятъ въ жизни своей и при смерти, въ бдѣніи «и во снѣ, въ трудѣ и въ покоѣ. Да будетъ онъ проклятъ въ цѣломъ «строеніи своихъ членовъ и да не будетъ въ немъ ни частицы здоровой «отъ темени головы до подошвы ногъ его ⁽⁶⁾. Да будетъ преданъ онъ «на вѣчныя муки, вмѣстѣ съ Даааномъ и Авирономъ и тѣми, кто рекъ «Господу: Удались отъ насъ. И яко огонь потушается водою, такъ да

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 263.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Formulae excommunic., apud script. rer. gall. et franc., т. IV, стр. 611 и 612. — Greg. Turon. Hist. Franc., т. II, стр. 263.

⁽⁵⁾ Form. excom., стр. 611 и 612.

⁽⁶⁾ Ibid., стр. 613.

«потухнетъ навсегда свѣтъ его, развѣ только покается онъ и дастъ удо-
«влетвореніе». При этихъ послѣднихъ словахъ, всѣ члены собора, слу-
шавшіе до того времени съ молчаливымъ вниманіемъ, возвысили вкупѣ
голосъ и нѣсколько разъ воскликнули: «Аминь, да будетъ тако, да бу-
«детъ тако, да будетъ онъ анаѳема! Аминь, Аминь ⁽¹⁾».

Этотъ приговоръ, религіозныя угрозы котораго дѣйствительно были
страшны, а гражданская сила соответствовала объявленію осужденнаго
внѣ законовъ королевства, было сообщено циркулярнымъ письмомъ
всѣмъ епископамъ, не присутствовавшимъ на соборѣ ⁽²⁾. Потомъ пере-
шли къ суду надъ подъ-діакономъ Риккульфомъ, уличеннымъ въ лжесви-
дѣтельство въ-слѣдствіе оправданія турскаго епископа. По римскому за-
кону, которымъ руководствовались всѣ духовные безъ различія племенъ,
за клевету въ уголовномъ преступленіи, какимъ считалось оскорбленіе
королевскаго сана, назначалась смертная казнь ⁽³⁾; законъ этотъ былъ
примѣненъ въ полной его силѣ къ настоящему дѣлу, и соборъ произ-
несъ надъ подъ-діакономъ Риккульфомъ приговоръ, предававшій его
свѣтской власти. Это было послѣднимъ дѣломъ собранія; оно вслѣдъ за
тѣмъ разошлось, и всѣ епископы, откланявшись королю, распорядились
о возвращеніи въ свою епархію ⁽⁴⁾. Прежде отъѣзда, Григорій просилъ
помилованія челоѣку, который съ такою злобой и безстыдствомъ пре-
слѣдовалъ его своими клеветами. Гильперикъ былъ тогда въ милости-
вомъ расположеніи духа, отъ радости ли, что кончились затрудненія,
въ которыя онъ былъ вовлеченъ заботами о чистотѣ своей супруже-
ской чести, или ему желательно было смягчить снисходительностью
обида турскаго епископа. По его ходатайству, король отмѣнилъ смерт-
ную казнь и оставилъ только пытку, которая, по римскимъ законамъ,
налагалась не въ видѣ наказанія, но какъ дополненіе допроса ⁽⁵⁾.

Фредегонда тоже разочла, что утвердить это милосердное дѣло и
оставить жизнь тому, кого предавало ей торжественное осужденіе, бы-
ло согласно съ ея видами. Но, пощадивъ его, она, кажется, хотѣла
испытать надъ нимъ, какія мученія челоѣкъ можетъ перенести и
остаться въ живыхъ. Въ этой жестокой забавѣ ей слишкомъ-усердно
содѣйствовало услужливое рвеніе васалловъ и королевскихъ слугъ, ко-
торыя наперерывъ старались явиться палачами преступника. «Я не ду-
«маю», говоритъ современный повѣствователь, никто другой, какъ самъ
«турскій епископъ: «я не думаю, чтобы какая-либо неодушевленная
«вещь, или какой металлъ могли выдержать всѣ удары, которыми осы-
«панъ былъ этотъ несчастный. Съ третьяго до девятого часа утра онъ
«висѣлъ на деревѣ, повѣшенный за руки, связанныя на спинѣ. Въ де-
«вятомъ часу его сняли и растянули на колодѣ, на которой были пал-
«ками, розгами и двойными ремнями, и не одинъ или два челоѣка, а

⁽¹⁾ Ibid., Form. excom., т. IV, стр. 611 и 612.

⁽²⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 263.

⁽³⁾ Cod. Theod. constit. anni 319 et 323.

⁽⁴⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 263.

⁽⁵⁾ Ibid., — Cod. lib. IX, tit. XII, et Digest., lib. XLVIII, tit. XVIII

«всѣ, кто только могъ протѣсниться къ его бѣднымъ членамъ, всѣ принимались колотить и били его (1).»

Его страданія и злоба на Левдаста, обманувшаго его, заставили раскрыть еще ни кѣмъ незнаемую глубину этой темной интриги. Онъ показалъ, что, обвиняя королеву въ прелюбодѣяннѣ, оба сообщника его и онъ самъ имѣли цѣлю изгнать ее изъ королевства съ обоими сыновьями, дабы сынъ Авдоверы, Клодовигъ, одинъ остался наслѣдникомъ своего отца. Онъ прибавилъ, что, въ случаѣ успѣха, Левдастъ надѣялся быть герцогомъ, священникъ Риккультъ епископомъ, а самъ онъ турскимъ архидіакономъ (2). Эти показанія не уличали прямо молодого Клодовига въ участіи въ заговорѣ, но выгоды его были связаны съ выгодами троихъ заговорщиковъ; Фредегонда этого не забыла, и съ той минуты онъ былъ уже отмѣченъ въ умѣ ея, какъ она обыкновенно отмѣчала, до удобнаго случая, смертельныхъ враговъ своихъ.

Вѣсти медленно разносились въ томъ вѣкѣ, если только не были разсылаемы нарочными. Такъ протекло нѣсколько недѣль, пока въ Турѣ могли узнать, какую развязку имѣло дѣло, возникшее въ Суассонѣ и оконченное въ Брени. Во время этой неизвѣстности, граждане, безпокоясь объ участіи своего епископа, терпѣли также и отъ безпорядковъ, причиняемыхъ буйствомъ и самохвальствомъ враговъ Григорія. Предводитель ихъ, священникъ Риккультъ, собственною своею властію водворился въ епископскомъ домѣ, и оттуда, какъ-будто носилъ уже званіе епископа, предметъ своего безразсуднаго честолюбія, изощрялся въ употребленіи неограниченной власти, соединенной тогда съ этимъ титуломъ (3). Располагая полнымъ хозяиномъ собственностью епархіальной церкви, онъ сдѣлалъ опись всему серебру и, съ цѣлю пріобрѣсти себѣ приверженцевъ, началъ осыпая богатыми дарами главнѣйшихъ членовъ духовенства, раздавая однимъ дорогія движимости, другимъ луга или виноградники. Напротивъ того, съ церковниками ниспаго званія, въ которыхъ не предполагалъ имѣть нужды, онъ обращался совершенно инымъ образомъ, и только суровостью и жестокостью давалъ имъ знать о присвоенной себѣ власти. За малѣйшій проступокъ онъ приказывалъ бить ихъ палками, или билъ собственноручно, приговаривая: «Знайте вашего господина» (4). Онъ за всякимъ словомъ повторилъ съ надутымъ тщеславіемъ: «Это я, умомъ своимъ, очистилъ «городъ Туръ отъ этого исчадія, пришедшаго изъ Оверни» (5). Если приближенные къ нему друзья обнаруживали иногда какія-либо сомнѣнія въ успѣхѣ такого похитительства и въ искренности тѣхъ, кого привлекалъ онъ къ себѣ безумною расточительностью, то онъ отвѣчалъ имъ съ усмѣшкою превосходства: «Это мое дѣло: умный человѣкъ въ «просакъ не попадаетъ; его можно обмануть только вѣроломствомъ» (6).

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 263 и 264.

(2) Ibid., стр. 264. — См. выше стр. 108.

(3) Ibid.

(4) Ibid.

(5) Ibid.

(6) Ibid.

Этотъ самохваль, столь надменный собою, былъ внезапно исторгнутъ изъ своихъ честолюбивыхъ мечтаній прибытіемъ Григорія, вступившаго въ Туръ среди всеобщей радости. Принужденный передать епископскій дворецъ законному его владѣтелю, Рикультъ не явился на поклонъ къ епископу, какъ сдѣлали въ этотъ день не только члены духовенства, но и всѣ другіе граждане. Сперва онъ показывалъ видъ пренебреженія и нѣчто въ родѣ безмолвной похвалбы; но потомъ безсильная злоба его превратилась въ ярость, въ словахъ его выражалось бышенство, а на устахъ были только угрозы убійства ⁽¹⁾. Григорій, всегда тщательный слѣдовавшій законному порядку, не торопился употреблять силу противъ такого опаснаго непріятели, но, дѣйствуя спокойно и не произвольно, созвалъ частный соборъ изъ викаріевъ турской епархіи.

Его призывныя повѣстки разосланы были къ епископамъ каждого города третьей ліонской провинціи ⁽²⁾, кромѣ принадлежавшихъ Бретонамъ, народу, столь же любившему религіозную, какъ и политическую свободу, котораго церковь не имѣла съ церковью Галловъ постоянныхъ и правильныхъ сношеній ⁽³⁾. Епископы анжерскій, манскій и реймскій приняли живѣйшее участіе въ спокойствіи турской церкви и въ дѣлѣ своего архіепископа; но Феликсъ, епископъ нантскій, тѣмъ ли, что не явился на соборъ, или противорѣчіями въ совѣщаніяхъ, обнаружилъ ясные знаки нерасположенія своего къ Григорію и пристрастія къ его врагамъ. Онъ былъ мужъ галльскаго племени и знатнаго рода, происходившій, по его увѣренію, отъ древнихъ владѣтелей Аквитаніи и считавшій въ числѣ своихъ предковъ преторіанскихъ префектовъ, патриціевъ и консуловъ ⁽⁴⁾. Съ такимъ высокимъ родомъ, которымъ очень тщеславился, онъ соединялъ рѣдкія въ то время качества, быстрый и предприимчивый умъ, краснорѣчивый даръ слова, способность легко писать и проблески того административнаго гения, который блисталъ въ Галліи подъ римскимъ владычествомъ ⁽⁵⁾.

Будучи епископомъ пограничной страны, безпрестанно угрожаемой враждебными набѣгами Бретоновъ и которую мервингскіе короли не имѣли возможности охранять постоянно, Феликсъ принималъ на себя попеченіе обо всемъ и наблюденіе какъ за безопасностью, такъ и за благоденствіемъ своей епархіи ⁽⁶⁾. За неимѣніемъ войскъ, онъ противодействовалъ хищеніямъ Бретоновъ бдительною политикой и искусными переговорами, а когда водворялась безопасность, то собственными средствами возводилъ огромныя общественныя сооруженія ⁽⁷⁾. Въ этой дѣятельной жизни, среди обращенія вещественныхъ

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 264.

⁽²⁾ Къ 3-й ліонской провинціи принадлежали нынѣшніе департаменты Франціи: Финистеръ, Котъ-д'ю-Поръ, Иль-и-Вилленъ, Морбиганъ, Нижней-Луары, Майенны, Сарты, Менъ-и-Луары, и Эндры-и-Луары.

Прим. пер.

⁽³⁾ Adriani Valesii *Rer. franc.*, lib. VI, стр. 281.

⁽⁴⁾ Fortunati opera, lib. III, *carm.* 8.

⁽⁵⁾ Ibid.

⁽⁶⁾ Fortunati opera, lib. III, *carm.* 3.

⁽⁷⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 251. — Fortunati opera, lib. III, *carm.* 5 и 12.

выгодъ, характеръ его пріобрѣлъ нѣкоторую жестокость и повелительность, весьма далекія отъ первообраза духовнаго пастыря апостольскихъ преданій. Ему случилось однажды объявить притязаніе на земли, по близости Панта, принадлежавшія къ турецкой церкви, которыя, можетъ-быть, были ему пужны для исполненія великаго предпріятія, а именно для отвода теченія Луары и прорытія ей новаго русла съ цѣлю доставить двоякую пользу земледѣлію и торговлѣ ⁽¹⁾. Григорій, съ его строгою и нѣсколько крутою точностью, отказалъ въ уступкѣ малѣйшей частицы достоянія своей церкви, и эта распря, постепенно разгараясь, произвела между обоими епископами чернильную войну, причинившую великій соблазнъ. Въ видѣ писемъ они пересылались колкостями, которыя заботливо сообщали своимъ друзьямъ, и которыя ходили въ народѣ, какъ настоящіе памфлеты.

Въ этомъ столкновеніи ѣдкихъ словъ и оскорбительныхъ доводовъ, турецкій епископъ, болѣе чистый сердцемъ, не столь желчный характеромъ и менѣе остроумный, нежели его противникъ, далеко не имѣлъ надъ нимъ верха. На колкіе и гнѣвные упреки, которыми, за отказъ уступить спорное владѣніе, осыпалъ его Феликсъ, онъ отвѣчалъ съ «учительскимъ добродушіемъ: «Вспомни слова пророка: горе совоку-«пяющимъ домъ къ дому и село къ селу приближающимъ, да ближ-«нему отымутъ что, едва вселится едины на земли ⁽²⁾!» И когда раздражительный пантскій епископъ, оставляя въ сторонѣ предметъ спора, издѣвался надъ особою и родомъ своего противника, тогда Григорій не находилъ, въ отпоръ ему, другихъ выходокъ, какъ только въ родѣ слѣдующихъ: «О! еслибъ ты былъ епископомъ въ Марселіи, то «привозили бы туда на корабляхъ не масло или другія подобныя снѣ-«ди, а только грузы папируса, чтобы тебѣ вѣдosta было на чемъ пи-«сать; для поношенія добрыхъ людей. Но недостатокъ бумаги кла-«детъ конецъ твоему пустословію ⁽³⁾.»

Можетъ-быть, несогласіе, возникшее между турецкимъ и пантскимъ епископами, имѣло болѣе сокровенныя причины, нежели случайная распря. Непомѣрная гордость, въ которой Григорій обвинялъ Феликса, даетъ поводъ думать, что между ними существовало какое нибудь родовое соперничество ⁽⁴⁾. Кажется, что потомокъ прежнихъ аквитанскихъ властителей или досадовалъ на свою іерархіальную подчиненность челоуѣку, бывшему ниже его породой, или по преувеличенному чувству мѣстнаго патріотизма желалъ, чтобы въ западныхъ областяхъ духовныя должности были исключительнымъ достояніемъ тамошнихъ знатныхъ домовъ. Отъ этого, вѣроятно, произошли и расположеніе его къ партіи, которая въ Турѣ ненавидѣла Григорія, какъ чужестранца, и даже сношенія съ нею; ибо онъ давно зналъ и отчасти поощрялъ пронеки священника Рикюльфа ⁽⁵⁾.

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 261.

⁽²⁾ Ibid., стр. 235. — Пророка Исаи, глава V, стихъ 8.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ Ibid., стр. 264.

Такое недоброжелательство одного изъ самыхъ сильныхъ и искусныхъ викаріевъ турской епархіи не воспрепятствовало составиться областному собору и произвести судъ. Рикюльфъ, обвиненный въ поджиганіи смуть и мятежа противъ своего епископа, былъ посланъ на заточеніе въ одинъ изъ монастырей, мѣсто котораго не означено ⁽¹⁾. Едва прошелъ мѣсяць съ того времени, когда онъ былъ заключенъ подъ строгимъ надзоромъ, какъ довѣренные люди нантскаго епископа искусно втерлись къ игумену, правившему монастыремъ. Они употребили всевозможныя хитрости, чтобъ обмануть его, и, при помощи живыхъ, клятвъ, успѣли выманить у него дозволеніе выпустить плѣнника, подъ обѣщаніемъ возвратить его. Но лишь только Рикюльфъ увидѣлъ себя на свободѣ, какъ поспѣшилъ спастись бѣгствомъ и тотчасъ отправился къ Феликсу, который принялъ его радушно, презирая самымъ обиднымъ образомъ власть своего архіепископа ⁽²⁾. То было послѣднее огорченіе, причиненное турскому епископу этимъ неблаговиднымъ дѣломъ, огорченіе, можетъ-быть, самое чувствительное, потому-что оно происходило отъ чловѣка, равнаго съ нимъ породой, одного званія и одинаковой образованности; отъ чловѣка, о которомъ онъ не могъ сказать, какъ о другихъ врагахъ своихъ, или варварскаго племени, или ограниченныхъ умомъ и преданныхъ страстямъ наравнѣ съ варварами: «Госпо-ди, не вѣдаютъ что творятъ.»

Между-тѣмъ, Левдасть, объявленный внѣ законовъ отлучительнымъ приговоромъ и королевскимъ указомъ, не дозволявшимъ доставлять ему ни ночлега, ни хлѣба, ни убѣжища, велъ бродячую жизнь, исполненную опасностей и препятствій. Онъ пришелъ изъ Брени въ Парижъ съ намѣреніемъ укрыться въ базиликѣ св. Петра; но проклятіе, исключавшее его изъ убѣжища, открытаго для всѣхъ изгнанниковъ, заставило его отказаться отъ этого намѣренія и положиться на вѣрность и мужество какого-либо друга ⁽³⁾. Среди колебаній въ выборѣ пути, по которому безопаснѣе слѣдовать, онъ узналъ о смерти единственнаго своего сына; это извѣстіе, кажется, возбудило въ немъ родственныя чувства и внушило неодолимое желаніе увидѣть свой домъ. Скрывая имя и страпствуя одиноко, въ самомъ смиренномъ видѣ, онъ пошелъ по дорогѣ въ Туръ и, прибывъ туда, тайкомъ прокрался въ домъ, гдѣ жила жена его ⁽⁴⁾. Посвятивъ отцовскимъ оцущеніямъ нѣсколько мгновеній, которыя подвижность его характера и настоящія безлокойства должны были значительно сократить, онъ поспѣшилъ скрыть въ безопасное мѣсто свои деньги и драгоценности, награбленныя во время управленія.

Онъ былъ связанъ съ нѣкоторыми лицами германскаго происхожденія въ окрестностяхъ Буржа узами взаимнаго гостепріимства, налагавшими, по обычаю варваровъ, такія священныя обязательства, которыхъ не могли превозмочь ни запрещенія законовъ, ни даже религіозныя

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 235.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid., стр. 263.

⁽⁴⁾ Ibid.

угрозы. Этимъ-то прежнимъ гостямъ своимъ онъ рѣшился вѣрить на сохраненіе, до лучшаго времени, всѣ свои богатства, и успѣлъ отплатить большую ихъ часть прежде, нежели указъ о его изгнаніи дошелъ до Тура ⁽¹⁾. Но замедленіе это было непродолжительно; королевскіе вѣстники привезли роковое повелѣніе, въ сопровожденіи вооруженной дружины, которая, по указаніямъ, собираемымъ отъ привала до привала, слѣдила за изгнанникомъ. Домъ Левдаста былъ ею занятъ; ему самому удалось спастись, но жена его, не столь счастливая, была взята и отведена въ Суассонъ, откуда, по повелѣнію короля, ее сослали въ окрестности Турна ⁽²⁾.

Бѣглець, избравъ ту же дорогу, по которой поѣхали повозки съ его сокровищами, отправился къ городу Буржу и вступилъ въ земли короля Гонтрана, гдѣ Гильпериковы люди не посмѣли его преслѣдовать. Онъ прибылъ къ своимъ знакомымъ въ одно время съ своими пожитками, которыхъ видъ и количество соблазнили, на его бѣду, тамошнихъ жителей ⁽³⁾. Найдя, что добро чужестранца хорошая пожива, они поднялись на грабежъ, и самъ волостной судья принялъ надъ ними начальство, желая получить свою долю добычи. Левдастъ не имѣлъ при себѣ достаточной силы для отраженія этого нападенія, и хотя знакомые его пытались помочь ему, однако сопротивленіе ихъ оказалось безуспѣшно. Все было расхищено грабителями, похитившими мѣшки съ деньгами, золотую и серебряную посуду, мебели и одежды, оставивъ ограбленному только то, что на немъ было и угрожая ему смертію, если онъ немедленно не удалится ⁽⁴⁾. Принужденный снова бѣжать, Левдастъ вернулся и смѣло пошелъ по дорогѣ въ Туръ; ницета, въ которую онъ былъ приведенъ, внушила ему отчаянное предпріятіе.

Лишь только достигнулъ онъ предѣловъ гильперикова королевства и области, которую прежде правилъ, какъ объявилъ въ первой деревнѣ, что есть случай сдѣлать легкой наѣздъ, въ разстояніи одного дня пути, на земли короля Гонтрана, и что всякій предпріимчивый человѣкъ, кто пожелаетъ отважиться на это дѣло, будетъ вознагражденъ щедро. При этомъ извѣстіи собрались молодые крестьяне и разнаго званія бродяги, которыхъ въ то время не мало было по дорогамъ, и послѣдовали за бывшимъ турскимъ графомъ, не заботясь о томъ, куда онъ ведетъ ихъ. Левдастъ распорядился какъ можно поспѣшнѣе достигнуть мѣста, гдѣ жили его грабители, и напасть върасплохъ на домъ, куда, какъ онъ видѣлъ, сложена была добыча. Это смѣлое движеніе имѣло полный успѣхъ; Туриане храбро напали, одного убили, многихъ ранили и возвратили значительную часть добычи, которую Беррійцы не успѣли еще подѣлить между собою ⁽⁵⁾.

Гордый своимъ успѣхомъ и изъявленіями преданности, которые онъ снискалъ за свои щедрія награды, Левдастъ счелъ себя довольно силь-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 263.

(2) Ibid.

(3) Ibid., стр. 264.

(4) Ibid.

(5) Ibid.

нымъ противъ всякаго врага, кто бы онъ ни былъ, и, снова обратясь къ своимъ кичливымъ привычкамъ, жилъ въ соседствѣ отъ Тура, ни мало не стараясь скрывать своего пребывания. По распространеннымъ о томъ слухамъ, герцогъ Берульфъ послалъ дружинѣ хорошо вооруженныхъ ратниковъ схватить изгнанника ⁽¹⁾. Левдасть едва не попался въ ихъ руки; ему еще разъ удалось убѣжать, но съ потерей послѣднихъ своихъ денегъ и пожитковъ. Пока остатки его имущества, какъ принадлежность казны, описывались и отправлялись въ Суассонъ, самъ онъ, по противоположной дорогѣ, старался достигнуть Пуатье и укрыться, съ отчаянія, въ базиликѣ святаго Шларія ⁽²⁾.

Близость монастыря Радегонды и самый характеръ этой женщины, столь кроткой и почтенной, кажется, распространены тогда на пуатьскую церковь духъ снисхожденія, отличавшій ее отъ прочихъ. По-крайней-мѣрѣ, это единственное возможное истолкованіе того милостиваго приѣма, какой нашелъ въ нѣдрахъ этой церкви человекъ, въ одно и то же время изгнанный и отлученный, предъ которымъ затворились убѣжище св. Мартина турецкаго и парижскія базилики. Велика была для Левдаста радость, когда онъ увидѣлъ себя въ совершенной безопасности, но она быстро миновала; онъ вскорѣ ощутилъ лишь одно непріятное для своего самолюбія чувство: униженіе быть самымъ бѣднымъ изъ числа тѣхъ, кто раздѣлялъ съ нимъ кровь св. Шларія. Желая избавить себя отъ этого и удовлетворить закоснѣлымъ наклонностямъ къ чувственности и распутству, онъ составилъ шайку воровъ изъ самыхъ нечестивыхъ и отчаянныхъ своихъ товарищей по заключенію. Когда городская полиція слабѣла или засыпала, бывшій графъ-турскій, предъувѣдомленный лазутчиками, выходилъ изъ базилики св. Шларія въ главѣ своей шайки и, вламываясь въ дома, на которые ему указывали, какъ на богатые, похищалъ изъ нихъ деньги и дорогую посуду, или бралъ произвольный выкупъ съ утраченного владѣльца ⁽³⁾. Обремененные добычей разбойники немедленно возвращались въ базилику и дѣлились тамъ между собою; потомъ вмѣстѣ пили и ѣли, ссорились или играли въ кости.

Священная обитель часто дѣлалась позорищемъ еще постыднѣйшихъ безпорядковъ: Левдасть приводилъ туда распутныхъ женщинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, замужнія, были пойманы съ нимъ въ прелюбодѣяніи подъ самымъ портикомъ паперти ⁽⁴⁾. Приняло ли, въ слѣдствіе слуховъ о такихъ соблазнахъ, повелѣніе суассонскаго двора исполнить въ строгости приговоръ, произнесенный въ Брени, или оскорбленная такими святотатствами сама Радегонда просила удалить Левдаста, только онъ былъ изгнанъ изъ обители св. Шларія, какъ недостойный никакой жалости ⁽⁵⁾. Не зная, куда приклонить голову, онъ еще разъ обра-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 264.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 264.—Chron. Turon., apud Edmundi Martene collect., т. V, стр. 940.

тился къ своимъ беррійскимъ знакомцамъ. Не смотря на препятствія, поставленныя послѣдними происшествіями, дружба ихъ была такъ изобрѣтательна, что доставила ему убѣжище; но черезъ нѣсколько времени онъ самъ его оставилъ, увлекаемый своимъ дерзкимъ характеромъ и безпорядочными причудами ⁽¹⁾. Онъ снова началъ вести кочующую и бродяжническую жизнь, которая должна была привести его къ гибели; и какъ бы онъ ни былъ одаренъ благоразуміемъ и умѣньемъ вести свои дѣла, для него уже не было болѣе спасенія: надъ головой его тяготѣлъ неодолимый рокъ мщенія Фредегонды, которое могло иногда выжидать, но никогда не прощало.

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 264.

РАЗСКАЗЪ ШЕСТОЙ.

ГИЛЬПЕРИКЪ — БОГОСЛОВЪ. — ЕВРЕЙ. ПРИСКЪ. — ПРОДОЛЖЕНІЕ И
КОНЕЦЪ ИСТОРИИ ЛЕВДАСТА.

(580—583.)

Турскій епископъ, по благополучномъ оправданіи въ клеветѣ, на него взведенной, снова обратился къ своимъ религіознымъ и политическимъ занятіямъ, прерваннымъ на время. Его ежедневной бдительности требовали не одни дѣла по епархіи и заботы по городскому управленію; кромѣ ихъ много озабочивали его болѣе общіе интересы галликанской церкви и народнаго міра, безпрестанно нарушаемаго франкскими королями. Одинъ, или въ совокупности съ другими епископами, онъ предпринималъ частыя поѣздки въ разныя послѣдовательныя мѣстопребыванія нейстрійскаго двора, и въ томъ самомъ бренскомъ дворцѣ, куда являлся прежде, какъ обвиняемый въ оскорбленіи королевскаго величества, онъ находилъ нынѣ почетъ и предупредительность (1). Чествуя достойнымъ образомъ такого гостя, король Гильперикъ старался выказать передъ нимъ наружный блескъ римской вѣжливости и представить доказательства своихъ свѣдѣній и изящнаго вкуса. Онъ втайнѣ читалъ епископу отрывки своихъ сочиненій, требуя его совѣтовъ и показывая ему, съ какимъ-то простодушнымъ тщеславіемъ, даже самыя незначительныя свои упражненія въ словесности.

Эти грубые опыты, плоды стремленія къ подражанію, не приносили никакой пользы, потому-что были безъ всякихъ послѣдствій, слегка касались всѣхъ предметовъ: грамматики, стихотворства, художествъ, правовѣдѣнія, богословія. Въ этихъ проявленіяхъ любви къ просвѣщенію варварскій король переходилъ отъ одного предмета къ другому съ рѣзвостью неопытнаго школьника. Послѣдній изъ латинскихъ стихотворцевъ, Фортунатъ, славилъ эту королевскую прихоть, какъ залогъ, подававшій великія надежды все болѣе и болѣе унывавшимъ поборникамъ прежней умственной образованности (2); но епископъ Григорій, болѣе суровый характеромъ и не столь ослабленный обаяніемъ власти, не раздѣлялъ этихъ упованій. Съ какимъ бы видомъ онъ ни выслушивалъ авторскія тайны клодовикова внука, что бы ни говорилъ при этомъ, всегда въ глубинѣ души своей онъ ощущалъ одно лишь горькое презрѣніе къ писателю, которому долженъ былъ льстить,

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., lib. V et seq. passim.

(2) Fortunati, lib. IX, carm. 1, ad Chilpericum regem.

какъ королю. Въ христіанскихъ поэмахъ, сочиняемыхъ Гильперикомъ по образцу поэмъ священника Седулія (1); онъ видѣлъ только наборъ нескладныхъ стиховъ, безъ всякой мѣры, въ которыхъ, по незнацію начальныхъ основаній просодіи, долгіе слоги стояли на мѣстѣ краткихъ, а краткіе на мѣстѣ долгихъ. Что касается до мелкихъ сочиненій, не столь высокопарныхъ, какъ, напримѣръ, гимны, вставляемые въ литургію, то Григорій признавалъ ихъ неудобными, и во всѣхъ неудачныхъ попыткахъ этого невѣжественнаго ума, оцупью старавшагося просвѣтитъ, не видалъ ни истиннаго влеченія, ни уважительныхъ цѣлей (2).

Руководимый проблескомъ здраваго смысла, Гильперикъ пожелалъ выразить латинскими буквами звуки германскаго языка; съ этою цѣлю онъ придумалъ ввести въ азбуку четыре буквы своего изобрѣтенія, между которыми была одна, присвоенная выговору, выраженному въ послѣдствіи чрезъ *w* (3). Такимъ образомъ собственныя имена германскаго происхожденія, въ текстахъ, написанныхъ по-латини, должны были получить правильную и постоянную орфографію. Но ни этотъ результатъ, котораго въ послѣдствіи съ такимъ трудомъ добивались, ни мѣры, принятые въ то время для сего достиженія, повидимому, не были одобряемы епископомъ, слишкомъ упрямымъ, или слишкомъ предубѣжденнымъ. Онъ только улыбался съ сожалѣніемъ, видя, что влститель варварскаго племени обнаруживаетъ притязаніе исправить римскую азбуку, и письмами, разосланными къ графамъ городовъ и городскимъ сенатамъ, приказываетъ, чтобы во всѣхъ общественныхъ школахъ учебныя книги были выскоблены немзой и переписаны по новому способу (4).

Однажды король Гильперикъ, отведя турскаго епископа въ сторону, какъ-бы по дѣлу чрезвычайно важному, приказалъ одному изъ своихъ письмоводителей прочесть только-что написанное имъ небольшое разсужденіе, касавшееся высшихъ богословскихъ вопросовъ. Главное положеніе, доказываемое въ этой книгѣ, необыкновенно дерзкой, заключалось въ томъ, что Святая Троица не должна быть выражаема различіемъ лицъ, но что ее слѣдуетъ называть однимъ только именемъ, именемъ Бога; что недостойно придавать Богу значеніе лица, какъ будто человѣку, сотворенному изъ костей и плоти; что Тотъ, Кто

(1) Священникъ Седулій жилъ въ V вѣкѣ и сочинялъ гимны и латинскія поэмы; главнѣйшая изъ нихъ называется: *Paschale Carmen, idest, de Christi miraculis libri quinque*. Прим. пер.

(2) Greg. Turon., Hist. Franc., т. III, стр. 260. — Ibid., стр. 291.

(3) «Онъ прибавилъ» говоритъ Григорій Турскій: «къ нашей азбукѣ многія буквы, а именно греческую ω , α , *the, vui*, которыя изобразимъ такъ: ω , ψ , δ , Δ » (Greg. Turon. Hist. Franc., lib. V, apud script. rer. gallic. et franc, т. II, стр. 260). — Лѣтописи разногласятъ на счетъ формы и произношенія этихъ буквъ и Эмунъ (Aimoin, histoire des Francs) изображаетъ ихъ иначе, нежели Григорій Турскій. «Король Гильперикъ» говоритъ онъ: прибавилъ къ нашимъ буквамъ греческую ω , и три другія имъ самимъ изобрѣтенныя, изображаемыя и произносимыя такъ: χ *ch*, θ *th*, ϕ *ph*.» Прим. пер.

(4) Greg. Tur., Hist. Franc., T. III, стр. 260. — Ibid. стр. 291.

есть Богъ Отецъ, есть Тотъ же, Кто и Сынъ Божій, Тотъ же, Кто и Духъ Святой; и что Тотъ, Кто есть Духъ Святой, есть Тотъ же, Кто и Богъ Отецъ, и Тотъ же, Кто и Сынъ Божій; что въ этомъ видѣ являлся Онъ патриархамъ и пророкамъ и былъ возвыщенъ Писаніемъ ⁽¹⁾. При первыхъ словахъ этого новаго символа вѣры Григорій объятъ былъ сильнымъ внутреннимъ волненіемъ, ибо съ ужасомъ узналъ ересь Савеллія, самую опасную изъ всѣхъ, послѣ аріанской, потому-что, подобно сей послѣдней, она опиралась, повидимому, на здоровомъ основаніи ⁽²⁾. Неизвѣстно, въ книгахъ ли почерпнулъ король это ученіе, которое думалъ возобновить, или самъ собою дошелъ до него ложнымъ умствованіемъ, но онъ столько же былъ тогда убѣжденъ въ истинѣ своего догмата, сколько доволенъ искуснымъ его изложеніемъ. Обнаруженные епископомъ знаки неодобренія, все болѣе и болѣе ясные, удивили и до крайности разгнѣвали Гильперика. Соединяя тщеславіе логика, признающаго себя совершенно правымъ, съ самовластіемъ владыки, не терпящаго противорѣчій, онъ заговорилъ первый и сказалъ грубо: «Я хочу, чтобы вы этому вѣрили, ты и другіе церковноучители» ⁽³⁾.

Призвавъ на помощь свое спокойствіе и свою обычную важность, Григорій отвѣтствовалъ на это повелительное объявленіе: «Преблагочестивый король, подобаетъ тебѣ оставить это заблужденіе и послѣдовать ученію, завѣщанному намъ апостолами, а по нимъ и отцами церкви, которому поучали Иларій, епископъ пуатьскій, и Евсевій, епископъ версейскій, и которое ты исповѣдалъ при крещеніи» ⁽⁴⁾. — «Но» отвѣчалъ Гильперикъ съ возраставшею досадою: «извѣстно, что въ этомъ пунктѣ Иларій и Евсевій сильно противорѣчатъ другъ другу.» Возражать было трудно, и Григорій чувствовалъ, что самъ себя поставилъ въ невыгодное положеніе. Въ избѣжаніе затруднительности прямого отвѣта, онъ началъ говорить такъ: «Ты долженъ остерегаться произносить слова, оскорбительныя для Бога и Святыхъ Его» ⁽⁵⁾; и потомъ, перейдя къ изложенію православной вѣры, такъ, какъ-бы изъясняя ее съ кафедры, прибавилъ: «Знай, что разсматривая отдѣльно, иной есть Богъ-Отецъ, иной Сынъ, иной Духъ-Святой. Не Отецъ воплощенъ и не Духъ Святой, а Сынъ, дабы ради искупленія рода человѣческаго, Тотъ, Кто былъ Сынъ Божій, сдѣлался также Сыномъ Дѣвы. Не Отецъ страдалъ и не Духъ Святой; но Сынъ, дабы Тотъ, Кто пріялъ плоть въ семъ мірѣ, былъ принесенъ и въ жертву за міръ. Ты говоришь о лицахъ, но ихъ разумѣть должно не тѣлесно, а духовно, и хотя въ сущности ихъ три, но въ нихъ единая слава, единая вѣчность, единое всемогущество» ⁽⁶⁾.

Это подобіе пастырскаго увѣщанія было прервано королемъ, кото-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 259.

(2) См. Fleury, Hist. ecclésiast. т. II, стр. 338.

(3) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 259.

(4) Ibid.

(5) Ibid.

(6) Ibid.

рый, не желая болѣе слушать, вскричалъ сердито: «Я прочту это тѣмъ, кто болѣе тебя смыслить, и они согласятся со мною» ⁽¹⁾. Слова эти укололи Григорія, который, самъ воспламенясь и забывъ осторожность, возразилъ: «Никто знающій и смыслящій и развѣ только безумный «прійметъ когда-нибудь то, что ты предлагаешь» ⁽²⁾. Нельзя выразить, что произошло тогда въ душѣ Гильперика: онъ оставилъ епископа, не сказавъ ни слова, но яростный трепетъ показалъ, что король, богословъ и словесникъ, нисколько не утратилъ свирѣпаго характера своихъ предковъ. Черезъ нѣсколько дней, онъ вздумалъ испытать впечатлѣніе своей книги надъ Сальвемъ, епископомъ альбійскимъ, и когда эта вторая попытка удалась не лучше первой, онъ вдругъ потерялъ бодрость и съ такою же легкостью отказался отъ мнѣній своихъ о существѣ Божіемъ, съ какимъ упрямствомъ прежде ихъ поддерживалъ ⁽³⁾.

Не оставалось уже никакого признака этой важной распри, когда въ 581 году король Гильперикъ переехалъ на лѣто въ помѣстье Ножанъ, на берега Марны, близъ слиянія ея съ Сеною. Турскій епископъ, совершенно примиренный съ королемъ, явился къ нему на поклонъ въ новое его жилище, и въ то время, когда тамъ находился, великое событіе нарушило обычное однообразіе дворянской жизни ⁽⁴⁾. То было возвращеніе пословъ, отправленныхъ въ Константинополь для поздравленія съ восшествіемъ на престолъ Тиверія, преемника Юстина-Младшаго. Послы возвратились въ Галлію моремъ, съ дарами отъ новаго императора королю Гильперикъ; но вмѣсто того, чтобы высадиться въ Марсели, за обладаніе которой спорили въ то время король Гонтранъ и опекуны юнаго короля Гильдесберта, они почли болѣе для себя безопасною иноземную пристань, а именно городъ Агдъ, принадлежавшій королевству Готовъ ⁽⁵⁾. Корабль ихъ, застигнутый бурей у береговъ Септиманіи, разбился о подводные камни, и пока сами послы спасались вплавь, весь грузъ былъ расхищенъ прибрежными жителями. По счастію сановникъ, правившій Агдомъ отъ имени короля Готовъ, счелъ обязанностью вступиться, и приказалъ возвратить Франкамъ, если не всѣ ихъ пожитки, то по-крайней-мѣрѣ большую часть богатыхъ даровъ, предназначенныхъ королю ⁽⁶⁾. Они прибыли такимъ образомъ въ Ножанъ, къ великой радости Гильперика, поспѣшившаго выставить на показъ своимъ гостямъ и людямъ все, что было вручено ему отъ имени императора, драгоценныя ткани, золотую посуду и разнаго рода украшенія ⁽⁷⁾.

Изъ множества любопытныхъ и великолѣпныхъ вещей, особенное вниманіе турскаго епископа привлекли большіе золотые медальоны, мо-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II., стр. 295.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid. lib. VI, стр. 266. — Adriani Valesii, rer. franc., lib. XI, стр. 125

⁽⁵⁾ Ibid., стр. 266.

⁽⁶⁾ Ibid., стр. 259.

⁽⁷⁾ Ibid.

жетъ-быть потому, что ему пріятно было видѣть въ нихъ символъ образованной монархіи; на лицевой сторонѣ ихъ изображена была голова императора, съ надписью: *Тиверій Константинъ вѣчноавгустѣйшій*, а на оборотѣ запряженная четырьмя конями колесница, на которой стояла крылатая женщина, съ слѣдующей надписью: *Слава Римлянъ*. Каждая медаль имѣла около фунта вѣсу и вѣсь онѣ были выбиты въ память начала новаго царствованія ⁽¹⁾. При видѣ этихъ великолѣпныхъ произведеній искусствъ имперіи и знаковъ императорскаго величія, король Гильперикъ, какъ-будто опасаясь какого-либо невыгоднаго для себя сравненія, вздумалъ представить доказательства собственной своей пышности. Онъ приказалъ принести и поставить рядомъ съ дарами, на которые любовались его люди, одни съ простодушнымъ удивленіемъ, другіе завистливыми глазами, изготовленное по его повелѣнію огромное золотое блюдо, усыпанное драгоценными камнями. Это блюдо, предназначенное для украшенія королевскаго стола въ торжественныя празднества, было не менѣе пятидесяти фунтовъ вѣсомъ ⁽²⁾. Увидѣвъ его, вѣ присутствовавшіе вскричали отъ удивленія предъ цѣнностью матеріала и красотой отдѣлки. Король, молча, наслаждался нѣсколько времени удовольствіемъ, которое доставляли ему эти похвалы, и потомъ сказалъ съ гордымъ и самодовольнымъ выраженіемъ: «Я это сдѣлалъ для увеличенія славы и блеска франкскаго народа, и если Богъ продлитъ жизнь мою, то многое и еще сдѣлаю» ⁽³⁾.

Совѣтникомъ и повѣршеннымъ Гильперика въ его предположеніяхъ, касавшихся царственной пышности или покупки дорогихъ вещей, былъ парижскій Еврей, по имени Прискъ. Онъ также находился тогда въ Ножанѣ; король очень любилъ его, часто призывалъ къ себѣ и даже снисходилъ въ обращеніи съ нимъ до нѣкоторой короткости ⁽⁴⁾. Посвятивъ нѣсколько времени надзору за работами и осмотру сельскихъ произведеній въ своемъ обширномъ помѣстьѣ на Марнѣ, Гильперикъ вздумалъ переѣхать въ Парижъ и поселиться въ древнемъ императорскомъ дворцѣ, остатки котораго существуютъ донынѣ на лѣвомъ берегу Сены. Въ день отъѣзда, когда король отдавалъ уже приказаніе запрягать повозки съ поклажей, за которыми намѣренъ былъ слѣдовать самъ верхомъ съ своими людьми, епископъ Григорій явился къ нему откланиваться, и пока онъ прощался, прибылъ на поклонъ также и Еврей Прискъ ⁽⁵⁾. Гильперикъ, бывшій въ тотъ день въ веселомъ расположеніи духа, взялъ, шутя, Еврея за волосы и, слегка наклоня ему голову, сказалъ Григорію: «Прійди, пастырь Божій, и возложи на него руки» ⁽⁶⁾.

Такъ-какъ Прискъ оборонялся и съ ужасомъ отступалъ отъ благословенія, которое, по его вѣрѣ, сдѣлаю бы его виновнымъ въ святотатствѣ, то король сказалъ ему: «О! тупой разумъ, невѣрное племя, не

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., lib. XI, стр. 259.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid., стр. 267.

⁽⁵⁾ Ibid.

⁽⁶⁾ Ibid., lib. VI, т. II, стр. 267.

«постигающее Сына Божія, обѣтованнаго ему устами его же пророковъ, не постигающее таинство церкви, изображаемыхъ ея требамъ» (1). Сказавъ это, онъ выпустилъ изъ рукъ волосы Еврея, который, тотчасъ же, оправясь отъ испуга и отвѣчая нападкой за нападку, возразилъ: «Богъ не вступаетъ въ бракъ, не имѣетъ въ томъ нужды, отъ Него не родится потомство, Онъ не терпитъ раздѣленія власти, Онъ, рекшій устами Моисея: Виждь, виждь, Я Господь, и нѣтъ другаго Бога кромѣ Меня! Я навожу смерть и даю жизнь, Я погубляю и исцѣляю» (2).

Ни мало не оскорбляясь такою смѣлостью рѣчей, король Гильерикъ былъ восхищенъ тѣмъ, что шутка его дала ему поводъ блеснуть въ правильномъ спорѣ своими богословскими познаніями, чистыми на этотъ разъ отъ всякой ереси. Принявъ важный видъ и спокойный тонъ духовнаго наставника, поучающаго оглашенныхъ, онъ отвѣчалъ: «Богъ отъ вѣка духовно родилъ Сына, Который ни юнѣ его времени, ни слабѣе мощью, о Которомъ Самъ Онъ глаголетъ: *Изъ чрева прежде денницы родихъ тя* (3). Сына сего, прежде вѣкъ рожденнаго, послалъ Онъ, въ послѣдніе вѣки, въ міръ, для исцѣленія его, какъ говоритъ пророкъ твой: *Посла слово свое и исцѣли я* (4). Если ты утверждаешь, что Онъ не рождаетъ, то послушай, что сказуетъ пророкъ твой, говоря о Господѣ: *Не се ли азъ родящую сотворихъ* (5). Но подъ этимъ разумѣетъ Онъ народъ, который долженъ возродиться въ Немъ вѣрою (6). Еврей, все болѣе и болѣе ободряемый споромъ, возразилъ: «Возможно ли, чтобъ Богъ сдѣлался человекомъ, чтобы родился отъ женщины, претерпѣлъ біеніе лозами и былъ приговоренъ къ смерти (7)?»

Это возраженіе коснулось одной изъ слабѣйшихъ сторонъ разума короля; онъ казался удивленнымъ и, не зная, что отвѣчать, хранилъ молчаніе. Пришло время вступиться турецкому епископу (8): «Если «Сынъ Божій» сказаѣтъ онъ Приску: «если Самъ Богъ пріялъ плоть человѣческую, то ради лишь насъ, а отнюдь не ради Своей нужды; «ибо Онъ могъ искупить человека отъ цѣпей грѣховныхъ и рабства діавольскаго, только облекшись въ человечество. Не изберу свидѣтельствъ моихъ изъ Евангелія и апостоловъ, которымъ ты не вѣришь, «но изъ твоихъ же книгъ, дабы поразить тебя собственнымъ мечемъ твоимъ, какъ древле, глаголятъ, убилъ Давидъ Голіаѳа (9). Познай же «отъ одного изъ твоихъ пророковъ, что Господь долженъ былъ явить-ся въ человѣческомъ образѣ: Богъ есть человекъ, говоритъ онъ, и

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., lib. VI, т. II, стр. 267.

(2) Ibid.

(3) Псалтирь 109 — 3.

(4) Псалтирь 106 — 20.

(5) Псалм., 66 — 9.

(6) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 267.

(7) Ibid.

(8) Ibid.

(9) Ibid.

«кто сего не знает? А въ другомъ мѣстѣ: *Сей Богъ нашъ не вѣмъ-
«нися инѣ къ нему. Изобрѣте всякъ путь хитрости, и даде ю Га-
«кову, отроку своему, и Израилю возлюбленному отъ него. Посемъ
«на земли явился и съ челоѣвки пожиле (1). О томъ, что Онъ родился
«отъ Дѣвы, слушай также пророка своего, глаголящаго: Се дѣва во
«чреѣ зачнетъ и родитъ сына, и наречеша имя ему Еммануилъ,
«что значитъ Господь съ нами (2). А что онъ долженъ быть избѣненъ
«лозми, истерзанъ гвоздми и подвергнутъ инымъ позорнымъ истязаніямъ,
«другой пророкъ сказалъ: *Исхоташи руцѣ мои и позѣ мои,
«раздѣлиши ризы моя себѣ (3). И еще: И даша въ спѣдь мою желчи
«и въ жажду мою напоиша мя оцта (4).»**

«Но» возразилъ Еврей: «что заставляло Бога терпѣть такіа страсти?»
Епископъ могъ видѣть изъ этого вопроса, что его не поняли, или мо-
жетъ-быть худо слушали; однако онъ продолжалъ, не обнаруживъ
ни малѣйшаго нетерпѣнія (5): «Я уже сказалъ тебѣ, что Богъ сотво-
рилъ челоѣка невиннымъ, но, опутанный хитростью змія, челоѣкъ
нарушилъ заѣтъ Господа и за эту вину свою, изгнанный изъ райска-
го жилища, подвергся трудамъ міра сего. Смертію Христа, Едино-
роднаго Сына Божія, примиренъ былъ онъ съ Богомъ-Отцомъ (6).»

«Но» снова возразилъ Еврей: «развѣ Богъ не могъ послать проро-
ковъ или апостоловъ, для возвращенія челоѣка на путь спасенія, не
«унижая Себя воплощеніемъ?» (7) — Епископъ, сохраняя свое спокой-
ствіе и важность, отвѣтствовалъ: «Родъ челоѣческій не переставалъ
«грѣшить съ самаго начала: ни вѣды потопа, ни огонь содомскій, ни
«язвы египетскія, ни чудо; разверзшее хлѣби Чермнаго Моря и Іор-
«дана, ничто не могло утѣшить его. Онъ вѣчно противился закону
«Господа, не вѣрилъ пророкамъ, и мало того, что не вѣрилъ, но даже
«предалъ смерти тѣхъ, кто проповѣдывалъ ему о покаяніи. И такъ,
«если бы Самъ Богъ не снизшелъ искупить его, никто другой не могъ
«бы совершить подвигъ спасенія (8). Мы возродились Его рожденіемъ,
«омылись Его крещеніемъ, исцѣлились Его ранами, возстали Его
«воскресеніемъ, прославились Его вознесеніемъ, и дабы разумѣли мы,
«что Онъ явился для уврачеванія нашихъ недуговъ, одинъ изъ твоихъ
«пророковъ сказалъ: *Язвою его мы исцѣлѣхомъ (9). А въ другомъ
«мѣстѣ: Сей грѣхъ наша носитъ и о насъ болѣзнуетъ; той же яз-
«венъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша (10).
«И еще: Яко овца на заколеніе ведется, и яко агнецъ предъ стригу-
«щими его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ. Яко*

(1) Варухъ III, 36—37—38.

(2) Исаія VII, 14.

(3) Псалтирь XXI, 17 — 19.

(4) Ibid., LXVIII, 22.

(5) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 268.

(6) Ibid.

(7) Ibid.

(8) Ibid.

(9) Исаія 53—5.

(10) Ibid. 4—7.

«вземлется отъ земли животъ его, во смиреніи его судъ его взятъ». Родъ же его кто исповѣсть? Господь Саваоѣхъ имя ему ⁽¹⁾. «Самъ Іаковъ, отъ котораго ты хвалишься происхожденіемъ, благо-«словляя сына своего Іуду, сказалъ ему, какъ будто говорилъ Христу, «Сыну Божію: *Поклонятся тебѣ сынове отца твоего. Скименъ «львовъ Іуда; отъ льторосли сыне мой возшелъ еси, возлежъ уснулъ «еси яко левъ и яко скимень: кто возбудитъ его* ⁽²⁾?...»

Эта рѣчь, запечатлѣнная величіемъ, не произвела никакого дѣйствія на умъ Еврея Приска; онъ пересталъ поддерживать споръ, но нисколько не казался поколебленнымъ ⁽³⁾. Когда король замѣтилъ, что онъ молчалъ съ видомъ челоѣка, не желающаго ни въ чемъ уступить, то обратился къ турецкому епископу и сказалъ: «Святой пастырь, пусть мнѣ «пусть несчастнаго твое благословеніе; я же скажу тебѣ, какъ Іаковъ «сказалъ ангелу, бесѣдовавшему съ нимъ: Не пущу тебѣ, аще не «благословиши мене» ⁽⁴⁾. Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ не безъ пріятности и достоинства, Гильперикъ спросилъ воды для омовенія рукъ себѣ и епископу, и когда они оба омылись, то Григорій, возложивъ правую руку на главу короля, благословилъ его во имя Отца и Сына и Святаго Духа ⁽⁵⁾.

Тутъ же стояли на столѣ хлѣбъ, вино, а вѣроятно и разныя другія яства, назначенныя для угощенія знатныхъ особъ, приходившихъ откланиваться къ отѣзжавшему королю. По обычаю франкской вѣжливости, Гильперикъ пригласилъ турецкаго епископа не оставлять его, не отвѣдавъ чего нибудь со стола. Епископъ взялъ хлѣбъ, осынилъ его крестнымъ знаменіемъ и, переломивъ на двѣ части, одну оставилъ себѣ, а другую подалъ королю, который вкусилъ стоя. Потомъ оба пили себѣ вина и отпили вмѣстѣ на прощанье ⁽⁶⁾. Епископъ распорядился объ отѣздѣ въ свою епархію; король сѣлъ на лошадь, окруженный своими людьми и слугами, и провожалъ вмѣстѣ съ ними крытую повозку, въ которой ѣхали королева и дочь ея, Ригонта. Семейство нейстрійскаго короля, нѣкогда многочисленное, состояло тогда только изъ этихъ двухъ женщинъ. Оба сына Гильперика и Фредегонды умерли въ предшествовавшемъ году, похищенные заразою; послѣдній изъ сыновей Авдоверы погибъ почти въ то же время кровавою смертію, мрачныя подробности которой будутъ предметомъ послѣдующаго разсказа ⁽⁷⁾.

Религіозное преніе, такъ странно вызванное шуткой, оставило, по видимому, сильное впечатлѣніе въ умѣ короля Гильперика. Во время пребыванія своего въ Парижѣ, онъ не переставалъ предаваться глубокимъ размышленіямъ о невозможности убѣдить Евреевъ и привлечь

(1) Псалмъ 54—5.

(2) Кн. Бытія, 49, 8 и 9.

(3) Greg. Turon., Hist. Franc., lib. VI, т. II, стр. 268

(4) Ibid. — Кн. Бытія, 32 — 26.

(5) Ibid.

(6) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 268.

(7) Ibid.

ихъ, словопреніемъ, въ лоно церкви. Эти размышленія занимали его даже среди великихъ политическихъ распрій и заботъ завоевательной войны, которую велъ онъ на югъ ⁽¹⁾; послѣдствіемъ того былъ королевскій указъ 582 года, повелѣвавшій креститься всѣмъ Евреямъ, жившимъ въ Парижѣ. Это приказаніе, данное на имя графа или судьи города, и написанное по обыкновенной формѣ, оканчивалось изрѣченіемъ, придуманнымъ королемъ, — изрѣченіемъ по-истинѣ варварскимъ, которое онъ привыкъ употреблять, иногда въ видѣ угрозы, иногда съ твердымъ намѣреніемъ исполнить его буквально: «*Если кто ослушается нашихъ повелѣній, то накажемъ его, выколовъ ему глаза* ⁽²⁾.»

Объятые ужасомъ, Евреи повиновались и шли въ церковь внимать христіанскому поученію. Король, изъ пустаго тщеславія, не только самъ присутствовалъ, съ великою пышностью, при торжествѣ ихъ крещенія ⁽³⁾, но былъ даже воспріемникомъ многихъ изъ числа этихъ обращенныхъ насильно. Одинъ человекъ однако дерзнулъ ему воспротивиться и отказаться отъ отступничества; это былъ тотъ самый Прискъ, который такъ упорно спорилъ. Гильперикъ явилъ терпѣливость; онъ снова пытался убѣдить мудрствующій умъ Еврея, его оспоривавшаго ⁽⁴⁾; но послѣ бесполезнаго увѣщанія, увидѣвъ безсиліе своего краснорѣчія, вскричалъ съ гнѣвомъ: «Если онъ не хочетъ вѣровать по доброй волѣ, то я силой заставлю его увѣровать ⁽⁵⁾.» Еврей Прискъ, вверженный въ темницу, не терялъ бодрости; искусно воспользовавшись тонкимъ знаніемъ королевскаго характера, онъ затронулъ его слабую сторону и предложилъ ему богатые дары, съ условіемъ получить въ замѣнъ того кратковременную отсрочку. «Сынъ мой» говорилъ онъ: «долженъ въ скоромъ времени вступить въ супружество съ Еврейкою изъ Марсели; мнѣ нужно совершить только этотъ бракъ, послѣ чего я покорюсь, какъ и другіе, и перемѣню вѣру ⁽⁶⁾.» Справедливъ ли былъ предлогъ и искренно ли обѣщаніе, Гильперикъ о томъ не заботился; прелесть золота въ мигъ укротила въ немъ ревность къ обращенію въ православіе, и онъ приказалъ освободить своего торгаша. Такимъ образомъ одинъ Прискъ остался твердымъ и чистымъ совѣстью въ кругу своихъ единовѣрцевъ, которые, колеблясь между угрызеніями и страхомъ, собирались втайнѣ праздновать субботу, а на другой день присутствовали при христіанскомъ церковнослуженіи ⁽⁷⁾.

Въ числѣ тѣхъ новообращенныхъ, которыхъ король Гильперикъ удостоилъ чести быть духовнымъ отцемъ, былъ иъкто Фатиръ, родомъ изъ Бургундскаго Королевства, въ недавнее время поселившійся въ Парижѣ. Мрачный характеромъ, едва отступилъ онъ отъ вѣры своихъ

(1) См. выше, Разказы III и V.

(2) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 275 и 291.

(3) Ibid., стр. 275.

(4) Ibid. — стр. 276.

(5) Ibid.

(6) Ibid.

(7) Ibid., стр. 275—276.

мредковъ, какъ почувствовалъ глубокое раскаяніе; позоръ, въ который, какъ ему казалось, онъ себя повергнулъ, вскорѣ сдѣлался для него невыносимымъ. Вся горечь размышленій его превратилась въ жестокую зависть къ Приску, болѣе его счастливому, который могъ величаться, что остался чистъ отъ стыда и мученій, терзающихъ сердце отступника ⁽¹⁾. Эта ненависть, питаемая въ тиши, возрасла до изступленія, и Фатиръ рѣшился умертвить того, чьему счастьемъ завидовалъ. Всякій субботній день Прискъ отправлялся тайно исполнять обряды іудейскаго богослуженія въ одинъ отдаленный домъ, находившійся къ югу отъ города, на одной изъ двухъ римскихъ дорогъ, сходящихся по близости небольшого моста. Фатиръ вознамѣрился ждать его на пути и, взявъ съ собою рабовъ, вооруженныхъ кинжалами и мечами, расположился въ засадѣ на паперти базилики святаго Юліана. Несчастный Прискъ, ничего не подозревая, шелъ своей дорогой; по обычаю Евреевъ, отправлявшихся въ храмъ, онъ не имѣлъ на себѣ никакого оружія и подпоясавшись покрываломъ, которымъ долженъ былъ накрыть голову во время молитвы и пѣнія псалмовъ ⁽²⁾. Его сопровождали нѣкоторые изъ друзей, но такъ же, какъ и онъ, безоружные. Лишь только Фатиръ увидѣлъ ихъ въ близкомъ отъ себя разстояніи, какъ напалъ на нихъ съ мечемъ въ рукахъ, предводя своими рабами, которые, одушевляясь яростью своего господина, рубили безъ разбора и равно ушивались кровію Приска и друзей его. Послѣ того, бросаясь въ самое близкое и надежное убѣжище, убійцы укрылись все вмѣстѣ въ базиликѣ св. Юліана ⁽³⁾.

Отъ-того ли, что Прискъ пользовался у жителей Парижа большимъ уваженіемъ, или одного вида труповъ, разбросанныхъ на мостовой, достаточно было для возбужденія общаго негодованія, только народъ сбѣжался на мѣсто преступленія и значительная толпа, требуя смерти убійцъ, окружила со всѣхъ сторонъ базилику. Причетники, составлявшіе церковную стражу, такъ перепугались, что тотчасъ же послали въ королевскій дворецъ, прося помощи и наставленія, какъ дѣйствовать. Гильперикъ велѣлъ отвѣчать, что желаетъ, дабы жизнь крестнаго его сына, Фатира, была спасена, но что все рабы должны быть изгнаны изъ обители и казнены смертію. Рабы эти, вѣрные до конца господину, которому служили въ добръ и злѣ, безъ ропота видѣли, какъ онъ убѣжалъ одинъ, при пособіи церковниковъ, и приготовились къ смерти ⁽⁴⁾. Въ избѣжаніе истязаній, которыми грозилъ имъ народный гнѣвъ, и пытки, которая, по судебному порядку, должна была предшествовать казни, они единогласно положили, что одинъ изъ нихъ умертвить всѣхъ другихъ и потомъ поразитъ самого себя, и избрали того, кто долженъ былъ исполнить обязанность палача. Рабъ, совершитель общей воли, поразилъ своихъ товарищей; одного за другимъ; но когда остался одинъ, то поколебался направить желѣзо на собственную свою

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 276.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

(4) Ibid.

грудь⁽¹⁾. Неясная надежда на спасеніе, или мысль продать свою жизнь по-крайней-мѣрѣ за дорогую цѣну, побудила его выбѣжать изъ базилики въ средину собравшагося народа. Размахивая мечемъ, еще покрытымъ кровью, онъ пытался пробиться сквозь толпу; но послѣ кратковременной борьбы былъ подавленъ числомъ и погибъ, тяжело изувѣченный⁽²⁾. Фатиръ, для собственной безопасности, выпросилъ у короля дозволеніе возвратиться въ страну, изъ которой прибылъ; онъ отправился въ королевство Гонтрана, но присковы родные пустились по его слѣдамъ, настигли и смертію его отмстили убійство своего родственника⁽³⁾.

Между-тѣмъ, пока это происходило въ Парижѣ, неожиданное происшествіе взволновало, въ концѣ 582 года, городъ Туръ, уже три года наслаждавшійся миромъ подъ управленіемъ новаго своего графа, Евномія. Тамъ снова явился Левдасть, бывшій графъ, и не таинственно, а явно, съ обычною своею самоувѣренностью и кичливостью. Онъ имѣлъ при себѣ королевскій указъ, которымъ дано было ему право возвратиться изъ ссылки жену, вступить въ обладаніе недвижимымъ имуществомъ и жить въ прежнемъ своемъ домѣ⁽⁴⁾. Этою милостью, казавшеюся ему первымъ шагомъ къ новому возвышенію, онъ обязанъ былъ ходатайству многочисленныхъ друзей своихъ при дворѣ, изъ числа вождей франкского племени, сочувствовавшихъ ему по буйству характера. Въ-продолженіи почти двухъ лѣтъ они не переставали докучать настояніями своими, то королю Гильперіку, то членамъ брэнскаго собора, то самой Фредегондѣ, сдѣлавшейся доступнѣе по смерти обоихъ сыновей, дотолъ обезпечивавшихъ ея участь. Уступая необходимости пріобрѣсти народность и заглушая, ради нужды, свою ненависть и жажду мщенія, она съ своей стороны согласилась на снятіе съ челоуѣка, обвинявшаго ее въ прелюбодѣянн, отлученія, надъ нимъ тяготѣвшаго. Пользуясь этимъ обѣщаніемъ забвенія и помилованія; друзья Левдаста стали еще усиленнѣе ходатайствовать у епископовъ. Они ходили отъ одного къ другому, прося скрѣпить бумагу, въ которой, въ видѣ пастырскаго посланія, было написано, что осужденный по брэнскому приговору можетъ быть снова принятъ въ лоно церкви и допущенъ къ христіанскому причащенію. Имъ удалось такимъ образомъ получить согласіе и собрать подписи довольно большаго числа епископовъ; но, или по какой-то осторожности, или изъ опасенія неудачи, не было сдѣлано никакого сношенія съ тѣмъ, кого Левдасть хотѣлъ погубить своимъ живымъ обвиненіемъ.

Отъ этого и Григорій крайне удивился, узнавъ, что злѣйшій врагъ его, отлученный соборомъ и изгнанный королемъ, возвратился, съ милостивымъ указомъ, на жительство въ турецкую землю. Онъ былъ изумленъ еще болѣе, когда посланный отъ Левдаста представилъ ему бумагу, скрѣпленную епископами и просилъ его согласиться съ ними на

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 276.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

(4) Ibid., стр. 282.

снятіе съ него отлученія ⁽¹⁾. Подозрѣвая какой-нибудь новый ковъ, изобрѣтенный съ цѣлю опутать его, Григорій сказалъ посланному: «Моженъ ли показать мнѣ также письмо королевы, за которую пре-
«имущественно онъ былъ лишенъ христіанскаго причащенія?» Отвѣтъ
былъ отрицательный, и Григорій продолжалъ: «Когда я увижу повелѣ-
«ніе королевы, тогда немедленно допущу его къ причащенію» ⁽²⁾.
Благоразумный епископъ не довольствовался этими словами; онъ от-
правилъ нарочнаго осведомиться, отъ своего имени, на счетъ подлин-
ности представленной ему бумаги и намѣреній королевы Фредегонды.
Она отвѣчала на его вопросы письменно, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:
«Понуждаемая множествомъ лицъ, я не могла не дозволить ему от-
«правиться въ Туръ; нынѣ прошу тебя не соглашаться на примиреніе
«съ нимъ и не давать ему изъ рукъ твоихъ евогій, пока мы оконча-
«тельно не придумаемъ, какъ поступить лучше» ⁽³⁾.

Епископъ Григорій зналъ языкъ Фредегонды; онъ ясно видѣлъ, что
она помышляла не о прощеніи, но о мести и убійствѣ ⁽⁴⁾. Забывая лич-
ныя свои оскорбленія, онъ сжалился надъ человѣкомъ, который нѣког-
да замышлялъ его погибель, а нынѣ самъ себя предавалъ, по недостат-
ку разсудительности и благоразумія. Онъ призвалъ къ себѣ левдасто-
ва тестя и, показавъ ему записку злобщей краткости, убѣждалъ упо-
требить осторожность и присовѣтывать зятю снова укрываться, пока онъ
вполнѣ не увѣрится въ смягченіи королевы ⁽⁵⁾. Но этотъ совѣтъ, вну-
шенный евангельскою любовью, былъ и не понятъ и дурно принятъ.
Левдастъ, судя о другихъ по самому себѣ, вообразилъ, что человѣкъ,
которому онъ былъ врагомъ, могъ только думать о томъ, какъ бы раз-
ставить ему сѣти или обмануть его. Въмѣсто того, чтобы явиться болѣе
осмотрительнымъ, онъ какъ-будто принялъ совѣтъ въ обратномъ смы-
слѣ, и перейдя отъ безпечности къ самой дерзкой отвагѣ, рѣшился
представиться лично королю Гильперіку. Онъ выѣхалъ изъ Тура въ по-
ловицѣ 583 года и отправился по дорогѣ къ городу Мелёну, который въ
то время король лично держалъ въ осадѣ ⁽⁶⁾.

Эта осада была только введеніемъ къ полному вторженію во владѣнія
короля Гонтрана, задуманному Гильперікомъ съ тѣхъ-поръ, когда преж-
нія честолюбивыя желанія его осуществились завоеваніемъ почти всѣхъ
аквитанскихъ городовъ. Сдѣлавшись, менѣе нежели въ шесть лѣтъ, при
помощи воинскихъ дарованій Галло-Римлянина Дезидерія ⁽⁷⁾, единствен-
нымъ обладателемъ обширнаго пространства земель, лежавшихъ меж-
ду южными предѣлами Берри, Луарою, Оксаномъ, Пиренеями, Одою и
Севернами, онъ задумалъ, можетъ-быть, по внушенію того же отваж-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 282.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid. О раздачѣ евогій отлученнымъ отъ церкви;—см. выше, Разсказъ третій.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ См. выше, Разсказъ третій.

⁽⁶⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 282.

⁽⁷⁾ См. выше, Разсказъ третій.

наго война, еще болѣе смѣлое предпріятіе присоединить къ нейстрійскимъ провинціямъ цѣлое королевство Бургондовъ. Для обезпеченія успѣха въ этомъ трудномъ дѣлѣ, онъ завелъ козни съ главнѣйшими вельможами Австразіи, многихъ подкунилъ и принялъ посольство, отправленное ими для заключенія съ нимъ, отъ имени юнаго короля Гильдеберта, наступательнаго союза противъ Гонтраиа (1). Договоръ былъ составленъ и подтвержденъ взаимными клятвами въ первыхъ мѣсяцахъ 583 года; вслѣдъ за тѣмъ король Гильперикъ собралъ войско и началъ съ своей стороны войну, не дожидаясь дѣйствительнаго содѣйствія австразійскихъ силъ (2).

Планъ его дѣйствій, въ которомъ замѣтно было внушеніе ума болѣе высокаго, нежели его собственный, и новый плодъ совѣтовъ искуснаго галлоримскаго вождя, состоялъ въ предварительномъ покореніи, внезапнымъ нападеніемъ, двухъ главнѣйшихъ пунктовъ восточной границы королевства Бургондовъ, города Буржа и замка Мелёна. Король самъ хотѣлъ придвигать армію, назначенную на этотъ второй пунктъ, а дѣйствія противъ Буржа, съ многочисленнымъ войскомъ, набраннымъ на югъ отъ Луары, предоставилъ Деизидерію, котораго сдѣлалъ тулузскимъ герцогомъ. Повелѣніе, присланное изъ нейстрійскаго приказа къ герцогамъ тулузскому, пуатьескому и бордоскому, о всеобщемъ вооруженіи земскаго ополченія ихъ провинцій, отличалось необыкновенно выразительною краткостію: «Вступите въ буржскую землю и, достигнувъ города, заставьте его «присягнуть на вѣрность моему имени (3)».

Пуатьескій герцогъ, Берульфъ, призвалъ къ войнѣ Пуату, Турень, Анжу и Нантскій Округъ; Власть, герцогъ бордоскій, вооружилъ жителей обоихъ береговъ Гаронны, а герцогъ тулузскій, Деизидерій, собралъ подъ своими знаменами вольныхъ людей изъ окрестностей Тулузы, Альби, Кагора и Лиможа. Эти послѣдніе два вождя, соединивъ свои силы, вступили въ Берри съ юга, а герцогъ Берульфъ съ запада (4). Обѣ наступательныя арміи состояли почти исключительно изъ людей галло-римскаго племени; одна изъ южныхъ, бывшая подъ начальствомъ Деизидерія, лучшаго изъ нейстрійскихъ вождей, опередила другую, и, не смотря на предстоявшій ей далекій путь, первая достигла буржскихъ предѣловъ. Узнавъ о приближеніи непріятеля, жители Буржа и его округа не устрашилися грозившей имъ опасности. Городъ ихъ, когда-то одинъ изъ самыхъ могущественныхъ и воинственныхъ въ Галліи, сохранялъ древнія преданія о своей славѣ и доблести, и съ этой народной гордостію связывалъ воспоминанія о значеніи своемъ подъ римскимъ управленіемъ, какъ главнаго города провинціи, о великолѣпії своихъ общественныхъ памятниковъ и знатности сенаторскихъ семействъ.

Такой городъ, хотя и былъ въ упадкѣ со времени владычества варва-

(1) См. выше, разсказъ третій, стр. 281.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

(4) Ibid.

ровъ, однако могъ представить доказательства своей силы, и не легко было принудить его къ тому, чего онъ не желалъ самъ. Потому ли, что о правленіи Гильперика шла дурная слава, или потому, что буржскіе граждане не хотѣли переходить изъ одной власти подъ другую, только они твердо стояли за ту, которой были подчинены со времени сліянія прежняго Орлеанскаго Королевства съ королевствомъ Бургундовъ. Рѣшась не только выдержать осаду, но даже идти на встрѣчу непріятеля, они выслали изъ города пятнадцать тысячъ ратниковъ въ полномъ боевомъ вооруженіи (1).

Это войско встрѣтило, въ нѣсколькихъ лѣ къ югу отъ Буржа, армію Дезидерія и Бладаста, несравненно сильнѣйшую и сверхъ того превосходившую искусствомъ главнаго предводителя. Не смотря на такіе невыгоды, Беррійцы не поколебались принять битву; они стояли твердо и бой былъ такъ кровопролитенъ, что погибло, по слухамъ, до семи тысячъ человекъ съ той и другой стороны (2). Сначала отступившіе назадъ, южные одолѣли подъ конецъ численнымъ превосходствомъ. Гоня передъ собою остатки побѣжденнаго войска, они продолжали идти на Буржъ и, словно варварскія орды, предавали разоренію все, встрѣчавшееся на дорогѣ: они жгли дома, грабили церкви, вырывали виноградныя лозы и срубали на корню деревья. Такимъ образомъ дошли они до стѣнъ Буржа, подъ которыми присоединилась къ нимъ армія Берульфа (3). Городъ былъ запертъ и пораженіе гражданъ въ открытомъ полѣ не сдѣлало его ни менѣе гордымъ, ни болѣе расположеннымъ къ сдачѣ на предложенія нейстрійскихъ вождей. Дезидерій и оба его сподвижника обложили городъ со всѣхъ сторонъ и, по забытымъ преданіямъ римскаго военнаго искусства, начали проводить свои линіи и строить осадныя машины (4).

Сборнымъ мѣстомъ для войска, которое должно было дѣйствовать противъ Мелёна, назначенъ былъ городъ Парижъ; въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ оно стекалось туда со всѣхъ сторонъ и причиняло жителямъ всякаго рода убытки и притѣсненія (5). Въ этой арміи, набранной на сѣверѣ и въ среднѣхъ Нейстріи, большинство составляли люди франкскаго происхожденія, а туземное галльское племя было въ меньшемъ числѣ. Когда Гильперикъ увѣрился, что собралъ довольно народа, то отдалъ приказъ къ выступленію и пошелъ, въ главѣ своей дружины, по юго-восточной римской дорогѣ. Войска слѣдовали вдоль по лѣвому берегу Сены, которая, въ недалекомъ разстояніи отъ Парижа, принадлежала королевству Гонтрана. Они шли безпорядочно и нестройно, разсыпаясь вправо и влево для грабежей и захватывательствъ; расхищали имущество въ домахъ, скотъ, лошадей и лю-

(1) См. выше, рассказъ третій, стр. 281.

(2) Ibid.

(3) Ibid., стр. 281 — 282.

(4) *Adriani Valesii, rer. franc., lib. XI, стр. 137.*

(5) *Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 281.*

дей, которыхъ, связавъ попарно, гнали, какъ военнопленныхъ, позади длинной вереницы повозокъ ⁽¹⁾.

Разореніе простиралось на села, лежавшія къ югу отъ Парижа, отъ Этампа до Мелёна, и продолжалось въ окрестностяхъ сего послѣдняго города, когда нейстрійскія дружины остановились осаждать его. Подъ руководствомъ такого неопытнаго вождя, каковъ былъ Гильперикъ, осада эта не могла не быть продолжительною. Мелёнскій замокъ, построенный, подобно Парижу, на островѣ Сены, считался тогда, по своему положенію, весьма крѣпкимъ мѣстомъ; онъ былъ почти безопасенъ отъ ярыхъ, но неискусныхъ нападеній скопища людей, незнакомыхъ съ осадными работами, и только способныхъ на то, чтобы подѣхать къ нему на лодкахъ и отважно сразиться подъ его стѣнами. Дни и мѣсяцы проходили въ бесполезно возобновляемыхъ попыткахъ къ приступу, на которыхъ франкскіе воины, конечно, совершили многіе подвиги, но наконецъ потеряли терпѣніе. Скучая продолжительною стоякой, они все болѣе и болѣе выходили изъ повиновенія, пренебрегали службой и дѣятельно занимались только развѣздами для стяжанія добычи ⁽²⁾.

Таковъ былъ духъ арміи, стоявшей подъ Мелёномъ, когда Левдасть, съ надеждою и увѣренностію, прибылъ въ главную квартиру короля Гильперика. Онъ былъ радушно принятъ людьми, которые снова нашли въ немъ стараго сотоварища, храбраго въ битвѣ, веселаго за столомъ и смѣлаго въ игрѣ; но когда онъ пытался получить доступъ къ особѣ короля, то всѣ его просьбы и даже ходатайства самыхъ знатныхъ и сильныхъ друзей были отвергнуты. Когда гнѣвъ Гильперика утихалъ и не страдали его матеріальныя выгоды, тогда онъ легко прощалъ оскорбленія, и потому, вѣроятно, уступилъ бы просьбамъ окружавшихъ и допустилъ къ себѣ обвинителя Фредегонды, еслибъ не былъ удерживаемъ боязнію разгнѣвать королеву и навлечь на себя ея упреки. Бывшій графъ турскій, тщетно прибѣгавшій къ посредничеству владѣтелей и вождей, рѣшился на другое средство: приобрѣсть любовь писшихъ рядовъ арміи и возбудить въ свою пользу участіе многолюдства ⁽³⁾.

Благодаря самымъ недостаткамъ его характера, странной его причудливости и непреклонному хвастовству, онъ успѣлъ въ томъ совершенно и толпа, сдѣлавшаяся отъ праздности любопытною и склонною къ мятежу, скоро одушевилась самымъ пламеннымъ къ нему участіемъ. Когда, по его мнѣнію, настала пора испытать свою народность, то онъ потребовалъ, чтобы вся армія просила короля допустить его къ себѣ, и однажды, когда Гильперикъ объѣзжалъ ряды ставокъ, вдругъ раздалась въ ушахъ его эта просьба, произнесенная тысячею голосовъ ⁽⁴⁾. Ходатайство вооруженной толпы, нестройной и недоволь-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 281.

⁽²⁾ Adriani Valesii, rer. franc., lib. XI, стр. 157.

⁽³⁾ Ibid., стр. 160.

⁽⁴⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., lib. VI, т. II, стр. 282.

ной, было приказаніемъ: король согласился изъ опасенія, чтобы отказъ не возбудилъ мятежа, и объявилъ, что бременскій изгнанникъ можетъ ему представиться. Левдасть тотчасъ явился и палъ къ ногамъ короля, прося помилованія. Гильперикъ приказалъ ему встать, сказалъ, что искренно его прощаетъ, и примолвилъ съ видомъ почти отеческой благосклонности: «Веди себя благоразумно, пока я не увижусь съ королевой и она тебя не помиуетъ; ибо, ты знаешь, что она «въ правъ считать тебя весьма виноватымъ» (1).

Между-тѣмъ, слухъ о двойномъ нападеніи на Мелѣнъ и на Буржъ вывелъ короля Гонтрана изъ его бездѣйствія и невоинственной жизни. Со времени первыхъ побѣдъ Нейстрійцевъ въ Аквитаніи, онъ вспомоществовалъ городамъ своего удѣла только присылкою воеводъ, а самъ никогда не принималъ начальства надъ войскомъ. Угрожаемый прорывомъ западной своей границы въ двухъ различныхъ пунктахъ и вторженіемъ Нейстрійцевъ въ самое сердце своего королевства, онъ вознамѣрился лично идти на нейстрійскаго короля и вызвать его на рѣшительную битву, которая, по его убѣжденію, смѣшанному съ германскими преданіями и христіанскими понятіями, долженствовала быть судомъ Божиимъ. Онъ приготовился на это великое дѣло молитвою, постомъ и раздачею милостыни и, собравъ лучшія свои войска, пошелъ съ ними къ Мелѣну (2).

Въ недалекомъ разстояніи отъ этого города и становища Гильперика, Гонтранъ остановился, и какъ ни твердо было упованіе его въ небесное покровительство, однако, по влеченію свойственной ему осмотрительности, онъ хотѣлъ на свободѣ вывѣдать размѣщеніе и готовность непріятеля къ бою. Онъ не замедлилъ узнать о безпорядкѣ, парствовавшемъ въ станѣ Нейстрійцевъ, и о безопасности, съ какою содержалась въ немъ стража днемъ и ночью. Собравъ эти свѣдѣнія, Гонтранъ распорядился такъ, чтобы подойти какъ-можно-ближе къ осаждающему войску, не возбуждая его опасеній и бдительности; и однажды вечеромъ, когда не малая часть войска разсыялась въ полѣ для добыванія корма и для грабежа, пользуясь случаемъ, онъ произвелъ на оставленныя линіи внезапное и искусное нападеніе. Нейстрійскіе ратники, застигнутые въ своемъ станѣ въ такое время, когда менѣе всего помышляли о битвѣ, не могли выдержать удара нападающихъ, и толпы кормовщиковъ, возвращавшіяся по одиночкѣ, были изрублены наголову. Въ нѣсколько часовъ король Гонтранъ овладѣлъ полемъ битвы и такимъ образомъ одержалъ, какъ военачальникъ, свою первую и послѣднюю побѣду (3).

Не извѣстно, каково было участіе короля Гильперика въ этой кровавой схваткѣ; во время дѣла онъ, можетъ-быть, совершилъ чудеса храбрости, но послѣ пораженія, когда надлежало собрать остатки арміи и приготовить отплату, у него не достало рѣшимости. Такъ какъ онъ не

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 282.

(2) Ibid., стр. 282 и 347.

(3) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 282. — Aimoini, monachi Floriac. de gest. Franc., т. III, стр. 90.

былъ одаренъ прозорливостью, то малѣйшая неудача его смущала и внезапно лишала всякой бодрости и присутствія духа. Получивъ отъ-
вращеніе къ дѣлу, для котораго предпринялъ такое великое движеніе
войскъ, онъ помышлялъ только о мирѣ, и рано утромъ послѣ бѣдствен-
ной ночи послалъ къ королю Гонтрану просить примиренія. Гонтранъ,
всегда миролюбивый и нисколько не упоенный гордостью побѣды, самъ
питалъ одно только желаніе поскорѣ кончить раздоръ и возвратиться
къ спокойствію. Онъ отправилъ отъ себя пословъ, которые, встрѣтись
съ гильпериковыми, заключили съ ними мирный договоръ отъ имени
обоихъ королей ⁽¹⁾.

По этому договору, составленному на основаніи древнихъ герман-
скихъ обычаевъ, короли условливались между собою, не какъ незави-
симые государи, но какъ члены одного племени, подчиненные, не смо-
тря на свой санъ, высшей власти, — законамъ народнымъ. Они согласи-
лись положиться на судъ старшинъ, избранныхъ въ народѣ и духовен-
ствѣ, и обѣщали другъ другу, что тотъ изъ нихъ, кто будетъ уличенъ
въ нарушеніи закона, долженъ счесться съ *другимъ* и дать ему возна-
гражденіе *по приговору судей* ⁽²⁾. Чтобы согласить слова свои съ дѣ-
ломъ, нейстрійскій король немедленно отправилъ къ тремъ герцогамъ,
осаждавшимъ Буржъ, приказаніе снять осаду и очистить страну, самъ
же возвратился въ Парижъ съ своимъ войскомъ, сократившимся въ чи-
слѣ, со множествомъ раненныхъ, и не столь грознымъ съ вида, но такъ
же нестройнымъ и алчнымъ къ грабежу, какъ и прежде ⁽³⁾.

Такъ-какъ миръ былъ заключенъ, то возвратный путь предстоялъ
черезъ дружественныя земли; но нейстрійскіе ратники нисколько о
томъ не думали и снова начали по дорогѣ грабить, разорять и брать
плѣнниковъ. Но добросовѣстности ли, которая, впрочемъ, была не въ
характеръ Гильперика, или по запоздалому чувству потребности по-
рядка, король съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на этотъ разбой и рѣшил-
ся обуздать его. Переданное имъ всѣмъ начальникамъ дружинъ при-
казаніе наблюдать за своими людьми и строго ихъ удерживать, было
такъ необыкновенно, что встрѣтило сопротивленіе; франкскіе вожди
роптали и одинъ изъ нихъ, графъ руанскій, объявилъ, что никому не
воспретить того, что всегда было дозволено. Лишь-только за этими
словами послѣдовало дѣйствіе, какъ Гильперикъ внезапно обнаружилъ
энергію и приказалъ схватить графа и предать его смерти, для примѣ-
ра другимъ. Кромѣ того, онъ велѣлъ возвратитъ добычу и освободить
плѣнныхъ, — мѣры, которыя, бывъ приняты во-время, безъ сомнѣнія,
отвратили бы самую неудачу похода ⁽⁴⁾. Такимъ образомъ онъ возвра-
тился въ Парижъ болѣе властный надъ своимъ войскомъ и болѣе спо-
собный предводить имъ, нежели какимъ былъ при выступленіи; къ-не-
счастію—эти существенныя качества военачальника развились въ немъ

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 282. — Adriani Valesii rer. franc., lib. XI, стр. 158.

⁽²⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 282.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

не въ пору, потому-что въ то время онъ думалъ только о мирѣ. Жестокій урокъ мелёнской битвы положилъ конецъ его завоевательнымъ видамъ, и съ-тѣхъ-поръ онъ помышлялъ лишь о томъ, какъ удержать хитростію то, что приобрѣлъ силой.

Левдасть возвратился живъ и здоровъ и послѣдовалъ за королемъ въ Парижъ, гдѣ была тогда Фредегонда. Въместо того, чтобъ избѣгать этого опаснаго для него города, или только пройти его съ войскомъ, онъ тамъ остановился, надѣясь, что милостивое расположеніе мужа будетъ, въ случаѣ нужды, защитою противъ злобы жены ⁽¹⁾. Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ безъ большихъ предосторожностей, не видя ни угрозы, ни гоненія, онъ счелъ себя помилованнымъ королевою и полагалъ, что настало время ей представиться. Въ одно воскресенье, когда король и королева были вмѣстѣ у обѣдни въ парижскомъ соборѣ, Левдасть отправился въ церковь, прошелъ съ самымъ смѣлымъ видомъ сквозь толпу, окружавшую королевское мѣсто, и бросаясь въ ноги Фредегондѣ, вовсе не ожидавшей его видѣть, молилъ ее о прощеніи ⁽²⁾.

При такомъ внезапномъ появленіи челоуѣка, смертельно ей ненавистнаго, пришедшаго, какъ ей казалось, не просить у нея помилованія, но издѣваться надъ ея гнѣвомъ, королеву обвала сильнѣйшая досада. Краска выступила на лицѣ ея, слезы потекли по щекамъ и, бросивъ на мужа, неподвижно стоявшаго подлѣ нея, взглядъ, выразившій горькое презрѣніе, она вскричала: «Если нѣтъ болѣе у меня сыновей, на «которыхъ могла бы я возложить отмищеніе моихъ оскорбленій, то Те-«бѣ, Господи Иисусе, поручаю отмиститъ ихъ!» ⁽³⁾ Потомъ, какъ-бы въ послѣдній разъ обращаясь къ совѣсти того, чей долгъ былъ защищать ее, она бросилась въ ноги королю и говорила съ выраженіемъ сильной горести и оскорбленнаго достоинства: «Горе мнѣ, видящей врага своего и безсильной передъ нимъ» ⁽⁴⁾. Эта странная сцена взволновала всѣхъ присутствующихъ, въ особенности короля, на котораго падали всѣ упреки и укоры за слишкомъ-скорое прощеніе обиды, нанесенной его супругѣ. Чтобъ искупить свою преждевременную снисходительность, онъ приказалъ выгнать Левдаста изъ церкви, давъ себѣ слово предоставить его, безъ всякой жалости и защиты, мщенію Фредегонды. Когда стражи исполнили полученное ими приказаніе и волненіе утихло, тогда снова началось церковнослуженіе, на время прерванное, и продолжалось безъ новаго приключенія ⁽⁵⁾.

Выведенный изъ церкви и оставленный на произволъ бѣжать куда угодно, Левдасть не подумалъ воспользоваться такимъ счастьемъ, которымъ одолженъ былъ только поспѣшности, съ какою Гильперикъ отдалъ приказанія. Въместо того, чтобъ убѣдиться наконецъ въ опасности своего положенія, онъ вообразилъ, что неудача его у королевы произошла отъ того, что онъ плохо взялся за дѣло, такъ неожиданно ей

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 283.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ Ibid.

явившись, и что ему слѣдовало бы предупредить прошеніе свое какимъ-либо дорогимъ подаркомъ. Эта безразсудная мысль превозмогла въ немъ всѣ другія, и онъ рѣшился остаться въ городѣ и тотчасъ же побывать въ лавкахъ самыхъ знаменитыхъ мастеровъ золотыхъ дѣлъ и торговцевъ тканями ⁽¹⁾.

Подлѣ собора, на пути изъ церкви въ королевскій дворецъ, находилась обширная площадь вблизи отъ моста, соединявшаго оба берега южнаго рукава Сены. Эта площадь, назначенная для торгова, окружена была прилавками и кладовыми, въ которыхъ разложены были разнаго рода товары ⁽²⁾. Бывшій турецкій графъ ходилъ по площади, изъ одной лавки въ другую ⁽³⁾, разсматривалъ все съ любопытствомъ, представляя изъ себя богача, рассказывалъ о своихъ дѣлахъ и говорилъ предстоявшимъ: «Я понесъ большія потери, но у меня осталось еще много «золота и серебра». Потомъ, размышляя про себя, какъ знатокъ, что бы ему выбрать получше, онъ ощупывалъ ткани, примѣривалъ на себя драгоценныя каменья, взвѣшивалъ въ рукѣ дорогую посуду, и когда выборъ былъ сдѣланъ, то говорилъ громко и съ чванствомъ: «Это «хорошо; отложите въ сторону; я намѣренъ это все взять» ⁽⁴⁾.

Пока онъ торговалъ такимъ-образомъ разныя дорогія вещи, не заботясь о томъ, найдется ли, чѣмъ за нихъ заплатить, обѣдня кончилась и правовѣрные толпой вышли изъ церкви. Король и королева шли вмѣстѣ и, избравъ кратчайшую дорогу ко дворцу, переходили черезъ торговую площадь ⁽⁵⁾. Слѣдовавшая за ними свита и народъ, разступавшійся передъ ними, возвѣстили Левдасту ихъ шествіе; но это его не смутило и онъ продолжалъ разговаривать съ купцами подлѣ деревяннымъ навѣсомъ, окружавшимъ площадь и служившимъ какъ бы сѣнями для разныхъ лавокъ ⁽⁶⁾. Хотя Фредегонда не имѣла никакого повода ожидать тутъ съ нимъ встрѣчи, однако съ перваго взгляда, проницательнымъ, какъ у хищной птицы, взоромъ, она отличила своего врага въ толпѣ покупателей и гуляющихъ. Она прошла мимо, чтобъ не запугать челоуѣка, котораго хотѣла схватить навѣрное, но лишь-только ступила на порогъ дворца, какъ послала нѣсколькихъ челоуѣкъ изъ своихъ слугъ, храбрыхъ и ловкихъ, съ приказаніемъ подстеречь Левдаста, схватить его живаго и привести къ ней связаннаго ⁽⁷⁾.

Чтобы подойти къ нему, не внушая никакого опасенія, королевны

(1) Adriani Valesii, rer. franc., lib. XI, стр. 161.

(2) См. Dulaure, Histoire de Paris, томъ I-й.

(3) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 283.

(4) Ibid.

(5) Ibid.

(6) Ibid. — Отсутствіе всякаго признака римскихъ деревянныхъ пристроекъ позволяетъ предполагать, что всѣ строенія этой публичной площади были деревянные, что, впрочемъ, тогда было весьма обыкновенно въ сѣверныхъ городахъ Галліи. Деревянные постройки, часто употреблявшіяся для сооруженія церквей и другихъ значительныхъ зданій, не были лишены вкуса и искусства. См. Fortunati carmen de Domo lignea, т. X, стр. 583.

(7) Adriani Valesii, rer. franc., lib. XI, стр. 161.

слуги сложили своё оружіе, мечи и щиты, за однимъ изъ столбовъ навѣса; потомъ, условившись въ дѣйствіи, подошли къ Левдасту такимъ образомъ, что бѣгство и сопротивленіе были для него невозможны (1). Но планъ этотъ былъ дурно исполненъ, и одинъ изъ нихъ, отъ излишняго нетерпѣнія, бросился на Левдаста прежде, нежели другіе приблизились на столько, чтобъ окружить его и обездоружить. Бывшій турецкій графъ, угадывая угрожающую ему опасность, обнажилъ мечъ и ударилъ имъ напавшаго на него челоуѣка. Товарищи сего послѣдняго отступили на нѣсколько шаговъ и, сбѣгавъ за оружіемъ, снова приступили къ Левдасту, съ мечомъ въ рукѣ и щитомъ на плечѣ, распаленные на него гнѣвомъ и съ рѣшимостью не щадить его жизни (2). Окруженный со всѣхъ сторонъ, Левдастъ получилъ въ этой неравной борьбѣ ударъ мечомъ въ голову, сорвавшій волосы и кожу съ большей части черепа; но не смотря на рану, ему удалось отбѣснить бывшихъ передъ нимъ непріятелей, и онъ убѣжалъ, весь облитый кровью, къ мосту, надѣясь уйдти изъ города южными воротами (3).

Мостъ этотъ былъ деревянный и его разрушенное состояніе показывало или слабость городскихъ властей, или грабительство и лихоимство чиновниковъ королевской казны. Въ немъ были мѣста, гдѣ доски, сгнившія отъ ветхости, образовали отверстія между переводинами и заставляли прохожихъ ходить съ осторожностью. Тѣснѣйшій по нѣтамъ въ своемъ бѣгствѣ и принужденный перебѣжать черезъ мостъ во всю прыть, Левдастъ не имѣлъ времени разбираться дорогу: одна нога его, попавъ между двумя дурно сплоченными перекладинами, завязла въ нихъ такъ, что онъ опрокинулся навзничъ и, падая, переломилъ себѣ ногу (4). Воспользовавшись этимъ случаемъ, гнавшіеся за Левдастомъ схватили его, связали ему руки за спину, и такъ какъ не могли представить его въ такомъ положеніи королевѣ, то взвалили на лошадь и повезли въ городскую тюрьму, въ ожиданіи новыхъ повелѣній (5).

Приказанія даны были самимъ королемъ, который, отъ нетерпѣнія примириться съ Фредегондой, думалъ угодить ей чѣмъ нибудь, что было бы ей вполне пріятно. Не питая ни малѣйшей жалости къ несчастному, чьи дерзновенныя мечты и безразсудную отвагу поддерживали собственныя его обѣщанія, милости и прощеніе, онъ сталъ придумывать, къ какому роду смерти приговорить Левдаста, соображая въ умѣ своемъ выгоды и недостатки разнаго рода казней, дабы угадать, которая изъ нихъ въ состояніи лучше удовлетворить мщенію королевы. Послѣ зрѣлыхъ размышленій, обдуманныхъ съ жестокимъ хладнокровіемъ, Гильперикъ нашелъ, что плѣнникъ, такъ опасно раненный и обезсиленный потерей крови, не можетъ выдержать даже

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 283.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

(4) Ibid.

(5) Ibid.

слабыхъ мученій и потому рѣшился приказать его вылечить, чтобы дать ему возможность до конца перенести всѣ истязанія медленной казни ⁽¹⁾.

Вѣрнѣйшій заботливости самыхъ искусныхъ врачей, Левдасть былъ переведенъ изъ своей нездоровой тюрьмы за городъ, въ одно изъ королевскихъ помѣстій, дабы чистый воздухъ и пріятность мѣстополюженія ускорили его выздоровленіе. Его увѣрили, можетъ-быть, по тонкости варварскихъ предосторожностей, что такое кроткое съ нимъ обхожденіе было знакомъ милосердія, и что онъ будетъ освобожденъ по выздоровленіи; но все было бесполезно: антоновъ огонь обнаружился въ его ранахъ и онъ впалъ въ безнадежное состояніе ⁽²⁾. Когда это извѣстіе дошло до королевы, она не могла рѣшиться предоставить своего врага спокойной смерти, и пока оставалась въ немъ еще искра жизни, приказала довершить конецъ его необыкновенною казнью, которую, повидимому, имѣла наслажденіе сама придумать. Умирающій совлеченъ былъ съ своего одра и простертъ на мостовой затыкомъ на толстую желѣзную полосу; послѣ того человѣкъ, вооруженный другою такою же полосой, ударилъ его по горлу, и повторялъ удары свои до тѣхъ поръ, пока тотъ не испустилъ послѣдняго вздоха ⁽³⁾.

Такъ прекратилось исполненное превратностей существованіе этого выскочки VI вѣка, сына галло-римскаго раба, вознесеннаго королевскою милостью въ санъ вождя завоевателей Галліи. Если имя Левдаста, едва упоминаемое въ самыхъ многотомныхъ исторіяхъ Франціи, не заслуживало изъятія изъ забвенія, за то его жизнь, тѣсно связанная съ существованіемъ многихъ знаменитыхъ лицъ, представляетъ одинъ изъ самыхъ выразительныхъ эпизодовъ общей жизни того вѣка. Задачи, раздѣлявшія мнѣнія ученыхъ, разрѣшаются, такъ сказать, сами собою фактами этой любопытной исторіи. До какихъ степеней могъ достигнуть, подъ франкскимъ владычествомъ, Галль, и притомъ чело-вѣкъ рабскаго состоянія? Какъ управлялись тогда епископальные города, подъ двойною властію своего епископа и своего графа? Какія были взаимныя отношенія этихъ двухъ властей, естественно враждебныхъ или по-крайней-мѣрѣ соперничествовавшихъ между собою? Вотъ вопросы, на которые простой отвѣтъ виденъ въ разсказѣ о приключеніяхъ сына Леокадія.

Другіе спорные историческіе вопросы, сколько я надѣюсь, поставлены предшествовавшими разсказами также внѣ всякаго основательнаго пренія. Хотя наполненные подробностями и обозначенные чертами, существенно отличительными, однако разсказы эти имѣютъ одно общее значеніе, легко замѣтное въ каждомъ. Исторія епископа Претекстата есть картина галло-франкскаго собора; повѣствованіе о молодомъ Меровигѣ показываетъ жизнь изгнанника и внутренность религиозныхъ прибѣжищъ; разсказъ о Галесвинтѣ изображаетъ супружескую жизнь и домашніе нравы во дворцахъ меровингскихъ; наконецъ,

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 283.

(2) Ibid.

(3) Ibid.

разсказъ объ умерщвленіи Сигберта представляетъ начало продолжительной народной вражды между Австразіей и Нейстріей. Можетъ-быть, эти разныя точки воззрѣнія на людей и дѣла VI вѣка, опираясь на основѣ, чисто повѣствовательной, будутъ чрезъ то самое гораздо яснѣе и опредѣлительнѣе для читателя. Говорили, что цѣль историка повѣствовать, а не доказывать. Я не думаю, но убѣжденъ, что самый лучший родъ доказательства въ исторіи, самый способный поражать и убѣждать умы, способъ, вселяющій наименѣе недовѣрчивости и оставляющій наименѣе сомнѣній, есть полное повѣствованіе, основанное на текстахъ, связывающее отдѣльныя подробности, собирающее малѣйшія указанія фактовъ или характеровъ, и изъ всего этого образующее тѣло, въ которое вдыхаетъ жизнь союзъ науки съ искусствомъ.

РАЗСКАЗЪ СЕДЬМОЙ.

ВОЗМУЩЕНІЕ ЛИМОЖСКИХЪ ГРАЖДАНЪ. — ПОВАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ. —
МАТЕРИНСКОЕ ОТЧАЯНІЕ ФРЕДЕГОНДЫ. — ИСТОРІЯ КЛОДОВИГА,
ТРЕТЬЯГО СЫНА КОРОЛЯ ГИЛЬПЕРИКА.

(580.)

Фредегонда также имѣла свою долю въ завоеваніяхъ нейстрійскаго короля; нѣсколько аквитанскихъ городовъ, кажется, было предоставлено ей въ пользованіе, то-есть, на правѣ взиманія съ нихъ всѣхъ тѣхъ податей, которыя слѣдовали казнѣ деньгами и натурой ⁽¹⁾. Желая какъ-можно-скорѣе увеличить эти доходы, добытые военнымъ счастьемъ, которые тоже счастье могло у нея похитить, она внушила королю Гильперiku мысль составить, для расширившагося его королевства, новое положеніе о распредѣленіи и окладѣ поземельныхъ налоговъ. — Поземельная подать, учрежденная въ Галліи римскимъ правительствомъ, взымалась, въ VI вѣкѣ, еще по окладнымъ росписямъ, составленнымъ по образцу древнихъ императорскихъ росписей. Ее платили только галло-римскіе владѣльцы, а свободныя лица германскаго племени были отъ нея изъяты, по родовому обычаю и въ-слѣдствіе упорнаго сопротивленія, предъ которымъ оказывались безсильными всѣ покушенія насильства или хитрости чиновниковъ казначейства ⁽²⁾.

Такой примѣръ былъ не безъ вліянія и на туземныхъ владѣльцевъ, которые, при помощи епископовъ и высшаго городского духовенства, употребляли всевозможныя увертки для избѣжанія требованій и обѣсковъ казенныхъ сборщиковъ ⁽³⁾. Сверхъ-того, постоянно возраставшій упадокъ правительственныхъ пружинъ дѣлалъ взиманіе податей весьма неправильнымъ, а сборъ недоимокъ ненадежнымъ. Перепись имуществъ и лицъ производилась только частями и становилась все рѣже и рѣже; въ дѣлѣ налоговъ обычаи стремились заступитъ мѣсто закона. Около 580 года, когда Фредегонда, не по внушенію политическихъ видовъ, а изъ свойственнаго ей корыстнаго побужденія, рѣшилась присовѣтывать общую перепись, — подати, платимыя въ Нейстрійскомъ Королевствѣ съ недвижимаго имущества, распредѣляемы были на томъ же основаніи, какъ и во времена короля Клотера, то-есть, въ-продолженіе по-крайней-мѣрѣ двадцати или тридцати лѣтъ, ни рас-

(1) Greg. Turon, apud script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 253. — Тутъ слѣдуетъ припомнить о пяти городахъ, составлявшихъ вдовій удѣлъ Галесвинты.

(2) Greg. Turon., стр. 202. — Ibid., стр. 299.

(3) Ibid., стр. 350.

кладка, ни мѣра повинностей не подверглись никакому измѣненію ⁽¹⁾.

Совѣтъ, поданный королевою, былъ изъ числа такихъ, которые король Гильперикъ принималъ охотно. Рѣшили, что новая раскладка податей будетъ произведена въ цѣлой Нейстріи. Исполненіе этой обширной мѣры король предоставилъ заботливости своихъ галло-римскихъ чиновниковъ, отличавшихся, по старой памяти, административнымъ искусствомъ и жадностью. Приступая къ дѣйствіямъ по методу, употреблявшейся во времена императоровъ, они распредѣлили воздѣланныя земли на разряды и наложили на нихъ подати разной величины и повинности разнаго рода. Въ-послѣдствіи, королевскимъ повелѣніемъ было предписано привести въ исполненіе этотъ планъ во всѣхъ областяхъ, какъ прежде принадлежавшихъ нейстрійскому королю, такъ и вновь ему подчиненныхъ. Такимъ образомъ тягости, наложенныя въ этой странѣ болѣе полувѣка назадъ на туземныхъ владѣльцевъ, вдругъ возрасли вышевсякой мѣры; новыя подати, измѣняемыя и увеличиваемыя не безъ нѣкотораго искусства, были наложены на всѣ промыслы и падали на орудія земледѣльской производительности. Были налоги на поля, на лѣса, дома, на скотъ, на рабовъ, но главная тягость падала на виноградники: они въ первый разъ были обложены податю по одной амфорѣ, то-есть, по полумѣрѣ вина съ десятины. Это показываетъ, что Гильперикъ, жадный къ вещественному стяжанію, кажется, преимущественно имѣлъ тогда въ виду произведенія богатыхъ виноградниковъ Аквитаніи ⁽²⁾.

Обязанность развѣзжать изъ города въ городъ и производить переносъ землямъ и лицамъ, подлежащимъ налогу, обязанность въ тѣ времена очень трудная и даже не чуждая опасности, была возложена на референдарія Марка, мужа галльскаго происхожденія, весьма ревностнаго къ пользамъ казны и искуснаго въ откладываніи на свою долю части тѣхъ суммъ, которыя онъ собиралъ ⁽³⁾. Порученіе это было двойное и могло быть исполнено двумя способами, однимъ для старыхъ нейстрійскихъ владѣній, другимъ для земель вновь прибрѣтенныхъ. Окладныя росписи городовъ, принадлежавшихъ Нейстрійскому Королевству по послѣднему раздѣлу, хранились въ королевскомъ казначействѣ; Маркъ, взявъ съ собою копіи съ этихъ росписей, долженъ былъ повѣрить и исполнить ихъ по новымъ справкамъ. Напротивъ того, въ городахъ, прибрѣтенныхъ отъ Австразіи или отъ королевства Гонтрана, онъ долженъ былъ захватить городскія офіціальныя вѣдомости и по-

⁽¹⁾ Gesta reg. Franc., apud. script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 563. — Aimoini monachi floriac., ibid., т. III, стр. 81.

⁽²⁾ Greg. Turon., стр. 251. — Галльская десятина, aripennis, соотвѣтствовала, по исчисленію г. Дюро-де-ла-Малль, двѣнадцати арамъ, шестидесяти четыремъ центіарамъ, или 277,695 кв. саж.; амфора вмѣщала въ себѣ 26 литровъ, или на русскую мѣру 2,415 ведра.

⁽³⁾ Greg. Turon., стр. 251. — Ibid., стр. 409. — Aimoini monachi floriac., стр. 81. — При меровингскихъ короляхъ канцлерамъ, хранителямъ печати или королевскаго казначія давали титулъ референдарія.

вѣривъ ихъ, отправить въ королевское казначеище. Таково было порученіе, возложенное на галло-римскаго пристава, съ наказомъ ускорить, всею силою его власти, взиманіе новыхъ податей.

Онъ выѣхалъ изъ суассонскаго дворца, а можетъ-быть изъ какого-либо другаго сосѣдняго королевскаго мѣстопробыванія, зимою 580 года, и потому ли, что началъ объѣздить съ сѣверныхъ городовъ, или прямо отправился въ южныя земли, только въ концѣ февраля мѣсяца онъ былъ въ Лиможѣ. Этотъ городъ, такъ часто переходившій изъ рукъ въ руки, сперва законнымъ образомъ принадлежалъ Гильперіку, пока въ послѣдствіи не достался ему войною. Оцѣночныя вѣдомости его давнымъ-давно хранились въ нейстрійскихъ королевскихъ архивахъ, такъ-что городъ этотъ считался въ числѣ тѣхъ, гдѣ новая система взиманія податей могла быть исполнена простою повѣркою росписей; но это было возможно только при посредствѣ всенароднаго изслѣдованія и показанія землевладѣльцевъ передъ куріей, или муниципальнымъ сенатомъ. Календы, то-есть, первый день марта, были, какъ кажется, днемъ торжественнаго собранія и судебного присутствія лиможской куріи ⁽¹⁾. Въ этотъ день муниципальные судьи и сословіе декуріоновъ заседали въ судилищѣ, или разсуждали въ совѣтѣ, а сельскіе жители, землевладѣльцы или поселяне, толпами шли въ городъ по своимъ тяжбымъ и другимъ дѣламъ. Этотъ день былъ избранъ Маркомъ для первыхъ его дѣйствій; они состояли во всенародномъ чтеніи королевскихъ повелѣній; въ склоненіи; волей или неволей, муниципальных властей къ содѣйствію, и наконецъ въ началѣ изслѣдованія, сперва о состояніи владѣній, находящихся въ чертѣ городскихъ земель, въ то время весьма обширныхъ, а потомъ о внутренней цѣнности этихъ имуществъ, ихъ различныхъ промыслахъ и переходахъ отъ одного владѣльца къ другому, со времени послѣдней переписи ⁽²⁾.

Съ утра 1-го марта городъ Лиможъ былъ въ волненіи. Множество гражданъ всякаго званія толпились у входовъ къ тому мѣсту, гдѣ должна была собраться курія. Судьи, декуріоны, дефензоръ, епископъ и высшее городское духовенство разѣлись на креслахъ и скамьяхъ сената. Референдарій Маркъ вошелъ въ собраніе съ почтенною стражей и слугами, несшими его оцѣночныя книги и податныя росписи. Онъ представилъ данный ему указъ, скрѣпленный отпечаткомъ королевскаго кольца, и объявилъ окладъ и родъ податей, назначенныхъ королемъ. Во времена римской имперіи, дефензоръ возвысилъ бы голосъ и сталъ бы дѣлать замѣчанія и возраженія, по праву, данному ему на то зако-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 251. — Adriani Valesii Rer. franc., т. II, стр. 12. — Обыкновенныя собранія римскаго сената происходили каждый мѣсяцъ въ Календы и Иды (см. Adam, Antiquités remaines., т. I стр. 14—15).

⁽²⁾ Множество фактовъ, приводимыхъ Григоріемъ Турскимъ, свидѣлствуютъ, что вопросы, относившіеся до раскладки податей, рѣшались, въ каждомъ городѣ, королевскими приставами и муниципалитетомъ, безъ всякаго внимательства графа. См., что говорить Григорій о Меровигѣ, пуатьескомъ епископѣ, и о себѣ самомъ, книга IX, глав. XXX.

номъ (1); но этотъ свѣтскій глава муниципальной власти исчезалъ, со времени владычества варваровъ, передъ епископомъ, который одинъ былъ способенъ принять на себя попеченіе о выгодахъ города. Лиможскій епископъ, Ферреоль, не уклонился отъ этого долга. Противопоставляя правамъ казны давность, онъ сказалъ, что городъ былъ переписанъ во времена короля Клотера, и перепись эта сдѣлалась закономъ; что по смерти Клотера, когда граждане присягали Гильперiku, этотъ король общалъ и самъ далъ клятву не вводить у нихъ ни новыхъ законовъ, ни обычаевъ, не отдавать никакихъ приказаній, клонящихся къ новымъ съ нихъ поборамъ, но держать ихъ такъ, какъ они жили подъ властію его отца (2). За этими рѣчами, спокойнымъ выраженіемъ общаго неудовольствія и готовности къ сопротивленію крившихся тогда въ городъ, послѣдовалъ ропотъ одобренія, раздавшійся со скамеекъ курии и, можетъ быть, по римскому обычаю, послышались съ разныхъ сторонъ общія восклицанія, подобныя слѣдующимъ: «Истинно! справедливо! Всѣ такъ думаютъ! Да, всѣ, всѣ!» (3)

Кичась своею властію и досадуя на задержку, которую могло причинить это сопротивленіе, Маркъ отвѣчалъ грубо и высокомерно; онъ сказалъ, что пришелъ для того, чтобъ дѣйствовать, а не спорить; требовалъ отъ города повиновенія королевскому указу и къ требованіямъ своимъ присоединилъ угрозы (4). Общія крики внезапно покрыли его голосъ; волненіе въ собраніи сообщилося толпѣ, собравшейся у дверей; она не выдержала и ринулась въ курию. Тогда умѣренное сопротивленіе уступило мѣсто народной ярости, и въ залъ раздался крикъ: «Не хотимъ переписи! Смерть грабителю! Смерть хищнику! Смерть Марку!» (5) Сопровождая эти вопли выразительными тѣлодвиженіями, народъ устремился къ тому мѣсту, гдѣ королевскій приставъ сидѣлъ рядомъ съ епископомъ. Въ эту критическую минуту, епископъ Ферреоль вторично исполнилъ благородный долгъ заступничества, соединенный съ его званіемъ: онъ велѣлъ Марку встать, взялъ его за руку и, удерживая голосомъ и рукою напоръ мятежниковъ, остановившихся съ изумленіемъ и уваженіемъ, достигъ выхода изъ залы и отвелъ референда-

(1) Cod. Just., tit. LV, l. 4.

(2) Greg. Turon. Hist. Franc., стр. 350. — Обѣщаніе, данное въ 561 году, королемъ Гарибертомъ, городамъ его удѣла, безъ сомнѣнія было дано и другими сыновьями Клотера въ ихъ королевствахъ. Такимъ образомъ то, что относится до города Тура, можетъ быть примѣнено къ Лиможу, исключая того, что Туръ, на основаніи особенной льготы, требовалъ совершенной отмены налоговъ.

(3) Vere, vere. — Modo vere, modo digne. — Aequum est, justum est. — Omnes censemus. — Omnes, omnes. — См. Lamprid, apud. script. hist. Augustae, стр. 53, а также въ Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, т. I, стр. 115, замѣтку о восклицаніяхъ народа и сената. Отъ гражданскихъ собраній, они перешли въ церкви и употреблялись при избраніяхъ епископовъ и проповѣдяхъ.

(4) Aimoini monachi floriac., стр. 81.

(5) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 251.

рія въ ближайшую базилику⁽¹⁾. Маркъ, достигнувъ этого убѣжища, гдѣ жизнь его была въ безопасности, сталъ думать о средствахъ выбраться скорѣе изъ Лиможа; это удалось ему также съ помощію епископа, — онъ бѣжалъ, можетъ-быть, переодѣтый.

Между-тѣмъ, въ залъкуріи волненіе продолжалось. Судьи и сенаторы, свѣтскіе и духовные, смѣшались тамъ съ толпою народа. Одни были пасмурны, не зная на что рѣшиться; другіе предавались увлеченію политическихъ страстей. Въ числѣ сихъ послѣднихъ отличались, кажется, священники и настоятели аббатствъ. Народъ, оставшійся съ минутою въ нерѣшимости и какъ-бы въ изумленіи отъ того, что выпустилъ живымъ и здравымъ человека, которому готовилъ мщеніе, — обратилъ потомъ всю свою ярость на оцѣночныя книги, брошенныя Маркомъ въ бѣгство. Самые отчаянные схватили ихъ съ намѣреніемъ порвать, но другіе предложили перенести эти вѣдомости на площадь и тамъ сжечь съ торжествомъ, которое ознаменовало бы побѣду лиможскихъ гражданъ и рѣшимость ихъ не подчиняться новымъ налогамъ. Это предложеніе взяло верхъ; побѣждали объяснять домъ, гдѣ жила рефендарій, и вынесли оттуда все, какія только нашли тамъ, росписи и книги, предназначенныя для другихъ городовъ. При радостныхъ кликахъ толпы, упоенной мятежемъ, сложенъ былъ костеръ. Граждане высшаго званія волновались наравнѣ съ другими и рукоплескали, глядя, какъ пламень разрушаетъ книги, привезенныя королевскимъ чиновникомъ⁽²⁾. Вскорѣ отъ нихъ остался лишь пепелъ; но эти книги были только списки, но-длинникъ которыхъ хранился въцѣлости въсундукахъ королевской казны. Такимъ образомъ, избавленіе, которымъ хвалился городъ Лиможъ, не могло быть прочно. Оно въ-самомъ-дѣлѣ было непродолжительно и послѣдствія его были плачевны.

Изъ перваго города, гдѣ Маркъ призналъ возможнымъ остановиться, онъ отправилъ гонца къ королю Гильперіку съ извѣстіемъ о вѣстныхъ событіяхъ, совершившихся въ Лиможѣ. Мятежъ, угроженіе смерти царскому чиновнику и истребленіе вѣдомостей, — все это было такимъ преступленіемъ, которое римскій императоръ, какого-бы свойства ни былъ, никогда не прощалъ и не миловалъ. Въ настоящемъ дѣлѣ, къ преданіямъ имперіи-присоединился духъ злобы и личной мстительности варварскаго самовластія, вмѣстѣ съ жаждою корысти, возбужденною видами собрать, при такомъ удобномъ случаѣ, обильную жатву конфискацій и пеней. Эти различныя двигатели содѣйствовали, по-видимому, энергической рѣшимости короля. Онъ отправилъ въ Лиможъ нарочныхъ чиновниковъ и приказалъ имъ войти въ него дружески, или силою, и жестоко наказывать гражданъ, то смертною казнью, то истязаніями, которыя привели бы ихъ въ ужасъ, и наконецъ надбавкою податей⁽³⁾. Повелѣніе это было исполнено въ точности; королевскіе пристава прибыли въ Лиможъ, и народъ, столь дерзко возставшій, не смѣлъ или не

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 251.

(2) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 251. — Ibid., стр. 409. — Aimoini monachi Floriac., de Gest. Franc., стр. 81.

(3) Ibid., стр. 151.

могъ защищаться. Послѣ короткаго изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ мятежа, лиможскіе сенаторы подверглись изгнанію, а заими и всѣ знатнѣйшіе граждане. Аббаты и священники, обвиненные въ подстреканіи народа къ сожженію окладныхъ книгъ, были подвергнуты, на городской площади, разнаго рода мученіямъ ⁽¹⁾. Все достояніе казенныхъ и изгнанныхъ отобрано было въ казну, и на городъ наложена была особая дань, гораздо тяжелѣе тѣхъ податей, въ платежъ которыхъ онъ отказался ⁽²⁾.

Пока лиможскихъ гражданъ постигала такая тяжкая кара за ихъ однопдневный мятежъ, референдарій Маркъ продолжалъ свой административный объѣздъ и окончилъ его безпрепятственно. Черезъ шесть или восемь мѣсяцевъ послѣ своего выѣзда, онъ возвратился въ брентскій дворецъ и привезъ деньги, собранныя имъ за первый срокъ новаго налога, вмѣстѣ съ переписями и установленною имъ раскладкою податей для всѣхъ городовъ королевства. Тѣ, которыя относились до городовъ, принадлежавшихъ Фредегондѣ, были вручены ей для храненія въ сундукахъ, гдѣ она берегла свое золото, драгоценности, дорогія ткани и грамоты на владѣніе помѣстьями ⁽³⁾; остальные были возвращены въ нейстрійскую королевскую казну или впервые въ нее поступили. Изъ этой обширной финансовой операціи Маркъ извлекъ для себя огромныя выгоды, болѣе или менѣе незаконныя; богатства его были предметомъ зависти и проклятій со стороны собратьевъ его по происхожденію, Галло-Римлянъ, отягченныхъ и разоренныхъ новыми налогами ⁽⁴⁾. Сами ли по себѣ повинности эти были невыносимы, или тяжесть ихъ увеличивалась отъ дурнаго распредѣленія земель и неравномѣрной раскладки налоговъ, но только множество семействъ предпочло покинуть свое насѣдствіе и переселиться, нежели нести новую подать. Въ теченіе 580 года, толпы выходцевъ оставляли нейстрійскія земли и селились въ городахъ, повиновавшихся Гильдеберту II или Гонтрану ⁽⁵⁾.

Этотъ годъ, въ который правительственныя мѣры короля Гильперика, какъ бытъ, пали на Нейстрію, былъ ознаменованъ во всей Галліи карами небесными. Весною, Рона и Соа, Луара и ея притоки, переполненные непрерывными дождями, разлились и произвели большія опустошенія. Вся овернская равнина была наводнена; въ Ліонѣ множество домовъ было смыто водою и обрушилась часть городскихъ стѣнъ ⁽⁶⁾. Лѣтомъ градъ опустошилъ округъ Буржа; половина города Орлеана истреблена была пожаромъ. Довольно сильное землетрясеніе, поколебавшее городскія стѣны, было чувствуемо въ Бордо и его окружности; ударъ, продолжившійся до предѣловъ Испаніи, отторгнулъ отъ Пиренеевъ огромныя глыбы скалъ, раздавившихъ стада и людей ⁽⁷⁾. Нако-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 151.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid., стр. 252 и 253.

⁽⁴⁾ Ibid., стр. 251.

⁽⁵⁾ Ibid., стр. 252.

⁽⁶⁾ Ibid.

⁽⁷⁾ Ibid.

нецъ, въ августѣ мѣсяцѣ, самая убійственная оспа открылась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ центральной Галліи и, распространяясь мало-по-малу, обошла почти всѣ мѣста.

Мысль о тайномъ отравленіи, которая, въ подобныхъ бѣдствіяхъ, всегда представляется воображенію народа, была принята почти повсемѣстно и питія изъ противоядныхъ травъ играли главную роль между всѣми другими врачеваніями ⁽¹⁾. Страшная смертность особенно поражала дѣтей и юношей. При этомъ плачевномъ зрѣлищѣ скорбь отцовъ и матерей была поразительна; она извлекаетъ у современнаго покровителя вопль сочувствія, въ выраженіи котораго есть нѣчто нѣжное и мягкое: «Мы теряли» говоритъ онъ: «своихъ кроткихъ и милыхъ младенцевъ, которыхъ грѣли на нашей груди, носили на нашихъ рукахъ, кормили, съ заботливымъ стараніемъ, собственными нашими руками; но мы осушали слезы наши и говорили, какъ святой мужъ Іовъ: «Господь даде, Господь отъятъ; яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно во вѣки» ⁽²⁾.

Когда повѣтріе, опустошивъ Парижъ и его окрестности, дошло до Суассона и вмѣстѣ съ этимъ городомъ охватило королевское мѣстопробываніе, Брентъ, оно постигло короля Гильперика почти перваго. Онъ почувствовалъ тяжкіе признаки начала болѣзни, но имѣлъ въ этомъ испытаніи преимущество возраста и скоро оправился ⁽³⁾. Пока онъ выздоравливалъ, занемогъ младшій изъ его сыновей, Дагобертъ, еще не окрещенный. Но набожной предусмотрительности и въ надеждѣ призванія на младенца небесной благодати, родители поспѣшили окрестить его ⁽⁴⁾; ребенку, повидимому, сдѣлалось лучше, но вскорѣ братъ его, Клодобертъ, пятнадцати лѣтъ отъ роду, былъ пораженъ свирѣпствовавшимъ недугомъ ⁽⁵⁾. Видя двухъ сыновей своихъ на смертномъ одрѣ, Фредегонда поверглась въ жестокія терзанія сердца, какими природа заставляетъ страдать матерей, и подъ тяжестью материнской скорби нѣчто странное совершилось въ этой душѣ, столь звѣрски себялюбивой. Въ ней пробудились искры совѣсти и челоуѣческихъ чувствъ; ей пришло на умъ раскаяніе, жалость къ чужимъ страданіямъ, боязнь Божіаго суда. Зло, которое она совершила или присовѣтывала, особенно мрачныя событія того года, кровь пролитая въ Лиможѣ, разнаго рода бѣдствія, навлеčenныя на все королевство новыми налогами,—все это ей представилось, смущая ея воображеніе и вселяя раскаяніе, смѣшанное со страхомъ ⁽⁶⁾.

Волнуемая материнскими опасеніями и этимъ внезапнымъ обраче-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 253.

⁽²⁾ Ibid., стр. 253. — Книга Іова, гл. I, стихъ 21.

⁽³⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 253.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ Ibid.

⁽⁶⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 253. — Aimoini monachi, de Gest. Franc., стр. 82.

ніемъ къ самосознанію, Фредегонда случилась однажды, вмѣстѣ съ королемъ, въ комнатѣ, гдѣ лежали оба сына ея въ лихорадочномъ изнуреніи. На очагѣ горѣлъ огонь для приготовленія питья юнымъ страдалцамъ и по причинѣ наступившихъ сентябрьскихъ холодовъ Гильперикъ, безмолвный, не показывалъ большаго волненія; напротивъ того королева, вздыхая, озиралась кругомъ и, устремляя взоры то на одного, то на другаго сына, обнаруживала своими тѣлодвиженіями безпокойство и смущеніе мыслей, ее тревожившихъ. Въ такомъ состояніи души германскимъ женщинамъ часто случалось говорить импровизированными стихами, или языкомъ болѣе поэтическимъ и мѣрнымъ, нежели обыкновенный разговоръ. Увлекала ли ихъ сильная страсть, или хотѣли онѣ сердечнымъ изліяніемъ ослабить горечь какихъ либо душевныхъ страданій, всегда прибѣгали онѣ къ такому болѣе торжественному способу выраженія своихъ впечатлѣній и разнаго рода чувствованій, печали, радости, любви, вражды, негодованія или презрѣнія ⁽¹⁾. Подобное вдохновеніе снизошло на Фредегонду; она обратилась къ королю и, устремивъ на него взоръ, требовавшій вниманія, произнесла слѣдующія слова ⁽²⁾:

«Давно мы творимъ зло и милосердіе Божіе насъ терпитъ; часто оно карало насъ болѣзнями и другими бѣдствіями, а мы все не исправились».

«И вотъ теряемъ сыновей нашихъ; ихъ изводятъ слезы немущихъ, жалобы вдовицъ, воздыханія сиротъ, и нѣтъ намъ надежды кого нибудь сберечь».

«Мы стяжаемъ золото, не зная, для кого все это кошимъ; теперь сокровища наши, полныя хищеній и проклятій, остаются безъ господина».

«Не полны развѣ были виномъ наши подвалы? Не ломились развѣ подъ пшеномъ наши житницы? Развѣ сундуки наши не были набиты «золотомъ, серебромъ, камнями, ожерельями и разнымъ царскимъ уборомъ? Что имѣли лучшаго, то нынѣ теряемъ ⁽³⁾».

⁽¹⁾ Множество примѣровъ тому находится въ сагахъ, самыхъ полныхъ памятникахъ древнихъ германскихъ правовъ. Въ этихъ разсказахъ дѣйствующія лица, мужчины и женщины, импровизируютъ часто; импровизаціи женщинъ обыкновенно предшествуютъ слова: *Tha kvad hun visu thessa; Hun wagar og kvad visu; Enn hun kvab visu* (тогда она сказала слѣдующіе стихи; она отвѣчала и сказала эти стихи; она сказала ему стихами, и проч.). См. *Saga af Ragnari Lodbrok*, глав. IV, X, XVI; *Skioldunga saga*, гл. XXXI; *Volsunga saga*, гл. XXIX, и все собраніе подъ названіемъ: *Nordiska Kaempa dater*.

⁽²⁾ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, стр. 253.

⁽³⁾ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, стр. 253. — Нельзя подуматъ, чтобы эта рѣчь, такая выразительная и страстная, была амплификаціей лѣтописца; Григорій Турскій не имѣетъ привычки декламировать отъ своихъ лицъ; онѣ влагаетъ въ уста ихъ рѣчи, которыя или самъ слышалъ, или приписывали имъ современники. Если же рѣчь Фредегонды была, какъ должно думать, воспроизведена по слуху, то характеръ ея можно объяснить только предшествующимъ предположеніемъ.

Тутъ слезы, которыя въ началѣ этой жалобы заструились изъ очей королевы, а потомъ, при каждомъ отдыхѣ, лились все обильнѣе, наконецъ заглушили ея голосъ. Она замолчала и понурила голову, рыдая и ударяя себя въ грудь ⁽¹⁾; потомъ встала, какъ-бы вдохновенная внезапною мыслію, и сказала королю: «И такъ, если ты мнѣ вѣришь въ «это», пойдемъ и бросимъ въ огонь всѣ эти росписи незаконныхъ «налоговъ; на нашу казну станетъ и того, что доставало отцу твоему, королю Клотеру ⁽²⁾». Она тотчасъ же приказала вынуть изъ своихъ сундуковъ переписанныя вѣдомости, которыя Маркъ привезъ изъ городовъ, ей принадлежавшихъ. Когда ихъ подали, то она взяла ихъ и одну за другою побросала на широкій очагъ, на горячіе уголья.— Взоры ея одушевлялись, глядя, какъ пламень обхватывалъ и пожиралъ эти списки, составленные съ великимъ трудомъ; но король Гильперикъ, болѣе удивленный, нежели обрадованный такимъ неожиданнымъ поступкомъ, глядѣлъ, не вымолвивъ ни слова въ знакъ одобренія. «Развѣ «ты колеблешься», повелительно сказала ему королева: «дѣлай, что, ты «видишь, я сдѣлала; если теряемъ сыновей нашихъ, то по-крайней— «мѣръ сами избѣгнемъ вѣчныхъ мученій» ⁽³⁾.

Повинуясь такому внушенію, Гильперикъ пошелъ въ комнату, гдѣ были собраны и хранились государственные акты. Онъ велѣлъ достать оттуда всѣ росписи, составленные для взиманія новыхъ податей, и приказалъ бросить ихъ въ огонь; послѣ того разослалъ въ разныя области своего королевства гонцовъ съ объявленіемъ, что прошлагодній указъ о поземельномъ налогѣ уничтоженъ королемъ, и съ запрещеніемъ графамъ и всѣмъ короннымъ чиновникамъ взимать его на будущее время ⁽⁴⁾.

Между-тѣмъ, смертельная болѣзнь не прекращалась; младшій изъ двухъ дѣтей скончался первый. Родители пожелали похоронить его въ базиликѣ Сен-Дени и велѣли перенести тѣло изъ бресскаго дворца въ Парижъ, но не сопровождали его сами ⁽⁵⁾. Всѣ ихъ заботы обратились тогда на Клодоберта, положеніе котораго подавало лишь слабую надежду. Отвергнувъ всякую человѣческую помощь, родители положили его на носилки и пѣшкомъ проводили въ Суассонъ, въ базилику святаго Медара. Тамъ, по суевѣрному обычаю того времени, они установили постель Клодоберта рядомъ съ гробницею святаго и дали торжественный обѣтъ за возстановленіе его здоровья. Но больной, утомленный усталостью отъ нѣсколькихъ миль дороги, въ тотъ же день впалъ въ предсмертное томленіе и къ полуночи умеръ ⁽⁶⁾. Эта смерть сильно тронула всѣхъ городскихъ жителей; съ сочувствіемъ, которое обыкновенно внушаетъ преждевременный конецъ царствен-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 253.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ Ibid.

⁽⁶⁾ Ibid. — Медаръ, епископъ нойонскій, умершій въ 560 году, былъ погребенъ въ Суассонѣ, по повелѣнію короля Клотера.

ныхъ особъ, граждане Суассона соединяли также и мысль о собственной своей участи. Почти каждый изъ нихъ оплакивалъ какую либо недавнюю утрату. Они толпой повалили на похороны молодого принца, и провожали его до мѣста погребенія, въ базиликѣ святыхъ мучениковъ Крепина и Крепиньяна. Мужчины проливали слезы, а женщины, одѣтыя въ черномъ, изъявляли такую же горестъ, какъ-бы при погребеніи отца или мужа; имъ казалось, что, провожая эти похороны, онѣ облеклись въ печаль за весь семейства (1).

Въ изъясненіе отцовской горести, Гильперикъ раздалъ богатые дары на цѣркви и бѣдныхъ. Онъ не вернулся въ Бренъ, гдѣ пребываніе было для него непріятно и гдѣ эпидемія продолжала свои опустошенія; выѣхавъ изъ Суассона съ Фредегондой, онъ поселился съ нею въ одномъ изъ королевскихъ дворцовъ, находившихся на опушкѣ обширнаго Кюизскаго Лѣса, недалеко отъ Компьена. Тогда былъ октябрь мѣсяцъ, пора осенней охоты, имѣвшей видъ народнаго праздника; всякій мужчина франкскаго происхожденія предавался этой забавѣ съ увлеченіемъ, способнымъ заглушить въ немъ самую сильную горестъ (2). Движеніе, шумъ, приманка бурнаго и нерѣдко опаснаго занятія, утоляли скорбь короля и по временамъ возвращали ему спокойное расположеніе духа; но печаль Фредегонды не знала ни развлеченія, ни отдыха. Скорбь матери еще болѣе увеличивалась въ ней отъ ожиданія переменъ, которую потеря обоихъ сыновей должна была повлечь въ ея королевскомъ значеніи, и отъ опасеній ея на счетъ будущаго. Оставался только одинъ наслѣдникъ Нейстрійскаго Королевства, и то былъ Клодовигъ, сынъ другой женщины, супруги, — которую она нѣкогда вытѣснила, — человекъ, котораго недавній заговоръ выставилъ ей какъ предметъ надежды и козней враговъ ея (3). Будущее вдовство, несчастье, котораго она ежедневно должна была страшиться, поражаю ее ужасомъ; въ тревожныхъ опасеніяхъ своихъ она воображала себя низложенною съ своего сана, лишенною почестей, власти, богатствъ, подвергнутою въ отщепеніе или жестокостямъ, или униженію паче смерти.

Однако это новое душевное безпокойство не обратило ее къ такимъ же помысламъ, какъ первое. Возвысясь на короткое время выше самой себя, потому-что материнскія чувства носятъ въ себѣ побужденія благородныя и нѣжныя, она снова возвратилась къ собственной своей личности, къ безмѣрному себялюбію, коварству и жестокосердію. Она стала изыскивать средства вовлечь Клодовига въ сѣти, и для гибели врага своего рассчитывала въ умѣ на бичъ, похитившій у нея собственнаго ея сына. Молодой принцъ, не бывъ въ Брени, избѣжалъ язвы; она рѣшилась, подъ лживымъ предлогомъ, внушить отцу его мысль отпратить его въ это мѣсто, гдѣ зараза губила все сильнѣе и сильнѣе. Придуманной ею, для убѣжденія своего мужа, предлогъ состоялъ

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 253.

(2) Ibid., стр. 256. — Adriani Valesii Rer. franc., т. II, стр. 108.

(3) Заговоръ Левдаста и священника Рикюльфа. См. выше, пятый Разсказъ, стр. 106, 134 и 135. — Клодовигу было тогда около 25-ти лѣтъ.

вѣроятно въ необходимости вывѣдать, черезъ довѣренное лицо, черезъ члена семейства, о томъ, что дѣлается въ этомъ королевскомъ жилищѣ, внезапно покинутомъ господами и подверженномъ воровству и хищеніямъ всякаго рода. Ни мало не подозрѣвая тайныхъ побужденій этого совѣта, Гильперикъ его одобрилъ; онъ отправилъ къ Клодовигу, съ гонцомъ, приказаніе ѣхать въ Бренъ, и юноша повиновался съ тою сыновнею покорностію, которая была въ духѣ германскихъ нравовъ ⁽¹⁾.

Вскорѣ король перетѣхалъ изъ Кюнзскаго Лѣса въ помѣстье Шелль, на Марнѣ, для личнаго надзора за уборкою годовой жатвы, или, можетъ-быть, за тѣмъ, чтобы придать разнообразія своимъ развлеченіямъ. Тамъ вспомнилъ онъ о своемъ сынѣ, находившемся, въ угоду ему, въ Брени, среди опасности, почти неизбежной, и вызвалъ его къ себѣ ⁽²⁾. Клодовигъ возвратился живъ и здоровъ; полный довѣрія къ самому себѣ и къ счастію, допустившему его пережить младшихъ братьевъ, онъ будто нарочно раздражалъ досаду и ненависть Фредегонды. Онъ обходился съ нею съ презрительною гордостью и всякому встрѣчному держалъ рѣчи, подобныя слѣдующимъ ⁽³⁾: «Братья мои перемерли; королевство достается мнѣ одному; вся Галлія будетъ мнѣ подвластна; судьба готовитъ мнѣ всемірное царство.— «Враги мои у меня въ рукахъ; я поступлю съ ними, какъ мнѣ заблагоразсудится ⁽⁴⁾. «Къ такому ребяческому самохвальству, напыщенному гордостью, внушенною Нейстрійцамъ недавними завоеваніями и ихъ надеждою возстановить единство франккаго господства, ему нерѣдко случалось присоединять и ругательства на королеву ⁽⁵⁾.

Фредегондѣ были извѣстны всѣ рѣчи ея пасынка, и при томъ сильною безпокойствѣ, въ которомъ она тогда находилась, эти пустыя слова наводили на нее ужасъ. Сперва доносили ей вѣрно; потомъ къ истиннѣ примѣшалась ложь; наконецъ ей сообщали чистыя сказки, выдуманныя изъ ревностнаго усердія ⁽⁶⁾. Однажды кто-то сказалъ ей: «Если ты лишилась сыновей, то единственно отъ козней Клодовига. Онъ въ связи съ дочерью одной изъ твоихъ прислужницъ и научилъ мать извести колдовствомъ дѣтей твоихъ. Предваряю тебя, не жди теперь лучшаго и себѣ, потерявъ то, что давало тебѣ надежду на «царство» ⁽⁷⁾. Этотъ лживый доносъ, поразивъ королеву словно электрическій ударъ, возбудилъ въ ней всю ея энергію и обратилъ ее отъ унынія къ ярости. Она велѣла схватить въ своемъ домѣ, связать и при-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 256.

⁽²⁾ Ibid. — Шелль находится въ департаментѣ Сены-и-Марны, въ шести льѣ отъ Парижа.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ Ibid. — Распространеніе Нейстріи продолжалось, съ 577 года, послѣдовательнымъ занятіемъ всѣхъ аквитанскихъ городовъ, принадлежавшихъ то Австразіи, то королевству Готтрана. Это покореніе было окончено въ 582 году. См. третій и шестой Разсказы.

⁽⁶⁾ Ibid. — Aimoini monachi, de Gest. Franc., стр. 87.

⁽⁷⁾ Ibid., стр. 256.

весть къ себѣ обѣихъ женщинъ, ей указанныхъ. По ея приказанію, любовницу Клодовига сѣкли розгами и отрѣзали ей косу въ знакъ позора, которымъ, по обычаю Германцевъ, отмѣчали, передъ наказаніемъ, прелюбодѣйную жену или распутную дѣвку; потомъ выставили несчастную на дворцовомъ дворѣ, ущемивъ ее за тѣло между двумя половинками расщепленнаго бревна, поставленнаго передъ окнами молодого принца, чтобы за-одно и пристыдить и огорчить его ⁽¹⁾. Между-тѣмъ, пока дочь подвергалась этой казни, призывали къ допросу мать, и при помощи пытки вынудили ее сдѣлать ложное признаніе въ чародѣйствѣ, въ которомъ ее вирили ⁽²⁾.

Съ этимъ доказательствомъ, на которое, казалось, не было возраженій, Фредегонда пошла къ королю, рассказала ему все, что узнала, и требовала отмщенія Клодовигу. Разсказъ ея, искусно перемѣшанный съ намеками, которые могли заставить Гильперика опасаться за собственную свою жизнь, сдѣлалъ на него такое впечатлѣніе, что, ничего не разбирая, никого не расспрашивая, даже не выслушавъ своего сына, онъ рѣшился предать его на судъ мачихъ ⁽³⁾. Сдѣлавшись отъ легковѣрія малодушнымъ, предполагая въ Клодовигѣ, сверхъ преступленія, въ которомъ его обвиняли, мысль о похищеніи престола и отцеубійствѣ, король не осмѣлился задержать его во дворцѣ, въ кругу юныхъ товарищей, но хотѣлъ овладѣть имъ посредствомъ какой-либо западни. Въ тотъ день въ лѣсу близъ Шелли назначена была охота; король поѣхалъ туда въ сопровожденіи только нѣкоторыхъ изъ преданныхъ ему лицъ, въ числѣ которыхъ были герцогъ Бобъ, или Бодегизель, и герцогъ Дезидерій, искусный и счастливый предводитель войска, продолжавшаго въ то время въ Аквитаніи завоеваніе городовъ Гильдеберта и Гонтрана ⁽⁴⁾. Прибывъ къ нейстрійскому двору въ промежуткѣ двухъ походовъ, онъ явился тутъ, какъ-бы въ урочный часъ, помочь рукой своей безразсудному гнѣву отца на сына, и исполнить ту роль орудія рока, которую галло-римское дворянство не разъ разыгрывало въ домашнихъ переворотахъ меровингской династіи ⁽⁵⁾.

На одномъ привалѣ въ лѣсу, Гильперикъ остановился и послалъ гонца за Клодовигомъ, съ приказаніемъ явиться одному, для тайнаго разговора ⁽⁶⁾. Юноша, можетъ-быть, подумалъ, что это тайное свиданіе устроено отцомъ его для того, чтобы доставить средство съ нимъ объясниться, говорить свободно и доказать свою невинность; по-крайней-мѣрѣ, онъ немедленно повиновался, ни мало не подозрѣвая того, что должно было совершиться. Прибывъ въ лѣсъ, онъ вскорѣ очутился пе-

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 256.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid., стр. 256, 290 и 364. — Слоги *Бобъ*, *Бабъ*, *Бодъ*, *Бадъ*, *Бамъ* часто употреблялись, какъ уменьшительныя, вмѣсто германскихъ именъ, составленныхъ изъ словъ *Бальдъ* или *Бодъ* и какого нибудь другаго. — См. выше третій и шестой Разказы.

⁽⁵⁾ См. Исторію Аркадія, арверискаго сенатора (Григорій Турскій, кн. III, гл. IX, XII и XVIII).

⁽⁶⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 256.

редъ своимъ отцомъ и герцогами Бобомъ и Дизидеріемъ, стоявшими близъ него. Неизвѣстно, съ какимъ видомъ король встрѣтилъ своего сына: разразился ли онъ упреками и проклятіями, или подалъ только повелительный знакъ въ угрюмомъ безмолвіи. По этому знаку, или по данному приказанію, Дизедерій и Бобъ подошли къ молодому принцу и, схвативъ его, каждый съ своей стороны, за руку, крѣпко держали его, пока у него отбирали мечъ ⁽¹⁾. Когда онъ былъ обезоруженъ, съ него сняли богатую одежду и покрыли его грубымъ рубищемъ; одѣтый такимъ образомъ и связанный, какъ злодѣй, онъ былъ отведенъ къ королеви и предоставленъ ея произволу ⁽²⁾.

Хотя Фредегонда уже заранѣе обдумала, что сдѣлать, когда жизнь послѣдняго изъ ея пасынковъ будетъ въ ея рукахъ, однако не торопилась; изъ разсчета и предусмотрительности, никогда ея не покидавшихъ, она удержала Клодовига плѣнникомъ во дворцѣ, съ намѣреніемъ лично допросить его и извлечь изъ его отвѣтовъ или улики противъ него самого, или свѣдѣнія о его связяхъ, дружественныхъ или основанныхъ на расчетѣ ⁽³⁾. Въ-теченіе трехъ дней, это домашнее слѣдствіе свело лицомъ-къ-лицу, въ неравной борьбѣ, два существа совершенно различнаго покроя, женщину столь же хитрую, сколько безжалостную, искусную въ притворствѣ и сильную волей, и юношу безразсуднаго, вѣтреннаго, откровеннаго сердцемъ и неосторожнаго на словахъ. Допросы плѣнника касались трехъ пунктовъ, предложенныхъ ему во всевозможныхъ видахъ: Что онъ могъ показать на счетъ обстоятельствъ преступленія, въ которомъ его обвиняли? Кто именно научалъ его или совѣтывалъ ему? Съ кѣмъ въ особенности онъ былъ связанъ дружбой ⁽⁴⁾?

Какъ ни ухищрялись для уловленія Клодовига, онъ былъ непоколебимъ въ отрицаніяхъ своихъ на всѣ приводимыя доказательства, но не устоялъ противъ удовольствія похвалиться своимъ могуществомъ и преданностью друзей и назвалъ ихъ въ большемъ числѣ ⁽⁵⁾. Этихъ свѣдѣній было достаточно для королевы; она прекратила слѣдствіе, чтобъ перейти къ исполненію того, что ею было задумано. Утромъ на четвертый день, Клодовигъ, все еще связанный или закованный, былъ переведенъ изъ Шелли въ Нуази, королевское помѣстье, находившееся не вдалекѣ, на другомъ берегу Марны ⁽⁶⁾. Стража, переводшая его такимъ образомъ, какъ-бы для перемѣны темницы, имѣла тайныя приказанія; черезъ нѣсколько часовъ послѣ прибытія его, онъ былъ пораженъ на смерть ножомъ, который оставили въ его ранѣ, и зарытъ въ могилѣ, выкопанной близъ стѣны въ часовнѣ, принадлежавшей къ нуазійскому дворцу ⁽⁷⁾.

⁽¹⁾ Greg. Tur., Hist. Franc., стр. 256.

⁽²⁾ Ibid.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ Ibid.

⁽⁶⁾ Ibid. — Нуази-ле-гранъ, въ четырехъ льѣ къ сѣверо-востоку отъ Парижа.

⁽⁷⁾ Ibid., стр. 316.

Но совершивъ убійства, люди, наученные Фредегондой, явились къ королю и объявили ему, что Клодовигъ, доведенный до отчаянія великостью своего преступленія и невозможностью помилованія, самъ наложилъ на себя руку; въ доказательство самоубійства они прибавили, что оружіе, нанесшее ему смерть, оставалось еще въ его ранѣ (1). Гильперикъ, невозмутимый въ своемъ легковѣріи, ни мало не усомнился и не произвелъ ни изслѣдованія, ни осмотра; считая своего сына преступникомъ, наказавшимъ самого себя, онъ не оплакивалъ его и даже не отдалъ никакихъ приказаній насчетъ его погребенія (2). Такою забывчивостью воспользовалась королева, вражда которой не могла насытиться; она успѣшила приказать выкопать изъ могилы тѣло своей жертвы и бросить его въ Марну, чтобы и послѣ нельзя было похоронить его съ честью (3). Но этотъ варварскій расчетъ оказался неудаченъ; трупъ Клодовига не остался на днѣ рѣки и не былъ увлеченъ теченіемъ, но попалъ въ сѣти, разставленныя соседнимъ рыбакомъ. Вытаскивая неводъ, онъ извлекъ трупъ изъ воды и узналъ въ немъ молодаго принца по длиннымъ волосамъ, которыхъ не вздумали у него отрѣзать. Проникнутый почтеніемъ и состраданіемъ, онъ перенесъ тѣло на берегъ и похоронилъ его въ могилѣ, которую, для замѣтки, прикрылъ дерномъ, сохраняя въ глубокой тайнѣ свое благочестивое дѣло, могшее погубить его (4).

Фредегонда не имѣла болѣе причинъ бояться, чтобы сынъ Гильперика, рожденный отъ другой жены, наследовалъ королевство; ея безопасность въ этомъ отношеніи была совершенная, но злоба ея не истощилась. Мать Клодовига, супруга, отторгнутая ею, Авдовера, жила еще въ монастырѣ города Манса; эта женщина имѣла право требовать у нея отчета въ собственномъ ея бѣдствіи и въ смерти двухъ сыновей, одного, загнаннаго ею, какъ дикаго звѣря и доведеннаго до самоубійства (5), другаго зарѣзаннаго. Сочла ли Фредегонда возможнымъ, чтобы Авдовера, въ тиши монастыря, тайла мщеніе и нашла средства его исполнить, или ненависть ея не имѣла другаго побужденія, кромѣ зла, которое она сама причинила, только вражда эта достигла высшей степени; новое преступленіе вскорѣ послѣдовало за убійствомъ Клодовига.

Королевыны слуги, снабженные ея приказаніями, отправились въ Мансъ и по прибытіи велѣли себѣ отворить врата обители, куда, болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ, удалилась Авдовера и гдѣ она выростила при себѣ дочь свою, Гильдесвинду, прозывавшуюся Базиндой (6). Обыихъ ихъ касалось ужасное порученіе, данное Фредегондой; мать была умерщвлена, а дочь, вещь невѣроятная, если бы не подтвер-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 256.

(2) Ibid., стр. 257.

(3) Ibid., стр. 316.

(4) Ibid.

(5) Меровигъ; см. третій Разсказъ.

(6) См. первый Разсказъ, стр. 8. — *Базина* значитъ *добрая*; корень этого слова, *bas* или *bat*, смотря по нарѣчію, встрѣчается въ новомъ нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ въ прилагательныхъ сравнительной степени, *besser* и *better* и превосходной, *best*.

ждалъ того современникъ, собственная дочь Гильперика, была изнасилована, и подверглась такому позору при его жизни ⁽¹⁾. Помѣстья, которыя Авдовера нѣкогда получили какъ-бы въ утѣшеніе за разводъ, и все остальное имущество ея, Клодовига и сестры его, все досталось Фредегондѣ ⁽²⁾. А бѣдная дѣвушка, оставшаяся въ живыхъ, обезцѣненная, безсемейная, хотя имѣла отца и отецъ этотъ былъ королемъ, затворилась въ монастырѣ въ Пуатье, и ввѣрилась материнскимъ попеченіямъ основательницы этой обители, кроткой и благородной Радегонды ⁽³⁾.

Женщина, показавшая, подѣ истязаніями пытки, на самое-себя и на Клодовига, обречена была судомъ на сожженіе живою. Идя на казнь, она отеклась отъ своихъ признаній, и громко кричала, что все сказанное ею ложно; но Гильперикъ, тотъ, кого слова эти должны были бы привести въ содроганіе, не выходилъ изъ своего страннаго оцѣпенѣнія, и слова обвиненной вотще заглохли въ пламени костра ⁽⁴⁾. Другихъ казней не было въ шельскомъ дворцѣ; слуги и друзья Клодовига, наученные примѣромъ того, что, три года назадъ, постигло товарищей его брата, во-время разбѣжались въ разныя стороны и старались удалиться изъ королевства ⁽⁵⁾.

Повелѣнія, разосланныя къ пограничнымъ графамъ, предписывали имъ заградить путь бѣглецамъ; но только одинъ, казначей Клодовига, былъ схваченъ въ то время, когда перебирался въ буржекую землю, принадлежавшую къ королевству Гонтрана. Когда его возвращали черезъ городъ Туръ, то епископъ Григорій, повѣствователь этихъ печальныхъ событій, увидѣвъ его идущаго съ связанными руками; узналъ отъ стражей, что его вели къ королю и какая участь его ожидала ⁽⁶⁾. Григорій, сострадая несчастному, передать проводникамъ его инсѣмо, которымъ просилъ даровать ему жизнь. Эта просьба мужа, котораго Фредегонда нѣхотя уважала, привела ее въ снисходительное изумленіе, и она удержалась, какъ-будто тайный голосъ шепталъ ей: «довольно». Горячка жестокости ея прекратилась; она показала милосердіе льва, презрѣніе къ безполезному убійству, и не только избавила плѣнника отъ пытки и казни, но даже предоставила ему свободу идти, куда угодно ⁽⁷⁾.

Черезъ пять лѣтъ, Гильперикъ былъ зарѣзанъ, оставивъ наследникомъ своего королевства четырехъ-мѣсячнаго сына, и Фредегонда, не могшая бороться съ возстаніемъ своихъ враговъ, поручила этого младенца и самое-себя покровительству короля Гонтрана, прибывшаго къ пей въ Парижъ. Во время этой поѣздки, которая должна была доставить вліяніе на дѣла Нейстріи, Гонтрана волновали противополож-

(1) Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 257.

(2) Ibid.

(3) Ibid. — См. выше, пятый Разсказъ.

(4) Ibid.

(5) Ibid. — См. третій Разсказъ, стр. 70, смерть сотоварищей Меровига.

(6) Ibid.

(7) Ibid.

ныя чувствованія: радость, что онъ въ состояніи отплатить за все зло, причиненное ему Гильперикомъ, и горестъ, которую онъ, какъ добрый братъ, ощущалъ по его кончинѣ; недовѣрчивость къ обманчивой дружбѣ Фредегонды и необходимость оказать ей услугу, дабы утвердить за собой опеку надъ ея сыномъ и регентство надъ королевствомъ ⁽¹⁾. Съ одной стороны, честолюбіе удерживало его въ Парижѣ; съ другой—неопредѣленный страхъ побуждалъ сократить по возможности пребываніе въ этомъ городѣ, казавшееся ему опаснымъ; онъ игралъ роль покровителя и защитника Фредегонды и остерегался ея ⁽²⁾. Мысльность его приводила ему на память насильственный коѣнецъ его брата и племянниковъ, Меровига и Клодовига; особенно эти послѣдніе, погибшіе въ цвѣтъ лѣтъ и не причинившіе ему никакого зла, были предметомъ его мыслей, смѣшанныхъ съ опасеніями за самого себя и сътованіями о родственникахъ. Онъ безпрестанно говорилъ о нихъ, и жалѣлъ, что не можетъ по-крайней-мѣрѣ похоронить ихъ прилично, не зная мѣста, куда тѣла ихъ заброшены ⁽³⁾. Мысли эти побудили его собрать на этотъ счетъ справки, и вскорѣ слухъ о благочестивыхъ его розысканіяхъ разнесся по окрестностямъ Парижа. Одинъ селянинъ, прослышавъ о томъ, пришелъ въ королевское жилище, испрашивая дозволенія говорить съ королемъ и, бывъ къ нему допущенъ, сказалъ: «Если мнѣ отъ того не будетъ послѣ худо, то я укажу мѣсто, гдѣ лежить трупъ Клодовига ⁽⁴⁾».

Обрадованный этими словами, король Гонтранъ поклялся крестьянину, что не сдѣлаетъ ему никакого вреда, но напротивъ, если онъ докажетъ объявленное, то будетъ награжденъ дарами ⁽⁵⁾. Тогда человекъ этотъ продолжалъ: «О! король, я говорю правду, дѣло само докажетъ. Когда Клодовигъ былъ убитъ и погребенъ подъ кровлей часовни, то королева, опасаясь, чтобъ онъ со временемъ не былъ открытъ и похороненъ съ честію, приказала бросить его въ Марну. Я нашелъ его въ «неводѣ, который разставилъ, какъ надлежитъ по ремеслу моему, по тому-что я рыболовъ. Сначала не зналъ я, кто бы это былъ, но по тому-что по длиннымъ волосамъ догадался, что это Клодовигъ. Я взвалить его на плечи и отнесъ на берегъ, гдѣ похоронилъ и сдѣлалъ «надъ нимъ дерновую могилу. Прахъ его въ цѣлости; дѣлай теперь, «что хочешь ⁽⁶⁾».

Гонтранъ, подъ видомъ отпавленія на охоту, велѣлъ рыбаку проводить себя туда, гдѣ онъ воздвигнулъ дерновый холмъ ⁽⁷⁾. Разрывъ землю, нашли трупъ Клодовига, лежавшій на спинѣ и почти неповрежденный; часть волосъ, бывшихъ подъ нимъ, отдѣлилась отъ головы, но остальные, съ длинными висящими косами, на ней уцѣлѣли ⁽⁸⁾. По

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 295.

⁽²⁾ Ibid., стр. 316.

⁽³⁾ Ibid.

⁽⁴⁾ Ibid.

⁽⁵⁾ Ibid.

⁽⁶⁾ Ibid.

⁽⁷⁾ Ibid.

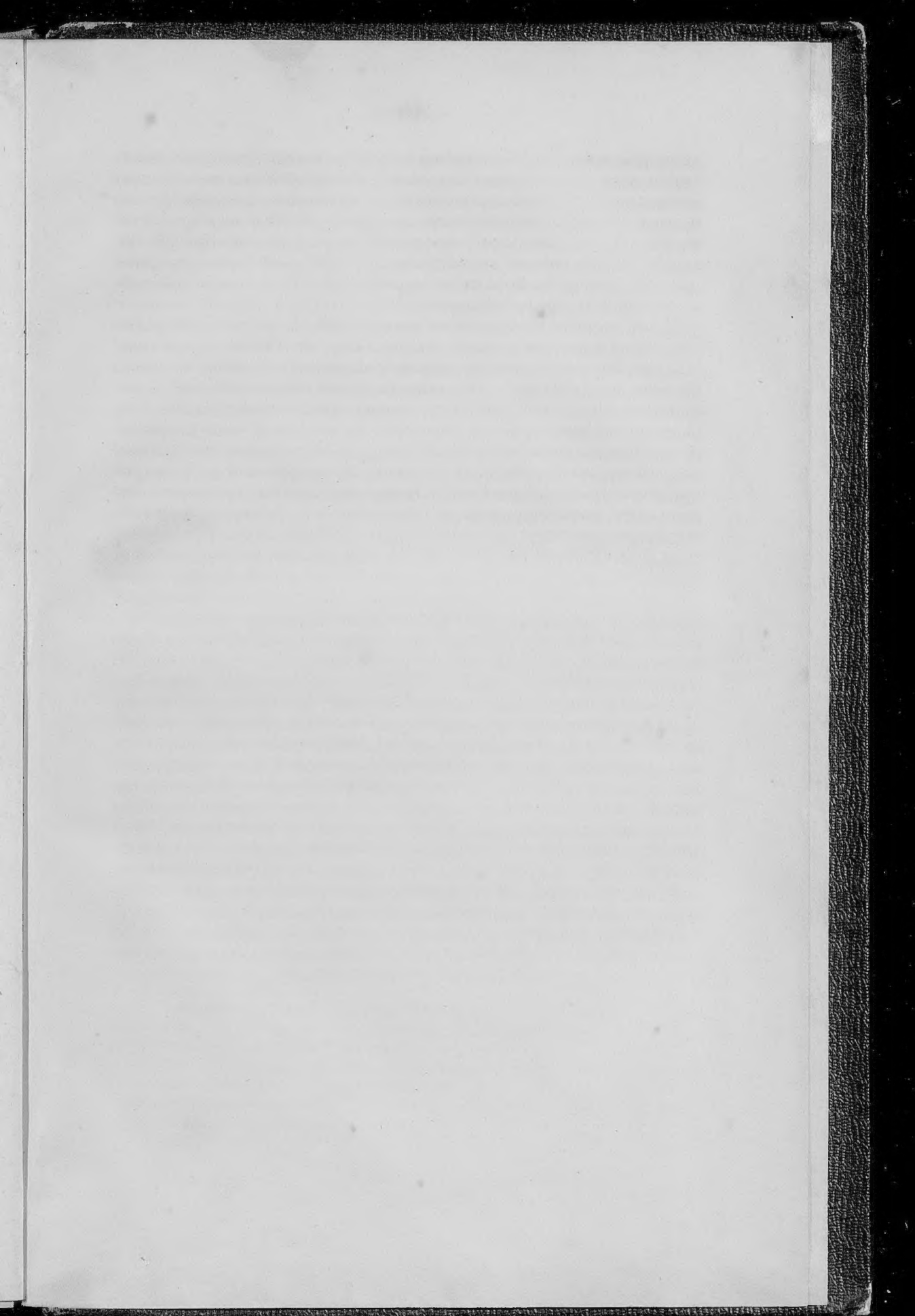
⁽⁸⁾ Ibid., стр. 317.

этому признаку, разсѣявшему всѣ сомнѣнія, король Гонтранъ узналъ сына своего брата, одного изъ тѣхъ, чьи останки онъ такъ желалъ отыскать. Онъ приказалъ великолѣпно похоронить молодого принца и, самъ предводя погребальнымъ шествіемъ, велѣлъ перенести тѣло въ базилику св. Винцента, что нынѣ Сен-Жермень-де-Прё ⁽¹⁾. Нѣсколько недѣль спустя, тѣло Меровига, отысканное близъ Теруанна, было перенесено въ Парижъ и погребено въ той же церкви, гдѣ также почивалъ и король Гильперикъ ⁽²⁾.

Храмъ этотъ былъ общимъ мѣстомъ погребенія для всѣхъ Меровинговъ, преимущественно тѣхъ, которые, бывъ похищены насильственною смертію, не могли сами избрать себѣ могилы. Каменный помостъ его еще существуетъ, и въ стѣнахъ зданія, нѣсколько разъ перестроеннаго, покоится еще прахъ сыновъ покорителей Галліи. Если рассказы эти имѣютъ какую либо цѣну, то усугубятъ уваженіе нашего времени къ древнему королевскому аббатству, нынѣ простой приходской церкви Парижа, и къ мыслямъ, на которыя наводитъ это мѣсто, болѣе тринадцати вѣковъ посвященное молитвѣ, прибавятъ, можетъ-быть, новое ощущеніе.

⁽¹⁾ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 317.

⁽²⁾ Ibid.

150x

